

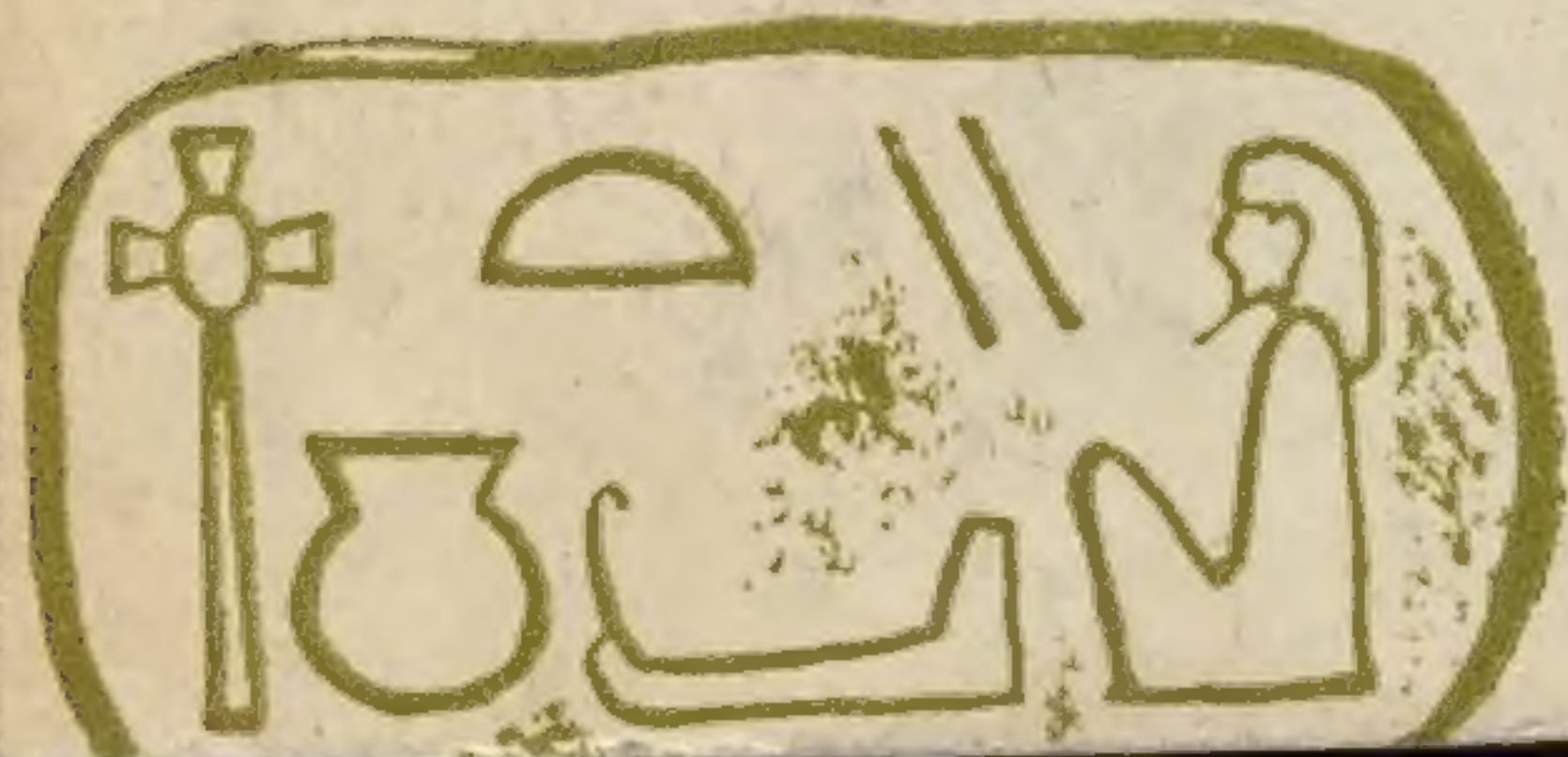
Handwritten script in a stylized, possibly invented or ancient, form, located in the top left corner of the book cover.

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУР ВОСТОКА

Handwritten script in a stylized, possibly invented or ancient, form, located in the top right corner of the book cover.

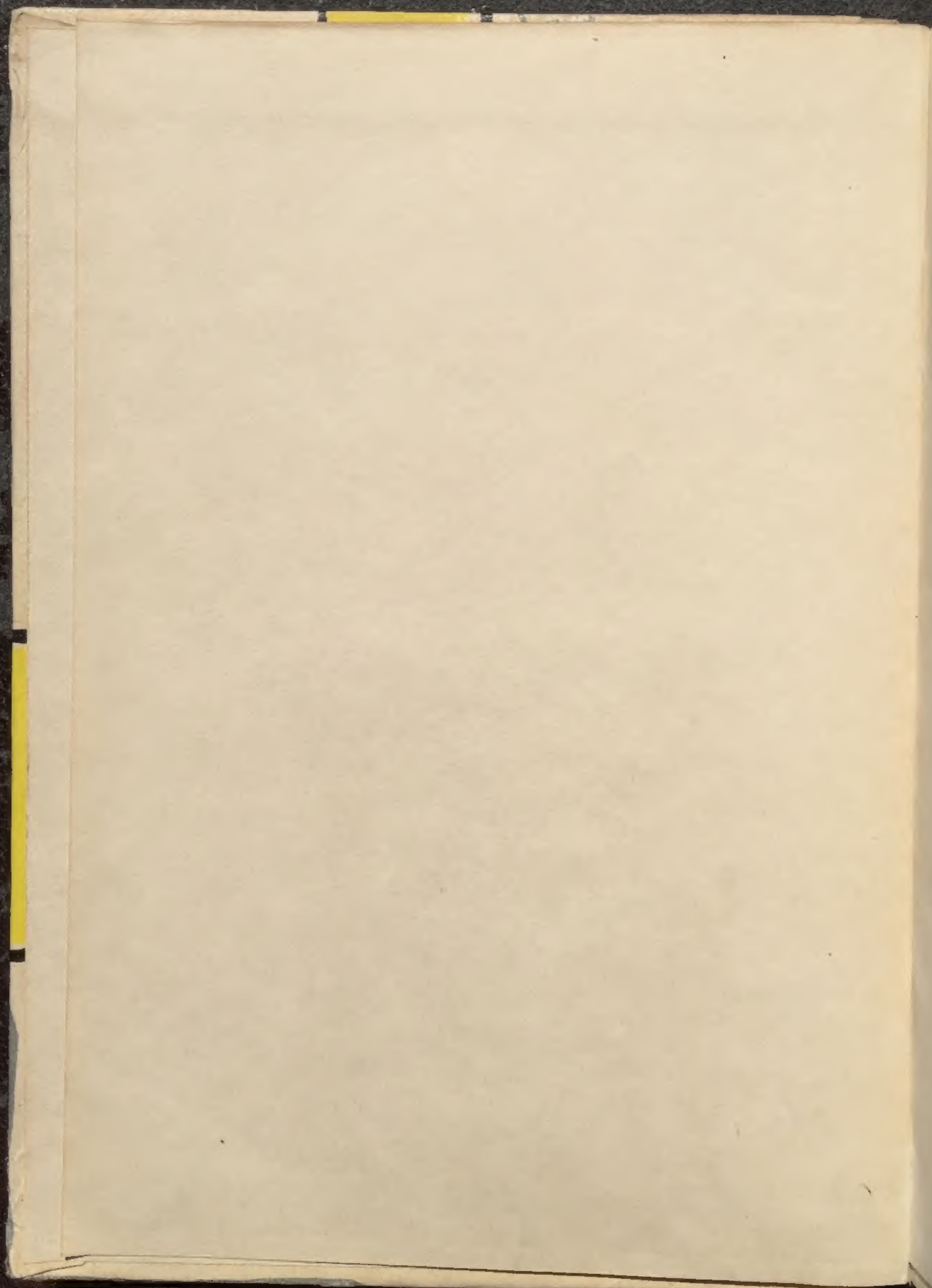

ЭРНСТ ДОБЛЬХОФЕР

ЗНАКИ И ЧУДЕСА

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

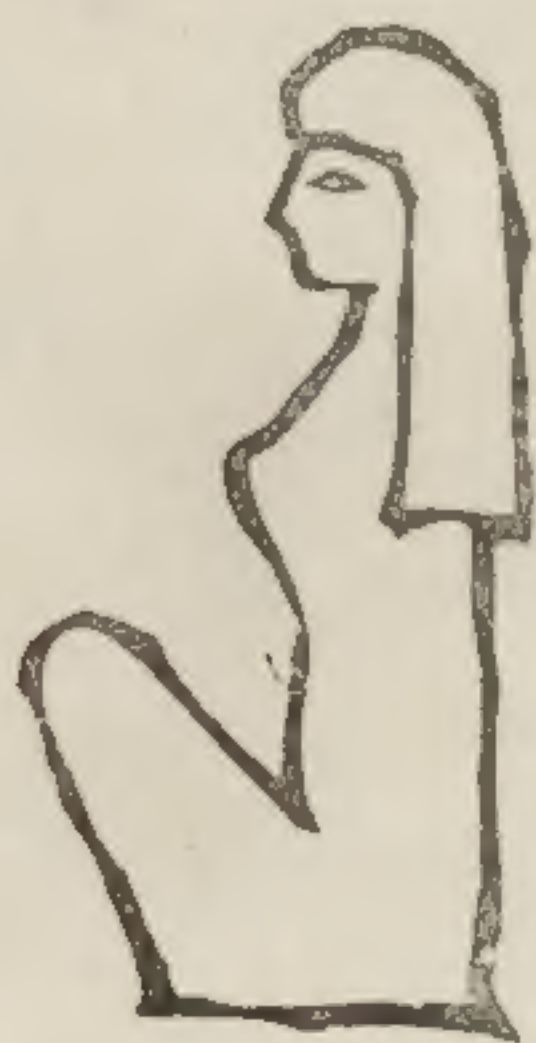

ИНСТИТУТ
НАРОДОВ
АЗИИ

ERNST
DOBLHOFER

ZEICHEN
UND
WUNDER

ЭРНСТ
ДОБЛ

ЗНА
И
ЧУ

РАССК
КАК
ДЕШЕ
ЗАБЫТ
ПИСЬМ
И ЯЗЫ

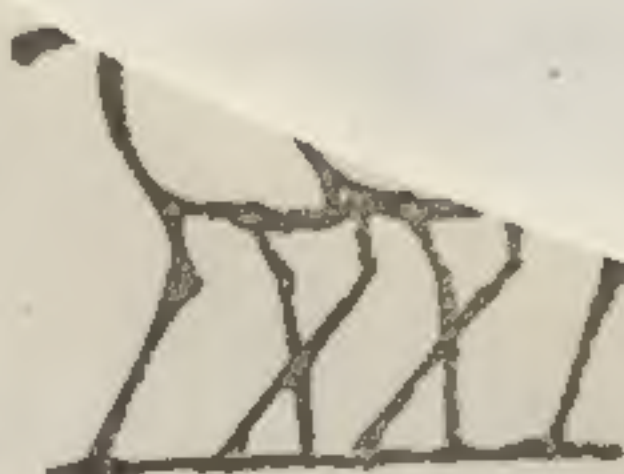
ЧИТА
Би
Держ

ИЗДАТЕ
ВОСТОЧ
МОСКВА

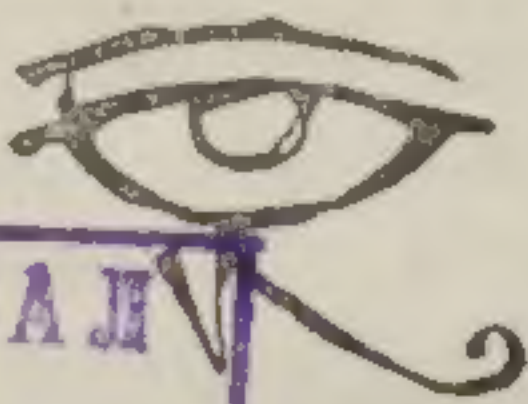
к
ЭРНСТ
ДОБЛЬХОФЕР

ЗНАКИ И ЧУДЕСА

РАССКАЗЫ О ТОМ,
КАК БЫЛИ
ДЕШИФРОВАНЫ
ЗАБЫТЫЕ
ПИСЬМЕНА
И ЯЗЫКИ

Эрнст
Добльхофер
ис
ск
бо
ду
об
д
т

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Библ. № 94
Дзержинского района

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

DC 1384

7Г

Перевод с немецкого
Г. М. БАУЭРА

Ответственный редактор
В. В. СТРУВЕ

Художник
Л. С. ЭРМАН

Если
странстве
ся новые
давшего
чества, и
ключи к
шлого.

Письм
этому ис
одна из
исследова
сказать,
бот посвя
ду — у н
обширном
дов письм
тия¹. Авт
рассматри
ных систе
первой и
вок, посвя
египтолог

¹ В. А.
² Специ
санная книг
лась для де
³ Ж.-Ф.
вод, редакц

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
I. Кое-что о письменности. Вместо введения	20
II. Загадка Сфинкса. Дешифровка египетской письменности	51
III. Ахурамазда помог мне. Дешифровка древнеперсидской клинописи	108
IV. Куда ни кинь, всюду клин! Дешифровка месопотамских клинописей	146
V. Клин и рисунок в стране Хатти. Объяснение языка хеттских клинописных табличек и дешифровка хеттских иероглифических надписей	180
VI. «Укропный мыс» в «Белой гавани» и Губла, город бумаги. Дешифровка угаритского и гублского языков	248
VII. О богах и торговцах. Дешифровка кипрского слогового письма	279
VIII. Боевая колесница и кубок. Дешифровка крито-микенского линейного письма Б	293
IX. Принц Кюль-тегин, Бильге-каган и мудрый Тоньокук. Дешифровка древнетюркской рунической письменности	332
X. Завтрашний день дешифровки. Письменность этрусков, долины Инда и острова Пасхи	360
Список иллюстраций	384

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если в XV и XVI веках открывались новые миры в пространстве, то в XIX и XX открывались и открываются новые миры во времени. С начала XIX века, века, создавшего предпосылки для рождения нового бытия человечества, исследователи различных наций стремились найти ключи к тайнам преданных забвению знаков далекого прошлого.

Письмо является основой всех цивилизаций мира, и поэтому история дешифровки древних письменных систем — одна из актуальнейших проблем, которые ставит перед исследователем историческая наука. К сожалению, нельзя сказать, чтобы наша советская историография много работ посвятила данной теме. Лишь совсем недавно — в 1961 году — у нас впервые была сделана попытка выяснить на обширном материале условия происхождения различных видов письменности, проследить основные этапы ее развития¹. Автор книги по истории письма В. А. Истрин попутно рассматривает и дешифровку некоторых забытых письменных систем². Дешифровке древнеегипетских писем, самой первой и бесспорно самой блестящей в истории дешифровок, посвящен большой раздел в книге об основоположнике египтологии, гениальном Ж.-Ф. Шампольоне³.

¹ В. А. Истрин, *Развитие письма*. М., 1961.

² Специально истории дешифровок посвящена талантливо и живо написанная книга покойного проф. Б. В. Казанского, однако она предназначалась для детей; см. Б. В. Казанский, *Разгаданная надпись*, Л., 1931.

³ Ж.-Ф. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица [М.—Л.], 1950, стр. 98—241.

Из переводной литературы нужно упомянуть, к сожалению, не свободную от ошибок книгу чешского ученого Честмира Лоукотки «Развитие письма», в которой затронута и проблема дешифровки. Достоинством книги следует считать то, что в ней содержится глава о письменах древней Америки¹.

В 1961 году наша литература по истории раскрытия тайн письма древних народов обогатилась переводом книги выдающегося немецкого ученого Иоганнеса Фридриха².

Несмотря на большую ценность работы И. Фридриха, нельзя не приветствовать перевод и другого труда, предметом которого также является история героических усилий гениальных исследователей, заставивших заговорить, казалось, навеки умолкнувшие древние письменные памятники, — книги Эрнста Добльхофера «Знаки и чудеса». Эта работа отличается от книги И. Фридриха в основном тем, что история дешифровок изложена в ней более популярно. Кроме того, Добльхофер рассматривает отдельные вопросы, которых не касается Фридрих. Так, Добльхофер в I главе своей монографии затрагивает проблему зачатков письма, которые восходят, пользуясь нашей терминологией, к первобытнообщинному строю; он рассказывает о «предметном письме», обнимающем собой бирки, шнурки с узелками, жезлы послов, пояса вампум североамериканских индейцев и т. д.

Поскольку предметное письмо дает слишком много возможностей для интерпретации, оно сменяется пиктографией — рисуночным письмом, которое может удовлетворить членов небольшого коллектива в потребности общения. Автор отмечает единичные случаи использования подобного письма и в условиях цивилизации. Он вполне обоснованно полагает, что в связи с объединением человечества в многочисленные коллективы создается необходимость расширения письменного общения, рождается потребность в твердой, установленной для большого количества людей форме письменных знаков. Автор прослеживает этот процесс на примере развития шумерского письма «от рисунка к клино-

¹ Ч. Лоукотка, *Развитие письма*, перевод с чешского Н. Н. Соколова. М., 1950.

² И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, перевод с немецкого И. М. Дунаевской, М., 1961. Русское издание содержит приложение, автором которого является И. М. Дьяконов.

писи». Здесь, в Южном Двуречье, отход от первоначального образа знаков-рисунков был ускорен под воздействием материала для письма — глины, на которой особенно хорошо получались клинописные знаки. Приводится и другой пример изменения рисуночного облика знаков письма под влиянием писчего материала: в Египте увековеченное на камне иероглифическое письмо теряло свою конкретную образность, будучи перенесенным на папирус, являвшийся предтечей нашей бумаги и породивший курсивные знаки с округлыми формами.

Подобное ознакомление с зачатками письменности, которое необходимо для понимания систем письма, возникающих в условиях цивилизации, — бесспорная заслуга автора. Вместе с тем читателю следует знать, что в I главе имеются и некоторые недочеты; они обусловлены тем, что автор рассматривает один путь развития письма, который закончился созданием алфавитного письма Ближнего Востока и Греции. Добльхофер совершенно не говорит о развитом идеографическом письме, нашедшем величественное завершение в идеографическом письме Китая. Он описывает только зачатки идеографического письма и указывает на его распространение лишь среди эскимосов и индейцев Северной Америки, а также в Африке и Океании, то есть в коллективах, пребывающих в условиях первобытнообщинного строя.

Конечно, Добльхофер может возразить против включения в свой труд упоминания о китайском письме, поскольку последнее не было забыто, а работа его посвящена забытым письменам. Тем не менее автору книги, затрагивающей проблему происхождения письма, следовало коснуться наряду с письмом, обращенным ко всем представителям народности независимо от образовательного ценза, и того письма, которое обращается к образованным слоям общества независимо от их народности. (Вспомним, что великий Лейбниц называл идеографическое письмо Китая «пасиграфией», то есть «письмом для всех».) Если бы Добльхофер остановился на особенностях китайского письма, ему было бы легче защитить во II главе филолога XVII века Афанасия Кирхера от обвинения в том, что он без каких-либо оснований следовал «бредовым идеям» Гораполлона, писателя V века, и завел в тупик дешифровку египетского письма. Афанасий Кирхер, будучи знаком с китайской идеографической письменностью, полагал, что Гораполлон был вполне прав, ког-

да в своем трактате о египетском нероглифическом письме объявил египетские нероглифы идеограммами, а не фонетическими знаками. Привлечение идеографического письма Китая содействовало бы лучшему осознанию автором того пути, каким шел Афанасий Кирхер при интерпретации нероглифических надписей Египта.

В основной части своей книги Э. Добльхофер обстоятельно излагает процесс дешифровки древних письменных систем Египта, Ирана, Южного Двуречья, Малой Азии, Угарита, Библа, Кипра, крито-микенского линейного письма и древнетюркской рунической письменности. Таким образом, здесь рассмотрены дешифровки почти всех забытых в течение веков письменных систем древности, за исключением очень немногих — например нумидийского алфавитного письма. Вероятно, это было отчасти обусловлено тем, что дешифровка этого письма в методическом отношении не представляла большого интереса. Действительно, наличие многочисленных личных имен в пуническо-нумидийских и латино-нумидийских билингвах дает возможность установить без больших трудов весь нумидийский алфавит. Кроме того, для исторической науки результаты этой дешифровки имели лишь небольшое значение. Так, согласно Фридриху, «нумидийские надписи, как одноязычные, так и многоязычные, ограничиваются перечислением имен и не содержат каких-либо других данных»¹.

Добльхофер включил в свою книгу описание пути, которым пришел к «объяснению» хеттских клинописных табличек знаменитый чешский ученый Б. Грозный. Термином «объяснение» Добльхофер обозначает процесс установления неизвестного языка, на котором составлен текст, зафиксированный письмом, уже известным², в противоположность дешифровке, имеющей целью определить не только язык, но также и письмо какого-нибудь древнего текста. Правда, нужно отметить, что Добльхофер не вполне последовательно применяет предложенный им термин «объяснение». Действительно, в самом начале V главы (стр. 180) он правильно противопоставляет «объяснение» хеттских клинописных текстов «дешифровке»

¹ И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 124

² И. Фридрих применяет термин «Deutung» («толкование») для установления языка текста, письмо которого известно. И. М. Дунаевская в своем переводе книги Фридриха передает этот термин словом «интерпретация»

хеттского иероглифического письма, а далее (стр. 207) заявляет, что чтение Грозным одного предложения в хеттском клинописном тексте стало «краеугольным камнем дешифровки», и сопоставляет это чтение с дешифровкой Шампольона и Гро-тефенда.

В самом деле, можно безоговорочно признать громадную роль указанного чтения Б. Грозного, ибо оно легло в основу его замечательного открытия — установления принадлежности языка хеттских клинописных табличек к индоевропейской группе. Вместе с тем оказалось, что индоевропейский язык хеттских клинописных текстов родственен языку хеттских иероглифических надписей и может благодаря этому содействовать завершению дешифровки последних. Данным обстоятельством и была обусловлена некоторая нечеткость Добльхофера в использовании терминов «объяснение» и «дешифровка» применительно к установлению Б. Грозным языка хеттских клинописных текстов. Несомненно, автор имел ясное понятие о различии, существующем между процессом установления языка хеттских клинописных табличек, письмо которых было известно, и дешифровкой хеттских иероглифических надписей, письмо которых являлось столь же загадочным, как и их язык. Об этом свидетельствует и подзаголовок V главы «Объяснение языка хеттских клинописных табличек и дешифровка хеттских иероглифических надписей».

Автор со всей обстоятельностью описывает последовательные стадии дешифровки хеттского иероглифического письма, обнимающей ряд десятилетий. Чтения, к которым пришли за эти годы такие крупные ученые, как Мериджи, Грозный, Гельб, Форрер, Боссерт, блестяще подтвердились после 1947 года, когда в Киликии, на холме Каратепе, немецкий ученый Х. Т. Боссерт нашел наконец долгожданную двуязычную надпись. Одна версия билингвы была составлена на финикийском языке¹, другая же написана хеттскими иероглифами. Иногда значение этой билингвы уподобляли той роли, которую сыграла в истории дешифровки египетского иероглифического письма надпись из Розетты. Добльхофер, как и Фридрих², отвергает это сравнение, поскольку надпись из Кэ-

¹ Финикийская версия билингвы переиздана у нас И. Н. Винниковым (*Вновь найденные финикийские надписи*, — «Эпиграфика Востока», V, 1951, стр. 121—133) с ценными уточнениями.

² И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 110.

ратепе, в противоположность Розеттскому камню, знаменует собой не начало дешифровки хеттских иероглифов, а, наоборот, ее завершение. Добльхофер остроумно сравнивает научное значение надписи из Каратепе со значением другого трехязычного памятника Египта, а именно Канопского декрета Птолемея III. Действительно, и тот и другой эпиграфический памятник стал, говоря словами автора (стр. 238), «пробным камнем, испытание на котором подтвердило правильность важнейших открытий в области дешифровки, своеобразной „гербовой печатью“, которой наука скрепила документ, удостоверявший, что вся проделанная работа была не напрасной».

VIII глава книги Добльхофера заслуживает среди прочих глав особого внимания, так как она посвящена одному из последних по времени достижений в области дешифровок — дешифровке в 50-х годах так называемого крито-микенского линейного письма «Б». И. Фридрих в 1954 году, когда он опубликовал свою книгу, еще не решался безоговорочно признать незадолго до этого предложенное чтение, а поэтому опустил описание этого крупнейшего открытия, в результате которого стало возможно чтение линейного письма «Б», современного древнейшему периоду классовой истории греческого народа¹.

Э. Добльхофер обстоятельно и любовно излагает историю великого подвига, совершенного Майклом Вентрисом. Он отмечает, что творческие силы молодого английского исследователя были некоторое время скованы догматическим положением, господствовавшим в исторической науке предшествующих десятилетий, когда, говоря словами Добльхофера, «даже думать о греческом языке считалось ортодоксальной историей и археологией чуть ли не ересью» (стр. 310). В этом отношении трудности, стоявшие на творческом пути Вентриса, напоминают несколько те преграды, которые должен был преодолеть гений Шампольона, чтобы прочесть преданные забвению иероглифические письмена Египта. В самом деле, Шампольон, руководствуясь указаниями Гораполлона и его последователей, видел в иероглифах Египта исключительно одни идеограммы, а Вентрис, следуя указаниям историков пред-

¹ См. послесловие И. М. Дьяконова к русскому изданию книги Фридриха, в основу которого легла работа J. Chadwick, *The Decipherment of Linear B*. Cambridge, 1958. Очень ценным для проблемы дешифровки линейного письма «Б» является труд С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., 1957.

шествующих десятилетий, мог допустить для письма глиняных табличек Греции и Крита только «возможность „эгейского“ и этрусского чтения слов». Лишь освободившись от пут прошлого, Шампольон и Вентрис смогли открыть новые миры в истории человечества.

Добльхофер, отмечая все величие открытия Вентриса, вместе с тем подчеркивает, какое значение для молодого ученого, не являвшегося квалифицированным филологом, имела та громадная помощь, которую ему оказал специалист в области классической филологии Джон Чэдвик, также рано заинтересовавшийся письмом глиняных табличек Крита. В своей книге Добльхофер сумел показать все обаяние и скромность Джона Чэдвика, который неизменно повторял, что раскрытие тайны до того неизвестного письма и языка крито-микенских табличек является исключительно заслугой Вентриса.

Правильность дешифровки Вентриса подтвердилась после раскопок 1953 года в Пилосе. Американский археолог Карл У. Блеген среди табличек, найденных в развалинах громадного дворца микенской эпохи, открыл своеобразную билингву. Она содержала крито-микенский текст, перечисляющий, согласно дешифровке, различные сосуды: треножники, кувшины с тремя и четырьмя ушками и кувшины без ушек, причем текст сопровождался соответствующими рисунками¹. Таким образом, эту невзрачную табличку из Пилоса можно с полным основанием сравнивать с Канопским декретом и билингвой из Каратепе.

Подтверждая ту оценку познавательного значения пилосской таблички, которую дал Добльхофер, я никак не могу согласиться с его определением назначения всей совокупности документов хозяйственной отчетности, раскопанных Блегеном во дворце Пилоса. По мнению Добльхофера, эти таблички в своей массе являются временными, подсобными картотеками, которые, вероятно, через определенные промежутки времени, возможно, к концу каждого отчетного года, переносились в списки и описи, а затем уничтожались (стр.

¹ Полагаю, что надлежит весьма положительно оценить включение Добльхофером таблицы (стр. 321), составленной венским исследователем В. Марлингеном. Текст пилосской таблички, изданной Блегеном, разложен в ней на графы, в которых каждый из перечисленных сосудов описан в отдельности. Рядом со словесным описанием сосуда в особой графе воспроизведено его изображение, сделанное древним пилосским писцом.

324). Я полагаю, что подобное утверждение не может быть согласовано с той практикой, которая применялась в древности по отношению к архивному материалу. Как нам известно по дошедшим до нас документам из храмовых и государственных архивов Шумера, в последних хранились не только «списки и описи», но также и сами документы хозяйственной отчетности ряда десятилетий. Тот факт, что во дворце Пилоса были раскопаны таблички, восходящие лишь к одному году, свидетельствует не об уничтожении документов хозяйственной отчетности в конце каждого отчетного года, но, как я думаю, о другом, также весьма важном факте. Очевидно, в самом дворце, в канцелярии правителя, хранились лишь документы текущего года или, самое большее, последних двух-трех лет (возможно, эти документы были необходимы для справок). Документы же предшествовавших годов передавались в специальные архивы, в которых они оставались в течение десятилетий.

Волею судеб раскопки в Лагаше, Умме, Уре и других городах Шумера открыли нам архивы, где хранились документы, отражавшие хозяйственную жизнь прошлых десятилетий, а раскопки в Пилосе подарили исторической науке документы хозяйственной отчетности текущего года. Поскольку на этих пилосских табличках не отмечен год их составления, они, вероятно, будучи переданными в архив, хранились там в корзинах или кувшинах, на которых была соответствующая датировка. Можно надеяться, что в недалеком будущем в Греции откроют подобные архивы, датированные микенской эпохой, а в Шумере найдут собрания документов, еще не включенных в состав архива и хранившихся во дворце правителя.

Следует специально остановиться на IX главе. Она посвящена дешифровке древнетюркского рунического письма, которое было увековечено на величественных каменных памятниках, воздвигнутых в VIII веке в долине Орхона, южнее Байкала (теперь это территория Монгольской Народной Республики). Нужно отметить, что области Центральной Азии, ныне входящие в состав СССР или в состав соседних государств, являются родиной громадного большинства тюркских народов, а поэтому все, что имеет отношение к культуре последних, не может не привлечь нашего внимания. Особый интерес русского народа к тюркским обусловлен еще и тем, что судьбы этих народов были издавна связаны. В то же время

интерес
асфера
время
закон
послал
на об
Письм
ли созд
точных
Китай
После
ским импер
н.к. Когда
путь, то ег
императ. ра
ый памяти
уже. На
двуязычные
тыке, а дру
Величествен
преданы за
ских тюрков
Открытие
на является
ка Н. М. Я
малоизвестн
лись две эк
лет А. Гейк
ского учено
в нашей ст
ции и самог
ликованы р
ших атласо
ла дана во
тяжелой, по
рагаданион
на Орхона
Дешифр
ством, что

История
С. Е. Малов

интерес к тюркам на Западе был вызван, по мнению Добльхофера, противоположными обстоятельствами: там долгое время о тюрках совершенно ничего не знали, да и теперь еще знают чрезвычайно мало. В связи с этим Добльхофер и предпослал своему изложению дешифровки древнетюркского письма обстоятельный исторический экскурс.

Письменные памятники, найденные в долине Орхона, были созданы в результате тесной дружбы, связывавшей восточных тюрков при Бильге-кагане и его брате Кюль-тегинне с Китаем.

После смерти Кюль-тегина Бильге-каган вместе с китайским императором соорудили роскошный надгробный памятник. Когда же и сам Бильге-каган завершил свой жизненный путь, то его престолонаследник, при содействии китайского императора, воздвиг над его могилой столь же величественный памятник, который, к сожалению, сохранился немногим хуже. На обоих надгробных памятниках были начертаны двужычные надписи: одни — иероглифами на китайском языке, а другие — неизвестным письмом на неизвестном языке. Величественные эпиграфические памятники были разбиты и преданы забвению после 745 года, когда государство орхонских тюрков разгромили уйгуры.

Открытие для науки двужычных надписей долины Орхона является заслугой сибирского краеведа и путешественника Н. М. Ядринцева, который в 1889 году обследовал эту малоизвестную область. В следующем году туда направились две экспедиции: одна — во главе с финским исследователем А. Гейкелем, другая — под руководством знаменитого русского ученого В. В. Радлова, основоположника тюркологии в нашей стране, включившего в число участников экспедиции и самого Н. М. Ядринцева. Уже в 1892 году были опубликованы результаты обеих экспедиций в виде двух больших атласов со снимками всех надписей. Таким образом была дана возможность ученым всего мира принять участие в тяжелой, но увлекательной работе по дешифровке еще не разгаданного письма на эпиграфических памятниках долины Орхона и Енисея¹.

Дешифровка была несколько облегчена тем обстоятельством, что китайский текст надписей был к тому времени

¹ История исследования орхонско-енисейских надписей четко изложена С. Е. Маловым (*Памятники древнетюркской письменности*, М., Л., 1951).

уже прочитан и из него можно было узнать имена правителей, создавших памятники, а также название народа, к которому принадлежали эти правители. Вместе с тем следует подчеркнуть, что орхонские эпиграфические памятники не являются билингвами в точном смысле этого слова. Об этом свидетельствовало уже сравнение размеров китайской надписи и соответствующей ей надписи, составленной неизвестным писцом: первая была раза в три-четыре короче второй. Поэтому на пути дешифровщика двуязычных орхонских надписей стояли большие трудности, которые мог полностью преодолеть лишь всесторонне подготовленный лингвист, обладавший обширными знаниями в области различных языков, в том числе и тюркских.

Таким исследователем был датский ученый, профессор кафедры сравнительного языкознания в Копенгагенском университете Вильгельм Томсен, и «25 ноября 1893 г. ему удалось, — говоря словами С. Е. Малова, — уже найти полный ключ ко всему алфавиту этих до того не известных надписей с берегов Енисея и Орхона»¹. Конечно, столь быстрого успеха в деле дешифровки орхонских надписей В. Томсен мог добиться, лишь опираясь на априорное предположение, перешедшее скоро в уверенность, по мере изучения данных китайского текста этих памятников, что язык, на котором были составлены эти неизвестные надписи, входил в состав группы тюркских языков. Близость тюркских языков между собой — большая, нежели близость языков в пределах индоевропейской группы, — тоже содействовала поразительно быстрому успеху дешифровки В. Томсена. Издатель орхонских надписей русский ученый В. В. Радлов, также исходя из положения о тюркском характере языка надписей, определил к осени 1893 года около 15 алфавитных знаков (из 38). Подобное отставание В. В. Радлова было обусловлено тем обстоятельством, что он, будучи общепризнанным авторитетом в области тюркской филологии, не являлся вместе с тем специалистом в области лингвистики, подобно его датскому коллеге В. Томсену.

Поэтому читатель настоящей книги должен полностью согласиться с ее автором Э. Добльхофером в том, что дешифровка орхонских надписей — безусловно заслуга В. Томсена. Вместе с тем никак нельзя не возразить автору, когда

¹ Там же, стр. 12.

он приписывает
надписи
татарам
В. В. Радлову
ном древнем
перевод
братом
тюркский
данный, ко
це 1894 г.
на памят
енисейский
1895 году
лее ранний
Подоб
шей книги
кому учен
исследоват
да, во имя
феру надо
в его книг
В посл
шифровки»
ми пробле
менных па
го времени
блема, деш
наконец, та
Первая
перед наук
новлен этру
этрасская п
совершенно
интерес к и
но связанно
Подобну
причинами.
¹ В данно
шифровка заб
так и на засл
знаков угаритс

он приписывает первую интерпретацию больших орхонских надписей также Томсену. Дело в том, что первым интерпретатором этих ценнейших исторических источников был В. В. Радлов, который, ознакомившись с открытым В. Томсеном древнетюркским алфавитом, уже в 1894 году дал первый перевод надписи памятника, воздвигнутого Кюль-тегину его братом (к этому переводу В. В. Радлов приложил древнетюркский текст с латинской и русской транскрипцией). В издании, которое было опубликовано тремя выпусками в конце 1894 года и в 1895 году, был дан второй перевод надписи на памятнике Кюль-тегину, а также перевод других орхон-енисейских надписей. В. Томсен издал свой перевод лишь в 1895 году. К сожалению, Э. Добльхофер не упомянул о более ранних переводах В. В. Радлова.

Подобную же несправедливость допустил автор настоящей книги, приписав дешифровку угаритских текстов немецкому ученому Г. Бауэру и забыв о заслугах французских исследователей Э. Дорма и Ш. Виролло (глава VI)¹. Правда, во имя справедливости по отношению к самому Добльхоферу надобно признать, что случаи необъективной оценки в его книге являются исключением.

В последней, X, главе, названной «Завтрашний день дешифровки», автор знакомит читателя с тремя существенными проблемами в области толкования и дешифровки письменных памятников, которые, к сожалению, и до настоящего времени остались еще не решенными: это этрусская проблема, дешифровка письма древних народов долины Инда и, наконец, тайна письма острова Пасхи.

Первая из трех проблем, этрусская, уже веками стоит перед наукой. За это долгое время был окончательно установлен этрусский алфавит и таким образом расшифрована этрусская письменность, однако язык этрусков по-прежнему совершенно не поддается объяснению, несмотря на острый интерес к истории и культуре этрусского народа, столь тесно связанного с великим Римом.

Подобную неудачу пытаются объяснить несколькими причинами. Одна из них — это отсутствие большой билинг-

---

¹ В данном вопросе И. Фридрих более объективен. Он указывает (*Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 95) как на заслуги Бауэра, так и на заслуги Дорма и Виролло и отмечает, что Бауэру удалось из 30 знаков угаритского алфавита прочесть 17.

вы. Однако следует отметить, что и при отсутствии билингв были дешифрованы и объяснены тексты Библа, Угарита, Крита и Пилоса, да и толкование хеттского иероглифического письма протекало в общем успешно, хотя в течение длительного времени наука не располагала обширным двуязычным памятником.

Указывается также на незначительное количество дошедших до нас больших надписей¹. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с подобным объяснением безуспешного толкования этрусских текстов. В самом деле, наука имеет в своем распоряжении не меньше обширных этрусских надписей, нежели так называемых гублских (протобиблских) эпиграфических памятников², а последние были тем не менее дешифрованы и прочитаны в сравнительно короткое время французским исследователем Э. Дормом. Стало быть, основная причина, очевидно, таит в себе условия, препятствующие применению той методики, которая в ряде случаев успешно использовалась при толковании текстов, письмо которых было или стало известным. Эта методика предопределяет два способа, из которых первый — так называемый комбинаторный — есть метод объяснения и толкования текста на основании тех закономерностей, которые могут быть выведены из самого текста, хотя и читаемого, но непереводаемого. Комбинаторный метод применяется и при дешифровке еще не читаемых текстов, поскольку он полагается на умозаключения, сделанных при помощи наблюдений над строением различных групп знаков, независимо от их фонетической значимости. Второй способ толкования — этимологический — сводится к сопоставлению слов объясняемого текста со словами предполагаемого родственного языка.

По отношению к этрусским текстам пока применим лишь комбинаторный способ, но, к сожалению, следует признать вместе с исследователями, обладающими должной методической осторожностью, что использование его не приведет к ощутимым результатам. Что же касается второго способа

¹ На этом обстоятельстве останавливается И. Фридрих (*Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 141).

² «Гублским» Добльхофер называет письмо (стр. 272), созданное в Библе (на севере финикийского побережья) в начале II тысячелетия до н. э. Фридрих (*Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 136) именует его «протобиблским».

толкования, этимологического, то он не может быть применен в данном случае, поскольку язык этрусских текстов, как правильно утверждает Добльхофер, является совершенно изолированным и до сих пор еще не включен в какую-нибудь известную науку группу языков.

Наиболее ярким доказательством изолированности этрусского языка служат надписи на двух игральных костях, которые найдены при раскопках в 1848 году. На всех их шести сторонах было вырезано по одному слову, и единственное вероятное предположение заключается в том, что эти шесть слов являются именами числительными от «одного» до «шести», однако исследователи, несмотря на все усилия, до сих пор не смогли установить, какому числу соответствует каждое отдельное слово.

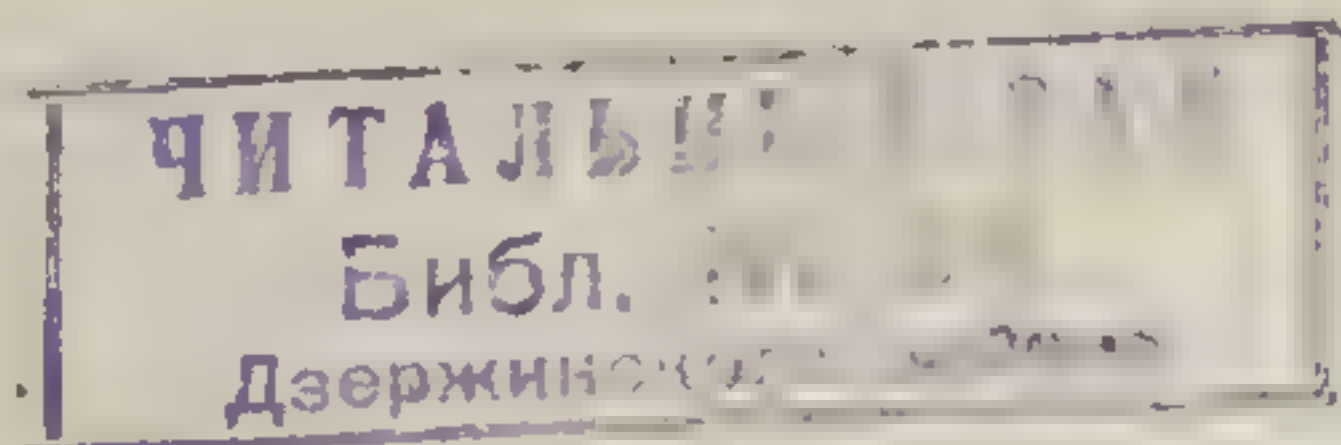
Изолированность этрусского языка и надлежит вместе с Добльхофером объявить главной причиной столь неизменных неудач при попытках толкования этрусских текстов, ибо все известные нам успехи при объяснении дешифрованных текстов были достигнуты в том случае, если язык последних принадлежал к хорошо изученной семье языков. Так, например, объяснению вавилонских, ассирийских, угаритских и гублских текстов эффективнейшим образом содействовала семитология, а объяснению клинописных надписей — Ахеменидов — иранистика.

Некоторые затруднения, возникшие при толковании египетских текстов, были обусловлены тем обстоятельством, что египетский язык содержит элементы так называемых хамитских языков, которые, в противоположность семитским языкам, весьма существенно отличаются друг от друга¹.

В таком же положении, как толкование этрусских текстов, находится толкование мероитских надписей — письменности, созданной в государстве, которое сложилось незадолго до начала нашей эры к югу от Египта. Мероитское письмо дешифровано английским египтологом Ф. Гриффитом, но толкование надписей почти не продвинулось, так как пока не установлена близость мероитского языка с другими языками.

Между тем изучение шумерского языка, столь же изолированного, как и языки этрусский и мероитский, достигло

¹ О строе египетского языка см.: Н. С. Петровский, *Египетский язык*, Л., 1958; М. А. Коростовцев, *Египетский язык*, М., 1961.

значительных результатов. Условия, создавшие возможность для успешного толкования шумерских текстов, были подготовлены несколько тысячелетий назад в писцовых школах Вавилонии и Ассирии. При раскопках были найдены древние учебники шумерского языка, игравшего в школах Вавилонии и Ассирии ту же роль, что и латинский язык в монастырских школах средневековой Европы.

Раскопки в Италии не подарили науке подобных учебников для изучения этрусского языка, а может быть, они никогда и не существовали, поскольку для чтения текстов, написанных алфавитным письмом, не требуется сложных пособий.

Следует отметить в качестве некоторого недочета книги Добльхофера, что в ней не упоминается об интереснейшей попытке исследователя Ольши найти для самого пространного из известных нам этрусских текстов, для так называемой пелены из Загреба, параллельные итальянские тексты. Этот важнейший письменный памятник был предположительно истолкован как собрание молитв к различным богам, имена которых в них упоминаются. За каждой из молитв следует небольшой, казалось, отличный от молитв текст. Подобное же сочетание молитв к различным богам пантеона с последующим небольшим самостоятельным текстом засвидетельствовано в двух итальянских памятниках — умбрском и латинском. В них следующие за молитвами тексты содержат указания, связанные с правилами ритуала жертвоприношения, а поэтому есть основание предположить, что и на загребской пелене тексты, сопровождающие молитвы, имеют отношение к предписаниям жертвенного ритуала. Толкование Ольши свидетельствует о том, что «ему, по-видимому, все-таки удалось открыть новый путь проникновения в этот труднодоступный язык»¹.

Конечно, до подлинного понимания этрусских надписей еще далеко, и этрусская письменность пока должна быть причислена к тем письменным системам, которые ждут, подобно письменности древних городов долины Инда, своего толкователя или дешифровщика. К сожалению, Добльхофер, рассказывая о попытках расшифровать письмо этих городов, почти не коснулся дешифровки, предложенной Б. Грозным в 1939 году. Это тем более прискорбно, что Добльхофер,

¹ И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 145.

ничего не было
ученого, а
Оценивая
его любовное
лям, которые
тых в течение
наши знания об
стом и талантли
конкретности гер
ная с Жана-Фра
рисом. Читатель
исследователей.

Э. Добльхофер
юного ученого Ге
объятный мир к
гию престарелого
теля в области
памятников Мало

С особой люб
щенную трудов
ского ассириоло
ение и в дешифр
в юности бывший
благодаря выда
люблю.

Думается, у
Э. Добльхофера

¹ Исследование Б
ся некоторые сущест
тоиндийских письмен
стр. 51—58)

ничего не говоря о содержании работы великого чешского ученого, в сьме пренебрежительного относится к его выводам¹.

Оценивая труд Э. Добльхофера, надлежит подчеркнуть его любовное отношение к высокоодаренным исследователям, которые посвятили свою жизнь раскрытию тайн забытых в течение тысячелетий писем и тем самым расширили наши знания об истории цивилизации человечества. В простом и талантливом изложении автора выступают во всей конкретности герои его книги, открывшие новые миры, начиная с Жана-Франсуа Шампольона и кончая Майклом Вентрисом. Читатель переживает и муки и радости творчества исследователей, которые смело шли неизведанными путями.

Э. Добльхофер сумел отразить и неудержимый энтузиазм юного ученого Георга Гротефенда, проложившего путь в необъятный мир клинописных текстов, и неиссякаемую энергию престарелого Арчибалда Сейса, неутомимого исследователя в области дешифровки и толкования письменных памятников Малой Азии и смежных с ней областей.

С особой любовью описывает автор короткую, но насыщенную трудовыми подвигами жизнь знаменитого английского ассириолога Джорджа Смита, который принимал участие и в дешифровке кипрской письменности. Джордж Смит, в юности бывший простым гравером, стал ведущим ученым благодаря выдающейся одаренности и величайшему трудолюбию.

Думается, увлекательная и живо написанная книга Э. Добльхофера будет с интересом встречена читателями.

Акад. В. СТРУВЕ

---

¹ Исследование Б. Грозного заслуживает внимания, хотя в нем имеются некоторые существенные недочеты (см. В. В. Струве, *Дешифровка протоиндийских писем*, — «Вестник Академии наук СССР», 1947, № 8, стр. 51—58).

I

КОЕ-ЧТО О ПИСЬМЕННОСТИ

Вместо введения

Благословен тот, кто выдумал письмо.

Благочестивое изречение древних индийцев, по Жану Полю

«Речь организует и упорядочивает мир. Слово — ее божественная искра — вот что с самого начала неизменно возвысило человека над прочими творениями в этом мире. Пользуясь словом, он призвал ближних разделить его собственные мысли и чувства и повел их к сплочению в общество. И все же, вестью разносясь на большие расстояния и передаваясь поколениям, слово, уже канонизованное, оставалось ограниченным узкими рамками как в пространстве, так и во времени. Ведь и весть и канон были отравлены на произвол передатчиков, и ничто не могло гарантировать надежное сохранение некогда сказанного слова. Это было достигнуто лишь тогда, когда человек изобрел письмо»¹.

Письменность никак нельзя относить к древнейшим изобретениям. Это скорее одно из нововведений, имеющих значение величайшего культурного переворота, когда-либо произведенного человечеством. Письменность будет существовать и далее, хотя иной поверхностный наблюдатель, пожа-

¹ F. Miltner, *Wesen und Geburt der Schrift*, — «Historia mundi», Bd III, Bern, 1954, S. 27.

луй, решит
фон и ради
современна
умственного
му, к прост
жений буд
в течение т
ее вытеснит
Письмен
себе. Только
зрительное
исхождение
стали возмо
великие рел
рым пользо
на ней поко
взлет всех о
ствознания;
культуры и
лимы.

Как вновь
книге извест
Тойнби¹, чело
существовани
ляют ныне в
тивном» сост
цвета культу
личные спосо
ток — искус
«философской
И главное
человеку отк
ничего нозого
он в бездну
возносился к
вался сокров
эпох бесчисле
неотъемлемым
охватил всю с

¹ A. Toynbee,
Press, 1956, p. 3.

луй, решит, что документальное кино и телевизор, магнитофон и радио в значительной степени могут ее исключить, что современная тенденция перехода от слова написанного, от умственного восприятия и обработки к слову высказанному, к простому накоплению слуховых и зрительных раздражений будет оспаривать у письменности ее господствующую в течение тысячелетий роль и даже в один прекрасный день ее вытеснит.

Письменность заставила человека поразмыслить о самом себе. Только благодаря ей стало возможно коллективное умозрительное мышление, раздумье человечества над своим происхождением, своей сущностью и смыслом своего бытия, стали возможны духовная культура, философские учения и великие религии человечества. Она служила цементом, которым пользовались основатели и строители великих империй; на ней покоится история как наука; она вызвала могучий взлет всех отраслей человеческих знаний, в том числе и естествознания; она одарила человечество и другими благами культуры и цивилизации, которые без нее были бы невысказанными.

Как вновь настойчиво подчеркивает в своей последней книге известный английский историк культуры Арнольд Тойнби¹, человек наиболее значительную часть всего своего существования на земле, продолжительность которого исчисляют ныне в 600 тысяч — 1 миллион лет, прожил в «примитивном» состоянии, и лишь в результате «новейшего» расцвета культуры за последние 6 тысяч лет были найдены различные способы составления и сохранения письменных заметок — искусства, давшего в руки человечества сознание «философской одновременности» всех поколений.

И главное, конечно, не в том, что это искусство помогло человеку открыть истину: «все, что есть, уже было», «нет ничего нового в подлунном мире», — шаг за шагом спускался он в бездну своего прошлого, заполненную страданиями, и возносился к вершинам человеческой мысли. Он воспользовался сокровищами, которые накопили и сберегли в смене эпох бесчисленные поколения. И вот, наконец, обогащенный неотъемлемым завоеванием разума и выросший духовно, он охватил всю сущность человечества в его величии и суетности

¹ A. Toynbee, *An Historian's Approach to Religion*, Oxford, University Press, 1956, p. 3.

и смог, по выражению французского мыслителя Паскаля, измерить «величие и ничтожество» людей.

Представление об огромном значении письменности было необычайно живым в седой древности и нашло свое отражение в целом ряде мифов, утверждавших божественное происхождение письма. Так, вавилонский Небо и египетский Тот — боги-«писцы» и одновременно властители человеческих судеб, которые они записывали «палочкой рока». Древние евреи считали письменность первых разломанных скрижалей «божественным письмом» в противоположность «письменности людей» (о ней речь идет в книге Исаии, 8, 1). Ислам учит, что буквы создал сам бог, а затем сообщил их Адаму, скрыв, однако, даже от ангелов. Христианские церкви также имеют своих святых, которые действуют в роли творцов и изобретателей письменности; так, например, св. Месроп и католикос Сахак создали армянский алфавит — новое письмо, освященное сразу же тем, что им был написан перевод Библии. Широко известно о создании письменности святыми Кириллом и Мефодием, а также Вульфиллой.

Пожалуй, одни греки являют характерный контраст — и в этом отражено различие между Востоком и Западом. Только они чтят в своей богатой традиции целый ряд изобретателей письма — почти исключительно людей. В числе прославленных творцов их письма лишь один раз встречается божество — Гермес, находчивый и разносторонний бог, которому среди прочего, однако отнюдь не как главная заслуга, приписывается и изобретение письменности.

Если до самого недавнего прошлого неоспоримым считалось мнение, что всякая письменность возникла из образного представления мыслимого и прошла указанный Востоком путь «от изображения до буквы», то ныне многое говорит о том, что буква также существовала изначально, что великий подвиг открытия отдельных звуков выдающимися создателями «западных» письменностей (анатолийской, альпинской и, вероятно, также и древнеиберийской) уже был совершен к тому времени, когда с восприятием и преобразованием греками финикийского алфавита дело дошло до поистине всемирно-исторической встречи Востока с Западом, до взаимного оплодотворения и слияния «изображения» с «буквой»¹.

¹ F. Miltner, *Wesen und Geburt der Schrift*, S. 27, Anm. 1.

Нын
причем
ступени
тех же
чертах
нагог и
житель
ской кир
помнит
менность
тайского
надписей,
рисунки.
кусственн
требуя, пр
вестно, чт
скандинав
и древние
некоторых
знает, что
ще не бук
выми знак
звуковых
рых одни
исследоват
нельзя да
чтобы пок
которое вс
шифровки
Теперь
которыми
жении.
Мы мож
лишь в том
но: если, с
ния в само
скабливани
гой — пре
или иным л
пишущему.
Там, где
признаков

Ныне известно около четырехсот видов письменности, причем в это число не включены ни так называемые первые ступени письма, ни незначительные разновидности одних и тех же письменностей. Европейец, например, знает в общих чертах знаки греческого письма; на зданиях церквей и си-нагог и внутри их можно увидеть древнееврейские буквы; житель Западной Европы слышал, как правило, о славян-ской кириллице; если он собирает марки, то, вероятно, при-помнит и столь широко распространенную арабскую пись-менность; не раз взгляд его останавливался и на знаках ки-тайского и японского письма, которые смотрели на него с надписей, сопровождающих дальневосточную живопись и рисунки. Не так давно у немцев и австрийцев пытались ис-кусственно возбудить интерес к руническим письмам, не требуя, правда, подлинного их знания; однако немногим из-вестно, что рунами писали не только древние германцы, скандинавы и англосаксы, но — скажем об этом уже здесь — и древние тюрки и древние венгры, а по утверждениям некоторых исследователей — и древние славяне. Мало кто знает, что отдельные народы писали на своих языках вооб-ще не буквами, а изображениями, словами-знаками, сло-говыми знаками или сочетанием из слов-знаков, слоговых и звуковых знаков, что, наконец, имеются письма, из кото-рых одни можно прочесть, хотя, несмотря на многолетнюю исследовательскую работу, все еще нельзя понять, а другие нельзя даже прочесть. Все это мы говорим здесь для того, чтобы показать, сколь широко и многогранно поприще, на которое вступает тот, кто хочет разобраться в истории де-шифровки древних письменностей.

Теперь следует разъяснить существо отдельных понятий, которыми мы будем постоянно пользоваться в нашем изло-жении.

Мы можем говорить о письменности в прямом смысле лишь в том случае, если находим два ее признака, а имен-но: если, с одной стороны, производилось действие рисова-ния в самом широком понимании (начертание знаков, вы-скабливание, вырубание, нанесение зарубок и т. п.), а с дру-гой — преследовалась цель сообщения, причем сообщения или иным лицам, или — для сохранения в памяти — самому пишущему.

Там, где не может быть и речи о первом из указанных признаков и цель сообщения достигается другими средства-

ми, исследователи говорят о так называемой *предметной письменности* — первой и наиболее значительной ступени, предваряющей собственно письменность. Предметное письмо представлено часто упоминаемыми *бирками*, которыми пользовались во все времена и пользуются поныне самые различные народы — большей частью для записи чисел. Бирки применяют и как календарь, вырезая число дней, недель и т. д. Но в форме бирок составляются также настоящие долговые списки и описи, по ним можно прочесть «кто сколько имеет на бирке»; это, кстати сказать, документ, обладающий неоспоримой силой доказательства в том случае, если при его составлении бирку, на которой сделаны зарубки соответственно количеству денежных единиц долга, расщепляют так, что кредитор сохраняет у себя одну половину как «оригинал», а должник берет себе другую половину — «копию». В случае необходимости всякая ложь быстро и легко изобличается, а сомнение устраняется при сопоставлении обеих половинок.

Так называемые *жезлы вестников* также являются разновидностью предметного письма. Они известны не только в древней Европе, где их применение прослеживается вплоть до самого недавнего прошлого, но прежде всего в Австралии и древнем Китае. На жезлах, вручаемых вестникам, делались различные знаки-зарубки. В своей примитивной форме простые зарубки на палке служили лишь памятной заметкой для вестника, который должен был, глядя на них, помнить о числе своих поручений. Более сложные системы зарубок передавали согласованные между сторонами группы знаков, при помощи которых могли выражаться определенные комплексы понятий.

Вероятно, самый популярный и в то же время один из самых своеобразных примеров предметной письменности представляют *шнуры с узелками*. Среди них в первую очередь надо назвать *кипу* древних инков, исконных жителей нынешнего Перу. Приводя здесь кипу в качестве образца узелкового письма, мы вовсе не хотим сказать, будто такое письмо имелось только у инков. Уже китайский мудрец Лао-цзы указывал на ту роль, которая отводилась в древнем Китае узелковому письму как способу передачи известий; согласно Геродоту (IV, 98), персидский царь Дарий предложил ионийцам простейший календарь, основанный на принципе узелкового письма; по этому же принципу сделаны и

Рис.
ного

католические
и подобные им
Бенгалии, на
Центральной
частях Перу,

DEPOSITO DEL INCA COLLA

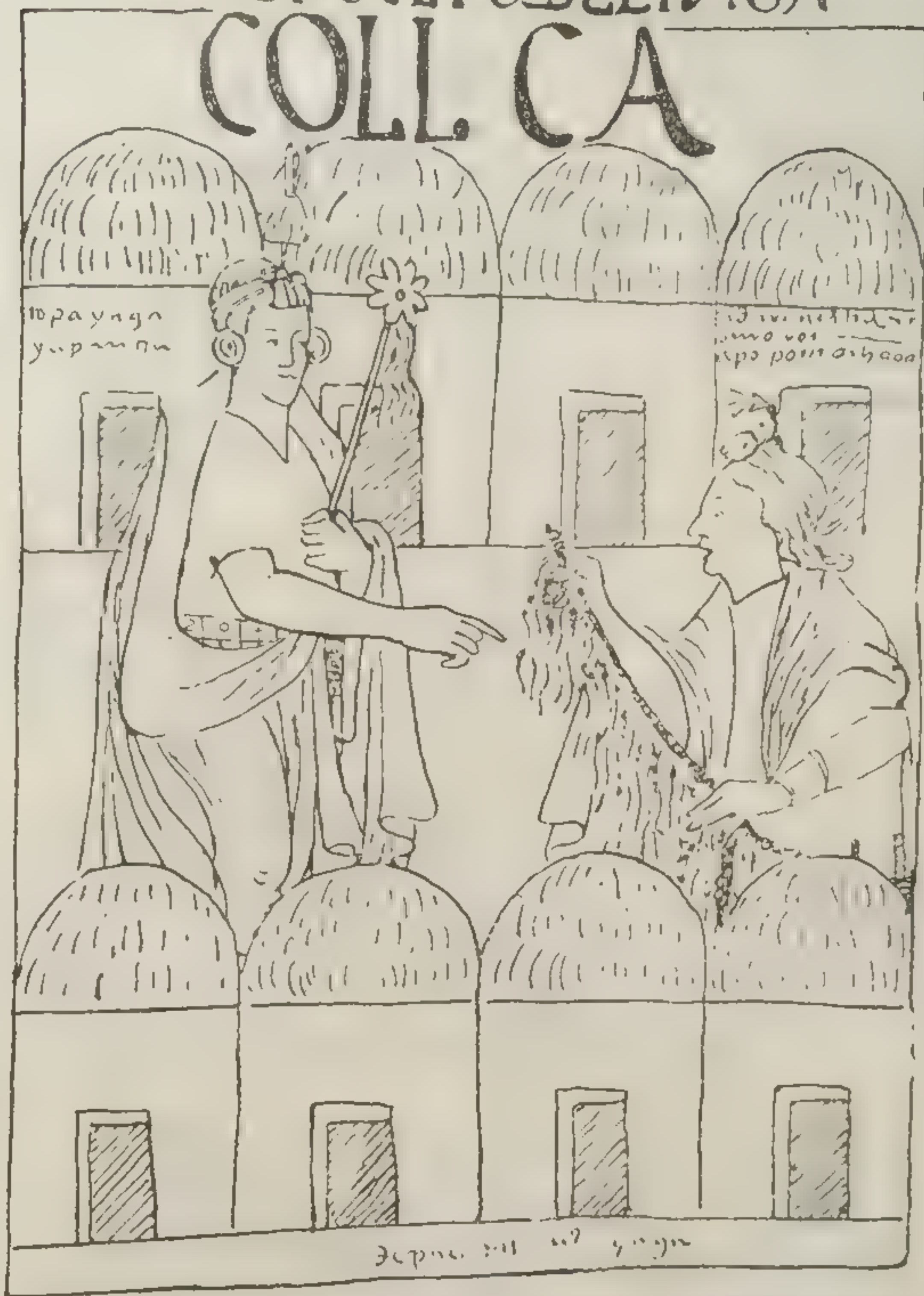

Рис. 1. Инка Тупак Юпанги слушает донесение одного из своих наместников (который читает его по кипу)

католические четки; в настоящее время шнуры с узелками и подобные им памятки встречаются на острове Хайнань и в Бенгалии, на японском острове Рюкю, а также в Океании, Центральной и Западной Африке, в Калифорнии и южных областях Перу, причем на Соломоновых, Каролинских и Мар-

кизских островах шнуры с узелками и петлями еще и поныне служат для передачи известий.

Но лучше всего мы осведомлены о кипу. Уже давно придерживаются мнения, что эти документы содержат лишь числовые данные самого различного характера. Такая точка зрения представляется наиболее убедительной, если принять во внимание особенности материала. Кипу состоит из одного прочного шнура и нескольких укрепленных на нем нитей. Смысловое значение узелкового письма зависит от цвета нитей, типа и числа узелков, а также от расположения нитей по отношению к главному шнуру, от их последовательности и вида переплетения. Среди найденных — причем исключительно в погребениях — довольно тяжелых кипу один весил чуть ли не четыре килограмма. Можно даже думать, что различные расположения, соединения и цвета нитей и узелков допускали целый ряд комбинаций; и все же трудно представить себе, как этим путем передавались в форме предложений сложные по содержанию мысли. Здесь-то, очевидно, и лежат границы подобного предметного письма, что и дало повод к упомянутой выше уверенности в исключительно числовом характере кипу. Далеко не последним основанием для такого утверждения послужило свидетельство средневекового историка Гарсиласо де ля Вега, надо сказать, довольно интересной личности: отец его — испанский капитан, а мать — дочь местного вождя. Этот Гарсиласо категорически заявлял в своей изданной в 1617 году в Кордове «Всеобщей истории Перу», что перуанцы узнавали по кипу о числе сражений, посольств и царских постановлений, но не могли прочесть дословный текст послания. Однако по другой теории, выдвинутой известными исследователями и пока еще не опровергнутой, кипу содержали не прямые статистические данные, а скорее комбинации магических чисел, которые выражали представления о созвездиях, охраняющих покой мертвых.

Оба предположения, вероятно, вполне совместимы, а последнее из них не только не является существенным шагом вперед по отношению к теории о числовом характере кипу, но, по-видимому, в принципе лишь подтверждает ее. И уж во всяком случае слишком далеко заходит швейцарский путешественник и исследователь Чуди, который считает, что «письменностью» кипу могли быть записаны собрания законов, хроники и даже стихи.

Менее известным является северное кипу из четырех нитей, на которых в середине отпущены по две нити. По значению (цвету) нитей, вражде, красоте (цвету), оказалось, что другому целому кипу, сунуку 2, воспользовались знаменитый перуанский историк 1682 году описавшим племена, фигурами по которым подавалось историческое значение, печатью, скрепленной между Пенно

И, наконец, представляют так пространственные письма, нок 3 изображаемое армией Вейле, Г. Йенсеном родным «Болезнь против Единственная

¹ Н. Jensen, 1935, S. 16

Менее известны как вид предметной письменности *пояса вампум* североамериканских индейцев. Такие пояса состоят из четырех или пяти лежащих одна подле другой веревочек, на которые нанизаны разноцветные раковины с пробитым в середине отверстием. Эти раковины назывались у ирокезов *вампум*. Поскольку цвету раковин приписывалось особое значение (черный и фиолетовый извещал об опасности или вражде, красный — о войне, белый — о благоденствии и мире), оказалось возможным пересылать от одного племени к другому целые послания в виде подобных поясов. Наш рисунок 2 воспроизводит ставший классическим экземпляр — знаменитый *вампум Пенна* (ныне — в собрании Пенсильванского исторического общества). Этот *вампум* был передан в 1682 году основателю Пенсильвании Вильяму Пенну индейским племенем *лени-ленапе*. Пояс белый с двумя черными фигурами посередине. Левая фигура представляет индейца, который подает руку европейцу (изображен в шляпе). Историческое значение этого пояса в том, что он являлся как бы печатью, скрепившей дружественный союз, заключенный между Пенном и *делаваарами* в 1682 году.

Рис. 2. *Вампум Пенна* племени *лени-ленапе*

И, наконец, последний вид предметной письменности составляют так называемые *предметные письма*, наиболее распространенные образцы которых представлены в наше время письмами негритянских племен Западной Африки. Рисунок 3 изображает подобное письмо негров племени *небу*, называемое *ароко*, в том виде, как его приводит, ссылаясь на Вейле, Г. Иенсен. Это письмо, которое тяжелобольной послал своим родным и друзьям, «читается» следующим образом: «Болезнь протекает неблагоприятно, состояние все хуже. Единственная наша надежда на бога»¹. К сожалению, ни

¹ Н. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, Glückstadt, 1935, S. 16

один из выше названных исследователей не раскрывает, по каким принципам и какими средствами нужно «читать» такое письмо.

Как ясно из рисунка 3 и приведенного «чтения», данное письмо можно толковать по-разному. Такому предметному письму еще многого недостает, чтобы служить средством информации. Недостатки подобного вида письменности прекрасно сознавали и ощущали сами «писавшие» ею народы, и для их преодоления они сделали шаг, сущность и значение которого будут более обстоятельно рассмотрены нами в дальнейшем (в связи с собственно письменностью). Отдельным таким «письмам» был придан характер

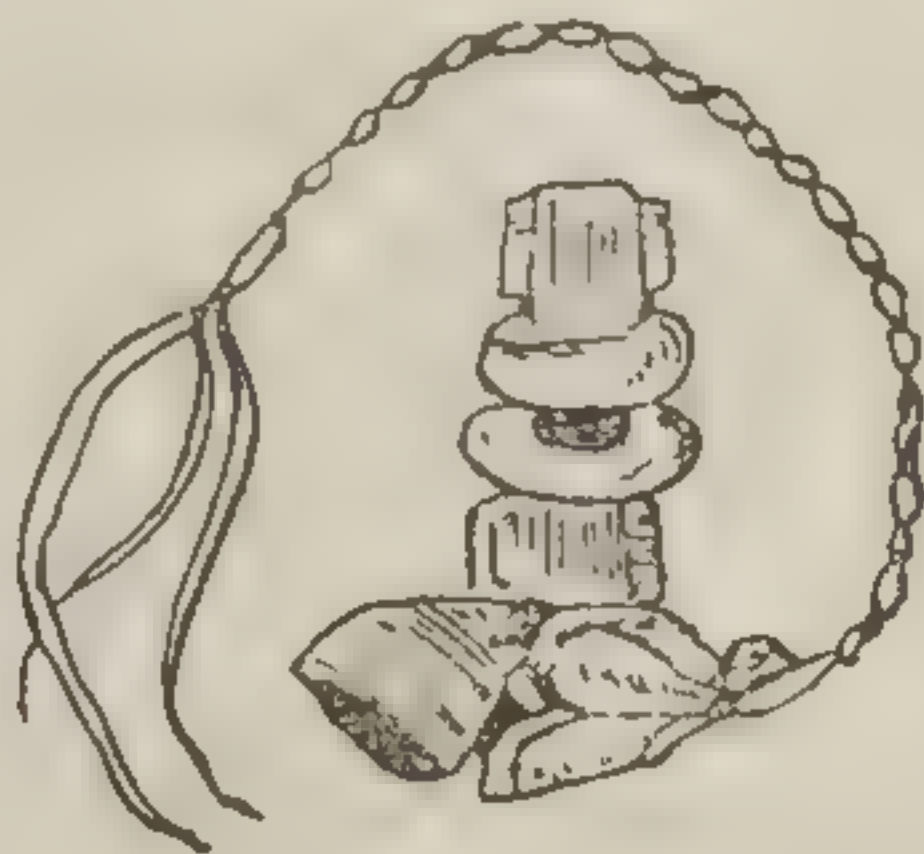

Рис. 3. «Ароко» иебу
(севернее Лагоса,
Нигерия)

звукового ребуса; довольно поучительный пример приводит тот же Ненсен, ссылаясь в данном случае на Гольмера. «У йоруба (также в Нигерии) кучка из шести раковин каури имеет основное значение „шесть” — *efa*, однако поскольку *efa* означает также „увлеченный” (от *fa* „увлекать”), то веревка с шестью раковинами каури, посланная молодым человеком девушке, имеет смысл: „Я чувствую к тебе влечение, я люблю тебя”. Восемь раковин каури означают „восемь” — *ejo*. Но то же слово значит и „согласный” (от *jo* „совпадать”, „быть согласным”, „быть похожим”), соответственно этому отправленная девушкой посылка жениху из восьми раковин каури означает: „я чувствую то же, что и ты, я согласна”»¹.

¹ Ibid., S. 16 f.

Означая, что
стране не был
рыбкой. Да и те
приведен Геро
рассказ об
сидского царя
встречается на
тельно, как те
сти и сколь м
им, греческ. м
сидскому зав
Геродот перед
предметном п
«131... Дар

Заметили это
с подарками,
стрел. Персы
тот отвечал, ч
медленно воз
гал самим пер
ние полученны

132. Персы
рия, скифы от
он так на том
тается тем же
вет в воде, п
дом стрел ск
Таково было т
нение Гобрин
смысл даров
как птицы в не
или подобно л
назад и падете

Гобрин ока
знать и сам

Это предм
роны всех по
ность (в данн
отношении он

¹ Геродот, IV
пер. Ф. Г. Мишен

Однако, чтобы не создалось впечатление, будто распространение подобных предметных писем ограничивается Африкой, да и то лишь нового и новейшего времени, вновь приведем Геродота — его поучительный и увлекательный рассказ об одном эпизоде из истории похода великого персидского царя Дария I против скифов. Геродот, как и Дарий, встречается нам уже второй раз — и в самом деле поразительно, как тесно их имена связаны с историей письменности и сколь много мы обязаны знанием этой истории им обоим, греческому путешественнику с мировой славой и персидскому завоевателю и преобразователю царства. Итак, Геродот передал Западу знаменитое сообщение о первом предметном письме:

«131... Дарий... оказался в затруднительном положении. Заметили это скифские цари и отправили к Дарию глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спрашивали посланца о значении подарков, но тот отвечал, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвращаться, ничего более; при этом он предлагал самим персам, если они догадливы, уяснить себе значение полученных в дар предметов.

132. Персы стали после этого совещаться. По мнению Дария, скифы отдавались ему сами с землей и водой; заключал он так на том основании, что мышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы передавали-де свою военную храбрость. Таково было толкование Дария; но ему противоречило объяснение Гобрини, одного из семи персов, низвергнувших мага; смысл даров он толковал так: „если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или подобно мышам не скроетесь в землю, или подобно лягушкам не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел”»¹.

Гобриня оказался прав, как позднее вынужден был признать и сам царь.

Это предметное письмо воочию раскрывает слабые стороны всех подобных документов, а именно их двусмысленность (в данном случае, вероятно, преднамеренную). В этом отношении оно напоминает пророчества античных оракулов

¹ Геродот, IV, 131—133; здесь по кн.: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. I, М., 1888, стр. 362.

(«если Крез перейдет реку Галис, то погубит великое царство!»), которые только тогда становились ясными, когда несчастье уже обрушивалось.

Существенный шаг вперед от показанных здесь ступеней развития письменности возможен лишь в том случае, если имеются оба признака, о которых была речь выше, то есть если начали пользоваться рисунком (в самом широком смысле) в целях сообщения или напоминания. Зарождение такого рисования следует искать в области, относящейся к истории искусства. Среди наскальных рисунков, восходящих к самой глубокой древности, есть такие, которые отличаются особенностями, характеризующими письменность. Таков, например, рисунок, найденный в 1911 году в северной Испании, в пещере Пасьега. Историк письменности Г. Иенсен истолковывает его следующим образом: «слева вверху, по видимому, изображена внутренняя часть пещеры, две человеческие ступни справа рядом, вероятно, символизируют понятие „идти в пещеру“, а неизвестный знак в самом правом углу может обозначать или запрещение, или приглашение войти в пещеру»¹.

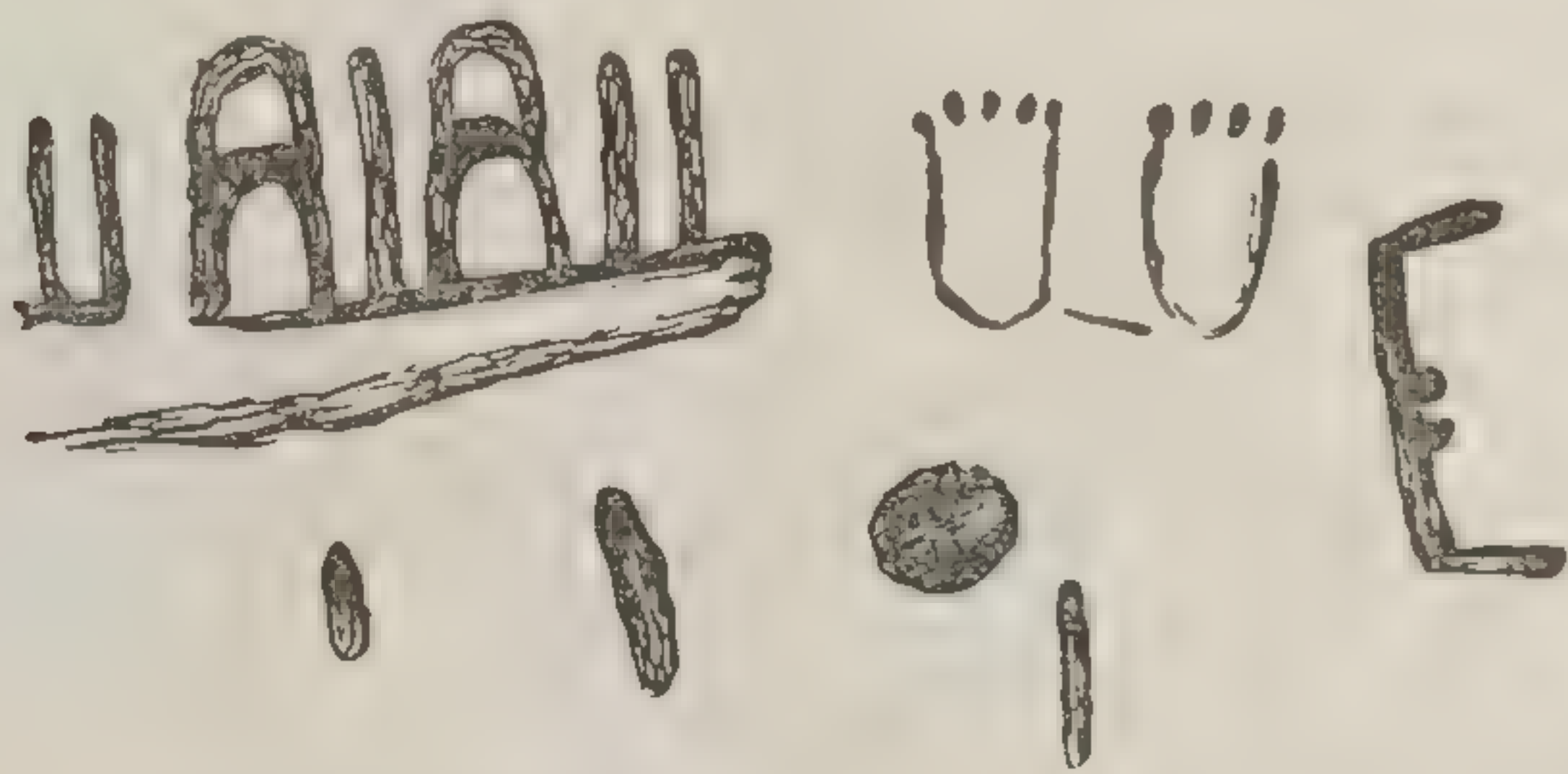

Рис. 4. Наскальный рисунок из пещеры Пасьега

Подобного рода письмена ранее объединяли под общим названием «рисуночное письмо». Но поскольку это выражение имеет слишком широкий смысл и, следовательно, может ввести в заблуждение, ныне решили отличать рисуночное

¹ Н. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, S. 24.

искусство в (идеотраф...)
рисун...
когда рису...
изображае...
в слова «...»
я применя...
подобный...
грамму), к...
ст уже не с...
ную с ним...
расходящим...
а что-нибудь...
теплый».

Рисуночн...
шим. В вид...
на потолке...
палеолит, о...
жен почти в...
вернутой го...
яснить слова...
при убийстве...
в нем «ран...
сле»¹.

Рисунок...
женную кон...
волнистая л...
ми — чело...
тие «старост...
гольное поня...
ный» — в в...
признак всяк...
ческим или...
ни было свя...
живого язык...
верно «проч...
зависимо от...
Примером...
более поздн...

S. 1. J. Tschich...

письмо в более узком смысле (пиктография) от письма идей (идеография) как более высокой ступени развития рисуночного письма. Мы имеем дело с пиктографией в том случае, когда рисунок символизирует тот же предмет, который он изображает. Иначе говоря, если, например, вместо понятия и слова «солнце» рисуют круг с расходящимися лучами, то он применяется здесь как знак-рисунок (пиктограмма). Но подобный знак-рисунок превращается в знак-идею (идеограмму), когда на основе общего соглашения он обозначает уже не сам изображенный конкретный предмет, а связанную с ним «идею»; то есть, когда, например, данный круг с расходящимися лучами будет обозначать уже не «солнце», а что-нибудь вроде «жара» или «тепло», «горячий» или «теплый».

Рисуночное письмо, в узком смысле, является древнейшим. В виде примера укажем на цветную фреску, открытую на потолке пещеры Альтамира в северной Испании (верхний палеолит, около 20 тысяч лет до нашей эры). Здесь изображен почти в натуральную величину отдыхающий бизон с повернутой головой; это изображение можно было бы объяснить словами Яна Чихольда «как выражение возбуждения при убийстве зверя, как памятник удачной охоты» и усмотреть в нем «раннюю форму „письменности“ в широком смысле»¹.

Рисунок или набросок замещают в пиктографии изображенную конкретную вещь; круг с лучами означает солнце, волнистая линия — воду, фигура с головой, руками и ногами — человека. Идеограмма же передает, например, понятие «старость» в виде старца, опирающегося на палку; глагольное понятие «идти» — парой ног; свойство «прохладный» — в виде сосуда, из которого струится вода. *Общий признак всякого рисуночного письма, будь оно пиктографическим или идеографическим, — это отсутствие какой бы то ни было связи между письменным изображением и звуками живого языка.* Ряд таких изображений может быть довольно верно «прочитан» всяким, кто будет их рассматривать, независимо от того языка, на котором он говорит.

Примером подобной письменности, но уже значительно более поздним, является рисуночная хроника индейцев крау,

¹ J. Tschichold, *Geschichte der Schrift in Bildern*, 2. Aufl., Basel, 1931, S. 1.

... для
выше, пр
он со
...
... на
... за
... зв
верамерика
трочими бла
вечно, хотя,
бедну пар
... конгресса
з нескольки
прессу изобр
добопытный.

Рис. 6. I

Семь жи
ществует жур
ывающие се
едущее пле
чение и пер
з глаза жур
рем озерам
пользоваться
их они «име
идет вправо в
э Добльхо реп

Рис. 6. Д

Семь жи
ществует жур
ывающие се
ведущее пле
чение и пер
з глаза жур
рем озерам
пользоваться
их они «име
идет вправо в
} Э Добльхофер

Добльхо фер

лишь для сношений внутри одного племени. Как мы видели выше, признаком рисуночного письма является именно то, что оно совершенно не зависит от языка, на котором говорит читающий. Поэтому такое письмо лучше всего подходит для «международных» сношений. Если, например, племя лени-лене при помощи пояса вампум еще только как бы скрепляет печатью свой договор с Вильямом Пенном, то семь других североамериканских племен, которых цивилизация наряду с прочими благами одарила также и бюрократией, мужественно, хотя, разумеется, по-своему, бросились в хаотическую бездну параграфов закона, когда им пришлось испрашивать у конгресса Соединенных Штатов право на рыбную ловлю в нескольких озерах. Объединившись, они переслали конгрессу изображенную здесь петицию, документ чрезвычайно любопытный.

Рис. 6. Прошение семи племен североамериканских индейцев, направленное конгрессу США

Семь животных символизируют семь племен; впереди шествует журавль (справа), тотем Ошкабавис. Линии, связывающие сердца и глаза животных, говорят о том, что ведущее племя выражает согласованное между племенами мнение и передает общую просьбу. Линия, которая выходит из глаза журавля и, проходя над животными, ведет к четырем озерам (внизу слева), означает общее желание племен пользоваться правами рыбной ловли в этих озерах, именно их они «имеют в виду»; из другого глаза журавля линия идет вправо вперед; это означает, что он доверчиво обращает

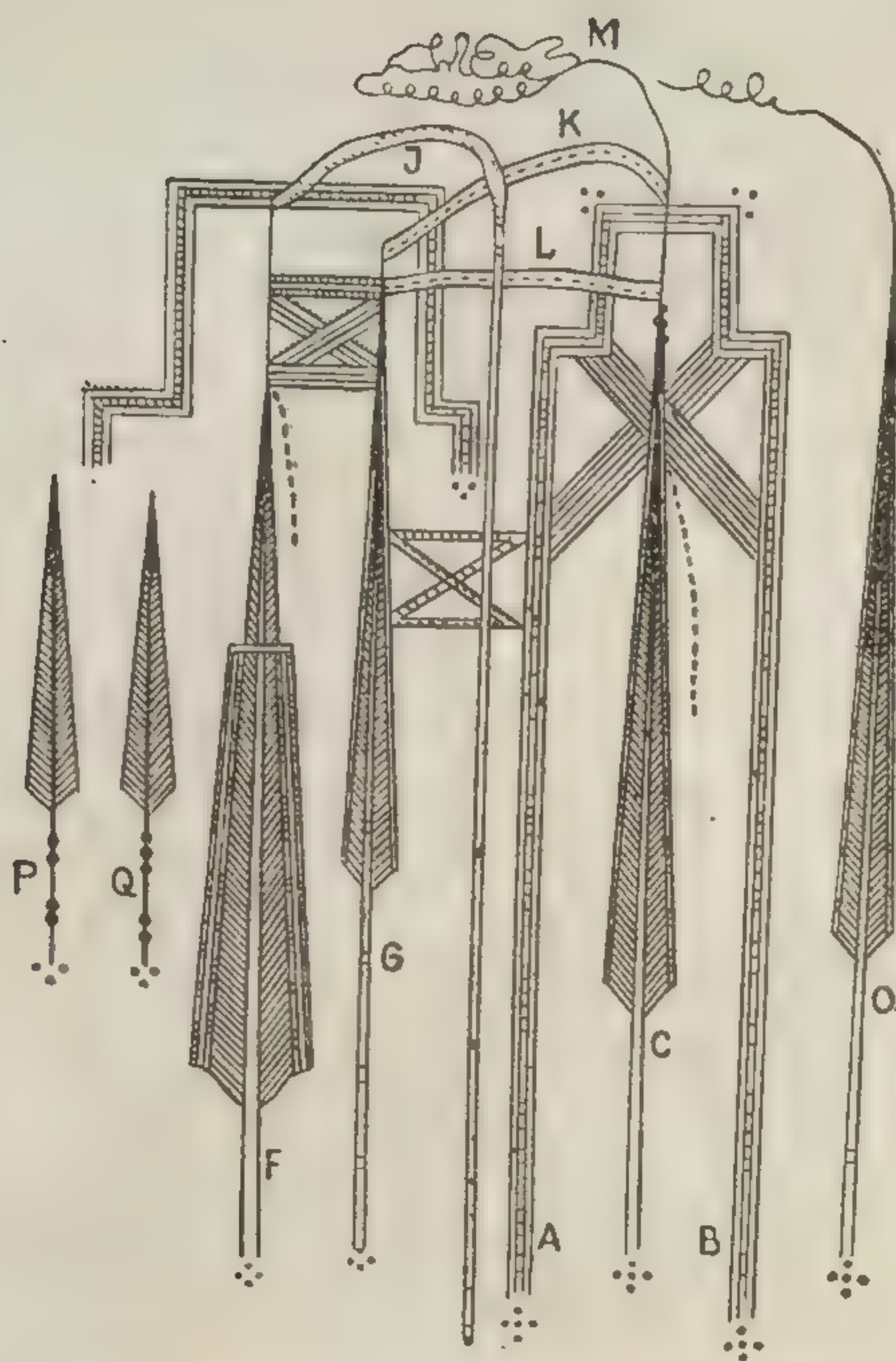

Рис. 7. Юкагирское любовное «послание»

свой взор к конгрессу и ждет от него удовлетворения просьбы.

Обычай пользоваться идеографическим письмом встречается, разумеется, не только у индейцев. Это письмо распространено, между прочим, у эскимосов, а также в Африке и Океании. Своего рода маленькими шедеврами подобной письменности являются вырезанные ножом на куске кожи любовные письма девушек-юкагинок из Северо-Восточной Сибири. Рисунок 7 воспроизводит особенно хороший экземпляр, который со времени первой публикации Крамером в

1896 году неоднократно перепечатывался. Принимая во внимание, что уже в 1926 году народ юкагиров (самоназвание «одут») насчитывал приблизительно 2 тысячи человек, а из них лишь около 400 говорили на унаследованном от предков языке, следует предположить, что юкагирский язык за прошедшее с тех пор время полностью растворился в окружающей среде. Это служит еще одним основанием для того, чтобы продемонстрировать здесь названный документ, интересный также и с точки зрения этнографии. Авторами таких писем были исключительно молодые девушки, которым господствующий обычай запрещал признаваться в любви на словах; это разрешалось только молодым людям. Редкие праздники с танцами предоставляли девушкам случай изготовлять и «сбывать с рук» их послания.

Письмо гласит: «Ты уходишь. Ты любишь русскую, которая преграждает тебе путь ко мне. Пойдут дети, и ты будешь радоваться, глядя на них. Я же вечно буду грустить и думать только о тебе, хотя и есть другой, кто любит меня».

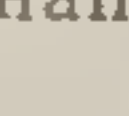

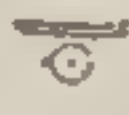

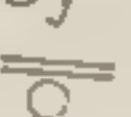
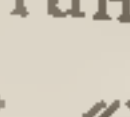
Рамка *A—B* означает дом; в нем живет *C*, опечаленная девушка, которая изображена в виде контура узкой веерообразной юбки, соответствующей юкагирской одежде, и с косой (пунктирная линия). В доме скрещиваются два пучка линий, что означает печаль. Слева от дома девушки расположен второй дом; рамка не доведена до низу — это значит, что его жители *F* и *G* отсутствуют. *F* — русская женщина, как показывает юбка с более широкой каймой. Любовь тесно привязывает ее к своему супругу (скрещивающиеся линии между *F* и *G*). Кроме того, от русской женщины *F* исходит линия *J*, которая перерезает линии *K* и *L*. *K* и *L* изображают безответную любовь юкагирки к женатому русскому *G*. Запутанная линия *M* показывает, что, несмотря на разделяющую линию *J*, девушка в мыслях пребывает возле своего возлюбленного. *O* изображает влюбленного в девушку юкагира, и, наконец *P* и *Q* — это дети *F* и *G*.

По соображениям места мы вынуждены ограничить себя приведением только этих примеров подобного рода письменности, хотя своеобразная привлекательность свойственна и многим другим образцам. Хотелось бы также указать на интересное с точки зрения истории культуры обстоятельство, что еще и ныне в повседневной жизни, особенно в больших городах, на каждом шагу пользуются рисуночным письмом. Наиболее частый случай — известные дорожные знаки. Так,

например, предупредительные знаки «поворот», «перекресток», «шлагбаум» являются чистой пиктограммой, а знаки, запрещающие движение автомобилей, мотоциклов, велосипедов, — подлинной идеограммой. Другие примеры вы найдете на первой же доске объявлений, чаще всего среди искусно сделанных плакатов, рекламирующих товары широкого потребления. Однако и этого мало. В своих поисках путей взаимного общения между народами люди давно пытались создать всемирный вспомогательный язык. Ныне уже в погоне за новейшими принципами всемирной вспомогательной письменности некоторые обращают свои взоры к древнейшей ступени развития письма.

С подобными попытками выступили совсем недавно голландский журналист Карел Янсон и немецкий профессор, доктор Андре Экарт. Оба они пользовались системой рисуночного письма, поскольку рисуночное письмо, на первый взгляд, лучше всего могло бы служить в качестве международного средства общения. Оно, как мы помним, совершенно не зависит от звукового состава любого языка. «Будь то *дом*, *Haus*, *house*, *maison* или *casa* в „пикто“, как называет свое письмо Янсон, пишется всегда так: », — сообщал недавно один известный журнал¹.

Образцы письменности «пикто» могут при поверхностном ознакомлении создать впечатление, будто при помощи этого письма удалось достигнуть того, о чем столь широко и так часто объявлялось, то есть что его изобретатель создал комбинации знаков для всех возможностей выражения мысли. Так, например, в «пикто» означает «я», имеет притяжательный смысл и означает «иметь», — «дом», — «в» и — «город». Отсюда сразу становится понятным и «пикто»-предложение   . «у меня дом в городе». Правда, при более строгом рассмотрении скоро обнаруживаются и слабые стороны такой системы (это же, вероятно, относится и к «зафо» — «смысловому письму» профессора Экарта). Во-первых, если даже допустить, что все предусмотренные возможности выражения мысли и в самом деле, хотя и бессознательно, заимствованы

¹ «Quick», München, № 42, Jg. 9, 1956, S. 38.

из языка или языков, строй и возможности выражения мысли которых изобретатель знает, то один человек по своей природе все же в состоянии иметь реальное представление лишь о небольшой части всех существующих на земле языков. Поэтому подобная система, как это может быть легко доказано средствами сравнительного языкознания, уже с самого начала неприменима для всех языков. Во-вторых, такое рисуночное письмо, составленное из пиктограмм и идеограмм, достаточно только для того, чтобы выразить главным образом конкретные представления и весьма немногие абстрактные понятия. Но попробуйте-ка передать этими средствами начало предисловия Канта к первому изданию его «Критики чистого разума»:

«На долю человеческого разума выпала странная судьба в одной из областей его познаний: его осаждают вопросы, от которых он не может отделаться, так как они задаются ему собственной его природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят его силы».

Разумеется, здесь неизбежно появились бы неясности и многозначность, которые сделали бы практически невозможным недвусмысленный, доступный пониманию каждого читателя перевод.

Всякое рисуночное письмо было бы полностью неприемлемо для международной науки, совершенно недостаточно для обмена высокими абстрактными идеями и абсолютно невымыслимо как вместилище поэзии, которая требует слова и живет словом. Отсюда можно понять (и это было целью нашего упоминания «пикто», «зафо» и других подобных систем), почему у всех народов, владеющих письменностью, чистое рисуночное и идеографическое письмо быстро устарело и сошло на нет, понять внутреннюю необходимость дальнейшего развития письма.

Еще раз: выраженный рисуночным письмом знак может передавать понятие *дом*, *Hause*, *house*, *maison*, *casa* и т. д. Напротив, *дом*, то есть последовательность букв *д-о-м*, значит только *дом*, целиком и полностью соответствует звучанию русского слова *дом*. Между этими двумя способами выражения понятия — знаком или любым ему подобным, равнозначным, с одной стороны, и группой знаков *д-о-м*, с другой, — лежит целая история внешнего и внутреннего развития письма (точнее сказать, история одно-

го пути этого развития — «восточного», которого мы коснулись вначале и который вел от рисунка к букве); внешнее развитие — это изменение формы, идущее от рисунка к стилизованному, упрощенному и единообразно применяемому знаку, внутреннее — изменение значения знаков письма.

Если начать с выяснения вопросов внешнего развития письма, изменения форм знаков, то легко увидеть, что по мере того как письменность распространялась и все более принаравливалась к нуждам повседневной жизни, все настойчивее ощущалась *погрешность в твердой и урегулированной форме*. Пока отдельному лицу предоставлена возможность обозначать «дом» через , , или

(мы пользуемся здесь уже ранее приводившимся примером) или хотя бы рисовать один и тот же знак, но то маленьким, то большим, остается открытой дверь для двусмысленностей и самых различных домыслов: дворец и хижина, замок и сарай — допустимы все мыслимые толкования. Таким образом, первым шагом к нормализованному письму было (в том, что касается формы) *упрощение и фиксация* знаков-рисунков — процесс, который особенно хорошо можно проследить и понять на примере того развития, какое прошли древнешумерские знаки «от рисунка к клину».

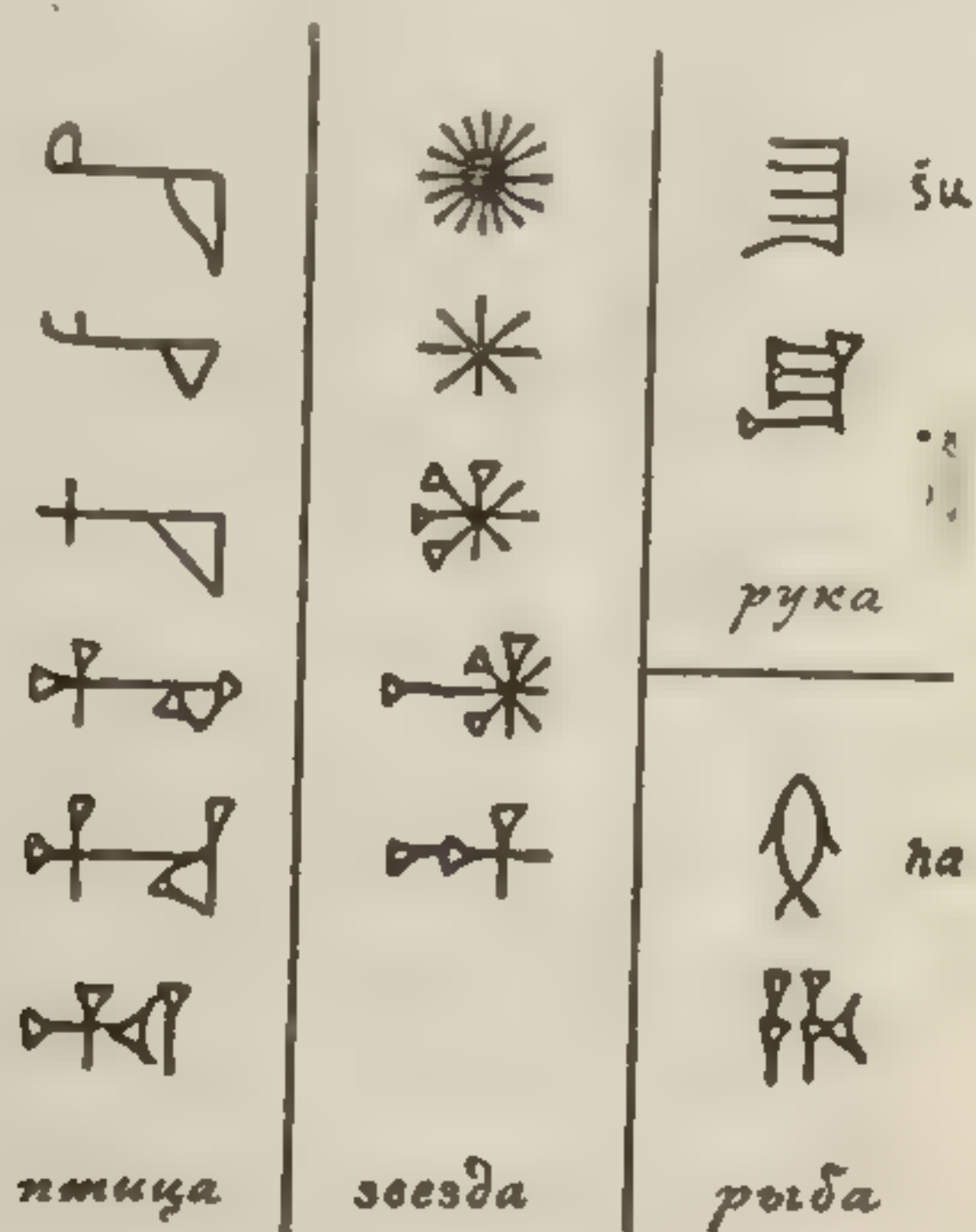

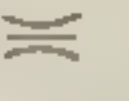

Рис. 8. Развитие шумерской письменности от древнейших пиктографических знаков к клинописи

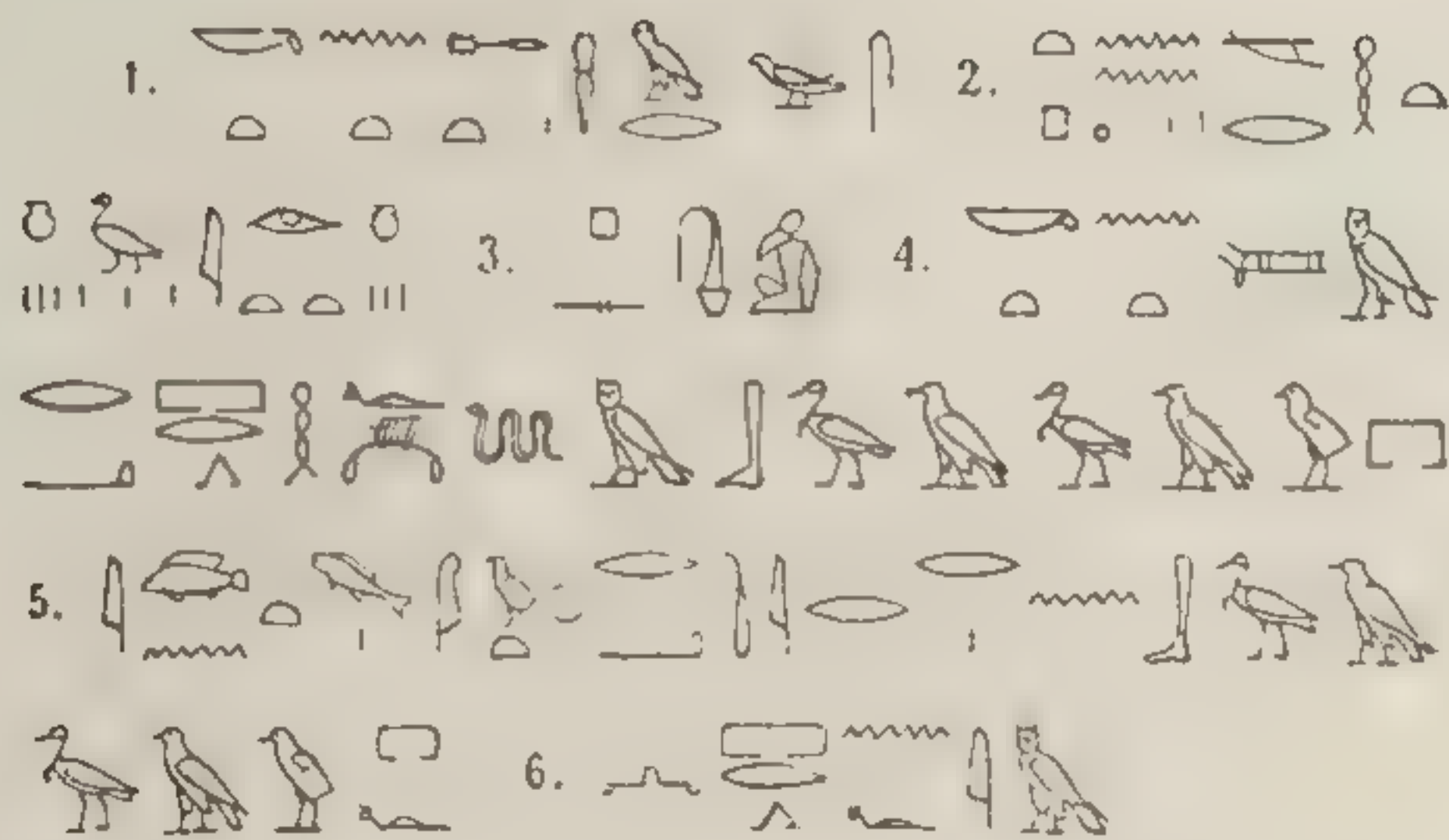

Пример этот выбран еще и по другой причине: он позволяет весьма наглядно показать влияние писчего материала на форму письма — фактор, очень важный для развития внешнего вида письменности. Здесь таким материалом является глиняная табличка, на которой, пока глина еще мягкая, деревянной палочкой для письма или заостренным тростником выдавливают знаки; отсюда и «клинообразные» штрихи. Если внешний вид письма открывает дорогу к стилизации и упрощению, то это же стремление к нормализации отражается, конечно, и на содержании значения знака. Можно себе представить (теоретически) некий момент во времени, начиная с которого знак больше уже не означал «дом», «дворец», «сарай», а характеризовал лишь одно из этих понятий, например «дом». На данной ступени развития, следовательно, в высшей степени четкому и узко очерченному содержанию значения соответствует уже совершенно определенный общеупотребительный знак. Подобное письмо, как и примитивные рисуночные письмена, может передавать не только конкретные предметы и события, но и абстрактные понятия, используя для этого символические знаки, и в то же время оно имеет перед чистой пиктографией и чистой идеографией такое преимущество, как недвусмысленность. Оно могло бы быть слово-рисуночным письмом в наиболее чистом виде. «Могло бы быть», поскольку оно нигде в таком виде не встречается, если, конечно, вслед за Ненсеном не причислить сюда южнегритянское письмо *ншибиди*, открытое в 1905 году у негритянских племен *ибо* и *эфик*. Из знаков этого письма приведем в качестве иллюстрации к слово-рисуночному письму рассматривавшийся исследователями знак для выражения понятия «семейная ссора»; он выглядит так: (подушка разделяет супругов, которые повернулись друг к другу спиной).

Обе эти ярко выраженные тенденции, одна — к четкому определению и фиксации значения знака-рисунка, другая — к упрощению и нормализации его внешней формы, побуждают письменность преодолеть ступень чистого слово-рисуночного письма. В процессе развития культуры знание и употребление письменности выходят за круг ее первоначальных обладателей и хранителей. Письменность неуклонно проникает в народную среду, и так же неуклонно растет потребность во все большем упрощении форм знаков; хочется писать легче и бы-

3 1 2 3 4 5 6
 7 8 9 10 11 12 13
 14 15 16 17 18 19 20
 21 22 23 24 25 26 27
 28 29 30 31 32 33 34
 35 36 37 38 39 40 41

- (1) *k.t n.t h.t mr.š* (2) *tpnn mrh.t s'.w jrt.t* (3) *ps swr* (4) *k.t n.t tm*
rdj pr hf'.w m b;b'.w (5) *jnr.t šw.t rdj.tj r r' n b;b'.w.f* (6) *n pr.n.f jm*
 (1) Другой [рецепт] для живота, когда болит: (2) тмин, гусиный жир, мо-
 локо. (3) Варить, пить. (4) Другой—чтобы помешать змее выползти из норы.
 (5) вяленая рыба у отверстия ее норы, (6) [тогда] она не выползет

Рис. 9. Иератическое письмо Папируса Эберса
 и его иероглифическая транскрипция

стрее, и писчий материал, часто хрупкий, вносит свой вклад в
 дело упрощения знаков. В связи с этим рассмотрим предпри-
 нятое Иоганнесом Фридрихом сопоставление из области еги-

петской па-
 Эберса. в
 транскрип-
 Если н
 всего инс
 письмо со р
 дились и «в
 ченные знак
 глазах непе
 первоначаль
 Такой пер
 Знак письма
 от предмета,
 ком, достато
 стью обрывае
 шегося знака
 Отныне толь
 го рисунка, о
 нах письма
 ный звук или
 называют фо
 Это был ш
 Как раз отны
 мело место в
 употребляют д
 нно, но случа
 только вместо
 сунка которого
 применять для
 понятия, как о
 лук (оружие)
 нятия „лук” (с
 Но этим от
 большого, но п
 лее важному п
 ду «словного»
 вачному слово
 . Здесь, гл. н
 ные автором, заме
 ского языка. (Пр

петской письменности. Он сравнивает текст из Папируса Эберса, который написан более поздним иератическим («жреческим») письмом, с тем же текстом в иероглифической транскрипции (рисунок 9).

Если иероглифика («священные знаки») — это прежде всего письменность памятников, то иератическое *книжное* письмо со всей очевидностью показывает, сколь сильно сгладились и «выветрились» при письме на папирусе резко очерченные знаки-рисунки; в своем новом виде они не имеют в глазах неискушенного наблюдателя ни малейшего сходства с первоначальными формами.

Такой переход знаменует новое качественное превращение. Знак письма, как показывает рисунок 9, столь далеко отошел от предмета, который он некогда, еще будучи знаком-рисунком, достаточно точно изображал, что в конце концов полностью обрывается связь между формой постоянно развивающегося знака письма и первоначальным рисунком предмета. Отныне только *слово*, то есть *звуковое соответствие* прежнего рисунка, остается связанным со знаком письма. Тем самым *знак письма превращается в знак, выражающий определенный звук или группу звуков*. Данный процесс исследователи называют *фонетизацией (озвучиванием) письменности*.

Это был шаг, приведший к весьма важным последствиям. Как раз отныне и могло происходить то, что затем так часто имело место в действительности: один и тот же знак стали употреблять для выражения нескольких различных по значению, но случайно созвучных слов. Ранее этот знак стоял только вместо одного слова-понятия, и именно того, из рисунка которого он происходил, теперь же такой знак могли применять для выражения совершенно отличного по смыслу понятия, как если бы, например, в русском языке слово-*знак* *лук* (оружие) вдруг начали использовать для выражения понятия „лук” (овощ)¹.

Но этим открывался также путь и для нового, не столь большого, но не менее значительного шага — ко второму, более важному и несравненно более часто встречающемуся виду «словного» (в отличие от «буквенного») письма, так называемому *слово-звуковому письму*. Ведь существовала уже

¹ Здесь, как и в других местах, примеры из немецкого языка, приведенные автором, заменены переводчиком соответствующими примерами из русского языка. (Прим. ред.)

возможность выражать в письме многие абстрактные понятия знаками письма, первоначально обозначавшими конкретные понятия, если, конечно, оба понятия — конкретное и абстрактное — *звучали* одинаково.

Если вновь перейти к примерам из русского языка, то это можно было бы объяснить как написание одинаковым знаком слов *пол* (в доме) и *пол* (мужской, женский), *покой* (комната) и *покой* (состояние).

Но и этим еще не исчерпывались возможности слово-звукового письма. Оказалось, что, применяя метод рисунков-загадок, то есть ребусов, использовавшихся уже, как мы видели, в предметных письмах, можно составлять из знаков-рисунков новые понятия. Так, в русском языке, поставив рядом

 и , мы получили бы *молоко* (*мол* + *око*).

Однако следует предупредить читателя, что наше изложение слишком упрощенно. Всякая человеческая речь, язык, как и письменность, являются чем-то живым и беспрестанно изменяющимся, поэтому никогда не было и чистого слово-звукового письма (насколько легче давались бы дешифровки и сколько попыток увенчалось бы успехом, если бы такое письмо существовало!); вместо этого повсюду, где писали «словным» письмом, можно найти наряду со слово-рисуночным письмом и слово-звуковое письмо, да сверх того еще и черты чистого рисуночного и чистого звукового письма. В результате получается восхитительно «нелогичный», но захватывающий и постоянно меняющийся в своем составе хаос и в то же время стройное законченное целое. Вот каковы были те многие лабиринты, по которым двигались великие дешифровщики; то в одиночку, то в сотрудничестве друг с другом, то наследуя достижения предшественников, шли они по этим лабиринтам, чтобы выйти из них с победой.

В основе перехода к следующей ступени развития письменности лежит, без сомнения, слово-звуковое письмо. В самом деле, если языки, которые передаются этим письмом, содержат множество односложных слов или если их многосложные слова имеют простую и закономерную структуру слогов, то слово-звуковое письмо развивается в *слоговое письмо*. Целый ряд словных письменностей можно рассматривать как стадию перехода к слоговому письму; в то же время чисто слоговое письмо встречается сравнительно редко. К наиболее известным видам этого письма относится японская слоговая

かな	ローマ字
ア	A
イ	I
ウ	U
エ	E
オ	O
カ	Ka
キ	Ki
ク	Ku
ケ	Ke
コ	Ko
サ	Sa
シ	Shi
ス	Su
セ	Se
ソ	So
タ	Ta

Рис. 10. Слоговая

хайшо	ката- кана	фонет значение	хайшо	ката- кана	фонет значение	хайшо	ката- кана	фонет значение
同	ア	a	千	チ	ti (chi)	牟	ム	mi
伊	イ	i	門津	ツ	tu (tsu)	女	メ	me
宇	ウ	u	天	テ	te	毛	モ	mo
日	エ	e	土	ト	to	也	ヤ	ya
於	オ	o	奈	ナ	na	勇油	ユ	yu
加	カ	ka	仁二	ニ	ni	與	ヨ	yo
幾	キ	ki	奴	ヌ	nu	良	ラ	ra
久	ク	ku	子	子	ne	利	リ	ri
个計	ケ	ke	乃	ノ	no	流	ル	ru
己	コ	ko	八	ハ	fa (ha)	礼	レ	re
草散左	サ	sa	比	ヒ	fi (hi)	呂	ロ	ro
之	シ	si (shi)	不	フ	fu	日	ワ	wa
須	ス	su	皿邊	ヘ	fe (he)	慧	エ	we
卅	セ	se	保	ホ	fo (ho)	伊	井	wi
曾	ソ	so	末	マ	ma	乎	ヲ	wo
多	タ	ta	三美	ミ	mi	一	一	一

Рис. 10. Слоговая японская письменность катакана в ее развитии из обычного китайского письма

письменность катакана, возникшая из китайских слов-знаков; происхождение ее из китайского обычного письма и звуковое значение показывает наш рисунок 10.

Строй подобной слоговой письменности кажется на первый взгляд необыкновенно простым и целесообразным. Пытались даже обосновать вывод, что слоговое письмо практически наших европейских буквенных письменностей — ведь последние должны записывать намного больше звуков. Предположение как будто довольно близкое к истине; однако при более внимательном рассмотрении оно оказывается несостоятельным. Слоговое письмо будет практичным лишь тогда, когда в языке имеется не слишком много слогов; в противном случае трудно охватить огромное количество слоговых знаков. Небольшое число слогов имеется только в тех языках, которые, как мы уже упоминали, отличаются простым строением слогов, допускающим чрезвычайно мало комбинаций звуков. И в этом-то отношении японский язык (правда, в древнем произношении) представлял собой идеальный случай: он знал только слоги типа согласный звук + гласный или слоги из одного гласного.

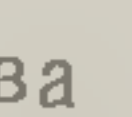
Если же, как почти во всех известных нам языках, звуковая структура языка сложнее и нередко друг за другом стоят несколько согласных, то для полной передачи звукового состава языка недостаточно и средств, используемых слоговым письмом. Развитие идет далее, к последней и высшей ступени — *буквенному письму*, которое, по крайней мере в принципе, располагает соответствующим знаком для каждого отдельного звука.

Читатель, вероятно, удивится, узнав, что эта столь нам хорошо знакомая и само собой разумеющаяся, но в то же время последняя и наивысшая ступень развития была достигнута лишь в отдельных немногих районах Земли!

Те народы, которые вознеслись к этой ступени (и поднялись к ней от *рисунка*) и история развития письменности которых нам известна, прошли два различных пути. Один из них прослеживается в истории египетской письменности. Среди знаков этой письменности есть ряд так называемых однослоговных знаков, обозначавших первоначально слова или слоги типа согласный звук + гласный (как, например, *ка*, *ро* и т. д.). Из них вследствие пренебрежения к гласным звукам (процесс, который мы едва ли можем себе отчетливо представить, но который обоснован своеобразием египетского язы-

жа) образовались настоящие буквы для передачи согласных звуков, то есть к. г. д.

Другой путь прошли древние семиты. Они как бы отделили начальный звук слова от самого слова и стали писать всё слово-знак только для выражения этого начального звука. Так, из древнего рисуночного знака-слова бет «дом» (он, вероятно, восходит к египетским иероглифам и, возможно, к синайскому знаку) возникла буква б, древнее название которой нам известно из греческого обозначения «бета». Этот принцип, то есть написание прежним словом-знаком начального звука данного слова-знака и тем самым превращение прежнего слова-знака в звуковой знак, называют греческим словом *акрофония*. Хотя слово это не очень

	фонетическое значение	древнесемитский алфавит		фонетическое значение	древнесемитский алфавит
1	'	К <	12	l	С L
2	b	9	13	m	з <
3	g	1	14	n	з
4	d	Δ	15	s	≡
5	h	≡	16	'	○
6	w	Υ	17	p	γ 1
7	z	I	18	š	ר
8	h	⊞	19	q	Φ
9	t	⊗	20	r	4
10	j	Σ	21	š	W
11	k	√ <	22	t	+

Рис. 11. Древнесемитский алфавит

привычно нашему слуху, существо дела давно знакомо каждому. Кому не приходилось передавать по буквам свое имя или фамилию по телефону? «Глеб... да нет, не Лев, а Глеб... Григорий, Людмила, Евгений, Борис!» Это и есть повседневная акрофония.

Иные не без благоговения станут рассматривать древне-семитские письменные знаки, которые являются прародителями и наших алфавитных букв. Однако при более тщательном наблюдении не остаются в тени и слабые стороны этого почтенного буквенного алфавита: ведь он даже не имеет знаков, выражающих гласные звуки! Для древних семитов (как и для древних египтян) это, правда, не было заметным недостатком, ибо строй их языков отводит гласным в сравнении с согласными роль намного менее значительную, чем та, которую они играют у нас. Поэтому именно индоевропейцам выпало на долю увенчать буквенное письмо большей полнотой и однозначностью.

Первую попытку поисков в этом направлении — прекрасный образец новаторства в истории письменности — предприняли древние персы, чья клинопись уже знает неполное написание гласных (что, между прочим, довольно сильно затруднило ее дешифровку!). Однако слава *полной и окончательной вокализации* семитского алфавита принадлежит грекам. Из определенных знаков семитского письма, для которых не было соответствующих согласных звуков в греческом языке, они сделали необходимые их языку знаки для обозначения гласных звуков. Из таблицы (рисунок 12) видно, как они при этом поступили.

Казалось бы, напрашивается вывод, что с созданием полного буквенного письма вообще закончилось развитие письменности и едва ли мыслим дальнейший прогресс в этой области. Однако подобный вывод не оправдан. Все современные буквенные письменности страдают двумя недугами. Один из них становится особенно заметным при письменных сношениях между разноязычными народами. И латинские, и русские, и арабские буквы обозначают в разных языках, пользующихся одним и тем же алфавитом, а часто даже и в одном и том же языке весьма различные звуки. Это относится не только к английскому с его сложным правописанием. Можно обратиться к русскому языку и сопоставить *о* в словах *дом* и *Москва* или *в* в словах *волк* и *Петров*! Подобные примеры легко умножить.

Звук		Семитские знаки		Греческие знаки	
Звук	Семитские знаки	Звук	Семитские знаки	Звук	Греческие знаки
а	𐤀	и	𐤁	α	α
б	𐤂	к	𐤃	β	β
в	𐤄	г	𐤅	γ	γ
г	𐤆	д	𐤇	δ	δ
д	𐤈	е	𐤉	ε	ε
е	𐤊	з	𐤋	ζ	ζ
з	𐤌	ж	𐤍	η	η
ж	𐤎	и	𐤏	θ	θ
и	𐤐	к	𐤑	ι	ι
к	𐤒	л	𐤓	λ	λ
л	𐤔	м	𐤕	μ	μ
м	𐤖	н	𐤗	ν	ν
н	𐤘	о	𐤙	ο	ο
о	𐤚	п	𐤛	π	π
п	𐤜	р	𐤝	ρ	ρ
р	𐤞	с	𐤟	σ	σ
с	𐤠	т	𐤡	τ	τ
т	𐤢	у	𐤣	υ	υ
у	𐤤	ф	𐤥	φ	φ
ф	𐤦	х	𐤧	χ	χ
х	𐤨	ц	𐤩	ψ	ψ
ц	𐤪	ч	𐤫	ω	ω
ч	𐤬	ш	𐤭	ϰ	ϰ
ш	𐤮	щ	𐤯	ϱ	ϱ
щ	𐤰	ъ	𐤱	ϲ	ϲ
ъ	𐤲	ы	𐤳	ϴ	ϴ
ы	𐤴	э	𐤵	ϵ	ϵ
э	𐤶	ю	𐤷	Ϸ	Ϸ
ю	𐤸	я	𐤹	ϸ	ϸ
я	𐤺				

Рис. 12. Греческие

финикийский		архаич греч		восточные алфавиты				западные алфавиты				классический греч алфавит	
знаки	фонет значение	знаки	фонет значение	Афины (древний)	Милет	Коринф	фонет значение	Бессия	Лакония	Аркадия	фонет значение	знаки	фонет значение
Α	α	ΔΔ	a	ΔΔ	ΔΔ	ΔΔ	a	ΔΑΠ	ΔΑ	ΔΑ	a	Α	a
Β	b	ΚΚΥ	b	ΒΒ		ΥΥ	b	ΒΒ	Β		b	Β	b
Γ	g	ΓΓΛ	g	ΛΛ	Γ	ΣΙ	g	ΛΓ	Λ	ΚΚ	g	Γ	g
Δ	d	Δ	d	ΔΔ	Δ	ΔΔ	d	ΔΔΔ	ΔΔ	ΔΔΔ	d	Δ	d
Ε	e	ΕΕ	e	ΕΕ	ΕΕ	ΕΒΧ	e	ΕΕΕ	ΕΕ	ΕΕ		Ε	e
Υ	w					ΥΥ	v	ΕΥ	Υ	Υ	v		
Ζ	z	Ζ	z	Ζ	Ζ	Ζ	z	Ζ			z	Ζ	z, dz
ΗΘ	h	ΘΗ	h, ē	Θ	ΘΗ	Θ	h(e)	ΘΗ	Θ	Θ		Η	ē
Θ	t	Θ [⊕]	th	Θ	⊕Θ	⊕Θ	th	⊕Θ	⊕Θ	⊕	th	Θ	th
Ι	i	ΙΙΙ	i	Ι	Ι	ΙΙ	i	Ι	Ι	Ι	i	Ι	i
Κ	k	ΚΚΚ	k	Κ	ΚΚ	Κ	k	Κ	Κ	Κ	k	Κ	k
Λ	l	ΛΛ	l	ΛΛ	ΛΛ	ΛΛ	l	Λ	Λ	ΛΛ	l	Λ	l
Μ	m	ΜΜ	m	Μ	Μ	Μ	m	ΜΜ	Μ	Μ	m	Μ	m
Ν	n	ΝΝ	n	Ν	ΝΝ	Ν	n	ΝΝ	ΝΝ	Ν	n	Ν	n
Ξ	s				ΞΞ	Ξ	ks	+	Χ	+	ks	Ξ	ks
Ο	o	ΟΟ	o	Ο	Ο	Ο	o	ΟΟ	Ο	Ο	o	Ο	ō
Π	p	ΠΠ	p	Π	ΠΠ	ΠΠ	p	ΠΠΠ	ΠΠ	ΠΠ	p	Π	p
Ρ	s	Μ	s			Μ	s						
Φ	q	ΦΦ	q	Φ	(Φ)	Φ	q			Φ	q		
Ρ	r	ΡΡΡ	r	ΡΡ	ΡΡΔ	Ρ	r	ΡΡΡΡ	ΡΡΡ	ΡΡ	r	Ρ	r
Σ	s		s	ΣΣ	ΣΣ		s	ΣΣΣ	ΣΣΣ	ΣΣ	s	Σ	s
Τ	t	ΤΥ	t	Τ	Τ	Τ	t	ΤΤ	Τ	Τ	t	Τ	t
Υ	u	ΥΥ	u	Υ	Υ	ΥΥ	u, u	ΥΥ	ΥΥ	Υ	u	Υ	ū
		↓	ks	ΦΦ	Φ	ΦΦ	ph	ΦΦ	Φ		ph	Φ	ph
				Χ+	Χ	Χ+	kh	ΨΥ	ΨΥ	Ψ	kh	Χ	kh
					ΨΥ	Ψ	ps			ΨΨ	ps	Ψ	ps
		ΟΟ	ō		Ω		ō					Ω	ō

Рис. 12. Греческие алфавиты и их эволюция после заимствования знаков финикийского письма

ка и грифель. На древесной коре и лыке, листьях растений и костях не только писали ранее, но кое-где пишут еще и поныне. И прежде чем начать писать гусиным пером и тростниковым калямом, прежде чем начать рисовать кистью, взять в руки стиль и лопатку, скребок, кисточку для письма и граверный резец, человек уже пользовался, как нам известно, в качестве письменной принадлежности своим собственным пальцем, наподобие того, как им и по сей день пользуются дети, играя в песке.

Знакомство с писчим материалом позволяет нам понять и другую сторону истории письменности. Именно на основании этого можно объяснить, почему одни древние языки и письменности исчезли бесследно, а от других сохранились лишь отдельные фрагменты, тогда как третьи, вверенные трудно-разрушаемому материалу, остались невредимы и смогли открыть нам свои чудесные тайны.

Вначале мы говорили, что всего насчитывается до четырехсот письменностей, и сделали попытку описать всеобщее развитие письма. Отдельные этапы этого развития, как и родство между отдельными письменностями и их зависимость

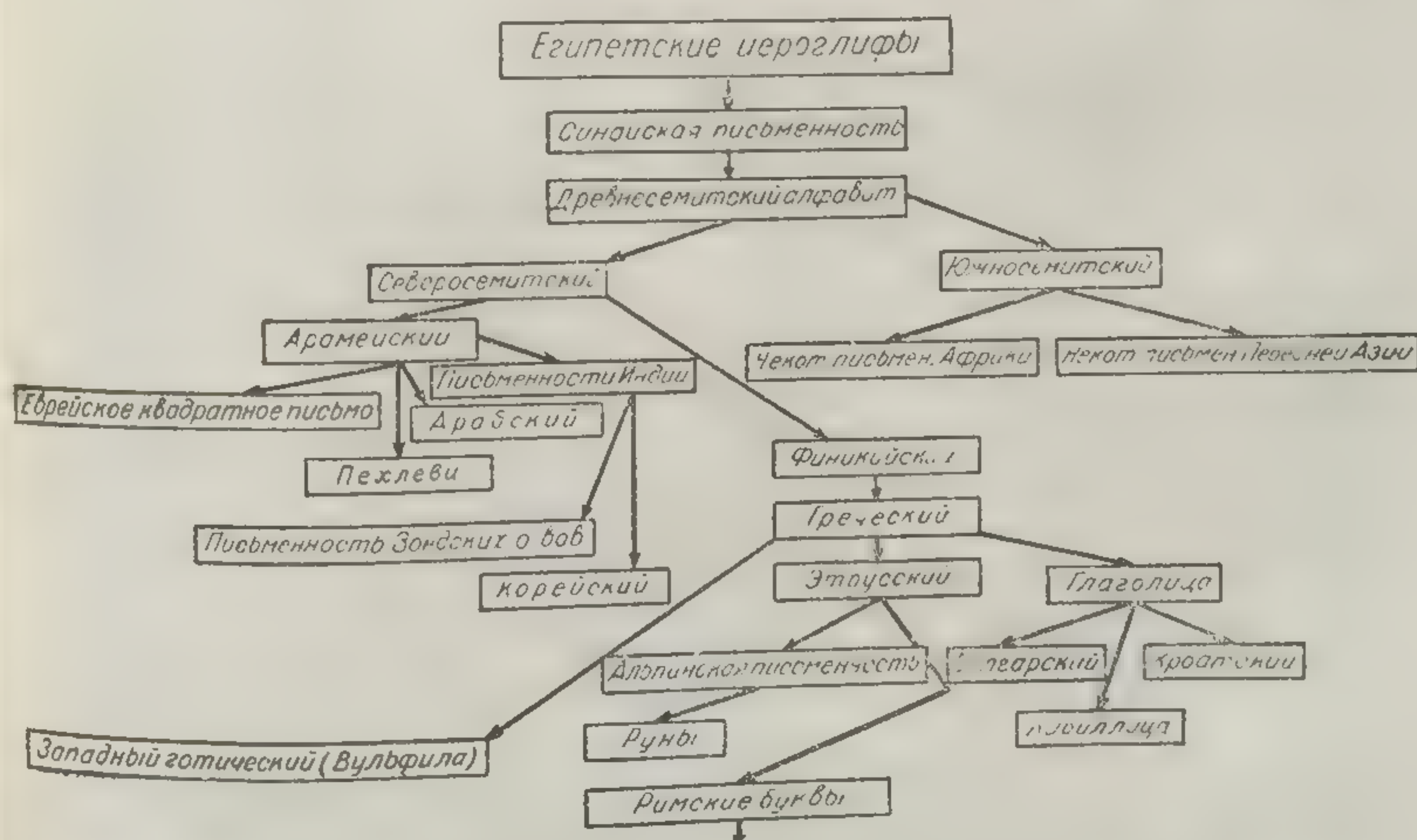

Рис. 13. Эволюция алфавитов от египетских иероглифов до римских букв

честве письменной принадлежности своим собственным паль-
цем, наподобие того, как им и по сей день пользуются дети,
играя в песке.

Знакомство с писчим материалом позволяет нам понять и
другую сторону истории письменности. Именно на основании
этого можно объяснить, почему одни древние языки и пись-
менности исчезли бесследно, а от других сохранились лишь
отдельные фрагменты, тогда как третьи, вверенные трудно-
разрушаемому материалу, остались невредимы и смогли от-
крыть нам свои чудесные тайны.

Вначале мы говорили, что всего насчитывается до четы-
рехсот письменностей, и сделали попытку описать всеобщее
развитие письма. Отдельные этапы этого развития, как и род-
ство между отдельными письменностями и их зависимость

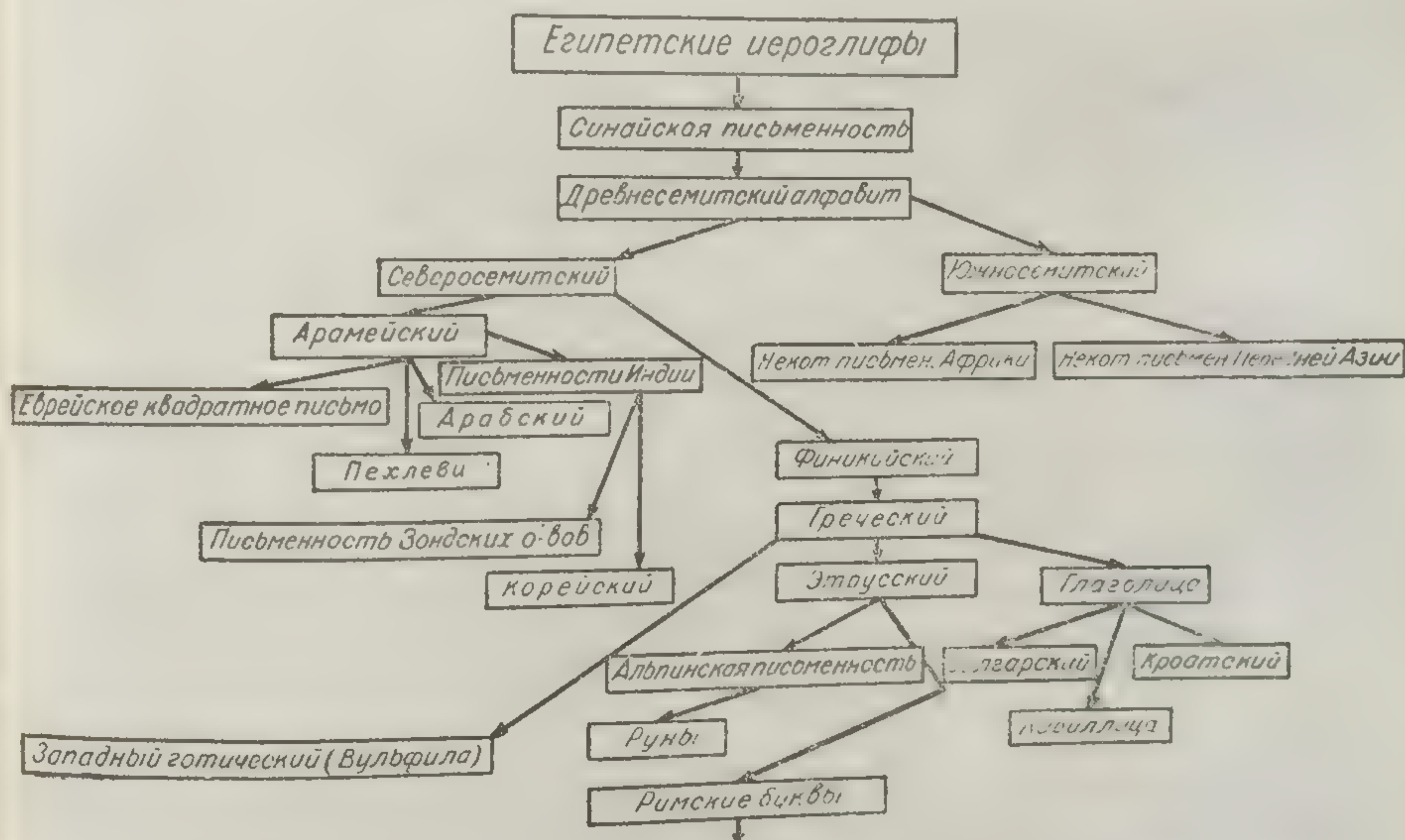

Рис. 13. Эволюция алфавитов от египетских иероглифов
до римских букв

друг от друга, не поддаются графическому изображению. Мы помещаем здесь — лишь как *маленький* фрагмент этой не созданной еще грандиозной картины — «родословное древо» латинского алфавита (по Э. Герингу). Таблица, правда, не полна и в своем стремлении к упрощению заходит, пожалуй, слишком далеко (особенно в финикийско-греческо-этрусской линии); и тем не менее она позволяет получить ясное представление о тех связях, которые покажутся нам и новыми и поразительными (рисунок 13).

II

ЗАГАД

Дешифро

«В еги
обо
редьку, лу
чтении над
шестьсот т
Великим
узнать пере
Геродот. Э
первым соо
нию, он ска
«сжность п
да Египта».
вах египтян
ны и не да

Геродот,
Ф. Г. Мищенко
что явилось сл
на греческий (а

II

ЗАГАДКА СФИНКСА

Дешифровка египетской письменности

Уже давно потеряли надежду когда-либо расшифровать иероглифы.

Давид Окерблад, 1802

Я добился!

Жан-Франсуа Шампольон, 1822

«В египетской надписи, начертанной на пирамиде [Хеопса], обозначено, сколько издержано было для рабочих на редьку, лук и чеснок; как я хорошо помню, переводчик при чтении надписи говорил мне, что всего было выдано тысяча шестьсот талантов»¹.

Великим путешественником и летописцем, пожелавшим узнать перевод надписей на пирамиде Хеопса, был опять же Геродот. Этот острый наблюдатель и искусный рассказчик первым сообщил Западу о письменности египтян. К сожалению, он сказал о ней лишь мимоходом (в полную противоположность прочим своим тщательным описаниям земли и народа Египта). В одном месте он упоминает о «священных буквах египтян». В целом же его известия о письменности скудны и не дают даже приблизительного представления о ее

---

¹ Геродот, II, 125; здесь по кн.: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 184. Сумма, приведенная Геродотом, очень мала, что явилось следствием ошибочного перевода египетского монетного курса на греческий (аттический).

внешних сторонах, не говоря уже об ее структуре и существенных особенностях.

Но, с другой стороны, Геродот своими краткими заметками не причинил, по крайней мере, и никакого вреда, чего нельзя сказать о всех его последователях в античной литературе. Диодор и Плутарх, отец католической церкви Климент Александрийский (он пустил в ход выражение «иероглифы», то есть «священные высеченные знаки»), Порфирий и Евсевий — все они хотя бы бегло касались этого предмета, а иные говорили о нем и более подробно. Однако они имели дело с материалом, который являлся продуктом вырождения египетской письменности, насчитывавшей в целом четырехтысячелетнюю историю, — это было так называемое «энигматическое» письмо, или тайнопись жрецов, игра, напоминающая ребус. Вот эту-то позднюю, выродившуюся письменность, а отнюдь не египетскую письменность эпохи ее расцвета и рассматривали Диодор, Плутарх и Евсевий. Но настоящим проводником на этом ложном пути и основным источником всех позднейших ошибок был некий Горapolлон из Нилополиса.

Сей муж с характерным египетско-греческим именем (Горapolлон) составил в 390 году две книги об иероглифах, написанные первоначально, вероятно, на коптском языке. Это курьезное произведение было в XV веке переведено на греческий язык и воспринято учеными эпохи Ренессанса без всякой критики и с тем благоговением, которое они испытывали перед всеми сочинениями древних писателей. Горapolлон довольно обстоятельно занимался «энигматическим» письмом, а затем без всяких колебаний перенес правильно им подмеченные характерные особенности этого письма и на иероглифы. При этом он, как некогда выразился немецкий египтолог Эрман, дал волю «самым бредовым фантазиям». Так, согласно Горapolлону, изображение коршуна означало «мать», поскольку среди коршунов-де имеются только самки (!); знак, изображающий гуся, означал «сын», так как гусь якобы любит своих детей больше, чем все прочие животные! Или он, например, утверждает: «чтобы выразить силу, пишут передние лапы льва, ибо эти члены у него самые мощные», «чтобы выразить понятие „грязный человек“, рисуют свинью, ибо нечистоплотность заложена в природе свиней». Подобные попытки толкований выглядят уже более убедительно, однако и они не менее ошибочны.

Горapolлон объяснял иероглифы как чисто рисуночное

письмо, в котором каждый отдельный знак должен был обозначать самостоятельное понятие.

Его представления, как это ни странно, до начала XIX века оставались последним словом науки в этой области, и потребовалось исключительное взаимодействие интеллекта и интуиции, чтобы рассеять губительную тьму, которую Гор-аполлон простер над иероглифами, и сорвать пелену, которой сей эпигон закрыл лик Сфинкса.

Однако до этого было еще далеко... Египет, древнейший центр цивилизации, тысячами нитей связанный с Западом, относительно рано отмежевался от христианской ойкумены и объединения, созданного Римской империей. Уже при восточноримском императоре Юстиниане (527—565) говорящие по-коптски и исповедующие христианство египтяне массой отпали от «маликитской» западной церкви и переходили в монофизитство, где господствовало учение о первенстве божественной природы во Христе (его же человеческая природа понималась лишь как кажущаяся плоть). Этим была разорвана самая прочная нить, связывавшая Египет с Западом. Нет ничего удивительного, что арабы-мусульмане, в 638 году вторгшись во главе с Амром, военачальником халифа Омара, в Египет и завоевав его для арабской мировой державы и ислама, смогли без труда покорить страну, разодранную религиозными спорами, еще истекавшую кровью от прошедших персидских войн и разъединенную с римским Западом. Египет (да и Сирия и Месопотамия) достался арабам, как спелый плод, упавший с дерева. И когда при штурме Александрии — древней столицы мудрецов — рухнули и обратились в развалины остатки некогда всемирно-известной библиотеки, непроницаемая завеса опустилась между Востоком и Западом. Всякая позднейшая исследовательская деятельность — а она была весьма незначительной, — всякие попытки проникнуть в глубь страны и скопировать надписи разбивались об опасность столкновений с фанатичной толпой.

Надписи на памятниках, вероятно, не раз бросались в глаза арабам, однако их толкования не выходили за пределы бессмысленных фантазий. Тянулись на восток христианские паломники, но они искали доказательств библейской истории. Так, в пирамидах они видели закрома Иосифа, узнавали в Гелиополе сикомору, под которой отдыхало святое семейство на пути в Египет, а кости, разбросанные по берегу Красного моря, принимали за останки фараона и его сподвижников,

утонувших здесь при преследовании Моисея. На надписи, которые ничего не могли рассказать о библейской истории, они не обращали внимания.

Правда, никакая завеса не может быть вечно столь плотной, чтобы сквозь нее в конце концов нельзя было проникнуть. И все же должна была пройти почти тысяча лет, прежде чем в Италии древность пережила свое второе рождение, «ренессанс», и грандиозный порыв свежего ветра разогнал тьму, которая все еще окутывала сфинксы и пирамиды,obelisks и иероглифы.

Рим сохранил среди свидетельств своего блистательного прошлого, когда он был центром империи, многие трофеи, и между сокровищами, к которым обратились гуманисты и исследователи древности, находилось несколько привезенных из Египта и украшавших Вечный город обелисков с высеченными на них удивительными знаками-рисунками. С ними и связаны первые робкие попытки исследования — сочинения о римских обелисках и иероглифах, — которые, правда, не дали результатов и поэтому ныне с полным правом преданы забвению. Их авторы лишь постольку могут занять наше внимание, поскольку они поставили Египет в поле зрения новых исследований. Однако одному из них принадлежит большая заслуга. Это иезуит Афанасий Кирхер, имя которого впоследствии часто подвергалось несправедливой хуле, но который заложил краеугольный камень египтологической науки.

Знакомого с историей ордена иезуитов и научной деятельностью некоторых его представителей не удивит тот факт, что и здесь, в области египтологии, нашлось место одному из членов ордена. Афанасий Кирхер — подлинный сын своего времени, XVII века, этой эпохи резких противоположностей, неустанных поисков и смелых предвидений, начало которой видело Бэкона, Кеплера и Галилея, середина — Декарта и Паскаля, а конец озарен именами Лейбница и Ньютона. И не кто-нибудь, а сам Лейбниц подтверждает право Афанасия Кирхера быть названным рядом с ними:

«В остальном я желаю тебе, о ты, который достоин бессмертия — в той мере, в какой оно выпадает на долю людей, чему счастливым подтверждением служит твое имя¹, — бессмертия в энергичной, полной юношеских сил старости», — писал он 16 мая 1670 года Кирхеру.

¹ Афанасий — имя греческое и означает «бессмертный».

Кирхер и его
самое время вызв
шенный интерес. К
его идеала, вопло
же было так случ
чил ему первый к
шем окончательно
Первая и реш
шла в Шпейере.
Это было в 162
и послан начал
срока» на один го
ваться духовным
ют разыскать как
библиотеку, но то

самое время вызв
шенный интерес. К
его идеала, вопло
же было так случ
чил ему первый к
шем окончательно
Первая и реш
шла в Шпейере.
Это было в 162
и послан начал
срока» на один го
ваться духовным
ют разыскать как
библиотеку, но то

Каким же путем пришел к своим занятиям египтологией сын доктора Иоганна Кирхера, советника княжеского аббата Балтазара Фульдского и чиновника из города Хазельштейн и что привело его на этот путь?

Афанасий, как мы уже отметили, значит «бессмертный». Но Афанасием звали также великого патриарха Александрийского, святого, чьими деяниями был прославлен христианский Египет, а сам Египет, помимо того, был страной, которая в то

Рис. 14. Афанасий Кирхер

самое время вызвала у миссионеров общества Иисуса повышенный интерес. Юный студент никогда не терял из виду своего идеала, воплощенного в святом, давшем ему имя, и надо же было так случиться, что как раз христианский Египет вручил ему первый ключ к познанию тех тайн, которые в будущем окончательно были раскрыты наукой египтологией.

Первая и решающая встреча Кирхера с Египтом произошла в Шпейере.

Это было в 1628 году. Афанасий только что посвящен в сан и послан начальством для прохождения «испытательного срока» на один год в Шпейер, где должен в уединении предаваться духовным размышлениям. И вот однажды ему поручается разыскать какую-то книгу. Молодой ученый перерыл всю библиотеку, но того, что нужно, не нашел. Зато среди ее со-

кровищ он обнаружил роскошно иллюстрированный том. На прекрасных рисунках были изображены египетские обелиски, которые папа Сикст V, несмотря на большие издержки, повелел отправить в Рим. Внимание Кирхера особенно привлекли странные фигуры, сверху донизу покрывающие грани этих мощных колонн. Вначале он принял эти удивительные знаки за вольное творчество древних каменотесов, за простые орнаменты. Однако текст сочинения, в который он тотчас же углубился, вскоре вывел его из этого заблуждения. Там черным по белому было написано, что в загадочных иероглифических знаках изложена мудрость древних египтян и высечена она на камне для поучения народа. Но ключ к пониманию таинственного письма давно уже утерян, и ни одному смертному не удалось до сих пор раскрыть эту книгу за семью печатями.

И тогда душа будущего исследователя зажглась желанием расшифровать иероглифы, прочесть тексты и перевести их. Не располагая необходимыми, по нашим нынешним понятиям, исходными гипотезами, без той сдержанности, которая ныне является железным законом всякой научной работы, он отважился взяться за тексты и выступил публично со своими переводами.

Здесь мы приводим образец из его «Sphinx mystagogica».

Рис. 15. *dd-jn Wsjr* «Осирис говорит»

Кирхер следующим образом объяснял эти иероглифы: «Возвращение к жизни всех вещей после победы над Тифоном, влажность природы, благодаря бдительности Анубиса» (по И. Фридриху). Любой неспециалист легко может понять, как Кирхер пришел к этому переводу: «влажность природы» он вычитал из волнистой линии, которая в действительности означает «вода», а «бдительность Анубиса» связывалась в его представлении с изображением глаза. В другом случае он переводит целым предложением написанный египетскими буквенными знаками римско-греческой царский титул «автократор» («самодержец»); причем это его толкование невозможно принять даже при самом сильном желании:

пристрастию XVI
аллегориям¹. Пра
можно было проче
содержат и
Кирхера, менее че
иероглифы — это
натиски на обели
много глубокомыс
мделно объявил
II все-таки да
рочия получили
тмству нечто по
Он первый (в с
стреледенно пока
бывающийся язык
народным языком

¹ Несколько был
и аллегориями и
остью ястнуе
для трнум
были соответ
Хотя эти р
похожи на
искусств в

«Осирис — создатель плодородия и всей растительности, производящую силу которого низводит с неба в свое царство святой Мофта».

«Нелепости» — так совершенно справедливо названы переводы иероглифов, сделанные Кирхером. Однако те, кто с излишней резкостью говорил о его «неслыханной дерзости», упускали из виду, как тесно вынужден был Кирхер примыкать к «бредовым идеям» Гораполлона, отвечая идеалу ученого своего времени, и сколь полно соответствовали его нелепые фантазии не только мистической оценке всего, что касалось исчезающей древности, но и прямо-таки болезненному

Рис. 16. Императорский титул «автократор», записанный иероглифами

пристрастию XVI и XVII веков к искусственным символам и аллегориям¹. Правда, уже у Климента Александрийского можно было прочесть, что иероглифы наряду со словами-знаками содержат и простые буквы. Но именно во времена Кирхера, менее чем когда-либо, склонны были этому верить: иероглифы — это просто символы, а если греческий перевод надписи на обелиске (был один такой перевод) не содержит ничего глубокомысленного, то он-то и ошибочен; таковым немедленно объявил его и Афанасий Кирхер!

И все-таки даже в этой области (другие его научные открытия получили признание) Афанасий Кирхер оставил потомству нечто поистине значительное.

Он первый (в своем труде, вышедшем в Риме в 1643 году) определенно показал, что *коптский язык*, тогда все более за-бывающийся язык египетских христиан, был древнеегипетским народным языком — вывод, который во всяком случае не мог

¹ Насколько был близок вкусам этой эпохи Гораполлон с его символической и аллегориями и как продолжительно сказывалось его влияние, со всей очевидностью явствует хотя бы из того, что даже Альбрехт Дюрер сделал наброски (для триумфальной арки императора Максимилиана), которые должны были соответствовать иероглифическим знакам, описанным Гораполлоном. Хотя эти рисунки и имеют художественную ценность, они совершенно не похожи на египетские иероглифы (сейчас они находятся в Музее истории искусств в Вене).

считаться в то время само собой разумеющимся и который еще и позднее оспаривался и даже подвергался насмешкам со стороны именитых ученых. Основными материалами для изысканий в области коптского языка Кирхер был обязан своим тесным связям с римской Конгрегацией пропаганды, высшим папским миссионерским управлением, где сходились нити руководства широкой сетью миссионеров, разбросанных по всему миру. Кирхер издал коптский словарь и даже коптскую грамматику и тем самым весьма способствовал пробуждению интереса к изучению этого древнего народного языка. В течение более двухсот лет его труды служили отправным пунктом всех исследований, предпринимавшихся в области коптской филологии.

И в этом неоспоримая заслуга Кирхера. Ибо Шампольон, расшифровавший позднее иероглифы и ставший классическим образцом дешифровщика, еще будучи почти ребенком, шел от этого открытия и столь хорошо изучил коптский язык, что он стал для него вторым родным языком и важнейшим ключом в его работе по дешифровке.

Вместе с тем Афанасий Кирхер имел по крайней мере одного предшественника-«коптолога». Это был итальянский путешественник Пьетро делла Валье, коптскую грамматику которого вместе со словарем Кирхер получил от одного старого друга. Этого многостороннего человека мы встретим вновь в следующей главе.

Правда, «египетским Эдипом» (так он назвал одну из своих книг и таким он видел самого себя, опираясь на представление об Эдипе греческих мифов), который будто бы вырвал из уст тысячелетиями молчавших сфинксов их загадку, Афанасий Кирхер не стал. Однако, не говоря уже о прочих его разносторонних исследованиях (их наиболее известным результатом является, по-видимому, *Laterna magica*), он занимался также и проблемами письменности. Он изобрел всеобщую письменность для глухонемых и, помимо того, составил проект универсальной письменности, при помощи которой любой человек смог бы записать свои мысли и их сумели бы прочесть все народы земли, причем каждый на своем собственном языке! Стало быть, он предшественник Карела Янсона и профессора Экарта? Ну что ж, если угодно. Ведь и сами-то они являются поздними преемниками всех тех ученых, которые уже прилагали усилия к тому, чтобы снять с человечества проклятие всеобщего языкового хаоса и преодо-

леть это вавилон-
ней письменности
феция, затем
Фрадриа Грот
клинописи.
Итак, дешиф-
приобрели от ра-
внем цар Горазд
властвовать над
II вновь тьма
Нельзя, конечно,
ния в XVIII век
сквозь эту тьму.
вующий епископ
высказал в 1740
существовавшим
являются не тол-
имеют не только
держат и звуков
повседневной ж-
дывались, кроме
го Анахарсиса
мостоятельно ра-
и востоковед Ж
докладом во ф-
1756 года, заяв-
колонисты!
Но вместе с
ное иероглифам
отчитал его за-
ние «Мануф».
ка Вольтера, яд-
мологов (истор
тельного языко-
в расчет, а до
звуковом хара-
и Созга.
Все эти здо-
ми среди бурн-
тез, которые н-
особенно мно-
мания.

леть это вавилонское столпотворение при помощи универсальной письменности; назовем здесь лишь Раймунда Лула и Трифемия, затем самого Лейбница, а из более поздних Георга Фридриха Гротефенда, дешифровщика древнеперсидской клинописи.

Итак, дешифровка и чтение иероглифов пока ничего не приобрели от работ Кирхера. Бедь и он находился под действием чар Гораполлона, которые и после него еще долго будут властвовать над умами.

И вновь тьма окутывает путь к дешифровке иероглифов. Нельзя, конечно, отрицать, что с общим взлетом востоковедения в XVIII веке отдельные лучи света все же проникли сквозь эту тьму. Так, англичанин Вильям Уорбертон, воинствующий епископ из Глостера и главный противник Вольтера, высказал в 1740 году предположение (в противоположность существовавшему до того времени мнению), что иероглифы являются не только идеограммами, а иероглифические тексты имеют не только религиозное содержание, но что эти знаки содержат и звуковой элемент, а тексты — вероятно, и нечто из повседневной жизни. О звуковом значении иероглифов догадывались, кроме того, известный автор «Путешествия молодого Анахарсиса в Грецию» французский аббат Бартеlemi, самостоятельно работавший над дешифровкой, а также историк и востоковед Жозеф де Гинь (старший), который, выступая с докладом во французской Академии надписей 14 ноября 1756 года, заявил напрямик, что китайцы — это египетские колонисты!

Но вместе с тем де Гинь уже правильно прочел начертанное иероглифами царское имя «Менес». Один из коллег резко отчитал его за это и предложил свое, увы ошибочное, чтение «Мануф». Перебранка раздражила великого насмешника Вольтера, ядовито заметившего по адресу всей братии этикологов (историков языка и специалистов в области сравнительного языкознания), что-де у них гласные не принимаются в расчет, а до согласных им и дела мало. Предположение о звуковом характере иероглифов высказывали также Тихсен и Созга.

Все эти здоровые идеи были, однако, единичными побегами среди бурно разросшихся сорняков необоснованных гипотез, которые на исходе XVIII и еще в начале XIX века были особенно многочисленны и привлекали к себе немало внимания.

Как уже отмечалось, француз де Гинь объявил китайцев египетскими колонистами. Но вот на передний план выступили англичане и заставили, наоборот, египтян выйти из Китая. Эти лавры «первооткрывателей» не давали покоя русским до тех пор, пока их надворный советник из Петербурга Кох не «доказал» наличие не более и не менее как пяти древнеегипетских алфавитов. Эти и им подобные нелепые фантазирования не прекратились и тогда, когда уже были сделаны конкретные шаги на пути к дешифровке. Все так же шнырял вокруг дьявол-соблазнитель, искушая свои жертвы иероглифами, и из текстов вычитывали эликурейскую мистику, кабалистическое, астрологическое и гностическое тайные учения, практические указания по сельскому хозяйству, целые куски из Библии и даже литературу эпохи, предшествовавшей потопу!

То там, то здесь все еще туманит головы китайский язык. Некий граф Палин добыл особый рецепт: возьмите псалмы Давида, переведите их на новокитайский, а затем изложите древнекитайскими письменными знаками — и вы получите репродукцию египетских папирусов. Стоит ли удивляться тому, что граф достиг «феноменальных результатов». Пробежав глазами надпись на известном Розеттском камне, о котором еще пойдет речь, он «с первого взгляда проникает в ее сущность», опираясь на Гореполлона, пифагорейское учение и кабалу; правда, для того чтобы сделать ее частичный перевод, опубликованный им в 1824 году в Дрездене, графу пришлось все же просидеть целую ночь. Дольше ломать над этим голову, полагает он, было бы заблуждением, ибо только благодаря его скоростному методу можно «оградить себя от систематических ошибок, которые проистекают единственно лишь из длительного размышления...»

«Какой абсурд», высказывает в связи с этим свое мнение аббат Тандо де Сен-Никола, вообще о чем-то размышлять, когда и без того ясно как божий день, что иероглифы являются орнаментами и простыми украшениями.

Не скрывали своих результатов и анонимные дешифровщики. Некто из Парижа умудрился опознать в одной надписи на храме в Дендера сотый псалом. Так было «доказано», что иероглифы имеют отношение к Ветхому завету.

В Женеве, однако, пошли еще дальше. Там был выпущен перевод надписи на так называемом обелиске Памфилия в Риме, которая вдруг явилась перед ошеломленными современ-

никами как «написанное за четыре тысячи лет до Рождества Христова известие о победе духов добра над духами зла»!

В этом нагромождении псевдонаучности, разумеется, тонули голоса вдумчивых исследователей. Мы упоминали о том, что ряд ученых уже подозревал звуковой характер иероглифов. Однако часто даже и в специальных работах упускают из виду плодотворные указания гениального исследователя Аравии Карстена Нибура, заложившего фундамент изучения клинописи. В 1761—1762 годах Нибур был обречен на многомесячное пребывание в Каире. Так или иначе, ему удалось принудить себя к ожиданию, но, отнюдь не к бездеятельности. Необходимость породила доброе дело — он начал срисовывать все доступные ему иероглифические надписи. Сначала, как он рассказывает, это вызывало у него «отвращение и скуку». Но вскоре, продолжает он, «иероглифы стали мне настолько знакомы, что я их смог срисовывать как буквенное письмо, и работа эта стала доставлять мне удовольствие».

Нибур по-новому взглянул на памятники. Он отмечает известное различие между «более крупными» и «более мелкими письменными знаками». «Только большие являются действительно символами», — полагает он. Более мелкие должны передавать лишь толкование и значение больших и часто носят «ясные черты алфавитных букв». Если это верно, то можно было бы при помощи коптского языка энергично взяться за дешифровку.

Карстен Нибур делает и второе меткое замечание, на первых порах оставшееся без внимания. Он обнаруживает, что число иероглифов относительно невелико. Но если так, то едва ли можно рассматривать египетскую письменность как целиком идеографическую, то есть такую, при которой для каждого слова имеется особый знак.

Уже на основе только этих двух гениальных «заметок на полях» следует считать Карстена Нибура одним из основоположников дешифровки египетской письменности, хотя слава его связана с дешифровкой клинописи.

Итак, с одной стороны, нелепости и пустая напыщенность, с другой, — остроумные, однако недоказанные предположения — таким было состояние едва зародившейся египтологии, когда внезапно в ее руках (причем тогда, когда этого менее всего можно было ожидать) оказался ключ к дешифровке. И произошло это при обстоятельствах, поставивших под сомнение старую истину: «Когда говорят пушки, музы молчат».

Ведь Розеттский камень, так сказать, не упал с неба. События, предшествовавшие его второму рождению, сами являются страницей истории. И открывает эту страницу отнюдь не Наполеон, как обычно думают, а Лейбниц!

Рис. 17. Готтфрид Вильгельм Лейбниц

Лейбниц был не только великим философом, но и выдающимся политическим деятелем. Политическое чутье побудило его во время посещения Парижа в 1672 году написать для Людовика XIV, честолюбивые мечты которого он хотел отвлечь от Германии, свой «*Consilium Aegyptiacum*», сочинение, где он указывал, что завоевание Египта даст французскому королю господствующее положение в Европе.

Эта докладная записка предназначалась абсолютному монарху Людовику XIV, королю божьей милостью; Лейбниц и не подозревал, что когда-нибудь его идею подхватит некий храбрый генерал, а позднее император своей собственной милостью. По свидетельству ведущих французских историков, Наполеону Бонапарту была известна докладная записка Лейбница, когда в 1798 году в зале заседаний Французского института он говорил избранному кругу ученых о возможных научных открытиях, которые он связывал с намеченной экспедицией в Египет. Воздавая должное основным идеям, зало-

женным в работе Лейбница, он, кроме того, обращался и к другой книге. Это был двухтомный французский перевод «Путешествия по Аравии» Нибура!

Поход Наполеона в Египет провалился. Мечты корсиканца о власти были развеяны, но наука захватила в этом походе добычу, богатую сверх всякого ожидания.

Жемчужина этих трофеев была найдена 2 фрюктидора VII года Республики (2 августа 1799 года).

Это произошло незадолго до наполеоновского «бегства из Египта». Неудержимо нарастал натиск английских военно-морских сил. Французские войска после блестящих побед в начале экспедиции уже давно заперты в обороне. Но они еще удерживают египетское побережье, ожесточенно и не без успеха отражают нападение оперирующих на море англичан и наступающих с юга турок.

В древнем форту Рашида, позднее форт Жюльен, приблизительно в 7 км от Розетты в дельте Нила, офицер генерального штаба Бушар приказал своим людям окопаться. Внезапно заступ одного из солдат, ударившись обо что-то твердое, со звоном отскочил назад. Земля освободила странный предмет: камень из черного базальта, который был сплошь испещрен письменными знаками.

Наверно, неизвестный арабский солдат ошеломленно уставился на неожиданную находку, а подозванные им товарищи смотрели на нее, полные суеверного страха. Во всяком случае один из них бросился к начальству и доложил ему о случившемся.

Офицеры же французских войск были обучены несколько большему, чем только наблюдению за саперными работами. Благодаря предвидению Наполеона в его армии не было недостатка в людях, которые могли прочесть по крайней мере одну часть надписи, составленную на греческом языке. Она содержала декрет от 4 ксандика — 18 мехира 9 года (27 марта 196 года до нашей эры), которым жречество города Мемфиса в благодарность за благодеяния, оказанные храмам царем Птолемеем V Эпифаном, «умножает почетные права, предоставляемые в египетских святилищах царю и его предкам».

Уже с первого взгляда можно было установить, что самая верхняя из трех надписей состоит из иероглифов, а самая нижняя — из греческих букв. Что касается средней — демонической, — то на первых порах даже и не знали, с какого

конца к ней подступиться, и ошибочно приняли ее за сирийскую.

Французы отдавали себе отчет в подлинно историческом значении этой единственной в своем роде находки. Сообщение о ней появилось в № 37 «*Courier de l'Egypte*» от 29 фрюктидора VII года; этот документ вызвал необычайный отклик и сам уже стал классическим.

В Розеттском декрете в соответствии с обычной формулой почетных декретов времени Птолемеев определялось, что постановление должно быть высечено на мемориальном камне «священными, туземными и эллинскими буквами» на трех языках страны: на старом, давно умершем языке древней литературы — древнеегипетском, затем на живом новоегипетском и, наконец, на греческом языке.

Такой прием кажется довольно сложным. Однако перенесенный в более поздние времена, он выглядит вполне естественным и понятным. Известный немецкий египтолог Георг Эберс приводит очень удачное сравнение:

«Представим себе вместо Египта тогдашнего времени итальянскую провинцию Австрийской монархии и предположим, что духовенство здесь приняло какое-то решение в честь императорского дома; тогда, вероятно, оно было бы опубликовано на древнем языке католической церкви — латинском, затем на итальянском и на немецком — языке царствующего дома и его чиновников. Точно так же был составлен и Розеттский декрет...». Если же мы представим себе еще латинский текст, высеченный прописными буквами, итальянский — прямым печатным шрифтом, а немецкий — готическим шрифтом, то соответствие будет полным!

Итак, камень был извлечен, установлен характер трех письменностей, одна из них даже переведена, была найдена с таким нетерпением ожидаемая билингва, в данном случае точнее сказать — трилингва. Стало быть, открылась прямая дорога к исследованию и дешифровке? Отнюдь, дела обстояли совсем не так просто.

Вначале камень был доставлен в Каир, в основанный Наполеоном Египетский институт. Точно предчувствуя утерю камня, французские ученые сделали оттиски с надписей, изготовили копии, а затем послали их во Францию. Позднее памятник был переправлен в Александрию и установлен там в доме французского главнокомандующего Мену. Но в 1801 го-

ду англичан
ден был
отмечалось
предметы
не Нила. Г
были привя
го очень хо
лись сохра
генерала М
Однако анг
ным пылом
се камня. Г
стоявших в
Хатчинсона
нумента. В
нее водворе
будет пребы
взятый не г
честном бою
Гордый
победа над
лу британск
вая судьба
многообеща
маса Юнга,
Однако е
Шампольон,
лю. Этот по
славленному
ученому с м
демической
новей школы
седних стран
дешифровщи
пехлеви — с
копиями Роз
ределить в д
которые соотве
ской части и
синой и Эпи
знаков демо
лись неверны
5 Э. Добльхофер

ду англичане высадили в Египте свои войска, и Мену вынужден был капитулировать. В акте о капитуляции специально отмечалось, что французы должны передать англичанам все предметы древности, найденные за последние три года в долине Нила. Правда, Розеттский камень, к которому всей душой были привязаны нашедшие его французы и значение которого очень хорошо понимали обе стороны, побежденные пытались сохранить для себя, объявив его частной собственностью генерала Мену, не подпадающей под условия капитуляции. Однако английский командующий лорд Хатчинсон с «обычным пылом, поскольку речь шла о науке», настоял на передаче камня. Под перекрестным огнем язвительных насмешек стоявших вокруг французских офицеров уполномоченный Хатчинсона Тернер отдал приказ об отправке бесценного мону-мента. В 1802 году он был доставлен в Портсмут, а позднее водворен в Британском музее, «где, надо надеяться, он будет пребывать долго... гордый трофей британского оружия... взятый не грабежом безоружного населения, но добытый в честном бою». Так заканчивается доклад Тернера.

Гордый трофей британского оружия... Но, увы, духовная победа над испещренным надписями камнем была не под силу британскому оружию. Судьба — без сомнения, справедливая судьба в глазах французов — уготовала ее, несмотря на многообещающие открытия английского исследователя Томаса Юнга, французу Жану-Франсуа Шампольону.

Однако еще до того, как на первый план выступили Юнг и Шампольон, одна копия надписей попала к министру Шапталю. Этот последний передал ее уже тогда известному и прославленному парижскому востоковеду Сильвестру де Саси, ученому с мировым именем, который в результате своей академической и педагогической деятельности стал основателем новой школы востоковедов не только во Франции, но и в соседних странах. Де Саси обратил на себя внимание и как дешифровщик: ему удалось подобрать ключ к прочтению пехлеви — среднеиранского языка и письменности. Но перед копиями Розеттской надписи и он был бессилён. Он смог определить в демотическом тексте только те группы знаков, которые соответствовали неоднократно встречающимся в греческой части именам Птолемея, Александра, Александрии, Арсинои и Эпифана. Однако его предположения о тождестве знаков демотического письма с греческими буквами оказались неверными.

Сильвестр де Саси был большим ученым, но он был также и большим человеком. В письме к Шапталю он откровенно признался в своей неспособности расшифровать тексты и отослал копию шведскому археологу Давиду Окербладу, известному ученому-любителю, который уже побывал на Востоке в качестве дипломата, а как раз теперь жил в Париже, куда прибыл для пополнения своих знаний. Окерблад занимался в основном коптским языком. Он с рвением взялся за работу над присланной ему копией; кроме того, в его распоряжении находился отлитый из серы слепок с надписей. Как и де Саси, он ошибочно принял демотическое письмо за алфавитное и поэтому считал, что оно скорее поддастся дешифровке, чем иероглифы (тем более, иероглифическая часть текста была очень сильно разрушена). Окерблад был знатоком классической и восточной филологии, и Окербладу повезло! Ему удалось опознать и прочесть в демотической части все собственные имена греческого текста.

Затем он разложил на отдельные буквы, написанные демотическими знаками греческие имена и получил алфавит из 16 содержащихся в них букв (из которых большинство он также угадал правильно). И тут Окерблад заметил, что те же самые знаки встречаются и вне собственных имен. Изумленный и обрадованный, он вдруг понял, что может разобрать по буквам целые слова, которые ему хорошо знакомы из коптского языка. В одном месте Окерблад прочел «ерфеун» («храм»), в другом — «уейнин» («греки»), а в конце нескольких слов, написанных демотикой, он даже распознал знак для грамматического окончания третьего лица (f), выражающего в коптском языке местоимения «он» и «его». (Как нам теперь известно, коптская письменность, представляющая собой разновидность греческой, заимствовала некоторые демотические знаки.)

Вероятно, в ходе исследования наш швед склонялся временами и над иероглифическим текстом Розеттской надписи, и однажды он увидел, что там, где в греческом тексте речь шла о «первом», «втором» и «третьем» храме, в соответствующих строках иероглифической части стояла простая, двойная и тройная черта с каким-то еще знаком над ними. Итак, Окерблад определил иероглифы, обозначающие порядковые числительные «первый», «второй», «третий»!

И это в высшей степени многообещающее начало раскрытия тайны Розеттского камня было положено шведским уче-

ным за...
та докту...
жил осн...
на этом вер...
де Саси и...
Да, да, ...
путь вперед...
свой письмен...
факт опущен...
языке, как и...
смог он опоз...
ные знаки, н...
годился для...
горых он был...

И все-таки
дования, если
стремления. Д...
ликому восток...
который сам же...
очень вежлив...
ских успехах...
лаждающе по...
может, с горе...
которые у нег...
ми, де Саси...
Окерблада? К...
и великому д...
желю пережив...
кой. Не менее...
тельством, ко...
дипломата и...
пылкой любви...
дина столь ос...
немецкому би...
смотря на по...
так и не удал...
Де Саси, т...
го, перерезал...
1802 года вок...
шина, прерыва...
ми дилетантов...
красавицы до...
5*

ным за очень короткое время. Своим «алфавитом» он рассчитал подступ к демотической письменности и тем самым заложил основу ее дешифровки. Но дальнейшее движение вперед на этом верном пути ему преградили двое ученых. Их звали де Саси и... Окерблад.

Да, да, прежде всего именно он сам отрезал себе всякий путь вперед, настаивая на алфавитном характере демотической письменности. При этом он, как и де Саси, игнорировал факт опущения гласных (уже было сказано, что в египетском языке, как и в семитских, гласные не пишутся), тем более не смог он опознать и многочисленные (немые!) определительные знаки, или детерминативы. Его алфавит, следовательно, годился для прочтения только тех собственных имен, из которых он был получен.

И все-таки, думается, Окерблад продолжал бы свои исследования, если бы приговор де Саси не сковал его научные стремления. Дело в том, что Окерблад письменно изложил великому востоковеду результаты своих открытий. Де Саси, который сам же поручил ему эту работу, в ответном письме в очень вежливой форме высказал большие сомнения в творческих успехах своего корреспондента, что в высшей степени охлаждаяще подействовало на впечатлительного шведа. Быть может, с горечью вспоминая о своих совсем недавних поисках, которые у него еще хватило мужества признать безуспешными, де Саси несколько пристрастно отнесся к стараниям Окерблада? Кто знает... Научное честолюбие было не чуждо и великому де Саси. Во всяком случае Давид Окерблад тяжело переживал непризнание его заслуг официальной наукой. Не менее страдал он и из-за конфликта со своим правительством, которому он некогда отлично служил в качестве дипломата и от которого он все более отдалялся из-за своей пылкой любви к Риму и своих политических принципов. Родина столь основательно его забыла, что даже 50 лет назад немецкому биографу Шампольона Гермине Хартлебен, несмотря на поддержку со стороны шведского правительства, так и не удалось достать ни одного портрета Окерблада.

Де Саси, таким образом, может быть даже не желая этого, перерезал едва только натянутую Окербладом нить, и с 1802 года вокруг трехязычного камня вновь воцарилась тишина, прерываемая время от времени пронзительными воплями дилетантов. Ничто не тревожило глубокого сна спящей красавицы до 1814 года.

В этом году, как, впрочем, и ежегодно, Томас Юнг, известный английский естествоиспытатель, отбывал в деревню, чтобы провести там каникулы и кстати предаться своим разнообразным hobby.

Юнг был выдающимся ученым в области естествознания и медицины. Он открыл основные явления зрения, установил закон интерференции света и заслуженно считается основателем современной оптики. Но Юнг был многосторонен — и как ученый, и как человек.

В 1796 году, еще будучи студентом Геттингенского университета, он выдвинул положение: только алфавит, состоящий из 47 букв, в состоянии полностью исчерпать возможности органов речи человека! Впоследствии Юнг охотно берется за составление алфавитов иностранных языков, приобретает себе славу непререкаемого авторитета в этой области и одновременно усиленно занимается каллиграфией. В кругу знакомых и друзей, от которых не укрылись его разнообразные таланты, «коньком» Юнга считалось восстановление текстов, и ему частенько давали для реставрации древние поврежденные рукописи. Все, что лежало вне сферы естествознания, было для него передышкой в работе, отдыхом, славным препровождением времени.

Но Томас Юнг никогда ничего не делал наполовину. И если уж он что-либо вбивал себе в голову, то доводил дело до конца. Так, однажды ему пришла идея овладеть искусством канатного плясуна — просто для развлечения на время каникул. Юнг занимался прилежно, и в итоге почтенный квакер отплясывает на слабо натянутой проволоке к немалой досаде всей квакерской общины!

Теперь, весной 1814 года, он вновь собирался провести каникулы в деревне. И опять же один из друзей, сэр Роуз Броутон, дал ему в дорогу древнюю рукопись, с которой он мог бы «поиграть» в каникулы. Однако на этот раз это был уже не греческий манускрипт, а демотический папирус.

Юнг уже было хотел углубиться в изучение этого папируса, как внезапно вспомнил высказывания некоего Северина Фатера, которые он только незадолго до этого видел в третьем томе «Митридата» Аделунга. Юнг как бывший геттингенский студент регулярно читал этот журнал.

Иоганн Северин Фатер (1771—1826) был профессором теологии и восточных языков сначала в Иене, затем в Галле и

Кенигсбер
даватель
ской п
менник
мен, наче
ты муми
доказани
нетицеск
из 30 с л
Вот к
ный упо
тическую
срисован
работе С
анализ п
коптской
алфавит
алфавита
В то
греческом
предшест
тического
И вот
позади во
весь демо
дельные
ческим сл
зом текст
не причин
Конеч
удалось
под пера
ческого т
года де С
стся поко
ла «нетро
Это бл
оружием,
тель соби
область?
Он не
ни необхо

Кенигсберге, а потом снова в Галле. Академическая и преподавательская деятельность привела его к изучению египетской письменности. При этом, в отличие от многих современников, он шел от «иератического письма», «от особых писмен, начертанных на полосах ткани, которыми были спелены мумии». Высказывания Фатера венчало (правда, еще недоказанное) утверждение, что иероглифы следует читать фонетически, как звуковые знаки, и что они составляют алфавит из 30 с лишним знаков!

Вот как раз об этом подумал Юнг, когда, заинтригованный упомянутым папирусом, взялся в мае 1814 года за демотическую часть Розеттской надписи, пользуясь при этом срисованной копией. Наш англичанин был осведомлен и о работе Окерблада: последний как-то переслал ему из Рима анализ пяти первых строк демотического текста вместе с коптской транскрипцией. Но уже первая попытка применить алфавит Окерблада убедила Юнга в неправильности этого алфавита.

В то же время он вслед за Окербладом увидел, что в греческом тексте определенные слова повторяются; как и его предшественник, он попытался выделить те же слова из демотического текста.

И вот здесь-то Юнг сделал такой шаг вперед, что оставил позади все достигнутое Окербладом: он разделил не только весь демотический, но и весь иероглифический текст на отдельные слова, которые, как он думал, соответствовали греческим словам, а затем издал оба обработанных таким образом текста в журнале «Археология», правда, анонимно, чтобы не причинить вреда своему авторитету.

Конечно, дело был довольно рискованным, однако оно удалось лучше, чем можно было рассчитывать. В 1814 году из-под пера Юнга вышел «Предположительный перевод демотического текста Розеттаны», посланный им в октябре того же года де Саси в Париж. Столь же быстро, полагал он, ему удастся покончить и с иероглифической надписью, которая стояла «нетронутой, подобно скинии Завета».

Это было смелое предприятие! Ну а как обстояли дела с оружием, при помощи которого английский естествоиспытатель собирался пробиться в эту, для него в основном чуждую, область?

Он не имел ни специальной филологической подготовки, ни необходимого знания восточных языков. Ему было доступ-

но лишь чисто практическое сравнение текста, а математический инстинкт был проводником в его рассуждениях; свои результаты Юнг получал путем математических вычислений и сопоставлений.

И тем более удивительны достижения ученого, располагавшего столь скудными средствами.

Во-первых, группы знаков, которые образовались после разделения демотического текста, поразительным образом совпали с группами иероглифических знаков. Они были, очевидно, простыми сокращениями и, стало быть, производными от иероглифов!

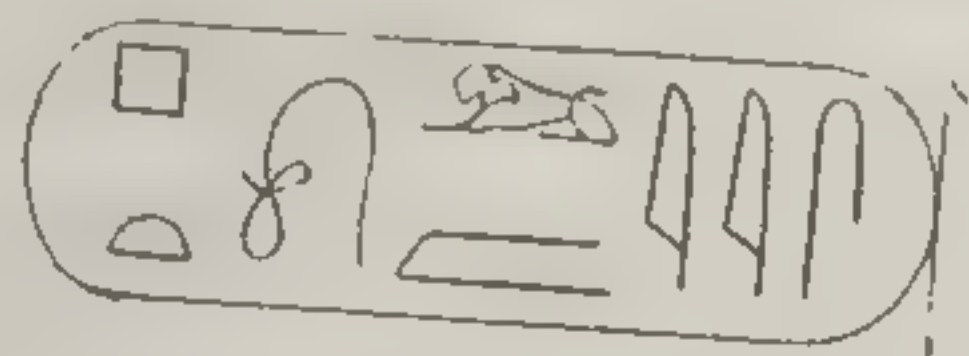

Рис. 18. Картуш с именем Птолемея

Во-вторых, Юнг мог уже привести значение некоторых групп иероглифических знаков, но, правда, еще без их звукового эквивалента.

В-третьих, из греческих имен, содержащихся в демотическом тексте, по крайней мере одно должно было встретиться в сохранившемся куске иероглифического текста, причем, видимо, именно в овале, который неоднократно повторяется в надписи. (Что в подобных овалах, или картушах, начертаны царские имена, предполагали, впрочем, уже де Гинь и Созга.)

В-четвертых, окрыленный первыми успехами, Юнг отважился на разбор и иных иероглифических текстов и удачно угадал значение нескольких слов. Воодушевленный этим, он в 1818 году составил индекс 214 начертанных иероглифами слов, из которых четвертая часть была объяснена правильно. Помимо того, индекс включал 14 иероглифических звуковых знаков; из этих знаков 5 также были поняты правильно, а 3 верны наполовину. Конечно, можно было бы возразить, что добыто не так уж много. Но это не умаляет ни бесспорного прогресса, который был достигнут, ни заслуг Юнга, который в противовес господствовавшему тогда мнению первый определил, что в иероглифической письменности наряду со словами-знаками имеются и звуковые знаки!

Теперь Юнг считал себя достаточно подготовленным для того, чтобы схватить за горло трехязычный истукан, и взялся за дешифровку картуша, который должен был содержать имя «Птолемей».

Он разделил иероглифы следующим образом:

$\square = p$; $\triangle = t$; свиток — ничего не значит (!); змея = *ole*;
 змея = *ma*; два пта = *i*; пта = *os*!

Такое расчленение показывает, как близко уже подошел Юнг к правильному чтению «Птолмис» и в то же время сколько сильно мешало ему недостаточное знание языков. Ведь он искал в иероглифах также и гласные, которые, однако, как мы знаем, в египетском письме опускались.

Имя царицы Береники из другой надписи, заранее им предположенное и в действительности там содержащееся, он прочел подобным же образом, то есть «Береника» (на самом деле «Бриикат», причем «ат» — окончание женского рода), и в результате получил еще несколько букв.

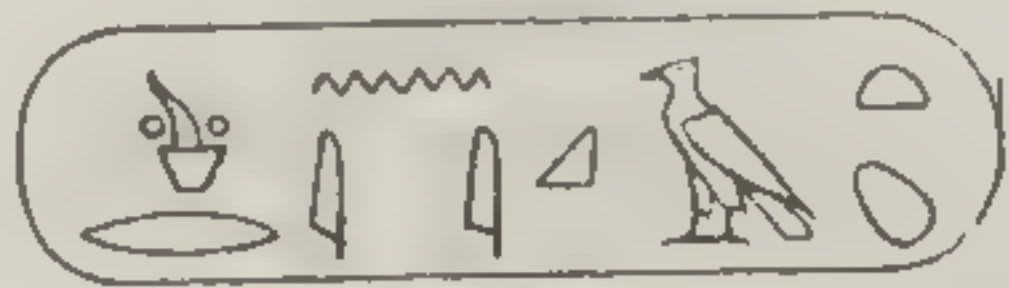

Рис. 19. Картуш с именем Береники

Тем самым Юнг положил начало подлинной дешифровке иероглифов!

Но тут мы оказываемся перед довольно своеобразным явлением: тот же человек, который открыл звуковой характер иероглифов, вынужден был, сделав одно-два удачных предположения, довольствоваться достигнутым. Распахнув дверь, Юнг не сумел перешагнуть через порог! Этим порогом стала для Юнга наука филология, и остановился он, вероятно, не совсем по своей воле. Например, наткнувшись на имя бога мертвых Анубиса, ясно написанное иероглифическими звуковыми знаками, он не узнал его и окрестил этого бога Цербером, именем адского пса греческой мифологии. Еще поразительнее, что у него буквально из рук выскользнуло имя другого бога, бога Пта. Ведь, как показывал и греческий

текст, оно неоднократно встречалось в Розеттской надписи, не говоря уже о том, что сам же Юнг вывел звуковое значение двух первых букв «п» и «т», открыв в одном из картушей имя царя Птолемея!

Почему же Юнг не пошел дальше? Как он сам писал, его исследования в этой области были для него «радостью немногих часов досуга», но чем ближе он знакомился с египтянами, тем более убывала эта радость. Как он надеялся раскрыть ту сокровищницу египетского естествознания, из которой, по его мнению, черпал Пифагор! Но чем глубже проникал он в тексты, тем яснее становилось ему, что здесь речь идет, по видимому, о богах, фараонах и о мертвых, очень много о мертвых, но нигде нет ни слова об астрономии или хронологии.

К этому прибавилось еще и то, что работы Юнга в области иероглифики ни на родине, ни за границей не привлекли особого внимания и не вызвали того отклика, какого они, по его мнению, заслуживали. Наконец, ему пришлось стать свидетелем того, как восходящая звезда его более молодого современника француза Шампольона, засиявшая в небе европейской науки, затмила свет, пролитый им, Юнгом, на дешифровку египетской письменности.

За восемь лет до того, как генерал Бонапарт раскрыл перед собравшимися во Французском институте учеными свои честолюбивые планы относительно египетской экспедиции, в небольшом кантональном городе Фижак департамента Ло, на юге Франции, боролась со смертью молодая жена книжного торговца Жака Шампольона. Она была тяжело больна и ждала ребенка. Муж в отчаянии вспомнил вдруг о своем чудаковатом соседе Жаку, который жил рядом, уютясь в старинном, давно оставленном монастырском здании, его маленький садик соприкасался с широко раскинувшимися владениями семьи Шампольон. Жаку слыл волшебником, ему было ведомо сокровище, и он мог похвастаться многочисленными примерами чудесных исцелений больных. Он не заставил себя долго просить и предписал положить больную на разогретые травы, спасительные свойства которых были известны только ему одному. Он приготовливает из трав горячее зелье для питья и втирания, а затем обещает скорое, полное исцеление. Он предсказывает рождение сына. И Жаку не был бы волшебником, если бы не добавил при этом: «от вашей болезни родится мальчик».

¹ Как это, та Шампольона, взя Хартлебен (Н. Н. Berlin, 1906).

который станет светочем грядущих веков»¹. Итак, родится сын, и слава его озарит грядущие столетия!

И кто смог бы упрекнуть счастливое семейство за то, что оно твердо поверило в это предсказание Жаку — в славу и бессмертие маленького Жана-Франсуа, когда ожидаемое дитя в действительности оказалось сыном, а вслед за тем наступило быстрое и полное исцеление? Но больше всех верил в блестящее будущее маленького свертка, лежащего в люльке, двенадцатилетний Жак-Жозеф, который вместе с другими принимал участие в крещении братишки.

И правда, удивительным ребенком одарила судьба семейство Шампольонов. Осматривавший его врач, доктор Жанен, был чрезвычайно изумлен: большие темные глаза светились на желтоватом личике, обрамленном пышными темно-каштановыми волосами. Это лицо казалось восточным, и — врач был совершенно озадачен — даже роговица глаз малыша была желтой, как у настоящего сына Востока!

Ребенку не суждено было расти в тесном кругу семьи, оберегаемым от забот и бурь, пронесившихся за окном. Во Франции вспыхнула революция, и волны ее, вздымаясь все выше и выше, достигли 1 апреля 1793 года городка, где родился Жан-Франсуа. Город Фижак из-за ожесточенной борьбы его жителей за свободу и их непреклонного чувства собственного достоинства издавна пользовался «дурной» славой — славой, которая вновь ожила в 1789 году. В том же году отец Франсуа отдал себя на службу новой эпохе. В III году Республики он стал одним из директоров городской полиции и заметно преуспевал на этом посту. Несмотря на то что его дом был охвачен огнем зажигательных тактов карманьолы, он предложил убежище некоторым лицам, чья жизнь подвергалась опасности. Среди них находился и бенедиктинец Дом Кальме, будущий учитель его второго сына. Громкое ликование по поводу завоеванной наконец свободы, слезы и стенания спрятанных в доме Шампольона беженцев — таковы первые неизгладимые впечатления не по возрасту развитого Жана-Франсуа. Однако мощные звуки фанфар свободы, надо думать, оставили более глубокий и яркий след в его восприимчивом сердце.

¹ Как это, так и другие высказывания, относящиеся к жизни и делам Шампольона, взяты из его биографии, автором которой является Гермина Хартлебен (H. Hartleben, *Champollion; sein Leben und sein Werk*, Bd I—II, Berlin, 1906).

Как-то однажды в это беспокойное время вдруг хватились Жана-Франсуа. Волнение охватило всю семью: за окном бушует гроза, а малышу только два с половиной года! Все бросились на поиски, перерыли весь дом, кинулись на улицу, прямо под проливной дождь, и только тогда увидели малыша. «Как степная ласточка», он притаился под самой крышей, вытянув шею и простерши руки. Зачем? Чтобы поймать «немного небесного огня», как потом с детской непосредственностью объяснил наш маленький Прометей своей на смерть перепуганной матери.

Жан-Франсуа, разумеется, не знал еще, что ему предопределен путь дешифровщика. Но, будучи сыном книготорговца, он рос среди книг, и задолго до того, как взрослые нашли время для регулярных занятий с ним или подумали об этом, в маленькой голове развился живой, деятельный ум. Вопросы следовали беспрестанно, и мать, чтобы развлечь и занять мальчугана, пересказывала ему большие отрывки из своего требника. Жан-Франсуа заучивал услышанное наизусть. Затем он извлек откуда-то второй экземпляр требника. Теперь ему показали те места, где находились заученные отрывки, и он занялся сравнением услышанного с напечатанным. Каждой букве он давал собственные фантастические названия. И вот пятилетний мальчуган приглашает родителей на первую настоящую читку отрывков из требника и преподносит им свои первые самостоятельно исполненные образцы письма; правда, они выглядят еще несколько странно, так как он перерисовывал печатные буквы!

Надлежащее обучение начал с мальчиком только два года спустя его брат Жак-Жозеф, который для этого отказывал себе в считанных часах досуга. Жак-Жозеф, однако, был для подростка больше, чем первым учителем, и даже больше, чем любящим и заботливым братом: он стал, разумеется, не догадываясь об этом, первым посредником между Жаном-Франсуа Шампольоном и его обетованной землей — Египтом.

Благодаря хорошим связям двоюродного брата, одаренному старшему сыну Шампольонов в 1797 году открылась перспектива сопровождать армию Наполеона в Египет. Жак-Жозеф, охваченный пылким желанием осуществить этот план, в ярких красках нарисовал перед затаившим дыхание братом картину древней, загадочной страны. Так впервые перед духовным взором семилетнего мальчика возник образ чудесной страны Египта. Но это был еще лишь призрак — фата

морган. Паска
в Гренобле.
своего двоюродного
Разочарова
Кальме, котор
любить природ
ных. Но перис
чик не совсем
вызывало плач
стей (плохим м
Жан-Франсуа
из любви к бла
Гомера. И наст
бы, получил вто
для Жака-Жозе
с сообщением о
Но Жак-Жозе
Никогда братья
сохранят в серд
пами на горизон
ного мира Доф
учебные заведен
ние одиннадцати
Гренобль к брат
жет посещать п
Дюссера и учить
ский язык! Уже
занятий, еще не
ных инспекторов
еврейского текста
И в этом же
Египта». В Грено
парламента. Это
или политик, а
Фурье, душа фра
тала при Наполео
к труду этой ком
Египта»). С прие
местился в Грено
предначертанном
Получилось та
встрече высокоода

морган. План рухнул, и Жак-Жозеф вместо Египта оказался в Гренобле, где стал вначале служащим в торговом деле своего двоюродного брата.

Разочарованный Жан-Франсуа остался с добрым Домом Кальме, который бережно воспитывал мальчика и учил его любить природу. Ребенок собирал камни, растения, насекомых. Но период домашнего обучения скоро кончился. Мальчик не совсем подходил для общей школы. Досаду учителей вызывало плачевное состояние его математических способностей (плохим математиком он остался на всю жизнь). Но зато Жан-Франсуа налету заучивал греческий и латынь; просто из любви к благозвучию стихов он наизусть читал Вергилия и Гомера. И наступил день, когда он вновь услышал зов судьбы, получил второй привет из далекого Египта: в отчий дом для Жака-Жозефа пришел 37-й номер «*Courier de l'Egypte*» с сообщением о находке Розеттского камня.

Но Жак-Жозеф с 1798 года жил в Гренобле. Гренобль! Никогда братья не забудут этот прекрасный город и навсегда сохранят в сердце его чудесные виды с величественными Альпами на горизонте. Вместе с тем Гренобль был центром ученого мира Дофинэ, имел свою академию и превосходные учебные заведения. В 1801 году исполнилось заветное желание одиннадцатилетнего Жана-Франсуа: он может ехать в Гренобль к брату, к которому столь сильно привязан, он может посещать почтенное частное учебное заведение аббата Дюссера и учить там, к великой своей радости, древнееврейский язык! Уже в 1802 году, то есть через год после начала занятий, еще не достигнув и 12 лет, он удивил своих школьных инспекторов остроумной интерпретацией одного места из еврейского текста Библии.

И в этом же году его жизнь озарил третий «луч света из Египта». В Гренобль прибыл вновь назначенный префект департамента. Это был не какой-нибудь заурядный чиновник или политик, а известный физик и математик Жан-Батист Фурье, душа французской научной комиссии, которая работала при Наполеоне в Египте, и автор исторического введения к труду этой комиссии «*Description de l'Egypte*» («Описание Египта»). С приездом Фурье Египет в одно мгновение переместился в Гренобль — событие, ставшее основной вехой на предначертанном судьбой пути Жана-Франсуа.

Получилось так, что ряд обстоятельств способствовал встрече высокоодаренного ребенка с великим ученым. Стар-

ший брат, теперь уже в качестве секретаря гренобльской Академии, находился в тесных отношениях с Фурье. С другой стороны, вновь назначенный префект не преминул проинспектировать учебное заведение, где ему бросился в глаза резко выделявшийся среди своих сверстников талантливый ученик. Фурье обещал ему показать свою коллекцию египетских древностей.

И вот осенью 1802 года, замерев от восхищения, мальчик стоит в префектуре Гренобля перед маленьким, но изысканным собранием древностей Фурье. Восторг и умные вопросы застенчивого малыша, неподдельный огонь прирожденного исследователя, пылавший в его взоре, побудили старшего брата разрешить ему посещать вечера, где в узком кругу собирались ученые. Но в этом едва ли была хоть какая-нибудь необходимость. Судьбу Жана-Франсуа Шампольона уже решило посещение коллекции Фурье. Именно здесь, как он часто потом рассказывал, в нем зажглось неодолимое желание расшифровать когда-нибудь египетскую письменность, и здесь же он проникся твердым убеждением, что достигнет этой цели.

«Только вдохновение — вот настоящая жизнь», — сказал Шампольон как-то позднее, и эта фраза стала девизом его жизни. Но впервые вдохновение со всей силой овладело еще не достигшим двенадцатилетнего возраста мальчуганом перед египетскими сокровищами Фурье, манившими к себе своей таинственностью; здесь со всем упоением он отдался во власть этого вдохновения, чтобы уже никогда с ним не расставаться.

Но можно ли удивляться тому, что у ребенка оно проявлялось по-детски, что истинное призвание и переливающийся через край избыток духовных сил нашли самый удивительный выход?

Все, что ему попадает под руку, он испещряет странными письменными знаками, называя их иероглифами; жадно набрасывается на всякий новый учебный материал и засыпает вопросами всегда готового прийти на помощь брата. Но поскольку он не может еще погрузиться в «египтологию», его энергия и жажда деятельности находят применение в других областях. Так, на основе «Жизнеописаний» Плутарха создается целая галерея античных героев в виде картонных медальонов: он пишет «Историю знаменитых собак», славные дела которых венчают похождения Аргоса, собаки Одиссея. Он собирает материал для «Хронологии от Адама до Шампольона-младшего», ибо пришло-де, наконец, время раз и на-

всегда покончить с ненадежностью и скудностью существующих исторических таблиц! А однажды его застigli на месте преступления, когда он расположился на полу в комнате брата, разложив вокруг себя целый ворох страниц, вырезанных из книг Жака-Жозефа. Но ведь это были как раз те места из Геродота и Страбона, Диодора, Плиния и Плутарха, где речь шла о Древнем Египте! И брат, быстро преодолев скорбь по поводу столь варварского обращения со своими любимыми книгами, похвалил малыша за его стремление к систематическому исследованию.

Похвала пришла и из школы. «Я очень доволен господином Шампольоном-младшим», — писал аббат Дюссер, а за этим последовала и самая высокая награда: брат разрешил жаждущему знаний мальчику изучать еще три языка: арабский, сирийский и «халдейский»! Погруженный в науку двенадцатилетний исследователь иной раз оказывался и на ложном пути, и «китайские духи», которых в свое время заклинал еще де Гинь, начали было обступать и его, и лишь твердая рука брата отогнала эти призраки.

Между тем в Гренобле Наполеон открыл полувойенный лицей с интернатом; его отныне должен был посещать и Жан-Франсуа Шампольон. Несмотря на некоторую свободу и предоставленные ему льготы, мальчика давили военная дисциплина и монотонность армейского учебного заведения. В это же время он познакомился у Фурье с Домом Рафаэлем, в прошлом коптским монахом, который сослужил важную службу Наполеону и французской армии в Египте и за это был назначен преподавателем арабского языка в Школу восточных языков в Париже. Эта встреча имела особенно большое значение для Шампольона именно теперь, когда он, занимаясь самостоятельно, приобрел серьезные познания (при этом он испортил себе зрение и здоровье, так как тайком читал по ночам). Труды академиков де Гиня и Бартеlemi указали ему на общность коптского и древнеегипетского языков, а статья патера Бонжура о ватиканских коптских манускриптах укрепила его в мысли, что только изучение полузабытого коптского языка могло бы привести к открытию древнеегипетского языка и дешифровке древнеегипетской письменности.

«Пришли мне „Записки“ Академии надписей (в них десятки лет назад печатались статьи де Гиня и Бартеlemi), — писал он своему брату. — Ведь невозможно же читать все

время только таких серьезных авторов, как Кондильяк¹. Там четырнадцатилетний мальчик пришел к чтению ученых трудов.

В конце концов Фурье все-таки вызволил этого «горячего жеребенка, которому полагается тройная порция овса» из тесной конюшни лицея. С помощью того же Фурье Шампольон познакомился с «*Consilium Aegyptiacum*» Лейбница. Развитый не по летам мальчик пылко надеялся на то, что император Наполеон когда-нибудь сможет совершить то, чего не сделал Людовик XIV и что не удалось генералу Бонапарту, — превратить Египет в центр цивилизованного мира. «Я все время думаю, что я в Египте», — все вновь и вновь повторял Жан-Франсуа, и наконец со всей непосредственностью юности он взялся за подготовку своего первого научного труда «Египет при фараонах».

План всего сочинения вместе с географической картой он передал гренобльской Академии, и в том же 1807 году ему была предоставлена возможность прочесть академикам введение к своей работе. Недоверчивость, сомнение и просто любопытство отразились на лицах ученых слушателей, когда перед ними предстал шестнадцатилетний юноша, чтобы доложить о своем первом исследовании. Но зато когда он кончил, президент Академии Ренольдон вскочил с места и с большим подъемом приветствовал его вступление в сияющий сонм ученых: «Академия торжественно избирает вас, несмотря на вашу молодость, своим членом. Тем самым она оценивает то, что вы уже сделали, но еще более она имеет в виду то, что вы еще сможете сделать! Академия находит удовлетворение в мысли, что вы оправдаете ее надежды и что, если ваши труды принесут вам в один прекрасный день славу, вы вспомните о том, что первое поощрение вы получили именно от нее!»

В шестнадцать лет Шампольон отправился в Париж, чтобы, разумеется, осуществить свои планы решения египетской загадки. Но и не только ради этого. Он хочет также создать себе положение и добыть средства для того, чтобы жениться на своей кузине Полли, которая была старше его на шесть лет и к которой юный Жан-Франсуа питал самые пылкие чувства. «У каждого свой вкус... но лишь тот мудрейший из мудрых, кто женится», — говорил он в весьма прочувствованном стихотворении того периода.

¹ Кондильяк — высокопочитаемый в то время философ и психолог.

Париж
самых зам
ложить за
Сам. уже
С необычай
легким не
вызывал б
си также п
сочинение
фараонах»

Студент
«халдейско
арабский и
случае зам

Но самы
изучать в П
В церкви С
Иешу Шефт
его (коптск
Одним слов
вольствию,
по-коптски
нять...»

Но зато
Востока, и
ных стран б
осчастливил
дей, как у с
ственное за
изменило мо
танные звук
роятно, еще
лик, так как
мне отвечал
отвечал, всл
любезностям
Необыча
ние с предст

¹ Копты (е
церковью стар
дейтельно спос

Париж предоставил ему для изучения восточных языков самых замечательных преподавателей из тех, кого мог предложить Запад. Жак-Жозеф познакомил его с Сильвестром де Саси, уже достигшим к тому времени вершины своей славы. С необычайной робостью предстал юноша перед сорокадевятилетним невзрачным человеком, весь облик которого, однако, вызывал благоговение своей одухотворенностью. Сам де Саси также получил от встречи глубокое впечатление. Правда, сочинение шестнадцатилетнего Жана-Франсуа «Египет при фараонах» он счел преждевременным.

Студент слушает в Париже лекции по древнееврейскому, «халдейскому» и сирийскому языкам; он изучает санскрит, арабский и греческий. И уже в 1808 году Шампольон мог при случае заменять на кафедре одного из своих преподавателей.

Но самым прекрасным языком, какой только можно было изучать в Париже, да и во всем мире, был для него коптский. В церкви Сен-Рош он слушал коптского священника-униата Иешу Шефтидши, читавшего по-коптски мессу¹. «Я хочу знать его (коптский язык. — Э. Д.), как свой родной французский... Одним словом, я стал коптом настолько, что, к своему удовольствию, перевожу все, что мне придет в голову. Я говорю по-коптски с самим собой, ибо другие меня не смогли бы понять...»

Но зато имелись собеседники, говорившие на иных языках Востока, и частое общение с образованными сынами восточных стран было другим большим подарком, которым Париж осчастливил нашего студента. «Он у всех этих восточных людей, как у себя дома», — говорил о нем брат, а вот и его собственное замечание: «Арабское произношение совершенно изменило мой голос; оно сделало его глухим, появились гортанные звуки. Я говорю почти не двигая губами, и это, вероятно, еще более подчеркнуло мой от природы восточный облик, так как Ибн Сауа... вчера принял меня за араба и начал мне отвечать свой саямат, на который я соответственно отвечал, вслед за чем он стал осыпать меня бесконечными любезностями...», пока не вмешался Дом Рафаэль.

Необычайное прилежание Шампольона и его живое общение с представителями Востока вскоре же принесли столь по-

¹ Копты (египетские христиане) были частично объединены с римской церковью стараниями упомянутой выше Конгрегации пропаганды, которая деятельно способствовала воскрешению коптского языка.

разительные плоды, что объездивший Восток инженер и естествоиспытатель Сонини де Манонкур после встречи с юношей объявил: «Я с удовольствием вижу, что он знает столь же хорошо, как и я сам, те страны, о которых мы с ним беседовали!» А (заранее рассчитанного) «непроизвольно вырвавшегося» восклицания известного френолога доктора Галя: «О, что за филологический гений!» — было, пожалуй, вполне достаточно, чтобы заставить окружающих распознать в юноше прирожденного исследователя, исполненного вдохновения и одержимости.

В 1808 году здесь же, в Париже, произошла, наконец, достопамятная встреча Шампольона с Розеттским камнем, с которым навсегда останется связанным его имя. Правда, Шампольон встретился не с самим камнем — его англичане хранили для себя. Однако копию получил и Шампольон.

Он еще не рискует приблизиться к иероглифическому тексту и пока ограничивается тщательным сравнением письменных знаков демотической части с папирусом, написанным, предположительно, также демотическим, а в действительности иератическим письмом. Таким путем он получил несколько демотических букв, и некоторые из них совпадали с буквами Окерבלада.

«Я сообщаю тебе о моем первом шаге!» — писал он брату. Но этот шаг еще не вел за пределы того, что было достигнуто Окербладом. Да и рабочую атмосферу, в которой он был сделан, никак нельзя назвать благоприятной: с одной стороны, брат (он теперь стал называть себя Шампольон-Фижак) беспрестанно торопит с великими делами, с другой — де Саси, осторожный учитель, советует не тратить столько времени на дешифровку, где удача, если она вообще мыслима, есть дело случая. Можно ли удивляться, что Шампольон временами становился малодушным: «Семь дней я потратил на египетскую надпись и убежден, что полностью ее никогда не переведут».

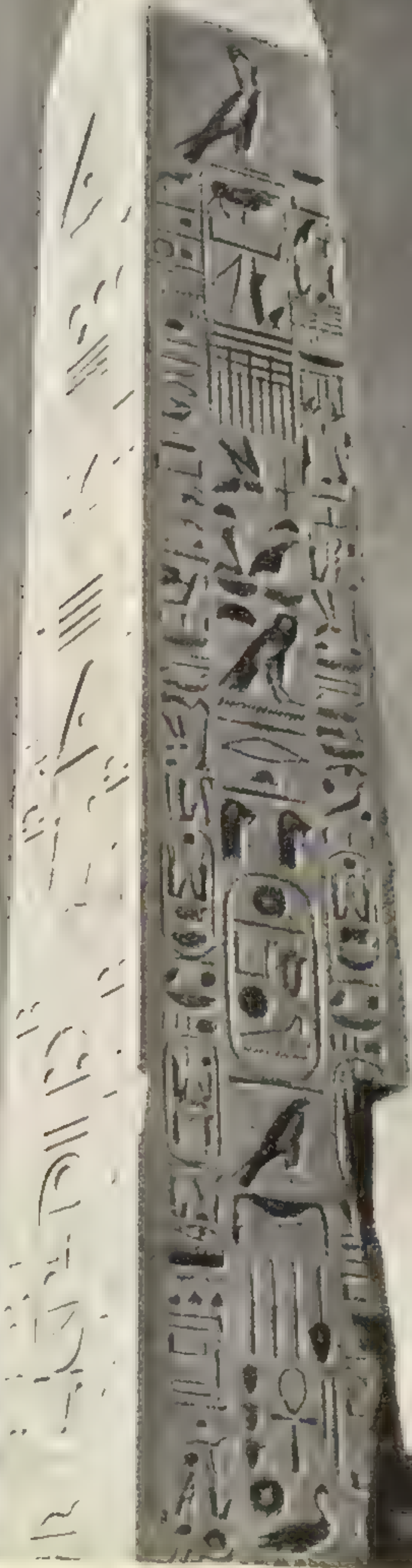
Уже в 1809 году Шампольон вынужден был прервать свою учебу в Париже. Его, восемнадцатилетнего юношу, пригласили занять должность профессора на кафедре истории вновь открытого факультета в Гренобле. Он выполняет свои новые обязанности со всем усердием — ведь перед ним в качестве

Табл. I. Скарабей с египетской иероглифической надписью, упоминающей о вступлении в брак фараона Аменхотепа III. —→

Есть инженер и ест-
ественно, что встречи с ко-
торых мы с ним бе-
зусловно выре-
дился доктора Галля. Но
пожалуй, вполне до-
статочно распознать в юном
инженере вдохновения

служит...
ры...
жалкого...
жать и свои...
сообщает гр...
письменности...
что доньше...
Он обнаруж...
го письма. Ме...
дится еще оди...

Иероглифическое
иероглифическое
му, что иерогли...
мятниках, нача...
пиресе. Принци...
на первый взг...

Однако Шампольон
следовательно
ности, считая
ческое и иерогли...
признал свою
ма — это пис...
ных письма я...
ровка иерогли...
Шампольон с...
решающему у...
того, как по...
заниматься и...

В 1813 году
свое первое
ством строит...
сегодня чрез...
многих вели...
элончангй д...
мал Шампо...
И действите...
стояли мест...
глифической...
а в демоти...

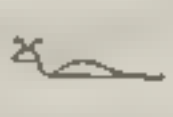

слушателей сидят его прежние товарищи, и многие из его старых учителей завидуют академическому триумфу некогда «жалкого ученика». Тем не менее он находит время продолжать и свои собственные исследования и 7 августа 1810 года сообщает гренобльской Академии свою теорию египетской письменности, которая окончательно порывает со всем тем, что доныне считалось принятым в этой области.

Он обнаружил, что имелось не два, а три вида египетского письма. Между демотическим и иероглифическим находится еще один вид — «иератический», как он его назвал.

Иератическое письмо — результат дальнейшего развития иероглифической письменности. Оно возникло благодаря тому, что иероглифы, которые прежде только высекали на памятниках, начали использовать как буквы при письме на папирусе. Принципиально отличный материал вызвал рождение, на первый взгляд, совершенно «новой» письменности.

Однако Шампольон вначале неправильно определил последовательность возникновения этих трех видов письменности, считая демотическое письмо самым древним, а иератическое и иероглифическое более поздними. Но уже вскоре он признал свою ошибку и объявил: все три египетских письма — это письменность одного и того же типа, оба курсивных письма являются производными от иероглифов, и дешифровка иероглифов должна идти от демотики. Тем самым Шампольон окончательно расчистил себе путь к будущему решающему успеху, и это, между прочим, за четыре года до того, как по ту сторону пролива Томас Юнг вообще начал заниматься иероглифами!

В 1813 году Шампольон сделал в области иероглифики свое первое открытие, которое служит блестящим свидетельством остроты его ума. Рассуждения Шампольона выглядят сегодня чрезвычайно простыми — один из признаков столь многих великих открытий. В коптском языке имелось шесть окончаний для шести личных местоимений. По-видимому, думал Шампольон, их можно обнаружить и в древнеегипетском. И действительно, если в греческом тексте Розеттского камня стояли местоимения «он» и «его», в соответствующей иероглифической части был высечен знак (рогатая змея), а в демотической части — знак, о котором Шампольон уже

знал, что он возник из этого знака змеи и идентичен коптскому **Ч**, обозначающему звук *f* как показатель третьего лица. Так железная логика исследования привела Шампольона к определению первого иероглифа по его звуковому значению.

И вдруг опять — ни шагу вперед; и даже более того — возврат к давно уже пройденному этапу. Шампольон снова начинает рассматривать иероглифы как символические знаки без определенного фонетического характера! Казалось, будто наш старый знакомый бес, который ранее столь успешно кружил головы символами, почувствовав приближение конца своего владычества, собрался сыграть злую шутку с дешифровщиком.

В это время благодаря Юнгу стала известна иероглифическая форма имени Птолемея, и Шампольон все вновь и вновь к ней обращался. Но там, в центре овала с именем, величественно восседал лев. Тогда Шампольон решил, что воинственный лев не может означать ничего иного, кроме понятия «война», по-гречески — *p(t)ólmes*, то есть то самое слово, которое включено и в имя царя!

Но если эта «война» оказалась лишь очередным миражем, то вскоре уже настоящая война постучала в дверь рабочей комнаты дешифровщика. Жан-Франсуа, несмотря на упорный труд, вовсе не превратился в кабинетного ученого. Он остался подлинным гражданином и пылким патриотом своей Франции. И с возвращением Наполеона с острова Эльбы сердце его забило сильнее. Для горячих голов сторонников Наполеона ста дней было вполне достаточно, чтобы вызвать серьезные подозрения у полиции. А когда Жан-Франсуа примкнул к восстанию Дидье в Гренобле и с оружием в руках поднялся на борьбу с Бурбонами (при этом он, правда, не забыл укрыть с опасностью для жизни свои египетские сокровища), терпение полиции иссякло. Шампольон вынужден был бежать и некоторое время, как затравленный, без приюта скитался по Альпам в Дофинэ. Кафедры его и брата были упразднены. Только через довольно продолжительное время им обоим разрешили безвыездно проживать в Фижаке и позднее в Гренобле. Там Шампольон с грехом пополам сводил концы с концами, перебиваясь учительствованием в реформистской школе.

Между тем на погруженной временно во тьму сцене, где разыгрывалась история дешифровки, незаметно для Шампольона происходит смена декораций, и действующими

лицами следующего акта драмы становятся английский дипломат, английский путешественник и коллекционер, балаган-ный Геркулес и обелиск. Последнему отводится заглавная роль, однако и прочий ансамбль стоит того, чтобы о нем упомянуть, а участие атлета, звезды варьете, конечно, не вызывает уже особого удивления — в конце концов ведь даже Томас Юнг отличился в свое время в роли канатного плясуна.

Дипломатом был английский генеральный консул в Египте Генри Солт. Не имея специальной подготовки, действуя на свой страх и риск, наш англичанин тем не менее много и успешно работал в области исследования и собирания египетских древностей. Однако уже в 1817 году он был вынужден письменно просить секретаря французской Академии надписей Дасье, занимавшего этот пост много лет, об установлении связи с французскими учеными. Письмо ярким лучом света озарило серые будни школьной деятельности Шампольона в Гренобле. Оно было написано в Долине мертвых в Фивах, где, по подсчету Солта, было открыто пять царских погребений. Эта титаническая работа была совершена упомянутым выше Геркулесом.

Его звали Джованни Баттиста Бельцони, и появился он на свет в 1778 году в семье одного падуанского брадобрея. Уже вскоре к удивлению соседей мальчуган в буквальном смысле на голову перерос своих домашних и в шестнадцать лет выглядел как юный Голиаф. Стоит ли говорить, что ему стало тесно в отцовской лавчонке, и Джамбаттиста направился пешком в Рим. Обученный только отцовскому ремеслу, он занимался этим почтенным делом, пока дорогу ему не пересекла прекрасная римлянка, воспламенившая его жарким огнем своих глаз. Однако красавица при всем том обладала, увы, холодным сердцем, и потому, вероятно, несколько неуклюжие домогательства Голиафа были отвергнуты. Что делает в такой ситуации всякий уважающий себя семнадцатилетний итальянец? Он бежит мирской суеты. В полном соответствии с этим Бельцони отправился в монастырь. Там он, по-видимому, изучал гидравлику — во всяком случае он уже мог оказать помощь при бурении артезианского колодца.

На службу же египтологии его, можно сказать, поставил Наполеон Бонапарт.

В 1796 году корсиканец, еще будучи генералом, вторгся в Италию и «освободил» Милан. Другие французские отряды двинулись на Рим и нанесли жестокое поражение войскам па-

пы Пия VI. Патриоты, выступавшие с оружием в руках против захватчиков, расстреливались, а отряды вербовщиков устраивали на улицах форменную охоту на здоровых и хорошо сложенных молодых людей и насильно вербовали их во французскую армию. Бельцони был для них, разумеется, долгожданной находкой: какой правофланговый выйдет из этого парня! И вот его останавливает отряд, предводительствуемый сержантом. Однако солдаты, видно, недооценили Самсона в рясе. Удар — сержант отлетает в сторону, а Бельцони вручает свою судьбу ногам и переводит дух только в Падуе. Но и там уже не правит дож, новым властителем области является австрийский император.

Бельцони отправляется в Венецию, где учится строить водочерпальные колеса и углублять каналы; он становится хорошим специалистом по водным сооружениям. Затем им овладевает «охота к перемене мест». Он пересекает всю Европу. В Ганновере Бельцони ненадолго попадает в прусские оккупационные войска. Есть основания полагать, что он оставил эту службу без разрешения начальства. Второе короткое посещение Венеции убеждает Бельцони, что для человека его роста почва Центральной Европы все еще слишком горяча. Он отплывает в Англию, где его ждет совсем уж непредвиденная карьера: отныне он «архитектор по гидравлическим приспособлениям сцены» в Лондоне и звезда варьете, силач, который может носить одиннадцать «дикарей»!

После гастрольной поездки по Португалии и Испании Бельцони, всегда тщательно избегавший военных свалок на континенте, ретируется на Мальту. Здесь он предлагает свои услуги в качестве строителя водных сооружений агентам египетского паши Мухаммеда Али и как специалист-гидролог становится желанным гостем будущего державного владыки страны на Ниле.

Было бы, конечно, интересно проследить и далее необыкновенный жизненный путь этого человека. Однако мы вынуждены ограничиться описанием того решающего вклада, который Бельцони, не подозревая об этом, внес в историю дешифровки египетских иероглифов.

Работая в Египте, Бельцони заслужил славу отличного специалиста по транспортировке. Он брался за все, и если было нужно — делал это своими собственными руками. Только ему одному можно было поручить отправить по Нилу сброшенный с пьедестала обелиск длиной 26 футов. И он сделал

это по
на бэн
генер
из свои
ему буд
телей.
Посет
то, что
ческой
ный зате
ря, цоко
А гречес
Неуто
вал неро
Юнгу, од
Тем в
му не мо
ослаблен
чет вызва
вых — с
санными
ратически
мертвых,
ны в гроб
ликованы
французс
та». Внов
он отдель
дов письм
утомитель
работа. И
он ее заве
жет пере
текст, зна
ческим пи
нее — не
никто до
Сколь вел
лима про
ческим пи
гими вид
вает нагл

это по поручению английского коллекционера Вильяма Джо-
на Бэнкса, друга Байрона, — к возмущению французского
генерального консула Дроветти, едва выпустившего обелиск
из своих рук. Опять памятник попал к англичанам — и опять
ему будет суждено утвердить славу французских исследова-
телей.

Посетив остров на Ниле — Филэ, Бэнкс обнаружил там
то, что осталось сокрытым от взоров других: цоколь с гре-
ческой надписью, на котором первоначально стоял сброшен-
ный затем обелиск, испещренный иероглифами. Иначе гово-
ря, цоколь и обелиск некогда составляли единое целое.
А греческая надпись на цоколе содержала имя Клеопатры!

Неутомимый в поисках, Бэнкс уже в 1815 году скопиро-
вал иероглифы обелиска. Сам камень стал доступен через год
Юнгу, однако Юнг так ничего и не смог от него добиться.

Тем временем Шампольон работал как одержимый, и это
му не могло помешать ни лишение политических прав, ни
ослабленное здоровье. Он хо-
чет вызвать на разговор мерт-
вых — склоняется над напи-
санными иероглифами и ие-
ратическим письмом, Книгами
мертвых, которые были найде-
ны в гробницах и затем опуб-
ликованы в роскошных томах
французского «Описания Егип-
та». Вновь и вновь сравнивает
он отдельные знаки обоих ви-
дов письма, сопоставляет их —
утомительная и кропотливая
работа. Но в мае 1821 года
он ее завершил. Теперь он мо-
жет передавать демотический
текст, знак за знаком, иерати-
ческим письмом и это послед-
нее — иероглифами, на что
никто до него не был способен.
Сколь велика и труднопреодо-
лима пропасть между демоти-
ческим письмом и обоими дру-
гими видами письма, показы-
вает наглядно рисунок 20.

иероглифическое письмо 1500 г. до н.э.	иератика 1300 г. до н.э.	демотика 400-100 гг. до н.э.
ОН	П	Г
Ж	Ш	З
Р	Р	Г
Х	А	Г
С	Л	
В	У	К

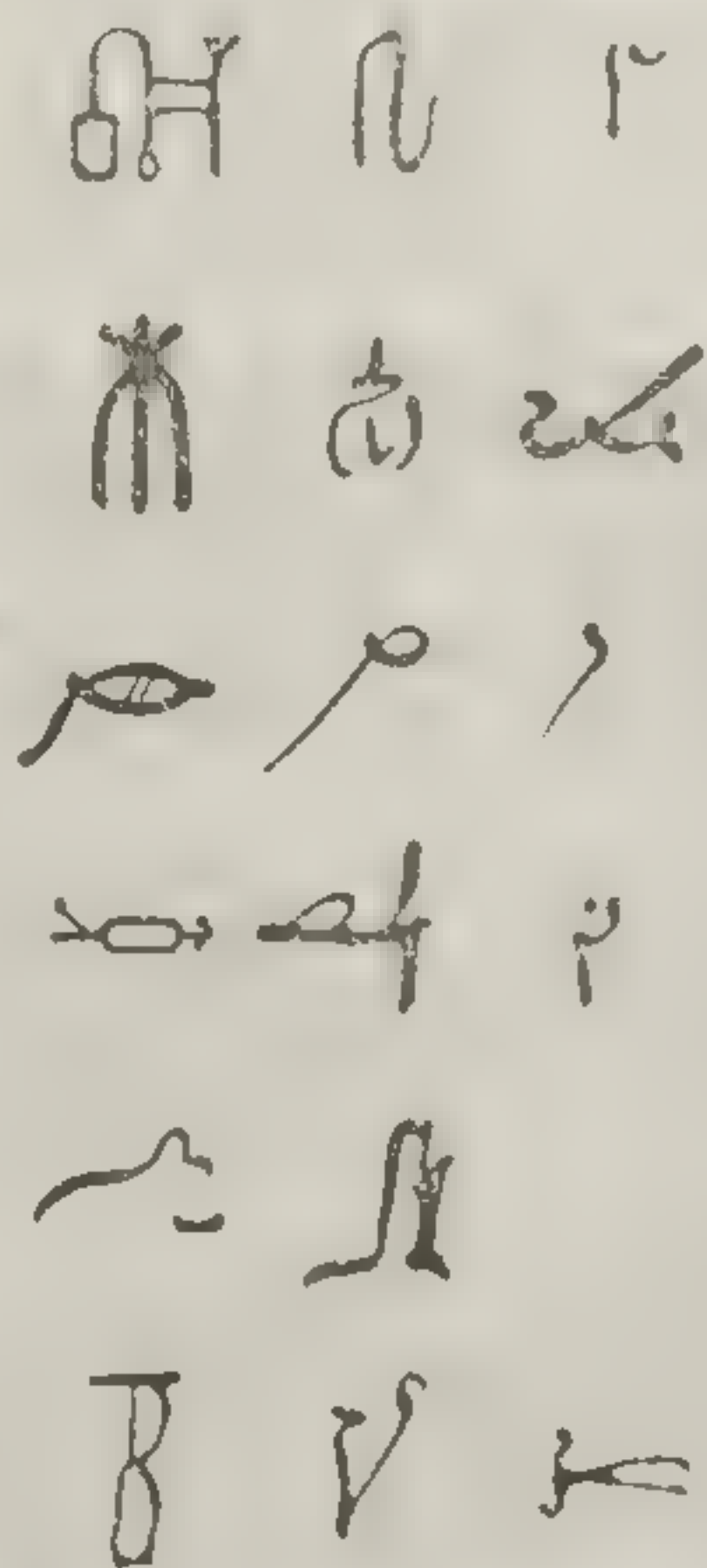

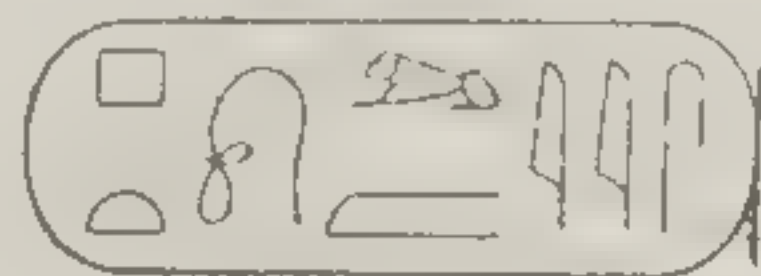
Рис. 20. Эволюция египет-
ского письма

И вот, переходя через эту пропасть, Шампольон внезапно почувствовал под ногами твердую опору. Он познал то главное, что разом покончило со всеми прошлыми ошибками и нанесло смертельный удар коварному иероглифическому бесу. И опять мы можем только разводить руками и удивляться: как просто, как ясно! Да ведь это же само собой разумеется!

И надо же было случиться, что именно в день своего рождения, 23 декабря 1821 года, у Шампольона возникла счастливая идея пересчитать в Розеттской надписи все знаки

«ⲙⲓⲛⲓⲧⲣⲏⲥⲓ»

демотика

иероглифы

□ ρ ⲁⲓ ⲉⲣⲟ (wi) ⲉⲃⲓⲣⲏⲥⲓ ⲙⲓⲛⲓⲧⲣⲏⲥⲓ
ⲙⲓⲛⲓⲧⲣⲏⲥⲓ ⲙⲓⲛⲓⲧⲣⲏⲥⲓ

Рис. 21. Разбор имени Птолемея по Шампольону

иероглифического текста и все слова греческого. Оказалось, что 486 греческим словам соответствовало 1419 иероглифов! Иероглифы не могут быть ни словами-знаками, ни идеограммами, ни символами — для этого их число слишком уж велико! Вот что железной логикой фактов доказывали его расчеты.

Она почти осязаема теперь — дешифровка, цель жизни исследователя, к которой он неуклонно шел через бури своего времени, через болезни, преследования и лишения; он видит ее, еще немного, и она, как спелый плод, упадет в его руки.

Шампольон заставляет демотические знаки, звуковое значение которых он знает из греческого, проделать обратный путь, передавая их сначала иератическим, а затем иероглифическим письмом. Пробным камнем и здесь служит ему овал с именем Птолемея. Он выясняет, что это имя и в иероглифическом тексте написано по звуковому принципу, находит

ошибку Юнга, читает теперь не «Птолемейос», а в соответствии с законами египетского языка — *p-t-o-l-m-i-s*, «Птолмис»! Этот богатый урожай был собран в основном еще в Грениобле. В 1821 году тяжелобольной Шампольон привез весь материал в Париж. Выводы нуждались в подтверждении: чтобы заставить замолчать сомневающихся, требовалось убедительное доказательство.

Из одного демотического папируса Шампольону было известно, как писалось в демотике имя Клеопатры. Бесчисленное количество раз «упражнялся» он уже на этом имени, передавая его иератическим и иероглифическим письмом. Он знал, что именно так, так и не иначе, это имя будет написано в царском овале иероглифической надписи. Но самой надписи не было.

И вот, наконец, в январе 1822 года вышло в свет литографированное издание иероглифической надписи, скопированной с найденного в Филэ обелиска — того самого, который в свое время был с осторожностью переправлен через нильские пороги итальянцем Бельцони. Бэнкс послал изданную надпись в Парижский институт. Там у Шампольона было много завистников, и копию передали не ему, а крупному эллинисту Летрону.

Однако Летрон был студенческим другом Шампольона. Он вручил ему присланную Бэнксом литографию. Биограф Шампольона Г. Хартлебен в следующих словах описывает этот момент:

«Словно ток пробежал по жилам дешифровщика, как только он взглянул на нее, — здесь во втором царском овале стояло имя „Клеопатра“, написанное именно так, как писал он сам, столько раз восстанавливая из демотической формы первоначальную иероглифическую и с горячим нетерпением ожидая окончательного подтверждения! Кто до него был способен на это?»

Оба царских овала с именами «Птолемей» и «Клеопатра» дали в руки Шампольона двенадцать различных иероглифических букв и сразу поставили дешифровку на непоколебимый фундамент. Но радость открытия вскоре была омрачена. Дело в том, что, посылая копию в Париж, Бэнкс сделал на ней карандашную отметку: «Клеопатра» — предположение, вполне понятное, если учесть, что он уже давно прочел греческий текст на цоколе обелиска. Но как только Шампольон, буква за буквой, доказал то, что другие (Бэнкс, Юнг и Лет-

рон) лишь предполагали, эти последние, оспаривая пальму первенства у дешифровщика, единодушно накинулись на него, не забывая, однако, злобно огрызаться и друг на друга.

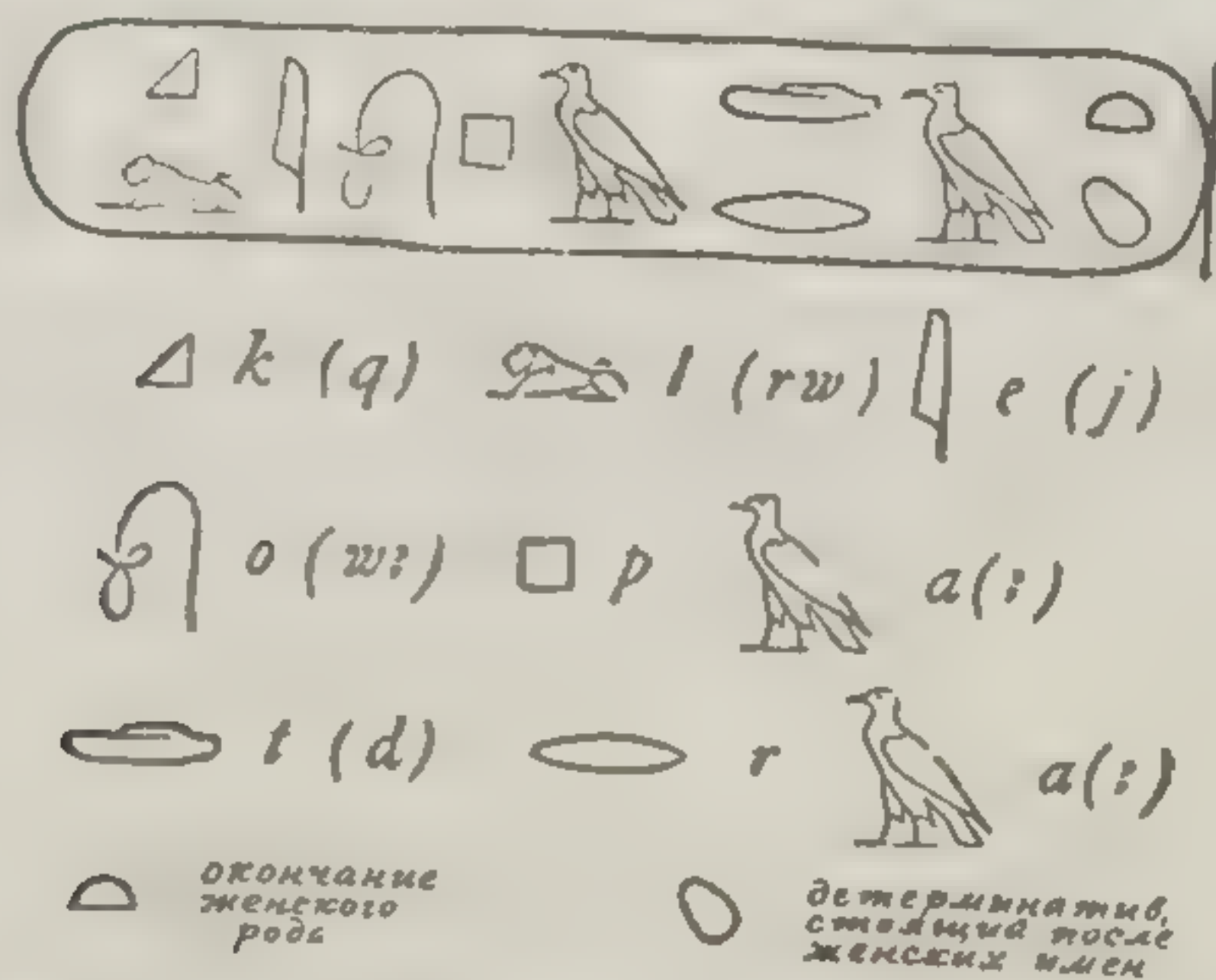

Рис. 22. Картуш Клеопатры и разбор содержащихся в нем иероглифов

Но помещать ему было уже нельзя. Он собирает. Собирает, где только можно, все царские картуши, содержащие написанные иероглифами имена, и берется за них, вооруженный целым арсеналом египтологического оружия, выкованного им в упорном труде. II поздний период египетской истории

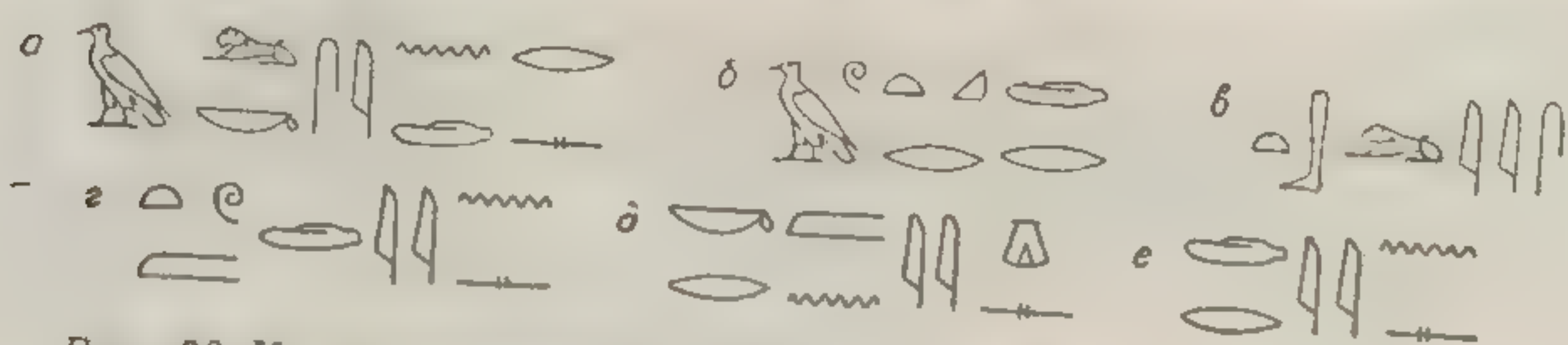

Рис. 23. Имя «Александр» (а), титул «автократор» (б), имена «Тибериус» (в), «Домициан» (г), «Германик» (д) и «Траян» (е), записанные иероглифами

пробудился к новой жизни, и воистину заговорили камни, и вот уже Александр, Тибериус, Домициан, Германик и Траян как старые знакомые смотрят на него из своих овальных окон.

Знакомые — и все-таки чужие. Ведь среди них нет ни одного-единственного местного египетского имени, и отсюда

Шампольон ошибочно заключает, что только иностранные имена позднего времени писались звуковыми знаками.

В августе 1822 года он сделал новый значительный шаг на пути к дешифровке иероглифического письма. Как-то ему бросилось в глаза, что за некоторыми названиями звезд, написанными иероглифически, стоит звездочка. Звездочка за названиями звезд? И вдруг его озарило: да ведь это детерминативы (как он сам их назвал), или пояснительные знаки!

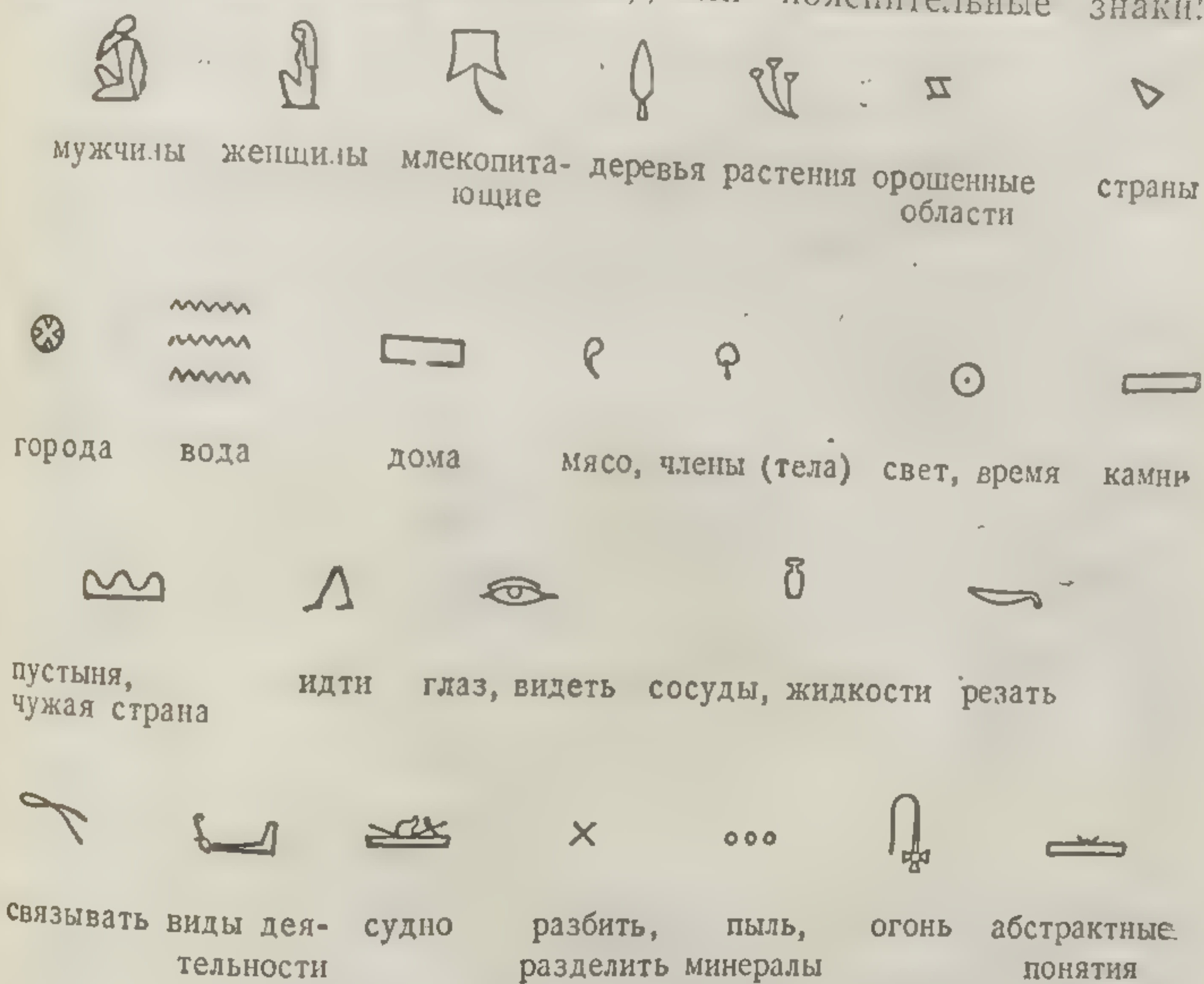

Рис. 24. Египетские детерминативы

Так была открыта сущность тех самых стоящих на конце слова добавочных знаков, которые предназначались для четкого различения слов, звучавших по-разному, но писавшихся одинаково, и которые составляют основную часть всей системы египетского письма.

Шампольон, однако, еще не публикует свои новые открытия в области иероглифики. Жизнь научила его молчать. Зато

22 августа 1822 года он зачитывает в Академии надписей свою статью о демотической письменности, плод десятилетнего исследования. Наконец-то настоящий успех! Ему был оказан такой прием, о котором он не мог даже мечтать: де Саси, великий де Саси, прежний учитель, ранее отвернувшийся от слишком, по его мнению, самоуверенного ученика, вскочил с места и в немом восторге простер руки к молодому ученому. Он вносит предложение, чтобы государство взяло на себя издержки по изданию сочинения Шампольона.

Теперь Шампольон форменным образом ненасытен в собирании царских картушей. Еще бы! Ведь эта работа принесла уже столько плодов. В храмовых надписях он находит дюжины имен, но это по-прежнему только имена греческих царей и римских императоров, связанных с последним периодом древнеегипетской истории. Вероятно, одно из таких имен он надеялся обнаружить и в то памятное утро 14 сентября 1822 года, когда напряженно склонился над посылкой, которую ему доставил объездивший Египет и Нубию французский архитектор Гюйо. В ней находились точные зарисовки рельефов и надписей, украшавших египетские храмы.

Вот взят в руки первый лист... и вдруг дешифровщик насторожился. На него смотрело из картуша царское имя — в этом не было сомнения, — но такое имя, которого не могло быть ни у Лагидов, ни у римских императоров. Как зачарованный, глядел молодой исследователь на группу иероглифов.

Рис. 25. Иероглифически написанное имя Рамсеса

Лихорадочно заработал мозг; все сильнее нарастает возбуждение, трожит рука, держащая лист... Имя начинается со знака солнца (кружок вверху слева). Но солнце звучит на коптском (вспомните: «Я говорю по-коптски с самим собой!») *re*. Затем следует пока еще неизвестный знак, а за ним два раза знак, изображающий сложенную ткань, *s*. Это означало *R-?-s-s. R(e)-x?-s-s* от латинского *rex* здесь быть не могло, — в картуше, как известно, должно стоять имя..! Уж не *R-m-s-s* ли это, Рамсес — знаменитейший из фараонов? Трепетными руками перелистывает Шампольон рисунки, с

головокружительной быстротой сменяют друг друга мысли, дрожащие пальцы сжимают новый лист — взгляд исследователя вновь прикован к какому-то имени.

Оно выглядит так:

Рис. 26. Иероглифически написанное имя
Тутмоса

Стало быть, оканчивается оно опять же на *s*; в начале его изображен ибис, священная птица, воплощающая бога Тота.

Между ними вновь появляется ; этот знак, если догадка *R-m-s-s* «Рамсес» верна, может быть только буквой *m*. Тогда ...Thout-m-s... ну, конечно, именно Тотмос, или Тутмос, — второе блистательное имя среди имен древних фараонов!

Нет больше сомнений, пелена спала с глаз Шампольона. Применение иероглифов для звукового письма, которое он доныне считал лишь результатом вырождения письма на позднем этапе, предстало перед ним как характерная черга именно древней письменности. Тем самым не только была решена ее последняя загадка — исследователь, едва смевший надеяться на это даже в своих мечтах, держал наконец в руках полторы тысячи лет назад утерянный ключ к древнеегипетской истории. Тут только он впервые увидел, что не все надписи относятся к позднему времени и что многие из них восходят к глубокой древности.

Лишь с большим трудом изможденный человек заставляет себя остаться за рабочим столом. Он принуждает себя к спокойствию, ему нужно сосредоточиться. Все должно быть еще раз продумано, подвергнуто сравнению, проверке. Хотелось с ликованием кричать во все горло, бежать куда-нибудь сломя голову, дать волю своим чувствам! Но наука — строгая повелительница, а Шампольон недаром возмужал у нее на службе. Да и многочисленные враждебные выпады и мелкая зависть, увы, и поныне процветающие среди ученых и особенно среди дилетантов от науки, сделали его осторожным, даже чуть ли не боязливым. С почти сверхчеловеческим усилием он овладел собой и перешел к холодной деловой проверке, просидев над рисунками Гюйо всю первую половину дня.

К полудню предварительные выводы подтвердились. Он вскочил, поспешно собрал листы с рисунками, сложил свои бумаги и бросился к брату, во Французский институт. Распахнув настежь дверь библиотеки, он швырнул на рабочий стол изумленного Жака-Жозефа папку с бумагами и хриплым от волнения голосом воскликнул: «Je tiens l'affaire!» — «Я добился!» Это прозвучало как победный клич. Но невероятное возбуждение оказалось для измученного исследователя не по силам. Ноги его подкосились, и он без сознания рухнул на пол.

Пять дней лежал он без сил, в полной апатии, ощущая лишь смертельную усталость. Затем он пришел в себя. И вновь скорей за работу! За несколько дней он написал свое составившее эпоху «Письмо господину Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов», которое 27 сентября было прочитано на заседании Академии надписей.

В этой статье просто и убедительно описывался путь исследователя к прочтению греческих и римских имен и затем — как вершина всего достигнутого — устанавливалось, что и ранние надписи наряду с идеограммами содержат алфавитные знаки, являющиеся древней и существенной частью системы письма.

Открытие Шампольона произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Ведь дешифровка иероглифов давно уже стала для его соотечественников делом, близким сердцу всей нации, главным вопросом дня. Вся Франция радовалась вместе с ним и разделяла восторг по поводу ни с чем не сравнимого подвига. Правда, Париж есть Париж, и, как со злобой утверждали завистники, здесь уже начали писать иероглифическим алфавитом Шампольона... любовные письма!

Венцом проделанной работы был изданный Шампольоном в 1824 году «Очерк иероглифической системы древних египтян». Здесь он уже сообщает о найденных в надписях именах древних фараонов, время царствования которых уходит во II тысячелетие до нашей эры, дает чтение многих других имен и даже переводит отдельные куски связного текста. Конечно, сочинение это еще не было свободно от ошибок. Но они были столь незначительны, что не снижали ценности его работы; тем не менее именно эти ошибки дали его противникам долгожданный повод для атаки.

Лучшие умы того времени, и среди них Вильгельм фон Гумбольдт в Германии и Хаммер-Пургшталь в Австрии, сумели полностью оценить великий труд Шампольона. В Англии

за него выступил, и устно и в печати, Генри Солт, на что так и не смог, к сожалению, решиться другой великий англичанин, которому это надлежало бы сделать в первую очередь, — Томас Юнг.

Вскоре вокруг открытия поднялся, по выражению Эрмана, «многоголосый вой». В Англии патриоты горят страстным желанием вручить палму первенства Юнгу. Во Франции тоже объявились «дешифровщики» более старые и, по их собственному мнению, более заслуженные. И, конечно, во всех странах нашлись любители посомневаться и побрюзжать. Стоит ли говорить, что в этом хоре особенно выделялись голоса таких извечных злопыхателей, какими искони являются всезнайки и умники.

Был среди них немецкий китаист Юлиус Клапрот, человек, много сделавший в своей области, но по характеру, увы, мелкий и злобный. «Он — мой рок», — сказал о Клапроте Шампольон в минуту, когда удары судьбы казались неотвратимыми. Клапрот отстаивал так называемую акрологическую теорию. Согласно этой теории, древние египтяне писали одним и тем же словом-знаком и все другие слова, начинавшиеся с той же буквы, что и данное слово-знак, иначе говоря, — так, как если бы в русском языке рисуночным знаком, обозначающим понятие «солнце», пробовали бы написать также слова «стул», «сито», «собака», «сук» и т. д.!

И поднялся с места лейпцигский теолог Зейффарт и высил свой голос. Дело в том, что в свое время — неисповедимы пути господни! — ему пришлось встречаться с Шампольоном в Риме, где на одном из «турниров дешифровщиков» последний одержал над ним блестящую победу, чего Зейффарт, разумеется, не забыл. Начав в своей полемике с возражений, которые можно было признать верными, сей муж в конце концов пришел к совершенно фантастическим выводам относительно иероглифов. Его вздорные выдумки вошли в историю немецкой мысли как яркий образец псевдонаучности. Так, одно из его главных произведений называлось: «Неопровержимое доказательство того, что в году 3446 до Рождества Христова 7 сентября окончился всемирный потоп и всем народам были дарованы алфавиты»!

Постоянные обвинения в «неблагонадежности», нападки со стороны представителей официальной науки, но вместе с тем великий почет и чудесное осуществление замысла, которому посвящена была вся жизнь, — таковы основные вехи

дальнейшего пути Шампольона. Работая в богатом собрании египетских древностей короля Сардинии в Турине, дешифровщик совершенствует свое мастерство. Позднее ему посчастливилось объехать и исследовать Египет. Он прибыл сюда как в свое наследственное владение. Здесь он провел лучшие часы своей жизни. И здесь же, в мрачных склепах древних гробниц, он ощутил роковое дыхание смерти.

Он стал кавалером ордена Почетного легиона, а в Риме его чуть было не увенчали кардинальской шапкой. Он смог передать свое научное наследие способнейшему из учеников, пизанцу Ипполито Розеллини. В то же время официальная Франция, правительство и двор с глубоким безразличием относились к великому научному подвигу Шампольона. И именно здесь развернули свою деятельность его враги. Только лишь преодолев множество препятствий и затруднений, он смог стать профессором египтологии в Коллеж де Франс.

Непосильный труд, в жертву которому он принес всю свою жизнь, политическая борьба, огромная исследовательская работа, проведенная в Египте, подорвали его здоровье. К общему истощению добавились туберкулез и диабет... Шампольон знал, что отмечен уже печатью смерти. «Боже мой, — воскликнул он однажды, — еще бы только два года, почему бы нет?» В другой раз: «Слишком рано, — он провел рукой по лбу, — здесь еще так много!»

4 марта 1832 года Шампольона сразил удар. У гроба с его прахом на пути к кладбищу Пер-Лашез шел цвет ученого мира. Среди них были седой учитель Шампольона Сильвестр де Саси и Александр фон Гумбольдт.

«Наука о древности — это прекрасная девица, но без приданого», — сказал как-то Шампольон.

Он и не догадывался, какое богатство принесла она в его дом. Ведь «только вдохновение — вот настоящая жизнь», и оно, однажды воспламенив его сердце, уже никогда не переставало гореть в нем. Да, Шампольону суждено было прожить недолго, но яркие лучи вдохновения озаряли его краткий путь всякий раз, когда сгущались мрачные тучи и, казалось, уже не было сил идти дальше.

Вначале можно было подумать, будто вместе с Шампольоном в могилу сошла и молодая, только что созданная им египтологическая наука. Повсюду ветер уже разносил семена недоверия к результатам его дешифровки, и впрямь не свободной от ошибок и недостатков. И если дело Шампольо-

на пережило его смерть и было доведено до конца, то этим мы должны быть обязаны посредничеству немецкого ученого и дипломата Карла Иосифа Бунзена и работе, которой отдал всю свою жизнь немецкий филолог Рихард Лепсиус.

Бунзен познакомился с Шампольоном в Риме в 1826 году, и эта встреча произвела на него сильное впечатление. Бунзен в свою очередь побудил молодого многообещающего ученого Рихарда Лепсиуса полностью посвятить себя египтологии. Этот последний, вооружившись всем тем, что было сделано до него, хотя и не владея вначале египтологическим оружием, смог с немецкой основательностью расширить брешь, пробитую гениальным французом, и освободить его труд от ошибок.

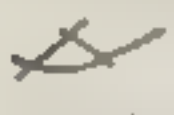

Лепсиус родился в 1810 году в Наумбурге на Заале. В Геттингене и Берлине под руководством известных учителей того времени он изучал классическую филологию, а также археологию и санскрит. Правда, то же самое могли бы сказать о себе и многие из его современников, однако в одном Лепсиус превзошел их уже тогда: в двадцать два года он был посвящен в славные рыцари науки за самостоятельную дешифровку и толкование загадочных «Игувийских таблиц», к которым мы еще вернемся.

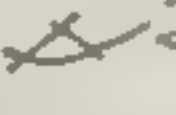

В 1833 году молодой человек, столь блистательно начавший свой путь исследователя, прибыл в стольный град всех тогдашних востоковедов — Париж для завершения своей учебы. Обладая неистощимым трудолюбием и острым умом, он взялся за объективную и тщательную проработку сочинений Шампольона. Он уже уверен в ценности труда Шампольона, но вскрывает мелкие противоречия, заполняет пропуски, указывает на сомнительные места, устраняет ошибки. Одним словом, в первую очередь он занимается тем, что сделал бы и сам дешифровщик, не будь его дни сочтены.

Как — спросим мы тут — опять противоречия, опять пропуски, сомнения и заблуждения?

Конечно! Шампольон, как это можно было заметить по приведенным примерам, понимал звуковое письмо египтян таким образом, будто оно состояло из отдельных букв. В действительности же слово, записанное звуковым письмом, большей частью содержало слово-знак из нескольких согласных, к которому в конце обычно добавляли один или несколько согласных, уже входивших в это слово-знак. Например, слово-знак «мотыга» имеет фонетическое значение *mr*. Если кто-либо из древних египтян хотел написать слово

«любить», также звучащее *mr*, то к слову-знаку мотыги *mr* он добавлял еще *r*; вместо *mr* стояло уже, собственно говоря, *mr-r*. Таким же образом применяли и знак опахала *ms* и знак, изображающий доску с расставленными шашками, *mn*.

Для Шампольона же , и были тремя знаками, обозначающими простое *m*; каждый из этих знаков должен был употребляться только при том *m*, которое соответствовало корню слова! Если, однако, он сталкивался со случаями (а они подстерегали его довольно часто), где , и одни стояли в значении *mr*, *ms* и *mn*, то он беззаботно объяснял это как сокращение обычных написаний! Только благодаря интуиции гения он практически избегал всех ошибок: там, где египтянин писал *mr-r*, подразумевая при этом *mr* (как выше, в случае с глаголом «любить»), Шампольон с самого начала видел лишь *mr*; если же, напротив, при чтении попадался только знак *mr*, то Шампольон, считавший такое написание сокращением, уже сам восстанавливал пропавшее *r*. Поэтому мы с полным правом можем сказать, что он был первым, кто не только читал иероглифы, но и понимал их!

Лепсиус, которому его жена в качестве фамильной добродетели приписывала «чрезвычайную ясность и трезвость суждений», увидел слабые стороны теории Шампольона, ускользнувшие от внимания «египтянина» из Дофинэ.

Какой прекрасный пример содружества двух ученых, из которых один, исполненный вдохновения, совершил великий научный подвиг, стоивший ему жизни, а другой, рассудительный, трезвый немец с «чеканным профилем», посвятил всю свою жизнь защите и дальнейшему обоснованию теории своего предшественника. И в то же время какая разница в подходе и методах исследования, особенно если послушать кредо самого Лепсиуса: «Что может произвести большее впечатление, нежели сила духа, проявляющаяся в спокойной осанке и умении сдерживать свои чувства и противостоящая необузданным человеческим страстям!»

Табл. III. Карнак. Обелиск царицы Хатшепсут —>

...мол...
...расста...
...или...
...м. 19...
...ста...
...чно част...
...мг...
...ение об...
...он пр...
...писал...
...с глас...
...на...
...пот...
...ий так...
...ропаш...
...что си...
...нимал...
...ной до...
...трени...
...ольона...
...иня...
...енных, из...
...л ве...
...ассудил...
...свят...
...ории св...
...а в по...
...нать кр...
...е впечат...
...ий осе...
...ая небу...

...искусит...

Это «спокойная осанка», цель всей работы Лепсиуса над собой, нашла свое классическое научное выражение в его изданном в 1837 году в Риме и адресованном ученикам Шампольона «Письме к господину профессору И. Розеллини относительно иероглифического алфавита», обобщившем достигнутые результаты и заложившем основы новой науки. Теперь уже раз и навсегда было покончено с сомнениями в правильности и достоверности дешифровки по принципам, изложенным в трудах Шампольона, и молодая египтология смогла наконец занять свое место как равноправная сестра среди прочих востоковедных дисциплин.

Но, может быть, требовалось еще обоснование, подтверждение всего достигнутого? В начале 1866 года Лепсиус предпринял свое второе путешествие в Египет. И здесь вместе с венским египтологом Рейнишем он открыл в местечке Сан, библейском Цоан (у греков Танис), новый трехязычный камень; написанный на нем текст впоследствии получил название «Канопского декрета».

Среди развалин мертвого города взору их вдруг предстала высеченная из твердого известняка стела, лицевая сторона которой содержала иероглифическую надпись в 37 строк, а также и ее греческий перевод, состоящий из 76 убогих строк. С края находился тот же самый текст, но написанный демотическим письмом; на него Лепсиус вначале не обратил внимания.

И вот произошло то, чего давно ожидали друзья и последователи Шампольона и возможности чего все еще не хотели допустить его противники: работы Шампольона еще раз получили блестящее подтверждение. Перевод египетской части стелы, сделанный Лепсиусом по методу Шампольона с привлечением результатов новых исследований, полностью совпал с греческим текстом! Счастливый обладатель камня мог уже почти без труда, в один присест, прочитать обе надписи.

Итак, египетская письменность была в основном дешифрована. Между тем египетская филология еще только делала свои первые шаги. Но постепенно все более твердой становилась ее поступь, она крепла и мужала усилиями ученых многих европейских стран: одни открывали все новые и новые явления в языке древнего народа, другие объ-

ясняли эти явления, третьи собирали добытый материал, систематизировали его и комментировали.

Одновременно продолжалась работа и по завершению дешифровки египетской письменности. Вкладом в эту работу явились труды англичанина Бёрча, ирландца Хинкса и немца Бругша; два первых занимались иероглифами, и особенно детерминативами, а последний, еще будучи учеником старших классов гимназии, — демотикой.

В заключение попытаемся дать краткий обзор того, что было достигнуто в области дешифровки египетской письменности за те полтора столетия, которые протекли со времени деятельности Шампольона.

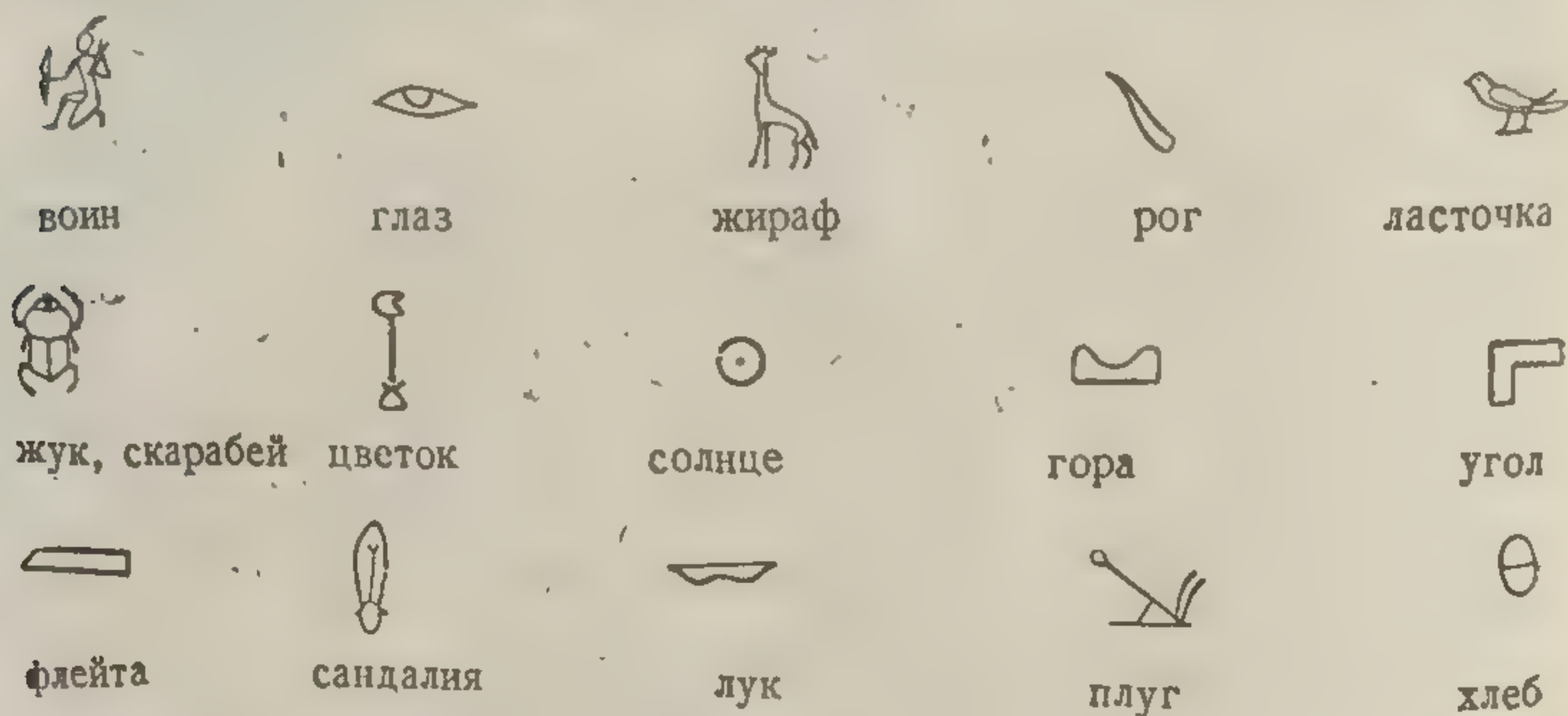

Рис. 27. Египетские иероглифы, обозначающие конкретные предметы

Уже указывалось, что три формы египетского письма — иероглифика, иератика и демотика — в действительности являются одной письменностью. Поэтому для того чтобы кратко изложить их структуру и сущность, можно было бы удовлетвориться описанием только прославленных иероглифов, которые больше всего окутаны тайной тысячелетий.

Египетское письмо, как известно, содержит три вида знаков: слова-знаки, звуковые знаки («отдельные буквы») и немые пояснительные знаки.

Слова-знаки, или идеограммы, передают понятие определенного видимого предмета (причем здесь не имеет никакого значения, как произносится слово, выражающее изобра-

жаемый предмет). Таких знаков в египетской письменности довольно много, однако они ни в коей мере не исключают использования других знаков.

Особенно поражает, как удачно эти знаки соединяют в себе натуралистическое изображение и простую стилизованную форму очертаний; «они столь блестящи по выполнению, столь художественно совершенны, как ни у одного из других народов» (Г. Шнейдер).

То же самое относится и к словам-знакам, употреблявшимся для обозначения чувственно воспринимаемых действий. Эти знаки рисовались таким образом, чтобы зафиксировать наиболее характерный момент действия: например, изображение человека с поднятой палкой (вверху слева) означало «бить», изображение птицы с распростертыми крыльями — «летать» и т. д.

Рис. 28. Египетские идеограммы, изображающие зрительно воспринимаемые действия

Труднее уже было выразить абстрактные понятия, но и здесь на помощь приходили рисунки, и задача сводилась к тому, чтобы изображаемое увязать по смыслу с выражае-

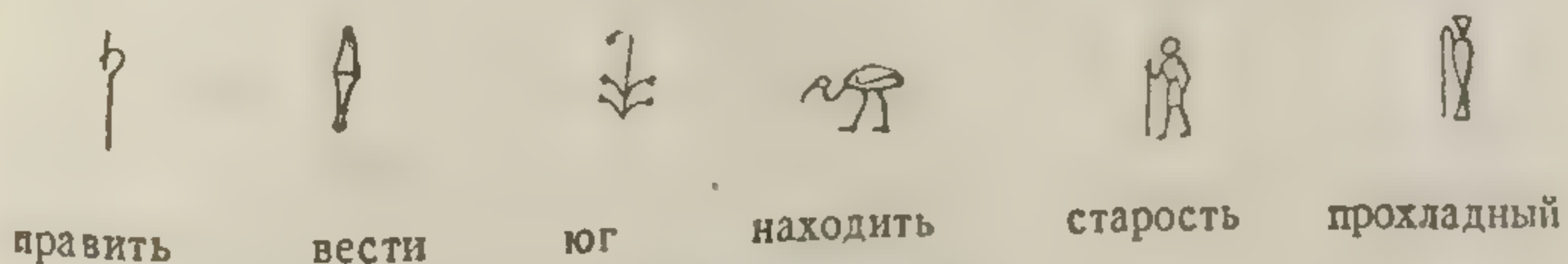
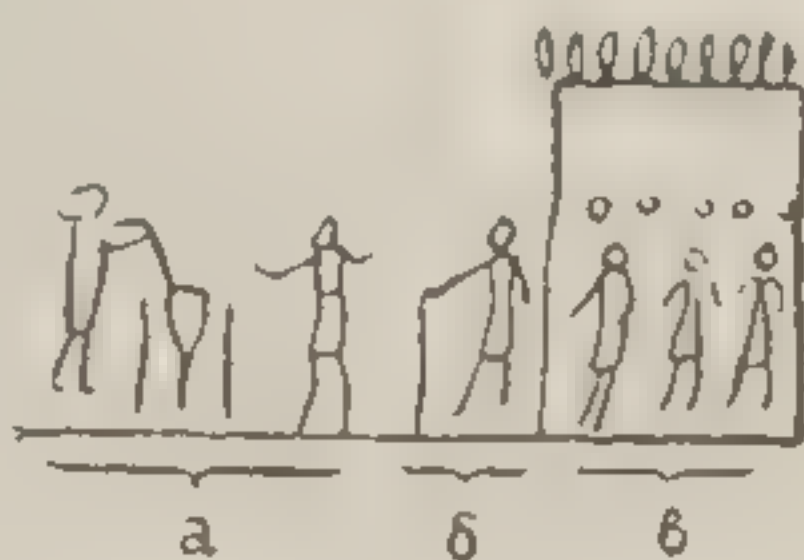

Рис. 29. Египетские иероглифы, выражающие абстрактные понятия

мым понятием. Понятие «властвовать» передавалось посредством знака скипетра фараонов, напоминающего клюку, лилия, входившая в герб Верхнего Египта, означала «юг», старец с палкой — «старость», сосуд, из которого вытекает вода, — «прохладный».

Но все эти знаки не выводят нас еще из сферы словорисуночного письма: они выражают только понятие, а отнюдь не слово-звук. Следующий рисунок наглядно показывает, что в эпоху седой древности египетская письменность как раз и довольствовалась именно таким способом выражения.

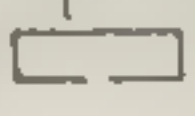
«Построил (а) высший чиновник (б) зал (в)» (царя Менеса, около 3500 г. до н. э.)¹

Рис. 30. Египетское иероглифическое письмо

Однако многое все-таки зависело от точного звучания написанного слова. И здесь уже очень рано на помощь пришел так называемый звуковой ребус (о нем речь шла в I главе). Египетскому языку это удалось тем более легко, что в нем, как известно, гласные не пишутся и, стало быть, в запасе оказались многочисленные *омонимы*, то есть слова, которые имеют одинаковые согласные, расположенные в одном и том же порядке. Но если пишется не само слово, а лишь его остов, костяк, состоящий из согласных (звучание гласных, а следовательно и всего древнеегипетского языка до нас не дошло и лишь приблизительно восстановлено сравнительным методом), то появляется возможность передавать, например, знаком, обозначающим лютню *n-f-r*, также и слово «хорошо», которое включает тот же костяк согласных (*n-f-r*), или применять рисунок ласточки *w-r* для написания слова «большой» (тоже *w-r*). (Так, в русском языке *д-м* соот-

¹ Н. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*, S. 38.

ветствовало бы по смыслу словам «дом», «дым», «дума», «дама», «дома».) Кроме того, поскольку звуки *j* и *w* в конце слова, очевидно, довольно рано превратились в немые, стали использовать рисуночный знак *p-r* «дом», например, для написания глагола *p-r-j* «выходить» и т. д.

Совершенствуя и обогащая свое рисуночное письмо, египтяне с течением времени все более отходят от представлений о рисунке как непосредственном отражении реально существующих предметов. Теперь уже знак «ласточка» (*w-r*) не только читают как *w-r* «большой», но и начинают рассматривать, забыв о его первоначальном, исходном значении, скорее со стороны его звукового содержания (явление так называемой фонетизации), иначе говоря, переходят к употреблению этого знака для написания любых других слов, в которых встречается группа *w-r*, например для написания слова *w-r-d* «быть усталым». Но тем самым *w-r* превратилось в простой слоговой знак или, лучше сказать, «двусогласный звуковой знак», учитывая, что в египетском письме, где гласные «в расчет не принимаются», не имеется и слогов в нашем понимании. Ниже мы приводим несколько подобных знаков.

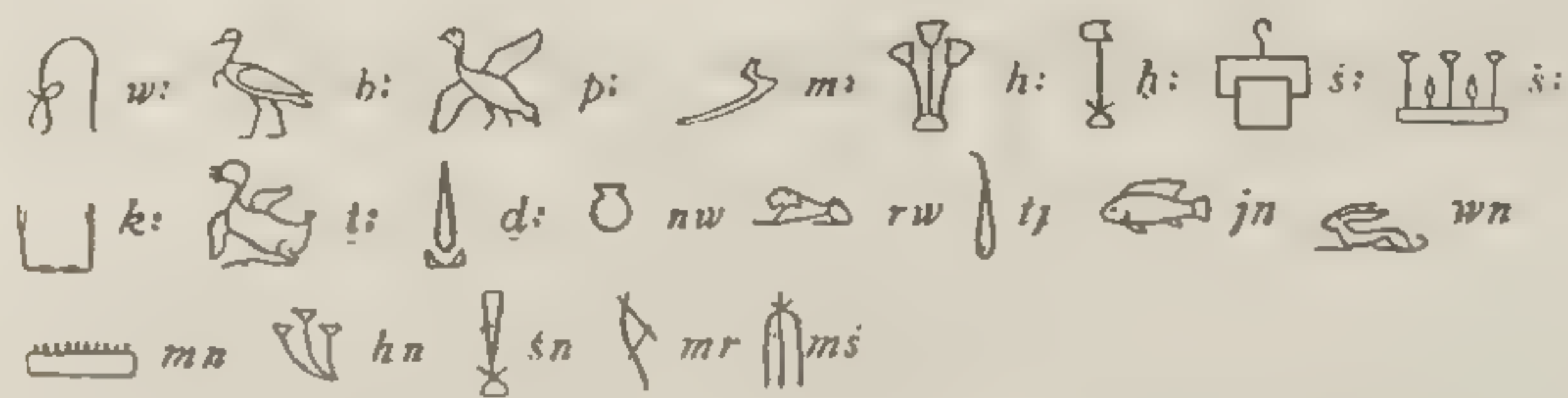

Рис. 31. Двусогласные фонетические знаки

Таким же образом возникли и «односогласные» звуковые знаки, появление которых знаменовало высшую ступень развития письменности — создание *буквенного* письма. Происхождение их также было связано со словами-знаками, состоявшими лишь из одного согласного (и одного не известного нам гласного). Так, например, слово «засов» содержит в египетском языке один согласный *s* (и один гласный, которого мы не знаем; известно только, что по-коптски это слово звучало *šei*). Вначале слово-знак со значением «засов» стали использовать для написания любого слога типа

гласный, а затем, поскольку гласные не передавались, уже просто в качестве *буквенного знака* для звука *s*. Так египетский язык образовал свой «алфавит» из 24 букв (согласных звуков), который мы здесь приводим.

Казалось бы, уж настала пора, когда можно было перейти к алфавитному письму. Однако консервативные египтяне крепко держались традиции и продолжали писать столь милыми их сердцу знаками.

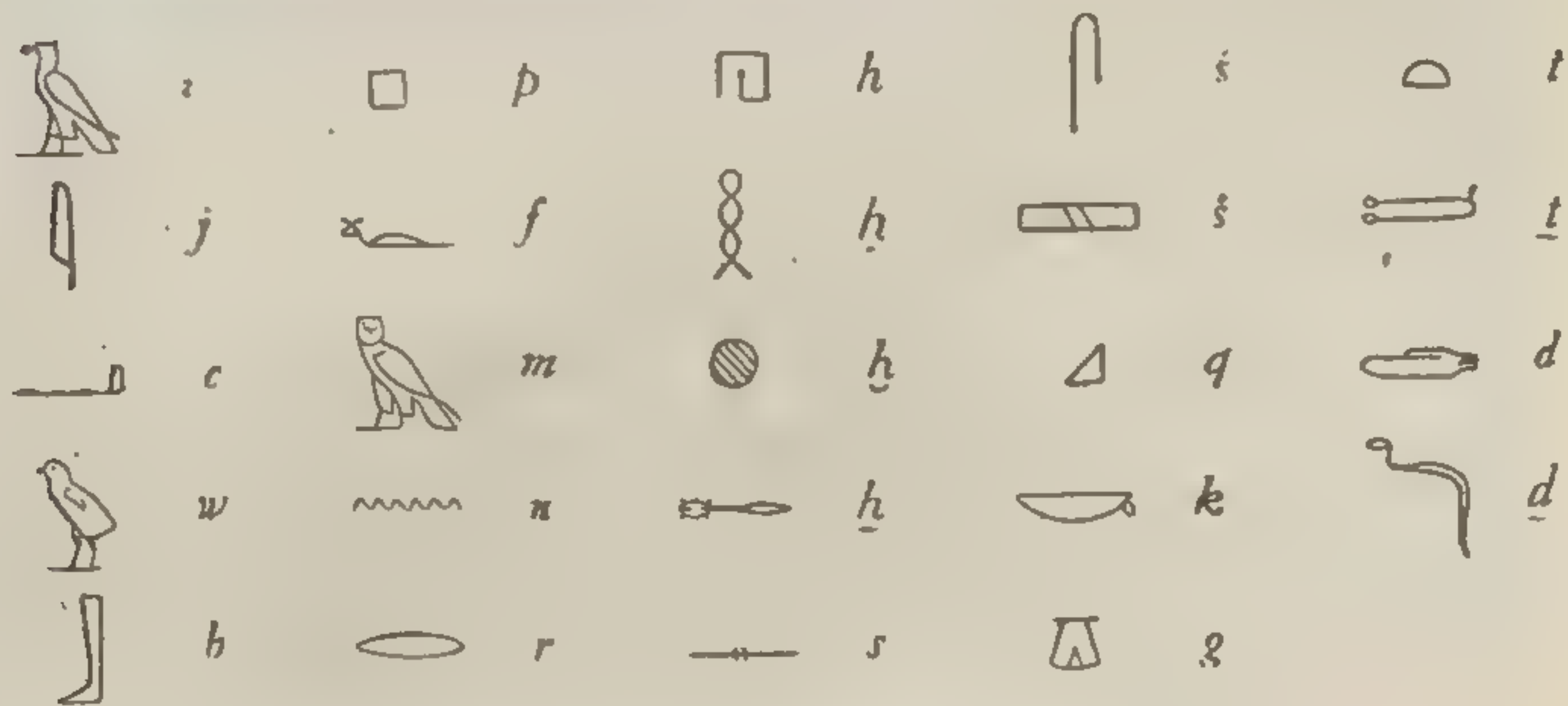

Рис. 32. Египетский «алфавит»

Право взять лучшее из того, что создали египтяне в области письменности, и сознательно сделать последний шаг к буквенному письму осталось за Эфиопским царством, расположенным к югу от Египта. В этой стране, находившейся под сильным культурным влиянием северного соседа, при официальной переписке издавна пользовались египетским языком и письменностью, хотя язык населения был совершенно иным. Приблизительно в 200 году до нашей эры столицей Эфиопского царства становится Мероэ. Начиная с этого времени страна все более освобождается от египетского влияния и пробуждается к собственной политической жизни. Все более ясно проявляется и потребность в создании письменности, которая была бы приспособлена к местному языку. И вот, наконец, на основе египетских и, вероятно, греческих образцов возникла чрезвычайно удачная комбинация обеих этих систем — мероитская буквенная письменность.

Как и египетская, она имеет иероглифическую и демотическую форму; как и греческая, она состоит из двадцати с лишним знаков, настоящих букв, в числе которых есть также и знаки для гласных. Сами мероитские знаки заимствованы из египетской письменности; но их значения (и смысловые и фонетические) почти совсем не совпадают со значениями тех же знаков в египетском письме.

Несмотря на то что мероитская письменность была известна уже с 1820 года благодаря копиям французского рисовальщика Кайю, она в течение многих лет считалась недоступной для дешифровки. Раскрытию тайны мероитского письма немало мешали искаженные представления о сказочном, существовавшем якобы в незапамятной древности блистательном царстве Мероэ. Эти иллюзии были развеяны лишь Рихардом Лепсиусом. Ныне можно с известной достоверностью, по крайней мере, читать мероитские письма. В результате почти двадцатилетней работы (1911—1929) английскому ученому Гриффиту удалось, опираясь на текст надписи с цоколя из Бенага, найденного Лепсиусом, не только прочесть надписи, но и до некоторой степени истолковать их.

Упомянутая надпись составлена на египетском языке египетской письменностью, однако имена царей и цариц переданы в ней, кроме того, и мероитскими иероглифами. Поскольку язык этих иероглифов, очевидно, стоит особняком, а толкование их неполно и не может считаться бесспорным, мы ограничимся тем, что приведем таблицу мероитского алфавита и образец письменности (рисунок 33).

В Египте, однако, как мы уже говорили, были далеки от того, чтобы пользоваться подобным буквенным письмом. И всякий писал там так, как его устраивало. Скажем, одному писцу (но отнюдь не всем) могло прийти на ум передать слово «хорошо», *n-f-r*, знаком (то есть знаком лютни, который уже сам значит *n-f-r*), а его коллега считал за лучшее соединить *n-f-r* «лютня» + *f* «рогатая змея» + *r* «рот», в результате получалось , что выглядело, несомненно, живописней.

Но уж настоящая беда была с омонимами. Например, группа *m-n-h* могла означать «воск», «заросли папируса», а в новоегипетском — также «юноша»; при этом уже нельзя

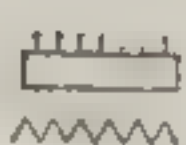
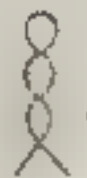

иероглифиг	демотиг.	фонетиг. значение	иероглифиг	демотиг.	фонетиг. значение
	92	алеф или a		3	l
	5	e		7	h [γ']
	1	ē		3	h
	4	i		VII	s
	III	y		3	š
	6	w		3	k
	1	v [b?]		14	q
	2	p		7	t
	3	m		14	te
	12	n		6	ie
	8	ñ		2	z
	ω	r			

: 1144 : 12 3 2 4 7 2 5 · 4 11 9 ω 13 92 · 4 3 1 6
: 11 9 ω 14 4 12 3 92 13 9 2 ω 9 · ω 1 ω 2 1 2
4 3 5 2 9

: wēši : ašēreyi : tktiz-mn : iqê : zēkrêr : erkelê : amnitērey : ezhli
«Исида [и] Осирис, охраните Тактиз-Амона, рожденного Зекаремом, кото-
рого родил Амон-тарес»

Рис. 33. Мероитские алфавиты (иероглифический и де-
мотический) и мероитская надпись

было ограничиться написанием всех согласных . Как же все-таки были побеждены омонимы? Помочь делу оказались в силах только детерминативы. Если *m-n-h* должно было, к примеру, в данном случае означать «заросли папируса», то к фонетически написанному слову стали добавлять детерминатив «растение»:   . Несколько наиболее употребительных детерминативов читатель найдет на рисунке 34.

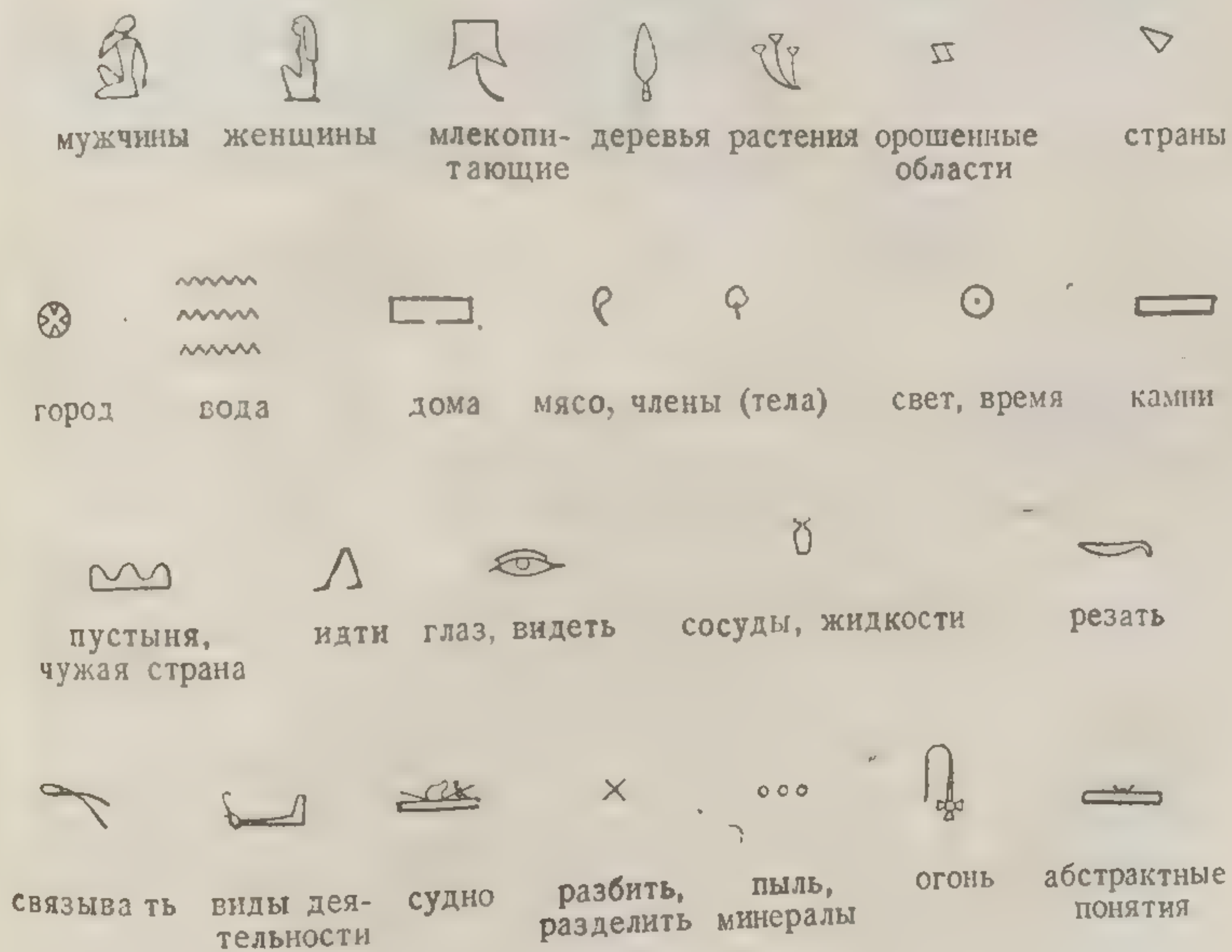

Рис. 34. Наиболее употребительные детерминативы

В заключение позволим себе привести в виде образца египетский иероглифический текст с транскрипцией и переводом. Думаем, что, несмотря на всю его краткость, он может читателю составить некоторое представление о богатстве этого восточного языка, а также о его структуре.

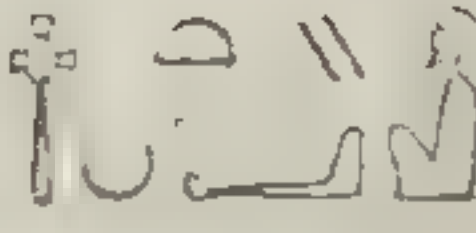
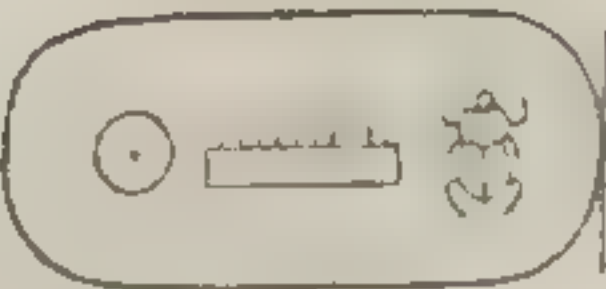

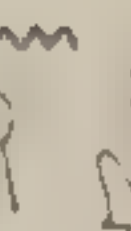

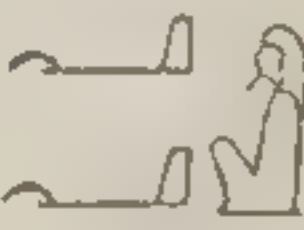
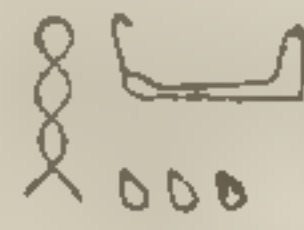
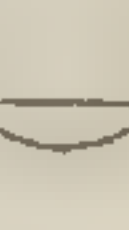

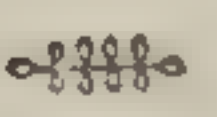
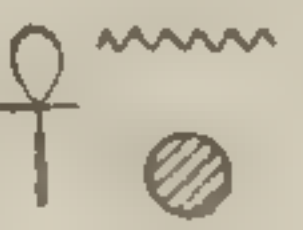

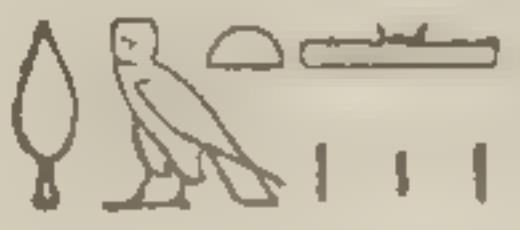

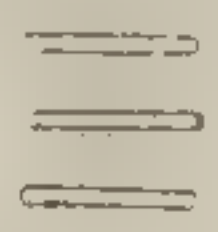

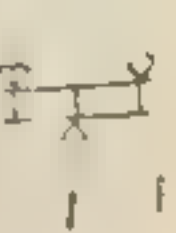

							
<i>g-j</i>	<i>ndtjj-j</i>	<i>Mn-hpr-r'</i>	<i>'nh</i>	<i>dt</i>	<i>wbn-j</i>		
Сын мой,	мститель мой,	Мен-хепер-ре,	да живет он	вечно.	Я сияю		
							
<i>n</i>	<i>mr(w)t-k</i>	<i>hnm</i>	<i>'wjj-j</i>	<i>h'w-k</i>	<i>m</i>		
любовью	к тебе.	Охраняют	руки мои	члены твои	охра-		
							
<i>g</i>	<i>'nh</i>	<i>ndm-wjj</i>	<i>jmt-k</i>	<i>r</i>			
ной	жизни.	Сколь сладка	приветливость твоя	гру-			
							
<i>snbt-j</i>	<i>smn-j</i>	<i>tw</i>	<i>m</i>	<i>jwnn-j</i>			
ди моей.	Я устанавливаю тебя в			святилище моем.			
							
<i>hjj-j</i>	<i>n-k</i>	<i>dj-j</i>	<i>b-w-k</i>	<i>šndw-k</i>			
Я дивлюсь тебе.	Я простираю власть твою [и]	ужас перед тобой					
							
<i>m</i>	<i>tw</i>	<i>nhw</i>	<i>hrjtt-k</i>	<i>r</i>	<i>drw</i>		
на страны	все,	страх перед тобой	до	пределов			
							
<i>šhnwt</i>	<i>nt</i>	<i>pt</i>					
столпов	небес.						

Рис. 35. Египетский иероглифический текст: бог Амон Ра обращается к фараону Тутмосу III (1504—1450 гг. до н. э.)

Дешифровка письменности народа древней страны на Ниле не только открыла новые картины истории, но и показала духовный мир древнего египтянина, прекрасно отраженный в гимне фараона Аменхотепа IV, «царя-вероотступника» Эхнатона, своему новому богу-Солнцу:

Вот воссиял ты в горах востока
И наполнил всю землю своей благостью
Ты прекрасен и велик, ты блистаешь, возвысившись
Твои лучи обнимают все страны, до самых пределов
Ты далек, но лучи твои — на земле,
Ты подчинил их твоему возлюбленному сыну.
Ты освещаешь людям путь, но никто не зрит твоего пути.
Господин мой, деяния твои столь велики и обильны, но
сокрыты они от взоров людей¹.

---

¹ М. Pieper, *Die ägyptische Literatur*, Wildpark—Potsdam, 1927, S. 67.

III

АХУРАМАЗДА ПОМОГ МНЕ

Дешифровка древнеперсидской клинописи

Говорит Дарайавауш, царь:
«Ахурамазда помог мне!»

Бехистунская надпись

Клинопись была предана забвению еще основательнее, чем египетские иероглифы. И тем, что ее вообще смогли расшифровать в XIX веке, мы обязаны Дарию I.

Античные авторы, по-видимому, еще знали о существовании этой письменности. Так, об «ассирийских буквах» писали Геродот и Страбон, о «сирийских буквах» — Диодор, о «халдейских» — Афеней и Евсевий. Как установлено ныне, в тех случаях, когда их данные поддаются проверке, они имели в виду клинопись. Но говорили они все именно о «буквах» и «письме». У древних нигде не встретишь ни одного, даже самого смутного, указания на то, что греки, римляне и древнееврейские книжники (Талмуд также упоминает «ассирийскую» письменность) при описании клинописи основывались на собственных наблюдениях или хотя бы знали о клине как основном элементе этой письменности. Более поздние авторы, сирийские христиане, которые в сущности должны были бы быть осведомленнее, также говорят только о «буквах ассирийцев». Между тем у жителей Месопотамии, древней родины клинописи, зрение, очевидно, было острее, и их взгляд схватил то, что ускользнуло от греческих и римских авторов, еврейских ученых и средневеко-

вых арабских географов: они называли загадочные знаки «мисмари», то есть «гвоздеобразной» письменность. Но и гвоздь, при более внимательном рассмотрении, оказался вовсе не гвоздем, а клином, и мысль об этом сходстве пришла на ум лишь некоему вестфальцу.

Однако это случилось позднее. В начале же истории дешифровки стоит, как было сказано, Дарий I Великий (по-персидски Дарайавауш, 522—468 гг. до н. э.) из дома Ахеменидов (по имени прародителя Ахаманиша). Он завоевал себе право на трон, только подавив многочисленные восстания, а затем сильной рукой вернул былую мощь державе Ахеменидов, которая до создания империи Александра Македонского была величайшим государственным образованием древнего мира. Дарий расширил старые пределы государства, так что наряду с древними царствами мидийцев и лидийцев, халдеев и египтян оно включало большую часть Иранского нагорья, вплоть до Инда, и широкую береговую полосу на юго-востоке Европы. При Дарии I эта колоссальная, четко организованная и блестяще управляемая держава находилась в расцвете... Прошли века, и некогда могучая империя обратилась в прах, но европейская культура получила в наследство от нее дары непреходящей ценности.

В это наследство входят и грандиозные постройки, которые даже в развалинах производят большое впечатление. Именно они послужили основой для дешифровки клинописи. К завещанному «имуществу» относятся также декоративные сады и цветоводство, персики, домашние куры и голубы, монеты с изображением правителей и почта. Да, да, именно почта, хотя часто ее считают по ошибке римским изобретением. Необходимость почты как государственной службы связи впервые была осознана в огромном государственном объединении персов; отсюда система почтовых гонимов, а затем конной почты с постоянными почтовыми станциями дошла через Египет и Рим, и до нас.

Но письменность наша — не от древних персов. Естественно, что такая громада не могла исчезнуть бесследно. Среди прочего сохранился в руинах, подвергшихся воздействию всепоглощающего времени и жестоко изуродованных рукой человека, город, охарактеризованный знаками как великолепнейший из городов древнего мира, — резиденция персидских царей Парсакарта («Город персов»), или Персеполь, как его называли греки. Тот самый Персе-

поль, дворец которого был охвачен пламенем в 331 году до нашей эры, когда Александр, прозванный Великим, возбужденный, вероятно, обильными возлияниями и подстрекаемый гетерой Танс, швырнул в него горящий факел в отмщение за разрушение персами Афин.

На колоссальной террасе, приблизительно в 60 км к северо-востоку от Шираза, на отроге холма Кух-и Рахмат, недалеко от слияния Кура и Пульвара возвышаются остатки дворцов, построенных из прочного мелкозернистого мрамора; при их осмотре еще и теперь можно обнаружить, что ряд строений остался незаконченным. Народная молва всегда без затруднений объясняла происхождение этих развалин: она назвала их Тахт-и Джемшид — «Трон Джемшида», легендарного царя древних персов; хотя, впрочем, местные гиды-проводники, показывая чужеземцам руины дворцов, называют строителями и Кира Великого, и Дария, и даже самого царя Соломона. Недалеко отсюда высятся Чихиль минар — «Сорок минаретов», или колонн. Все вместе это составляет, как ныне известно, построенное Дарием I и Ксерксом предместье их излюбленной резиденции.

Примерно в 5 км к востоку от этих дворцов, преданных в свое время огню Александром, как раз и лежал большой богатый город Персеполь, который он также не преминул спалить и разграбить. Однако город продолжал существовать, и во II веке до нашей эры его жители, как повествует Библия (I кн. Маккавеев, 9, 1—2), отправили восвояси с окровавленными физиономиями воинов сирийского царя Антиоха IV Эпифана. В I веке нашей эры на месте Персеполя находился сооруженный из его строительных материалов город Истахр, в 632 году — резиденция Сасанидов, вскоре разрушенная халифом Омаром. В дальнейшем процветание расположенного поблизости Шираза все более препятствует возрождению Истахра, и в средние века окрестности города славятся лишь высокодоходными садами и огородами. Что делать, в конце концов это было время, когда и римский Капитолий служил «козьей горой», а Форум — «коровьим выгоном».

На другом берегу Пульвара, почти напротив развалин дворцов Дария и Ксеркса, взметнулась крутая скала Накш-и Рустем. Ее название означает «Образ Рустема», национального героя персов; местные жители считали изображением Рустема высеченные там рельефы сасанидских царей. Высо-

ко вверху вырублены в скале могилы четырех ахеменидских царей — Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II. Не очень далеко, приблизительно в 50 км к северо-востоку от Персеполя, сохранился третий бессмертный памятник величайшей эпохи в истории древнего Ирана — могила Кира Великого (Кураш II, 559—529 гг. до н. э.). Она располагалась в центре (в то время здесь был парк) построенного им самим древнего города Пасаргада, нынешнего Мургаба. Эта «гробница матери Соломона», в которую ее превратила местная традиция, покоится на фундаменте из семи рядов мощных мраморных блоков, положенных друг на друга; стены, карнизы и крыша сделаны из тщательно пригнанных и отполированных блоков, причем необычайно искусно: сооружение не разваливается, несмотря на то что давно уже вырваны с корнем и украдены скреплявшие его когда-то скобы. Гробница укрывает склеп, куда ведет очень узкая дверь.

Так немногие немые и вместе с тем столь красноречивые свидетели, соединенные на относительно узком пространстве, в течение веков оповещали мир о блеске и величии исчезнувшей Персидской державы.

Они же первыми привлекли к себе взоры и внимание европейских путешественников. Правда, эти последние поначалу едва ли смогли добиться от каменных свидетелей былого величия персов большего, чем их предшественники, арабские географы. Толкования и догадки, к которым они прибегали, пытаясь уяснить себе происхождение этих монументов, весьма сильно смахивали на заблуждения христианских пилигримов, столкнувшихся лицом к лицу с памятниками египетской древности.

Иосафат Барбаро (в 1472 году Венецианская республика отправила его послом в Иран) посетил Тахт-и Джемшид. Мургаб и Накш-и Рустем и постарался понять увиденное. Но он принял центральную фигуру величественных наскальных барельефов Накш-и Рустема, изображающую сасанидского властителя Шапура I (241—272), перед которым склоняется взятый им в плен семидесятилетний римский император Валериан (260 г.), за библейского Самсона. Путевые заметки Барбаро были опубликованы лишь в 1543 году, и, таким образом, ученый мир узнал об огромных наскальных рельефах с большим запозданием; об исправлении неверного толкования Барбаро в тот момент нечего было и думать.

Через полвека после этого перед развалинами Персеполя стоял португалец Антонио де Гувейа, первый посол короля Испании и Португалии Филиппа III при дворе шаха Аббаса I. По его мнению, на месте Тахт-и Джемшида находился древний Шираз, что в общем недалеко от истины, и в его путевых записках, вышедших в Лиссабоне в 1611 году, содержится первое серьезное упоминание о клинописи. В «Сообщении, в котором рассказывается о войнах» Антонио де Гувейа прямо говорит, что эта письменность отличается от письменности современных ему персов, арабов, армян и евреев.

За дипломатами из Венеции и Португалии последовал англичанин, бывший оксфордский студент Джон Картрайт, посланный с торговой миссией ко двору шаха Аббаса Великого (1588—1629). При этом властители Иран достигли вершины могущества и расцвета, и английские купцы пытались с выгодой для себя использовать разрешение на торговлю с этой страной. В своих «Путешествиях проповедника» Картрайт лишь вкратце упоминает о персидских древностях, ограничиваясь указанием, что Шираз находится на месте древнего Персеполя.

Гораздо больше может сообщить дон Гарсиа де Сильва Фигероа, второй из сынов Иберийского полуострова, посетивших Иран. Он читал Диодора и дает прекрасное описание руин Тахт-и Джемшида, рассматривая их как остатки дворца в Персеполе; архитектурный стиль дворца ставит его в тупик, ибо он не может включить его в известные ему греческие схемы. Он добросовестно отмечает: «Все письменные значки треугольные, но удлиненные, напоминают по форме пирамиду или маленький обелиск, который я нарисовал с краю, так что их можно отличить друг от друга только по их расположению». Дон Гарсиа привез с собой рисовальщика и предложил ему скопировать целую строку клинописи, но эта копия так и не увидела света.

Человек, которому мы обязаны первой публикацией клинописи, в 1614 году отправился из Венеции морским путем на Восток в качестве паломника. Морские пути христианского мира он знал прекрасно, ибо уже за три года до того участвовал в войне испанского флота против берберских государств. Паломничество на Восток ведет Пьетро делла

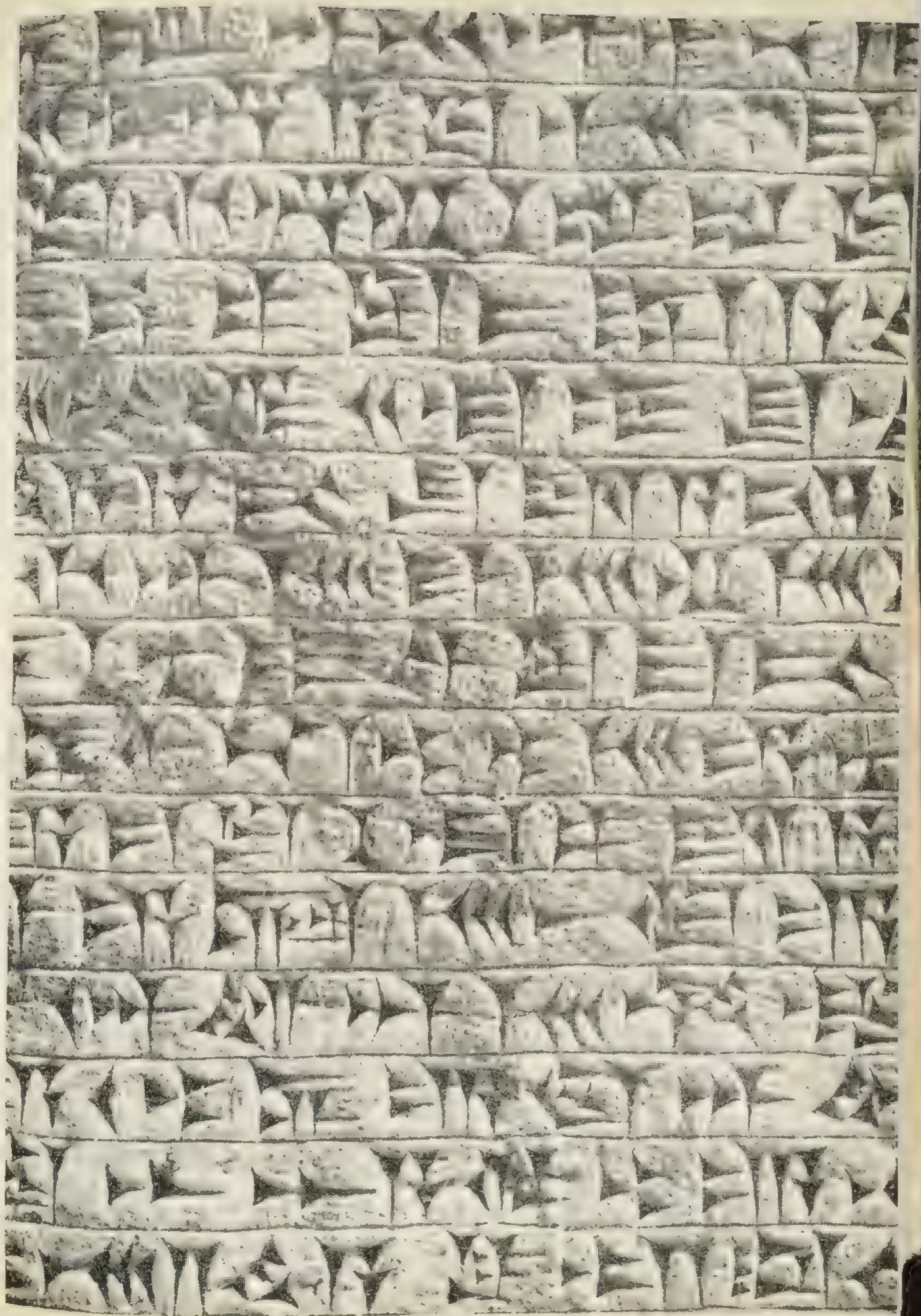

ерее
оро.
Ас-
одил-
и в
году
лис
тонк
ся с
реев
ова.
Карт
баса
остни
пыта-
ргов-
ника»
стят.
месте

льва
посе
писа
сатки
его
гре-
мен-
по
рисо-
лько
вали
нони

цисл
и пу-
исти
о то
скна
елл

св —

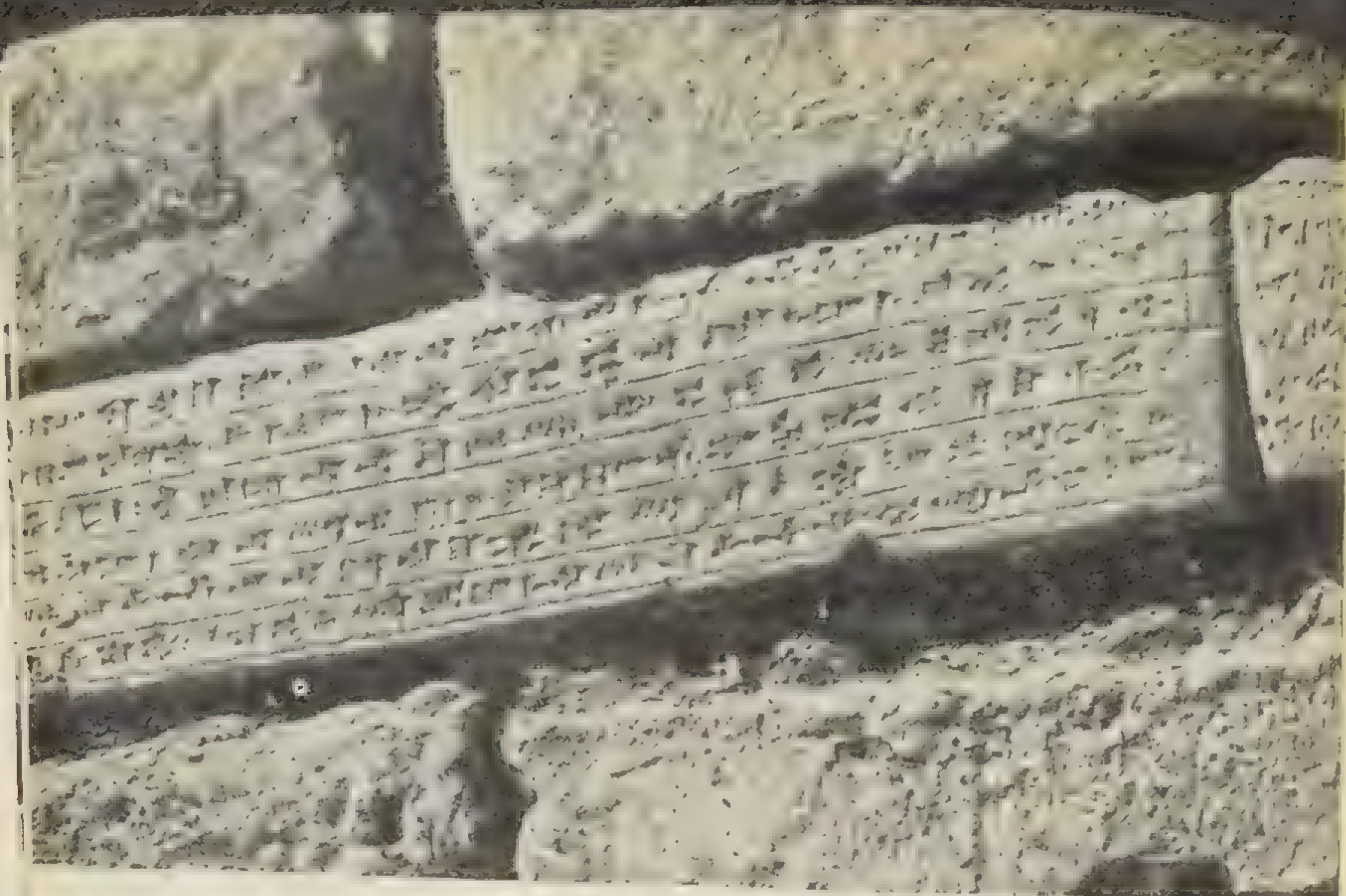
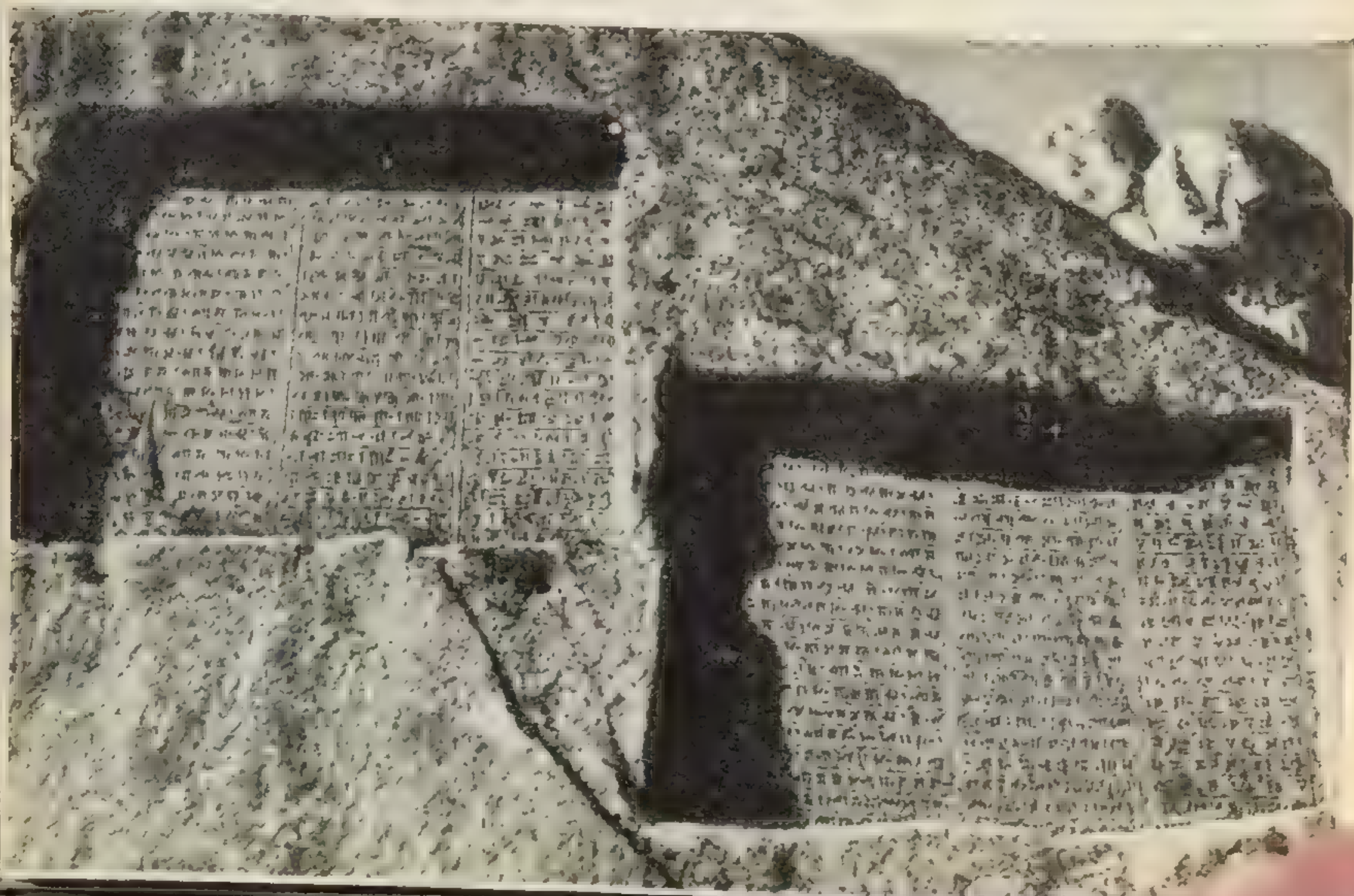

Табл. VI. Зиккурат из Чонга-замбиль. Клинописная надпись

Табл. VII. Гандж-наме

Б. д. л.
рез. С
щ. д.
толг
бана
За
жеств
переж
книго
благо
ни дт
сти д
ные и
в Пер
пытств
ту, что
недале
ет ее в

Язы
танавл
рейским
слова.
ков, он
вскоре
что надг
извлечь
знаков
делла В
бинатор
Но п
в состоя
го. Нена
жащес
данном
8 Э. Дозл

Валле, через Турцию и Египет, в Иерусалим и дальше, через Сирию и Иран, в Индию. Когда в 1626 году он возвращался с пестрой восточной свитой в Рим, его встречали голпы зевак; вскоре он уже почетный камерарий папы Урбана VIII.

За долгие годы странствий он послал своим друзьям множество длинных писем, где живописал свои впечатления и переживания. Впоследствии они были изданы отдельной книгой, которая до сих пор читается с большим интересом благодаря свежести изложения. Пьетро не пожалел времени для посещения руин многих старых городов, в частности древнего Вавилона, и в своем багаже привез обожженные и необожженные кирпичи из развалин. Остатки дворца в Персеполе он принял за руины храма и с огромным любопытством взирал на помещенные здесь надписи, особенно на ту, что покрывает всю стену сверху донизу и расположена недалеко от высеченного под колоннадой льва. Он описывает ее в пятнадцатом письме.

Рис. 36. Клинописные знаки, опубликованные Пьетро делла Валле

Язык и письменность ему совершенно неизвестны. Он устанавливает размеры знаков и полагает, что они, подобно еврейским, стоят каждый в отдельности и не соединены в слова. Во многих местах повторяется группа из пяти знаков, он ее копирует. Это первый клинописный текст, который вскоре становится известен в Европе. Пьетро предполагает, что надпись читается слева направо. Многочисленные попытки извлечь определенные выводы из повторяемости отдельных знаков свидетельствуют, между прочим, о том, что Пьетро делла Валле, — разумеется, неосознанно, — пользовался комбинаторным методом дешифровки.

Но пять знаков, которые не известны никому и которые не в состоянии прочесть даже тот, кто их нашел, не дают ничего. Ненамного больше дают и три строки клинописи, содержащиеся в описании путешествия сэра Томаса Герберта, изданном в Лондоне в 1634 году. (Герберт неоднократно ука-

зывает, что памятники разрушаются местными жителями, добывающими здесь строительный материал.) Мало что можно почерпнуть и из «Описания путешествия в Московию и Персию» (Шлезвиг, 1647) — труда удивительной и дорогостоящей экспедиции, посланной герцогом Фридрихом III Гольштейн-Готторпским через Москву и Астрахань в Иран и вошедшей в историю немецкой литературы благодаря участию в ней ученика Опица — Пауля Флеминга и герцогского библиотекаря Адама Олеария.

Лишь путешествия француза Жана Шардена (1643—1713), совершенные в 1661—1681 годах, внесли настоящий вклад в изучение клинописи. Правда, Шарден не был ни дипломатом, ни археологом, ни миссионером; он всего лишь сын ювелира, и отец послал его в Ост-Индию для закупки бриллиантов. Отправив двадцатидвухлетнего юнца на край света, старый Шарден правильно оценил его способности. Испытав множество приключений, Жан Шарден добился после шестилетнего пребывания в Исфахане должности придворного поставщика шаха. В 1671—1681 годах он снова путешествует по Ирану и Индии и затем обосновывается в Лондоне, где Карл II посвящает его в рыцари. Наконец, он отправляется в Голландию как полномочный посол английской короны и как агент Ост-индской компании — той самой Ост-индской компании, деятельность которой неразрывно связана с историей дешифровки клинописи. Другой ее агент, С. Флауэр, уже к 1694 году опубликовал в Лондоне копию двух клинописных строк.

В «Путешествиях» Шардена, изданных в 1711 году, содержатся выполненные иллюстратором Грело первые точные чертежи, показывающие расположение и размеры руин ахеменидских дворцов. Шарден дает также достоверное описание надписей из Накш-и Рустема и замечает, что клинопись представляет собой не орнамент, а надписи.

Через год в Лемго (Вестфалия) выходит из печати книга «Amoenitates Exoticae» («Прелести чужих стран»), написанная Энгельбертом Кемпфером — «изобретателем» клинописи, точнее говоря, человеком, который впервые назвал эту письменность клинописью («litterae cuneatae») ¹.

¹ Как указывает копенгагенский ассириолог Свенд Оге Паллис в своем руководстве «The Antiquity of Iraq» (Копенгаген, 1956, стр. 63), в книге английского ориенталиста Томаса Хайда «Historia religionis veterum Persa-

Необычен и пестр жизненный путь этого человека. Он был достойным сыном Лемго, бывшего ганзейского города. Товары которого доходили до Швеции, Ливонии и России. Правда, в то время, когда маленький Энгельберт рос в доме своего отца, пастера Иоганна Кемпера (впоследствии сын изменил фамилию в соответствии с верхненемецким произношением), уже мало осталось от бывшего дыхания большого мира, дыхания, когда-то наполнявшего жизнью ганзейские города. Юность любознательного мальчика была не очень радостна. В стране, жители которой всегда слыли ясновидцами и прорицателями, пастор Кемпер был усердным слугой инквизиции, занимавшейся охотой за ведьмами. Тем более достойна удивления та целеустремленность, с какой его сын искал путь из этого ограниченного мира, путь, который впоследствии повел его вокруг света в буквальном смысле слова. Из латинской гимназии своего родного города он едет в поисках знаний в Голландию, Люнебург и Любек, затем в Данциг и Торн, Краков и Варшаву и, наконец, в течение четырех лет изучает естественные науки и медицину в Кенигсберге.

Что побудило его отправиться в Швецию, где он благодаря близким отношениям с Пуфендорфами вскоре получил работу секретаря в Стокгольме? По-видимому, стремление увидеть мир и большая любознательность. Как раз в это время молодой король Карл XI прилагает все усилия к подъему благосостояния и могущества своей страны. Для этого он разрабатывает дальновидную политику меркантилизма и старается завязать внешнеторговые связи. Карл XI снаряжает посольство, которое должно было отправиться через Россию в Иран с тем, чтобы установить там деловые связи с восточными купцами. 20 марта 1683 года посольст-

---

гит», вышедшей в 1700 году, говорится, что персидская письменность представляет собой «*dactuli pyramidales seu cuneiformes*» (пирамидальные или клинописные знаки). Паллис пишет, что, следовательно, Хайд говорил о клинописи уже за двенадцать лет до появления работы Кемпфера, и выклинописи уже за двенадцать лет до появления работы Кемпфера, и высказывает недовольство тем, что вся специальная литература приписывает честь введения этого термина Кемпферу. Несмотря на это, автор придерживается введения этого термина Кемпферу. ибо, во-первых, термин «клинописные» Хайд дает лишь как альтернативу к обозначению «пирамидальные»; во-вторых, выражение Кемпфера «*litterae cuneatae*» имело гораздо более широкий отклик, о чем говорит вся история дешифровки клинописи. При этом мы, разумеется, не собираемся оспаривать приоритет Хайда.

пустилось в путь (в этот самый год Восток предпринял наступление на Европу, и турецкие войска потерпели поражение у бастиона Запада — Вены). В качестве врача и секретаря посольства едет Энгельберт Кемпфер. Через Финляндию шведы попали в Россию, где в их честь был устроен прием при дворе. Однако мы опишем не встречу Кемпфера с младшим из царевичей, будущим Петром Великим, а необычную картину, поразившую вестфальского путешественника еще до того, как он увидел клинописные надписи. Он первый европеец, которому мы обязаны описанием нефтяных районов под Баку. Кемпфер увидел здесь, как из земли вырывается горящий газ.

«Мы поехали дальше и через полчаса наткнулись на горящий участок земли. Он был покрыт беловатым гравием и теплом. Из многочисленных щелей выбивались причудливые языки пламени удивительной красоты. Из некоторых отверстий пламя вырывалось с шумом, внушавшим зрителям ужас. Горевшее в других щелях более спокойно, оно позволяло близко подойти каждому желающему. Иные щели исторгали облака дыма или испарений, хотя и еле видные, но с сильным запахом нефти.

Все это происходило на участке длиной в 90 шагов и шириной в 60. Щели были удивительно узкими, не шире фута. Одни из них были короче и имели форму полукружий, другие тянулись длинными изломанными линиями. Двое индийских огнепоклонников, чужеземцев из племени парсов, тихо сидели внутри сложенных ими полукруглых насыпей. Они были погружены в созерцание вырывавшегося огня, который они почитали как вечное божество»¹.

В конце марта 1684 года шведское посольство прибыло в Исфахан. Прошли месяцы, пока придворный астролог определил, что настал тот благоприятный час, когда шах мог принять их.

Для Кемпфера это время не прошло бесследно. Он стал брать уроки персидского языка у престарелого патера капуцинов Рафаэля дю Мана, который обслуживал местную христианскую общину армян и высоко почитался при дворе как переводчик.

Вооружившись некоторыми познаниями в этой области, Кемпфер оставил шведское посольство и поступил на служ-

¹ K. Meier-Lemgo, *Engelbert Kämpfer*, Stuttgart, 1937, S. 26.

бу в голландскую Ост-индскую компанию, по поручении которой отправился из Исфахана в Шираз. Путь шел через Персеполь.

«...На рассвете следующего дня мы прибыли ко второй достопримечательности — руинам дворца Дария, называемым Истахр, или Чихиль минар, то есть „Сорок колонн“». Энгельберт Кемпфер осматривает, производит замеры, чертит. Больше всего его привлекают клинописные надписи, которые впоследствии скопировал Нибур. Кемпфер и сам копирует, правда, всего лишь одну табличку с надписью, находящуюся довольно высоко. Его слепит горячее солнце, времени остается мало, а так много еще нужно осмотреть: «Если кто-либо захотел бы тщательно скопировать скульптуры, надписи и украшения всех этих строений, ему едва ли хватило бы двух месяцев. Я детально сообщу обо всем, что я мог сделать в течение тех трех дней, когда я не оставлял себе времени даже для еды»².

Он выполнил это обещание в своей книге «*Amoenitates Exoticae*». Увлекательные приключения, о которых он там рассказывает, еще более удивительны, чем приключения многих нынешних путешественников. Аравия и Индия, Сиам и Япония были вехами на его жизненном пути, пока он, спустя десятилетия, усталый и больной, не вернулся в Амстердам.

Он скопировал целую клинописную надпись, хотя, конечно, и не знал, что она вавилонская. Он ошибался, думая, что все ее знаки — идеограммы, но это простительная ошибка. Кемпфер был первым, кто опубликовал большую надпись и кто дал название, под которым замечательные знаки вскоре стали достоянием европейской науки.

В 1714 году голландец Корнелиус де Бруйн, посетивший руины в 1704 году, выпустил в Амстердаме свои «Путешествия» («*Reizen*»). Он нашел время и силы скопировать несколько текстов; опираясь на надпись, высеченную в оконном проеме, он доказал, что клинопись читается не вертикально, как думали многие до него, а горизонтально.

Итак, люди, подобные Кемпферу и де Бруйну, заложили основу для дешифровки. Вернее — основу основ, ибо их работы, появившиеся почти одна за другой, возбудили интерес современников. Копии Кемпфера и де Бруйна повсюду при-

¹ Ibid., S. 67.

² Ibid.

зывали любознательных попытать счастья в исследовании удивительных знаков.

Несмотря на длительные войны, в то время во многих странах оказывали покровительство наукам и искусствам. С наибольшим правом это можно сказать о долгом и мирном правлении Фридриха V в Дании. Этот просвещенный монарх, известный в Германии как покровитель Клопштока, уделял много внимания развитию ремесел и торговли; основанная незадолго до того датская Всеобщая торговая компания посылала при нем корабли в Средиземное море, Западную Африку, в Индию и на острова Вест-Индии. И несомненно, что, снарядив в 1761 году экспедицию для исследования Аравии, Ирана и прилежащих стран, правительство исходило главным образом из торговых интересов. Известнейшим участником этой экспедиции был сын гольштейнского пастора Карстен Нибур (1733—1815), отец великого немецкого историка Бартольда Георга Нибура.

Многообещающий молодой человек из Людингворта изучал в Геттингене математику, что позволило ему в 1760 году стать в Дании инженер-лейтенантом. Еще в Геттингене он обратил внимание на работы де Бруйна и Кемпфера, и новый, сказочный мир, который они ему открыли, пробудил в нем интерес к Востоку — он принялся за изучение арабского языка. Таким образом, он уже был подготовлен в двух областях знаний, когда в 1761 году отплыл на Восток с датской экспедицией.

Однако широко задуманному предприятию не сопутствовала удача. Путешественники прибыли сначала в Египет, и в Каире им пришлось задержаться на долгие месяцы. В главе о египетской письменности рассказано, как плодотворно сумел использовать гольштейнский исследователь вынужденное ожидание, как основательно он занимался иероглифами и какие гениальные мысли высказал о сущности этой письменности.

Наконец, им дали возможность продолжать путешествие. Через Сирию, Палестину и Аравию они отправились в негостеприимные, закрытые для иностранцев южные районы Аравийского полуострова и достигли Санаа. Этот путь стал для многих из них последним. В результате трудностей, неслыханных лишений и враждебности местных жителей экспедиция понесла тяжелые потери. Будучи на волосок от смерти, Нибур попытался приспособиться к обычаям страны —

стать наст
ные жите
врач экск
корабль н
соедет на
живи н
надежд.

Но это
в пути. по
марта 176
ред «Тро

Три не
тий. Он не
писи, и ре
сделали е

Поздне
незначите
исследова
после Кем
сей пленя
зуется ув
сания пут
ангу Ин
египетско
ла) означ
копии мно
сыгравши
ков. В эт
строуми
работы на

Он пе
ны не од
(для него
говорят о
многочис
менности
алфавита
том для
тонко по
что их на
вит из 42
Сур опре

стать настоящим сыном Востока, есть и одеваться, как местные жители. Из южноаравийского ада живыми вышли лишь врач экспедиции и Нибур. Когда же они, наконец, сели на корабль и отплыли в Бомбей, умер и врач, так что в Бомбее сошел на берег только Нибур. Это был единственный выживший член экспедиции, с которой было связано столько надежд.

Но это не сломило Карстена Нибура. Через год он снова в пути, пересекает Месопотамию и Иран и в первые дни марта 1765 года, осматривая руины Персепполя, стоит уже перед «Троном Джемшида».

Три недели развалины не выпускают его из своих объятий. Он неустанно чертит, набрасывает планы, копирует надписи, и результаты его труда превосходят при этом все, что сделали его предшественники.

Позднее ученые не раз критиковали работы Нибура за незначительные неточности и недостатки. Однако именно его исследования прояснили многое, остававшееся непонятным после Кемпфера и де Бруйна. Выполненные им копии надписей пленяют смелыми и ясными линиями, в которых чувствуется уверенная рука. Появление в 1774—1778 годах «Описания путешествия в Аравию и окружающие страны» (эту книгу Нибура держал Наполеон, инструктируя ученых из египетской комиссии; она его сопровождала и в долину Нила) означало, что ученый мир впервые получил точные копии многих важнейших надписей Дария и Ксеркса, копии, сыгравшие признанную роль в ранних успехах дешифровщиков. В этой же книге содержатся глубоко продуманные и остроумные выводы, к которым пришел Нибур в результате работы над надписями.

Он первый увидел, что сохранившиеся надписи начертаны не одним, а тремя различными видами письменности (для него еще оставалось тайной, что они на трех языках говорят об одном и том же). Он понял, что относительно немногочисленные и простые знаки одной из этих систем письменности — в отличие от двух других — являются буквами алфавита. Это наблюдение Нибура стало отправным пунктом для дальнейшей работы по дешифровке клинописи. Из тонко подмеченных особенностей надписей он сделал вывод, что их надо читать слева направо, и даже установил алфавит из 42 букв. Впоследствии выяснилось, что 32 из них Нибура определил правильно, а 9 — ошибочно; десятым знаком

был так называемый словоразделитель. Это следует признать богатым урожаем, если учесть невзгоды, обрушившиеся на экспедицию, и то, что изучение надписей вовсе не было ее целью.

Мужество и настойчивость были отличительными качествами и молодого парижанина Абрахама Гнацинта Анкетиль-Дюперона (1731—1805). Он пришел к исследованию надписей от теологии, и не случайно, что впоследствии именно он положил начало изучению маздензма в Европе. Теология, которой он занимался в Париже, Оксерре и Амерсфорте, привела его, как и многих других, к восточным языкам. Париж в то время был центром востоковедения в Европе. Анкетиль-Дюперон возвратился в Париж, чтобы посвятить себя изучению восточных языков, но то, что он здесь получил, его не удовлетворило. Находясь под влиянием распространенных тогда романтических представлений, он прежде всего хочет прочесть священные книги парсов, последних живущих в Индии последователей Зороастра (двух парсов, погруженных в молитвенное созерцание священного огня, видел в Баку, как упоминалось выше, Энгельберт Кемпфер).

Для предприимчивого молодого француза Индия не была чем-то недостижимым. Его страна давно уже стремилась приобрести здесь колонии. Все же об увеселительной поездке не могло быть и речи. Анкетиль-Дюперон записывается солдатом на отправляющийся в Индию французский корабль. Его рвение и решительность побуждают правительство выдать ему пособие. В Пондишери, старом французском бастионе на юго-восточном берегу Индии, он прежде всего изучает новоперсидский язык. Отсюда он направляется на север, в Бенгалию (это путешествие было связано с большими опасностями, ибо англо-французская война в то время уже распространилась на территорию Индии), а затем через всю страну — к западному берегу, в принадлежавший некогда французам Сурат. Он едет сюда не для того, чтобы рыдать на развалинах французского колониального господства. Правда, его с неудержимой силой влечет в «колонию», но колонию особого рода, где живут последние приверженцы иранской религии — огнепоклонники-парсы.

Личное обаяние помогает терпеливому французу познакомиться с их жрецами — дестурами. Он завоевывает сердца последователей Зороастра, которые сами могут читать

свои священные книги лишь на новоперсидском языке. Его цель — Зендавеста, священное писание парсов, все, что осталось от древнеиранских религиозных книг, переживших времена господства греков, парфян и ислама; спасенная огнепоклонниками-парсами Зендавеста была затем переправлена в Индию. Когда в 1761 году Пондишери снова попадает в руки англичан, Анкетиль-Дюперон возвращается в Европу. После семилетнего пребывания в Индии он привозит с собой не только подаренный парсами оригинал Авесты (который был непонятен ни ему, ни парсам), но и новоперсидский перевод, продиктованный дестуром Дарабом.

Конечно, это не клинопись. Даже оригинал написан не ею. Но перевод Авесты, выполненный Анкетиль-Дюпероном, был важным подспорьем для тех, кто впоследствии дешифровал клинопись: из этого перевода стали известны староперсидские формы исторических собственных имен, до тех пор доступных ученым лишь в греческом (как правило, грубо искаженном) произношении.

Таким образом, для дешифровки клинописи были созданы важнейшие предпосылки — и со стороны письма, и со стороны языка. Между тем уже в 1762 году (как раз тогда, когда Анкетиль-Дюперон вернулся в Париж с трофеем, состоявшим из 180 манускриптов) граф Кайлю вручил науке ключ, который при других условиях мог бы сразу открыть доступ к клинописи. Он опубликовал надпись на алебастровой вазе, принадлежавшей царю Ксерксу; эта надпись была не на двух или трех, а на четырех языках: на староперсидском, эламском, вавилонском (о последних двух языках подробнее будет рассказано в следующей главе) и египетском! Но этот ключ, увы, не подошел к замку, ибо по-египетски в то время никто еще не мог читать, и до появления знаменитого «Письма к Дасье» Шампольона должно было пройти целых 60 лет.

Ахеменидские памятники все больше привлекают к себе европейских путешественников. Здесь нужно упомянуть английского ориенталиста сэра Вильяма Аузли, секретарь которого Джемс Юстин Мурье первый признал в «гробнице торого Джемс Юстин Мурье первый признал в «гробнице матери Соломона» гробницу Кира Великого, а также сэра Роберта Кера Портера, опубликовавшего два толстых тома *in quarto* с хорошими рисунками, изображавшими руины. Но прежде всего следует рассказать о «восточном» вундеркинде англичанине Клавдии Джемсе Риче, уже в юные

годы выполнявшем обязанности английского генерального консула в Багдаде. Сраженный холерой в Ширазе в 1821 году, он умер «слишком рано», как и скончавшийся через 20 лет после него Шампольон. Рич оставил глубокий след в истории археологии Древнего Востока. Он верил в немецкого дешифровщика Гротефенда и регулярно посылал ему копии найденных надписей. Влияние Рича можно проследить еще через много лет после его смерти: впервые опубликованные в Лондоне в 1836 году два тома его сочинений (они посвящены пребыванию в Курдистане), а также появившиеся в 1839 году дневники и копии произвели глубокое впечатление на ориенталистов. Более того, они побудили французское правительство открыть вице-консульство в Мосуле и направить туда Эмиля Ботта, человека, нашедшего Ниневию. Под впечатлением работ Рича молодой англичанин Остин Генри Лэйярд, раскопавший впоследствии Нимруд, принял решение обратиться к английскому посольству при Порте с просьбой оказать содействие в проведении новых исследований. Но об этом будет рассказано позже.

Пока эти археологические подвиги отмечены нами лишь мимоходом, тем более, что ко времени их совершения было уже сделано нечто другое, чего, правда, сначала не заметили, а кое-где и не хотели замечать.

И это «нечто» имеет увлекательную предысторию.

Копии Карстена Нибура, ученого и путешественника, опубликовавшего в Дании свое «Описание», прежде всего были оценены и обработаны в Германии и Дании. В этом большую роль сыграл родившийся в Тонберне Олаф Герхард Тихсен (1734—1815), сначала студент в Галле, затем там же учитель в сиротском доме, профессор восточных языков в Бютцове и, наконец, старший библиотекарь в Росток. Он был крупным гебраистом и основателем арабской палеографии. Кроме того, он занимался всеми новыми проблемами востоковедения, которыми было так богато его время. Как упомянуто выше, Тихсен без особого успеха испробовал свои силы на иероглифах — в работе, выпущенной в 1790 году в Геттингене. В 1798 году, опираясь на добытые Нибуром результаты, он выступил со статьей о персепольской клинописи. При этом его богатые филологические познания и склонность к сравнительному изучению языков, в то время широко распространенному и выражавшемуся в самых смелых гипотезах, оказали ему плохую услугу. В отли-

чие от Нибура, он приписал клинописным знакам произвольные звуки и, сопоставляя полученные таким образом «слова» со словами других, семитских и индоевропейских языков, пытался найти какой-то смысл в отдельных группах знаков.

Множество допущенных им ошибок усугублялось роковым историческим просчетом: Тихсен принял надписи за летопись Аршака, основателя династии Аршакидов и Парфянского царства (247 г. до н. э.), и, следовательно, считал, что тексты были составлены на 300 лет позже, чем в действительности.

Но среди мусора, собранного Тихсеном в написанной латыни статье, можно обнаружить и два жемчужных зерна.

Он увидел то, чего еще не знал Нибур, — что тремя письменностями представлены три различных языка.

И Тихсен вернее, чем Нибур, понял значение отдельного косо поставленного значка, постоянно повторяющегося в первом виде письменности (он имеется уже среди пяти знаков, опубликованных Пьетро делла Валле, смотри рисунок 36): этот знак отмечает начало и конец слов, то есть отделяет стоящие друг за другом слова. Тихсен открыл знак, называемый теперь «словоразделителем».

Независимо от Тихсена к этому же заключению пришел датский академик Фридрих Христиан Карл Генрих Мюнтер (1761—1830). Он родился в Готе, учился в Копенгагене и Геттингене и, наконец, стал епископом в Зеландии. В 1800 году Мюнтер написал «Исследование о персепольских надписях». Здесь, опираясь на исторические данные, он прежде всего исправил ошибку Тихсена, указав, что надписи вероятнее всего принадлежат не парфянским Аршакидам, а великим царям древней Персии из династии Ахеменидов, правившей приблизительно на 300 лет раньше.

Можно задать вопрос, что значат эти 300 лет по сравнению с 2500 — возрастом надписей? Да все!

В результате правильной датировки Мюнтер установил два момента, без которых дальнейшая дешифровка была бы немыслима.

Прежде всего теперь допускалась возможность, что надписи составлены на древнеперсидском языке, близком к языку Авесты; а о последнем уже было кое-что известно благодаря стараниям Анкетиль-Дюперона и позднее Сильвестра де Саси.

Во-вторых, давалась еще одна отправная точка для исследования: стало ясно, какие собственные имена можно найти в надписях! Вспомним, что картуш с именем Птолемея явился основой для расшифровки иероглифов. Легко себе представить, что было бы, если бы Юнг и Шампольон, исходя из неправильной датировки, искали имена других владетелей Египта, например фараона Псамметиха или Нехо. Кто знает, насколько затянулась бы их работа... Теперь специалисты пошли по правильному пути. Они уже станут искать не имя Аршака, что было бы вполне возможно после работ Тихсена, а имена... но не будем забежать вперед.

Подобно Тихсену, Мюнтер нашел и словоразделитель. Как и его предшественник, он пришел к выводу о трехязычии надписей, но там, где Тихсен искал парфянский, мидийский и бактрийский языки, Мюнтер не очень последовательно предположил существование языков *зенд*¹ (староперсидского), *пехлеви* (среднеперсидского) и *фарси* (раннего новоперсидского). Первое его предположение указывает в правильном направлении. Верна и другая гипотеза, которую выдвинул также и Тихсен и согласно которой первый текст, если исходить из количества знаков, написан алфавитом (это заметил уже Нибур), второй — содержит слоговые знаки, а знаки третьего текста обозначают слова. Далее, он правильно решил, что содержание всех трех текстов, вероятно, одинаково, ибо подобные древние многоязычные надписи достаточно хорошо известны, и, кроме того, когда повторяется слово в первом тексте, оно повторяется и в остальных.

Однако затем Мюнтер попал в тупик, хотя и основывался на верных положениях. Он начал высчитывать частоту появления отдельных знаков в опубликованных Нибуром надписях и сделал вывод, что чаще всего должны встречаться гласные; таким образом он «определил» знаки, обозначающие *a*, *ā*, *i*, *o* и *u*, причем случайно отгадал только одно *a*, а также согласный *b*.

Зато другой путь ведет копенгагенского профессора теологии прямо к цели. Ему, как и Тихсену, бросается в глаза группа из семи знаков, которая часто повторяется в надписях. Оба они сначала считали, что она обозначает собственное имя. Однако позже Мюнтер, знакомый со среднеперсид-

¹По современной лингвистической терминологии этот язык называется авестийским. (Прим. ред.)

ской титулатурой, приходит к мысли, что эта группа передает титул, и он правильно угадывает его: «царь» и «царь царей». Слово, предшествующее данной группе, должно, по его мнению, обозначать имя царя. Эта группа из семи знаков выглядит следующим образом:

Рис. 37. Слово «царь» в древнеиранской клинописи

Справа стоит словоразделитель. В принятой ныне транскрипции это слово пишется *xšāyađiya* (читай: «хшāясия») и действительно означает «царь». Мюнтер уже у цели, но он не может разобраться в знаках, следующих за словом «царь». Он правильно ищет в них флективное окончание, но звуки, которые он приписывает отдельным знакам, все до одного неправильны. И сбившись с верного пути, Мюнтер вынужден отказаться от дальнейшей работы...

«И вот приходит Гротефенд. Не специалист! Всего лишь незаметный училишка гимназии. Никакого понятия об ориенталистике, но парень с огоньком. Однажды в подвыпившей компании заключает пари, идет и расшифровывает клинопись».

Так нередко рассказывают его историю. Но это не совсем верно. Девиз всей жизни и научной карьеры Гротефенда — «снизу вверх!». Маленькому Георгу Фридриху, сыну сапожника, родившемуся 9 июня 1775 года в Мюндене на Везере, и не снилось, что он достигнет мировой известности. Но мальчик, вероятно, рано начинает понимать, что «вверх» ведет единственный путь — величайшее трудолюбие. Он показывает, на что способен, уже в школе. Затем поступает в педагогическое училище в Ильфельде, а с 1795 года изучает теологию и философию в Геттингенском университете, где в то время немало ученых занималось античностью и сравнительным языкознанием. Непоколебимое упорство и добросовестность Гротефенда привлекают к нему друзей и влиятельных покровителей. Среди них был профессор риторики, главный университетский библиотекарь, секретарь Академии наук тайный советник юстиции Христиан Готтлоб Хейне. Хейне отличало стремление постичь античный мир во всех проявлениях его духа и разъяснить то, что оставалось неясным из

данных археологии. Подобная основательность в исследованиях оказала немалое влияние на Гротефенда и счастливо сочеталась с его наклонностями. К его покровителям принадлежал и Тихсен, первый из выступивших за него ученых, и известный историк Арнольд Герман Людвиг Геерен, который позднее в книге «Идеи относительно политики, связей и торговли важнейших народов древнего мира» пропагандировал не получавшие признания работы Гротефенда.

Благодаря содействию Хейне, молодой Гротефенд еще студентом завоевал себе прочное положение учителя геттингенской гимназии и накопил средства, позволившие ему в дальнейшем целиком отдаться научным занятиям. Он основательно изучил классическую филологию, что вскоре же себя оправдало. Уже в юные годы в нем проявляется своеобразный талант. То, чему молодой учитель посвящает часы досуга, теперь назвали бы «спортом для ума»: он решает загадки, занимается ребусами, шарадами, акrostихами. И это незаметно ведет его к будущему открытию.

В 1799 году в Геттингене выходит из печати ныне забытая работа Гротефенда «De puzigraphia sive scriptura universalis». Она ярко характеризует его общие установки и научное направление, и современные биографы и историки совершенно напрасно замалчивают ее или оставляют без внимания. Здесь уже виден будущий дешифровщик. Название широко и заявляет о «всеобщем» или «мировом» письме, и таким образом Гротефенд занимает свое место в ряду тех, кто трудится над созданием «универсальной письменности» (они перечислены в главе, посвященной Египту). Безусловно, Гротефенд пришел к дешифровке клинописи вовсе не так случайно, как это часто изображается.

Неизвестно, когда Гротефенд начал изучать тексты Нибура. Точно так же неясно, когда к нему в руки попали «Mémoires sur diverses Antiquités» Сильвестра де Саси (Париж, 1793), где были опубликованы некоторые короткие надписи на пехлеви, найденные в Накш-и Рустеме. Многие из них находились над изображениями царей, как и надпись над изображением Дария в копиях Нибура. По указанию де Саси, они содержали имена царей и их отцов, а также титул «царь царей».

Верно, что последним толчком, побудившим Гротефенда заняться дешифровкой клинописи, было пари, заключенное в дружеском кругу. Но делать отсюда вывод, будто такой вы-

бор явился плодом юношеской беспечности, а не устремлений ученого, значит игнорировать серьезную подготовку Гротефенда, его личные склонности и влияние его учителей, короче говоря, игнорировать все, что сформировало его духовный облик и сделало его тем, чем он был.

Гротефенд правильно понял сообщение де Саси: подобные надписи относятся к персидской традиции. Но традиция консервативна. Нельзя ли предположить, что и надписи из Персеполья построены по тому же образцу и содержат царские имена и титул «царь царей»? Это совпадало также со взглядом Мюнтера, уже известным Гротефенду. Но какова же эта группа из семи знаков, которую Мюнтер считает словом «царь»? Она была воспроизведена выше (рисунок 37).

Семь знаков. «Царь». Нужно изучить эти знаки в связном тексте, и чем текст будет короче, тем лучше. Молодой учитель снова берется за своего Нибура и находит там две очень короткие надписи, которые явно имеют много общего и потому представляют особый интерес (рисунок 38).

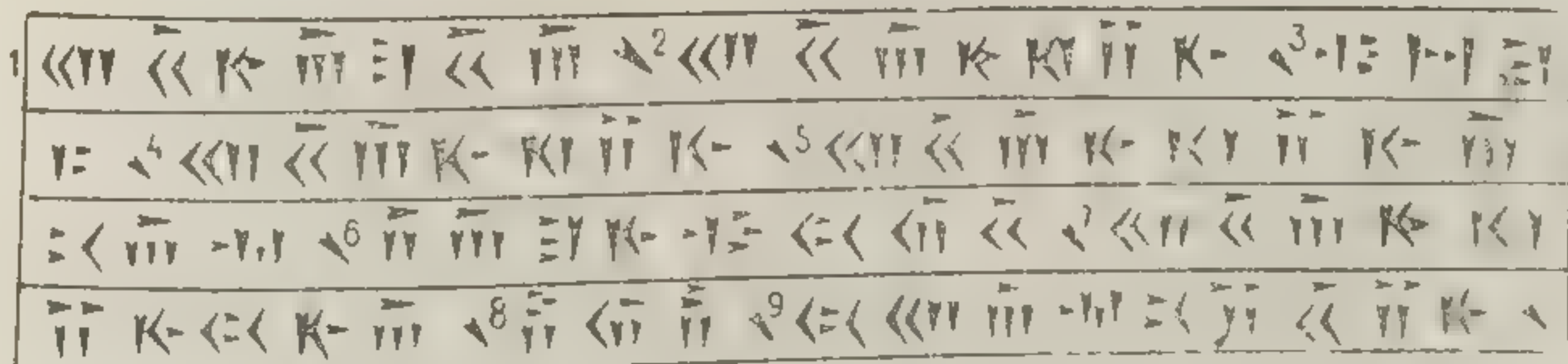
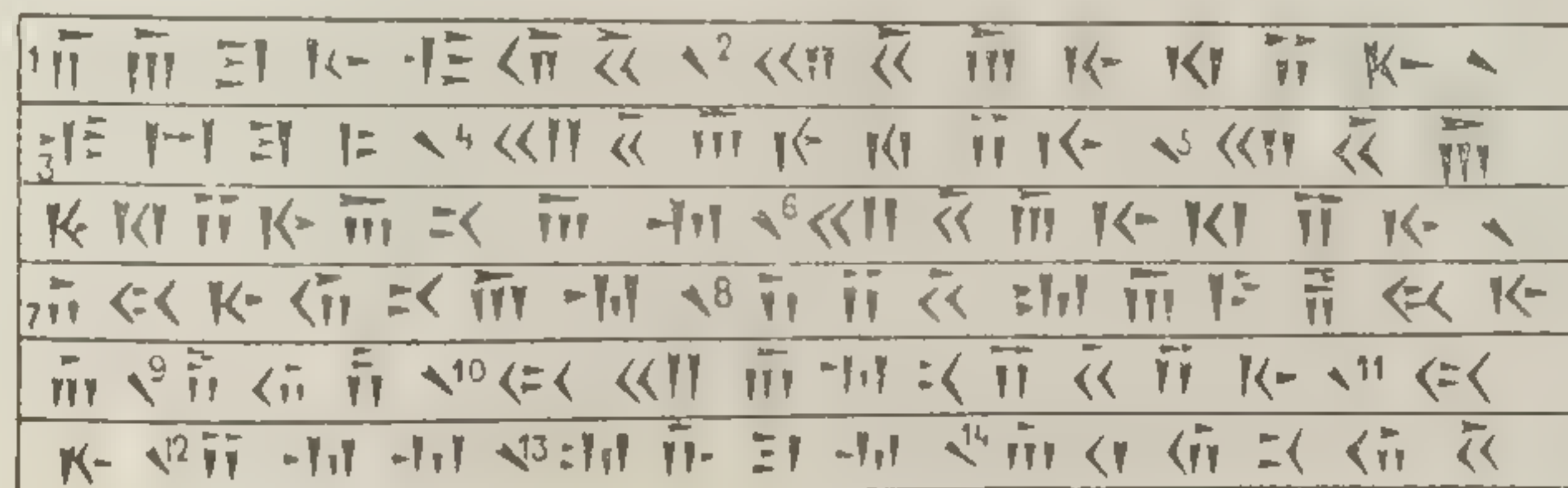

Рис. 38. Надписи на древнеперсидском языке Дария I и Ксеркса

Гротефенд прежде всего установил, что выделенная Мюнтером группа из семи знаков (на верхней надписи помечена номерами 2, 4 и 6, на нижней — 2, 4 и 7) встречается

на обеих надписях еще раз (под номером 5), удлиненная на несколько знаков. Это прибавление, должно быть, содержало падежное окончание слова «царей».

Внимательно приглядевшись к надписям, можно заметить, что слово номер 1 из верхней надписи повторяется под номером 6 в нижней; но здесь к нему добавлен знак , стоящий в слове на шестом месте. Это слово номер 1 в верхней надписи поставлено перед титулом и, очевидно, означает царское имя. В нижней надписи, увеличенное на один знак, оно идет за титулом «царь царей». На основании сасанидских надписей на пехлеви Гротефенд заключил, что эта удлиненная форма во второй надписи должна выражать родительный падеж какого-то слова, за которым (после слова «царь») идет слово «сын». Исходя из этого, он истолковал более короткую надпись следующим образом (слова перевода снабжены цифрами, указывающими на соответствующие группы знаков в клинописном тексте): «¹ Y ² царь, ³ великий (?), ⁴ царь ⁵ царей, ⁶ X-а, ⁷ царя, ⁸ сын, ⁹ Ахеменид (?)».

Это было и много, и мало. Вопросительным знаком помечены предположительные значения слов; кроме того, оставался недоказанным титул «царь царей». Разрешение загадки могла принести только расшифровка имен X и Y.

Это не смутило Гротефенда. Для чего, в самом деле, получил он классическое образование? Он взялся за Геродота и нашел у него ответ. В VII книге своего труда Геродот описывает, как Артабан, дядя Ксеркса, отговаривает последнего от задуманной им войны против греков.

«Ксеркс в гнев возразил ему: „Артабан, ты брат моего отца, и это сохранит тебя от достойного наказания за оскорбительную речь. Все-таки как малодушного и труса я опозорю тебя тем, что ты не пойдешь со мной в Элладу и останешься здесь вместе с женщинами; я и без тебя сделаю то, что сказал. Я не был бы сын Дария, внук Гистаспа, правнук Арсамеса, праправнук Ариамны, потомок Теиспеса, Кира, Камбиза, Теиспеса, Ахеменеса, если бы не наказал афинян!“»¹.

¹ Геродот, VII, 11; здесь по кн.: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. II, М., 1888, стр. 142.

на
ало
аме-
под
,
ерх-
чает
нак,
нид-
эта
оди-
лова
овал
вода
руп-
(?).

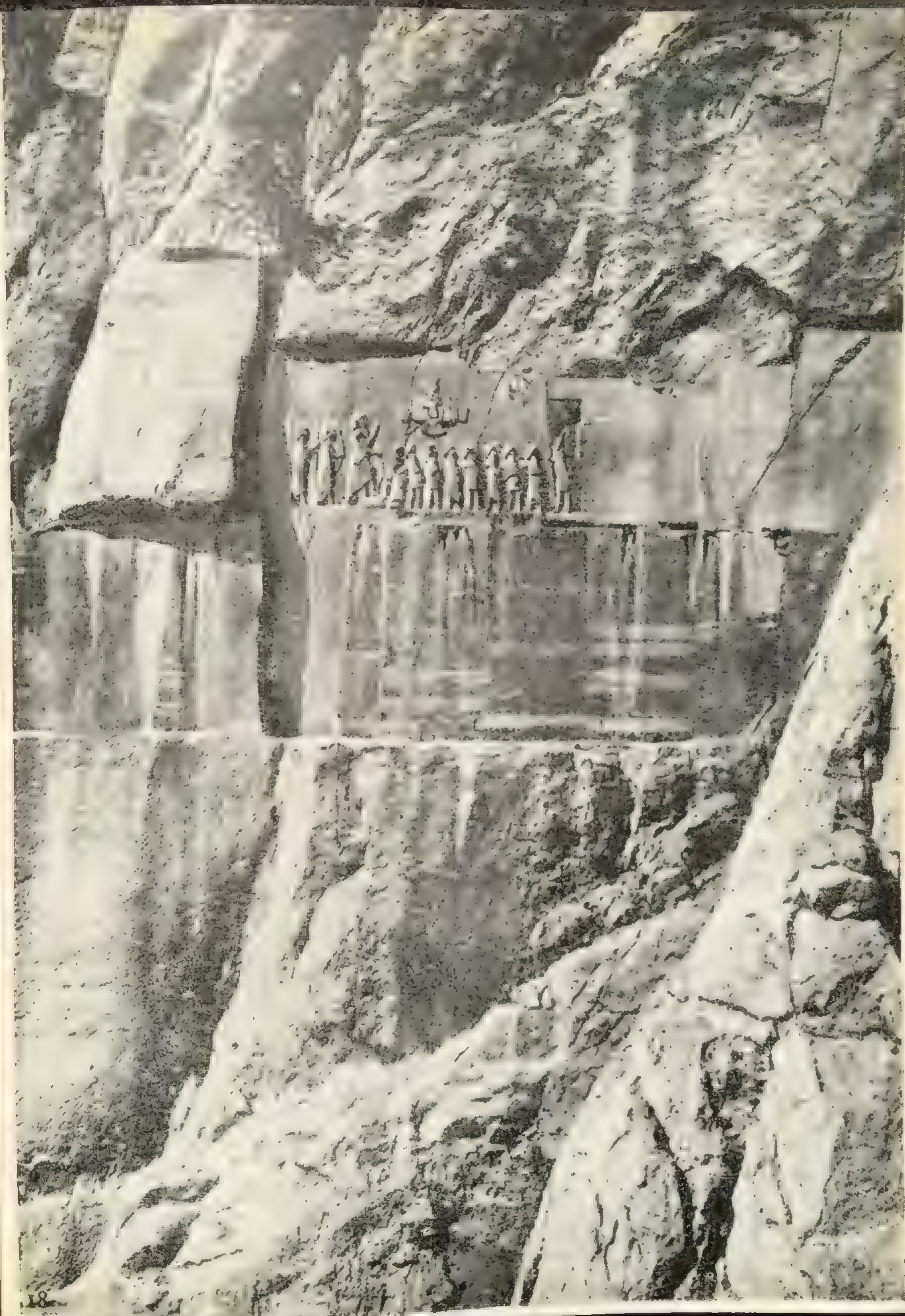
оме-
оста-
за-

по-
дота
опи-
него

оего
скор-
позо-
оста-
о то,
внук
Кира,
!"»!

нигах,

еф —

ны
ны
тел
Авт
ном
обоз
знач
чке
ны,
знак
Т
что
Гист
То
Туж
отлич
как
глиф
ствил
уш»
в Ав
Гист
перво
ние 13
нило
древн
сты. Н
хой в
и пер
Т
нашел
лось
ных и
всес
стиже

← Таб
Э. Лос

Какое замечательное собрание староиранских царских имен! Чего только отсюда не извлечешь!

Гротефенд попытался теперь выбрать те из перечисленных имен, которые бы лучше всего подходили к клинописным словам X и Y. При этом он учитывал важное обстоятельство, вытекавшее из сравнения обеих надписей:

Y сообщал во второй надписи, что он «X-а, царя, сын». Автор первой надписи, X, был, следовательно, царем и отцом Y-а. Но в первой надписи группа знаков, по видимому, обозначавшая «сын» (номер 9), не шла за словом «царь»! значит, X, хотя был сам царем, не был сыном царя (в отличие от своего сына Y-а). Оба имени почти одинаковой длины, но начинаются они, как показывают надписи, с разных знаков.

Так замкнулась цепь доказательств: все указывало на то, что Y обозначает Ксеркса, а X — Дария I, отец которого, Гистасп, не был царем.

Теперь требовалось найти лишь правильную форму имен. Нужно было установить их древнеиранское произношение, отличное от греческого «Дарейос» и «Ксерксес» (вспомним, какую ошибку совершил Юнг, взяв для дешифровки иероглифов греческую форму «Птолемайос»). Гротефенд отождествил первые семь знаков первой надписи с именем «Дареш» d-a-g-h-e-u-sh — так оно звучало в Ветхом завете и в Авесте. То же он сделал с именем Ксеркса и с именем Гистаспа — оно должно было находиться в группе номер 8 первой надписи. В итоге Гротефенд получил звуковое значение 13 клинописных букв; лишь четыре значения, как выяснилось позднее, нуждались в некоторой модификации, ибо древнеиранский язык не полностью совпадает с языком Авесты. На рисунке 39 еще раз даны обе надписи, ставшие вехой в дешифровке клинописи. Они снабжены транскрипцией и переводом, соответствующими современному уровню науки.

Таким образом, Гротефенд в удивительно короткий срок нашел путь к пониманию древнеиранской клинописи. Казалось бы, его открытие должно было вызвать ликование ученых и широкой общественности во всем мире и вскоре стать всеобщим достоянием (такой прием встретили научные достижения Шампольона).

1	II	III	III	I	K-	I	E	<	II	<	<	2	<	II	<	III	K-	KI	II	K-	<						
3	I	E	I	I	I	E	I	E	<	4	<	II	<	III	K-	KI	II	I	K-	<	5	<	II	<	III		
	K	KI	II	K-	III	=	<	III	-	II	<	6	<	II	<	III	K-	KI	II	K-	<						
7	II	<	<	K-	<	II	=	<	III	-	II	<	8	II	II	<	=	II	III	I	=	II	<	<	K-		
	II	<	9	II	<	II	<	10	=	<	<	II	III	-	II	=	<	II	<	II	K-	<	11	=	<		
	K-	<	12	II	-	II	-	II	<	13	=	II	II	=	I	-	II	<	14	III	<	<	II	=	<	II	<

(по буквам) (1) D(a)-a-r(a)-y(a)-v(a)-u-š(a) (2) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (3) v(a)-z(a)-r(a)-k(a) (4) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (5) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (6) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (7) d(a)-h(a)-y(a)-u-n(a)-a-m(a) (8) V-i-i-š(a)-t(a)-a-s(a)-i-y(a)-h(a)-y(a)-a (9) p(a)-u-ç(a) (10) H(a)-i(a)-a-m(a)-n(a)-i-š(a)-i-y(a) (11) h(a)-y(a) (12) i-m(a)-m(a) (13) t(a)-ç(a)-r(a)-m(a) (14) a-ku-u-n(a)-u-š(a)

(следует читать) *Dārayavauš xšāyaθiya vazrka xšāyaθiya xšāyaθiyānām xšāyaθiya dahyunām Vištāspaḥya puça Haḫamanīšiya hya imam taçaram akunauš*

x=русск. x; š=русск. ш; y=русск. й; v=англ. th; ç=русск. ч; ç=франц. ç
«Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, Гистаспа сын, Ахеменид, [тот], который построил этот дворец»

1	<<II	<<K-	III	=I	<<III	> ² <<II	<<III	K	KI	II	K-	> ³ I	=I	I	I	=I
I	=	> ⁴ <<II	<<III	K-	KI	II	I	K-	> ⁵ <<II	<<III	K-	I	KI	II	K-	III
=	<III	-I	I	> ⁶ II	III	=I	K-	-I	=	<<II	<<III	> ⁷ <<II	<<III	K	I	KI
II	K-	<<K-	III	> ⁸ II	<II	II	> ⁹ <<II	<<III	-I	=	<II	<<III	K-	>		

(по буквам) (1) X(a)-š(a)-y(a)-a-r(a)-š(a)-a (2) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (3) v(a)-z(a)-r(a)-k(a) (4) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (5) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a) (6) D(a)-a-r(a)-y(a)-v(a)-h(a)-u-š(a) (7) x(a)-š(a)-a-y(a)-v(a)-i-y(a)-h(a)-y(a)-a (8) p(a)-u-ç(a) (9) H(a)-x(a)-a-m(a)-n(a) i-š(a)-i-y(a)

(следует читать) *Xšayāršā xšāyaθiya vazrka xšāyaθiyānām Dārayavauš xšāyaθiyaḥya puça Haḫamanīšiya*

«Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария, царя, сын, Ахеменид»

Рис. 39. Надписи Дария I и Ксеркса, как их читают и переводят в настоящее время

К сожалению, то, что в действительности последовало за открытием Гротефенда, отнюдь нельзя назвать славной страницей в истории славного Геттингенского университета. Правда, отрывки из статьи Гротефенда «Praevia de cuneatis quas vocant inscriptionibus Persepolitianis legendis et explicandis relatio» благодаря влиянию Тихсена, сообщившего о ней в Академии, были опубликованы в «Геттингенских ученых записках» за 1802—1803 годы. Однако «Геттингенские ученые записки» отказались напечатать полностью работу двадцатисемилетнего малоизвестного учителя гимназии, хотя эта работа закладывала основы для дешифровки клинописи и содержала далеко идущие выводы: ведь он не принадлежал к университетским кругам и не был ориенталистом по специальности! Так эта основополагающая работа оставалась неизвестной, пока Геерен в 1805 году¹ не представил дешифровщику страницы упомянутых выше «Идей» для более подробного изложения результатов его исследований. Оригинал статьи имеет еще более странную судьбу: лишь через 90 лет (в 1893 году) он был найден в Геттингене профессором Вильгельмом Майером и, наконец, торжественно издан в «Ученых записках» Академии.

Гротефенд с честью поднялся до конца своей служебной лестницы, но его дальнейшая научная деятельность довольно трагична: в последующие годы он еще не раз принимал участие в дешифровке клинописи (в том числе и вавилонской), но в основном без особого успеха; до конца своей жизни он крепко держался за некоторые ошибки в собственной дешифровке. Другие работы Гротефенда свидетельствуют о его универсальном и любознательном уме, но не являются научными достижениями. Старый исследователь с неугасающим упорством занимался древними надписями и языками Малой Азии (ликийским и фригийским) и Италии (умбрийским и оскским). Последние работы Гротефенда давно забыты, но мы чтим в их авторе как раз это неослабевающее упорство и стремление осветить то, что еще оставалось неясным. Человеческие качества Гротефенда сказывались также в том, что он никогда не завидовал успехам своих последователей.

Итак, немецкая публика не признала выдающегося немецкого исследователя. Когда же спустя десятилетия снова

---

¹ А не в 1815 году, как об этом говорится в большинстве исследований.

был достигнут прогресс в дешифровке древнеиранской клинописи, то это было заслугой скандинавского ученого.

Датский профессор Расмус Христиан Раск (1787—1832) является наряду с Францем Боппом и Якобом Гриммом основателем сравнительного языкознания, которое в то время начало широко развиваться. Когда в 1827 году Раск определил в титуле «царь царей» окончание родительного падежа множественного числа «а-н-ам», то он как бы заплатил национальный долг чести: ведь более двадцати лет назад его соотечественник Мюнтер потерпел здесь неудачу, хотя как будто и строил правильные предположения. Неверно прочитал это окончание как «а-ч-а-о» и Гротефенд.

Раск исходил из того, что было ему ближе всего: из изучения германских языков. В результате путешествий по Швеции, Норвегии и Исландии появилась его первая большая работа «Исследование о происхождении древнескандинавского, или исландского, языка» (Копенгаген, 1818), где он впервые привел доказательства близкого родства древнескандинавского языка с южногерманскими (теперь «западногерманскими») языками и более отдаленного — со славянскими, балтийскими, латинским и греческим. Горячее желание познакомиться с еще более отдаленными «родственниками» побудило его в 1816 году предпринять путешествие в Индию; средствами его снабдили король и некоторые частные лица. Через Швецию и Финляндию он отправился сначала в Петербург, а оттуда в 1819 году — через Москву, Астрахань и Тифлис — в Персию и Индию, куда прибыл в 1820 году. В 1820—1822 годах он уже путешествует по Индии.

Юный любознательный датчанин идет по следам другого европейца — Анкетиль-Дюперона. Подобно своему французскому предшественнику, Раск тщательно изучает язык и нравы огнепоклонников, живущих в Бомбее и его окрестностях. Он изучает также язык, нравы и обычаи буддистов Цейлона. Для исследования же клинописи оказались плодотворными его занятия языком священных книг парсов.

Надо сказать, что в Европе, и в частности в Англии, в то время продолжали довольно скептически относиться к материалам, собранным Анкетиль-Дюпероном с такой беззаветной преданностью науке. Раску выпало на долю раз и навсегда рассеять эти сомнения. В блестящей статье о подлинности языка зенд он убедительно доказал достоверность фрагментов, опубликованных Анкетиль-Дюпероном, и отметил

близкое родство этого языка с языком древних индийцев. Изучив алфавит и транскрипцию, предложенные Гротефендом, Раск пришел к выводу о сходстве языка надписей с языком зенда и показал, что последний не моложе, если не старше, языка ахеменидских надписей. Результаты этих исследований (в гораздо большей мере, чем найденное им окончание родительного падежа множественного числа) открыли дорогу для двух «завершителей» дешифровки древнеиранской клинописи — француза Эжена Бюрнуфа и норвежца Христиана Лассена.

Почему сам Раск не пошел дальше по пути дешифровки? Он был языковедом и прежде всего хотел выяснить структуру и грамматику древне- и среднеиранского языков. Поэтому его первоочередной задачей была обработка богатого собрания рукописей, приобретенных им в Индии. Кроме того, и над жизнью Рasmus Христиана Раска тяготело все то же неумолимое «слишком рано».

С тех пор как Анкетиль-Дюперон привез в Европу результаты своих трудов, изучение зенда стало для французов национальным делом чести. Эжен Бюрнуф, исследуя Авесту, опирался, следовательно, на известную традицию. Используя список названий племен и народов, Бюрнуф и Лассен (они работали независимо друг от друга, но обменивались мнениями) сумели определить значение почти всех знаков древнеиранской клинописи и, таким образом, завершить постройку здания, фундамент которого был заложен Гротефендом.

Они работали над материалом, включающим не только копии Иббур, но и копии из наследия Ф. Э. Шульца, профессора университета в немецком городке Гиссене, который по поручению французского правительства незадолго до этого отправился в Армению, где в 1829 году был убит курдами. Неожиданно исследуемый материал был умножен благодаря удаче, осмотрительности и упорному труду человека, которому его соотечественники присвоили почетное звание «отца ассириологии».

Правда, школьнику из Илинга Генри Кресвику Роулинсону (1810—1895) до «отца» было еще далеко. Примечательно, однако, что уже тогда он с большим рвением изучал греческих и латинских историков. И при этом отнюдь не был пинькой или зубрилой. Напротив, он выделялся как хороший спортсмен и атлет. Это располагало в его пользу

учителей и до сих пор обеспечивает ему особую популярность в английских школьных кругах; тогда еще была свежа в памяти битва при Ватерлоо, выигранная, как говорили в Англии, на спортивных площадках аристократического колледжа в Итоне. Не удивительно, что уже в 16 лет Генри был принят на службу в Ост-индскую компанию, а через год оказался в Индии.

На борту корабля способный юноша познакомился с губернатором Бомбея, который нашел в нем внимательного слушателя. Страстный востоковед, он пробудил в юноше любовь ко всему персидскому, в частности к персидскому языку и литературе, и эта любовь, как путеводная звезда, светила Роулинсону всю жизнь.

Как ни молод был Роулинсон, он знал, чего хочет. Сразу после приезда он погружается в изучение языков. Он занимается персидским, арабским и хиндустани с таким успехом, что через год получает место переводчика и казначея расквартированного в Бомбее Первого гренадерского полка. Но не это было целью его занятий. Он влюблен в персидский язык и, вслед за Раском, изучает его в Бомбее у парсов. Скоро Генри становится признанным специалистом; он учит наизусть длинные отрывки из поэм великих иранских поэтов, что позднее сослужило ему хорошую службу при шахском дворе. Интересно, что спустя десятилетия, в 1875 году, во время визита шаха в Англию, Роулинсона назначили политическим советником правительства, чтобы он смог обсуждать с иранским властителем политические проблемы на персидском языке.

Пока же Роулинсон служит у гренадеров в Бомбее. Он переводчик, казначей и знаток языков. Кроме того, он превосходный наездник, много путешествует и пользуется большой популярностью у всех слоев местного населения. Благодаря этим качествам он снова получает повышение: в 1833 году ему поручают сбор особо важных разведывательных данных. Он справляется с этим так умело и так успешно, что уже через два года его направляют на службу в Иран в качестве военного советника брата шаха — губернатора провинции Керманшах. Распространение английского господства на правый берег Инда приводит в 1839 году к Первой афганской войне; в том же году взяты Кандагар и Кабул, а в 1840-м захвачен в плен эмир Дост Мухаммед и вместо него поставлен правитель, послушный англичанам.

В 1839 году Роулинсон становится политическим агентом Британии в завоеванном Кандагаре. В стране брожение, афганцы ненавидят чужеземное господство. Это знают англичане, это знает и Генри Роулинсон. Во главе сформированной и обученной им части персидской конницы он принимает в мае 1842 года участие в битве при Кандагаре, одерживает здесь блестящую победу и столь же победоносно сражается под Газни. В 1842 году после окончания войны он возвращается в Индию.

Отныне перед заслуженным, великолепно проявившим себя солдатом открываются заманчивые перспективы. Его ждет блестящая военная карьера. Он отказывается от нее.

Но... не от политической деятельности. В 1843 году, когда полковник Тейлор, политический агент Англии в Багдаде, уходит в отставку, Роулинсон становится его преемником.

Оба решения — отказ от военной карьеры и принятие политического поста в Багдаде — были вызваны одной причиной. Роулинсон не мог забыть о впечатлении, которое произвела на него первая встреча с клинописью, происшедшая 8 лет назад в Иране.

Как упоминалось выше, в 1835 году Роулинсон был назначен военным советником брата шаха. На пути в его резиденцию Керманшах Роулинсон узнал, что на скалистых склонах горы Эльвенд (или Альвенд, «Аурант» Авесты и «Оронт» классических авторов) есть клинописные надписи. Этот горный хребет к югу от Хамадана (где некогда была столица мидян Экбатана), достигающий высоты 3200 м, издревле играл в верованиях и преданиях местных жителей особую роль: травам и камням, которые там собирали, приписывали чудотворную силу. Надписи же назывались «Гандж-наме» — «Книга сокровищ», ибо, как говорили в народе, тому, кто сможет их прочесть, они даруют сказочные богатства.

И они сделали это. Для Роулинсона надписи стали настоящим сокровищем, золотоносной жилой.

Две трехязычные надписи Роулинсон скопировал тут же на месте. Его привычка к методической работе сказалась в том, что через год он снова сравнил свои копии с надписями и внес исправления там, где это было необходимо. Но в Керманшахе Роулинсона ожидало известие, заставившее еще чаще забиться его сердце; сокровище, о котором он узнал, затмило собой «Книгу сокровищ». Ему рассказали, что

находящуюся недалеко от города скалу Бехистун, или Бисутун, украшают большие надписи и колоссальные рельефы.

Правда, до нее 22 английские мили, около 35 км. — расстояние дневного перехода. Но что значат 22 мили, что значит дневной переход для старого кавалериста Роулинсона? Ведь он однажды за 150 часов покрыл 750 миль, чтобы предупредить английского посла в Тегеране о прибытии русского агента в Герат. Летом и осенью он не раз скачет из Керманшаха в Бехистун и копирует надписи.

Копирует надписи! Это было совсем не так просто, как может показаться теперь, когда Роулинсона изображают сидящим у скалы в подъемном кресле и спокойно делающим зарисовки. Пусть лучше об этом расскажет сам ученый. Но сначала опишем то место, где находился Роулинсон.

Бахастана значит «страна богов», или святое место. Здесь было когда-то святилище Нинни (Иштар), богини гор. И до сих пор высокая двуглавая гора носит это древнее иранское название (оно постепенно менялось на «Бехистун», «Бисутун» и «Бистун»). Гладкий южный склон горы круто спускается к дороге, «древнему пути народов, ведущему от Багдада через Ханекин и Каср-и Ширии в горы Загрос, к Керманшаху и Хамадану ...по нему уже 5000 лет движутся караваны, и сотни лет кочевники-курды весной перегоняют свои стада с равнин на горные пастбища, а осенью с гор на равнины Гермсира, или „Теплой страны“. Со времени распространения ислама этим путем каждый год идут с востока паломники к святым местам: на юг — к Неджефу, Казимейну, Кербеле и Мекке, на север — к Шах-Абдул-Азиму, что поблизости от Тегерана, к Куму и Мешхеду»¹. За эту дорогу не раз шла жестокая борьба. Во время первой мировой войны по ней проходили немецкие войска. Она еще видела битвы Дария Великого с восставшими против него царями и разгром мятежников. Здесь, в «стране богов», с древнейших времен памятники рассказывали о подвигах властителей. Здесь и Дарий I высек надписи, которые должны были сообщить грядущим поколениям о его победах.

В нескольких словах скажем об эпохе, когда были высечены эти надписи. Начиная приблизительно с 700 года до нашей эры персами правила династия Ахеменидов, получившая название от своего основателя Ахаманиша (по-грече-

¹ E. Diez, *Iranische Kunst*, Wien, 1944, S. 114.

ски Ахайменес). Сын Ахаманиша Чишпиш (Тенспес) разделил страну на две части: восточную получил Арьярамна (Ариамнес), западную — Кураш (Кир) I, который, однако, как и его сын Камбуджия (Камбиз) I, вынужден был признать над собой власть мидян. Лишь сын Камбуджии Кураш (Кир) II Великий сверг мидийского царя и завоевал Мидию, Лидию и Вавилон.

Против Гауматы поднялись семь персидских принцев. Во главе движения встал правнук Арьярамы, сын Виштаспы (по-гречески Гистаспа) Дарайавауш (Дарий) I Великий (522—485 гг. до н. э.); собственноручно убив Гаумату, он становится великим царем. Теперь гражданская война неизбежна. Везде вспыхивают опасные восстания, возглавляемые разочарованными претендентами на престол. Дарий быстро разбивает их. О его победе над мятежниками, «лжецарями», и о вручении ему богом Ахурамаздой власти над миром и рассказывается в этой «царице надписей», выполненной клинописью на трех государственных языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском.

Почему же был забыт этот внушительный памятник древ-
неиранского письма, забыт настолько, что в 1836 году Роулин-
сону пришлось открывать его заново? Дело в том, что в Пер-
сидском государстве клинопись была вытеснена, как извест-
но, арамейским алфавитом. Сам же барельеф слишком бро-
сился в глаза, чтобы можно было его не заметить. Вспом-
ним также о проходившем мимо древнем караванном пути.
Не удивительно, что имеется немало известий о Бехистунской
скале.

13) сводится к тому, что гора посвящена Зевсу (то есть Ахурамазде) и что на ней имеются «сирийские» надписи. Напрасно, однако, мы стали бы, опираясь на Диодора, искать высеченные в скале портреты Семирамиды и ста ее стражей. Ничего не дают и сведения арабских географов Якута, Истахри и Ибн Хаукаля. Стоит отметить лишь наивное толкование последнего; согласно Ибн Хаукалю, рельефы на скале изображают школу: большая фигура — учитель, перед ним ученики, учитель держит «инструмент», служащий обычно для наказания строптивых. Кое-кто из христианских путешественников также испробовал свои силы в толковании рельефов. Побывавший здесь в 1807 году Поль Анж Луи де Гардан, работавший секретарем при своем брате, французском посланнике в Тегеране, видит в Ахурамазде крест, а в фигурах, расположенных ниже, — двенадцать апостолов. Такая ошибка была возможна потому, что надписи и рельефы находятся на высоте более 100 м. Не лучше обстояли дела и у англичанина сэра Кера Портера, принявшего Дария за Салманасара III (859—824 гг. до н. э.), а фигуры перед ним — за десять колен Израиля. Остроконечную шапку на последнем из «лжецарей» он счел за головной убор жрецов из колена Леви. Эти толкования связаны с состоянием археологии того времени, и только на их фоне выступают перед нами в правильном освещении все достижения дешифровщиков и интерпретаторов.

Все, что до сих пор говорилось или писалось об этой надписи, основывалось либо на легендах и устных преданиях, либо на визуальном наблюдении с подножья скалы, то есть с довольно большого расстояния. До Роулинсона никто не думал о том, чтобы скопировать надписи. Но предоставим слово ему самому.

«Когда добираешься до края ниши, содержащей персидский текст (по древнеперсидскому обычаю надписи делались в нишах, то есть на гладких стенах, выбитых в скалах. — Э. Д.), то видишь, что для изучения верхней части надписи нужна лестница. Но даже и с лестницей это довольно опасное предприятие, так как выступ, на котором стоишь, очень узок. Если лестница такой длины, что достигает скульптур, то ее нельзя поставить с достаточным уклоном для того, чтобы можно было по ней взобраться; если же сделать ее короче, то верхние части текста можно копировать, лишь стоя на самой верхней ступеньке без всякой опоры. Опирайтесь при-

ходится на скалу и при этом левой рукой держать тетрадь для записей, а правой — карандаш. В таком положении я копировал все расположенные высоко надписи; я был так захвачен этим занятием, что совсем забывал об опасности... Достичь ниши со скифской (то есть эламской. — Э. Д.) частью сообщения Дария значительно труднее. Выступ, на который можно поставить ногу, имеется только на левой стороне ниши. На правой стороне, где ниша отступает на несколько пядей вглубь и примыкает к персидской надписи, скала круто обрывается. Мне пришлось поэтому подумать о том, чтобы сделать мост между левым краем персидской надписи и выступом с левой стороны (эламской. — Э. Д.) ниши. Такой мост можно сделать из лестницы соответствующей длины; но моя первая попытка пройти над пропастью была неудачна и могла кончиться для меня смертью. Я уже раньше приказал укоротить мою единственную лестницу, чтобы можно было поставить ее с достаточным уклоном для копирования верхних частей персидской надписи. Когда же я прислонил ее к краю ниши, желая добраться до скифской версии, то понял, что она слишком коротка, для того чтобы ее можно было положить на выступ. Только один из двух брусков лестницы достигал выступа; если бы я попытался пойти по лестнице, опирающейся только на одну точку, она, конечно, перевернулась бы. Поэтому я переставил ее на бок. Теперь оба конца верхнего бруска лестницы с обеих сторон опирались о скалу, а нижний висел над пропастью. Я начал переход, ступая по нижнему бруску и держась руками за верхний. Если бы лестница была сделана достаточно прочно, то можно было бы таким образом, правда, без особых удобств, перейти по ней на выступ. Но персы, делая лестницы, удовлетворяются тем, что вставляют перекладины в соответствующие гнезда, не закрепляя их там. Поэтому только я начал переход, как перекладины стали выскакивать, нижний, висевший над пропастью, брусок отделился от верхнего и с шумом покатился по крутому откосу вниз. Я крепко уцепился за верхний брусок и с помощью моих друзей, со страхом наблюдавших за рискованным трюком, добрался до персидской ниши. На новый переход я решился лишь после того, как заставил соорудить сравнительно прочный мост»¹.

¹ «Archaeologia», London, vol. XXXIV, 1852, p. 74.

Забегав вперед на несколько лет, расскажем, как в 1847 году Роулинсон копировал вавилонские надписи.

«Добраться до вавилонского текста в Бехистуне еще труднее, чем до скифского и персидского. При помощи хорошей подзорной трубы можно скопировать надпись снизу, но сделать отпечаток надписи мне долго казалось невозможным. Я понимал, что не в силах добраться до скалы, где она выбита, а местные жители, привыкшие лазить по горам вслед за своими козами, уверяли, что скала, на которой находится вавилонская надпись, недостижима. Наконец, все же нашелся пришедший издалека дикий курдский юноша, согласившийся, за хорошее вознаграждение в случае удачи, сделать попытку добраться до этой скалы. Вся трудность в том, что она далеко выступает за скифскую нишу и круто обрывается вниз, так что обычным способом достигнуть ее невозможно. Юноша сначала втиснулся в расселину, находящуюся слева, над выступающим утесом. Поднявшись вверх, он вбил в щель колышек, закрепил его, привязал к нему веревку и попытался таким образом добраться до щели, находящейся в некотором отдалении на другой стороне. Но это ему не удалось: скала слишком далеко выступала вперед. Ему оставалось только карабкаться ко второй щели, цепляясь руками и ногами за небольшие неровности голой стены. И он с этим справился. Мы, зрители, не верили своим глазам, глядя, как он преодолевает двадцать футов гладкой отвесной скалы. Но теперь самое трудное было уже позади. Он забил второй колышек, привязал к нему взятую с собой веревку и сумел повиснуть над выступающим утесом. Здесь при помощи лестницы он соорудил люльку, подобную тем, на которых работают художники. Усевшись на нее, он под моим руководством сделал на бумажных листах оттиск вавилонской версии сообщения Дария...»¹.

Вернемся же к надписям на горе Эльвенд.

В 1836 году появился «Мемуар о двух клинописных надписях» Эжена Бюрнуфа (1801—1852). Одна надпись была из Эльвенда, копия ее была найдена в бумагах Ф. Э. Шульца. Бюрнуф наметил клинописный алфавит из 33 знаков, но из них лишь немногие были определены верно. Вклад его в дешифровку клинописи, несмотря на это, весьма значителен, ибо благодаря глубоким познаниям в зенде и санскрите он

¹ Ibid.

сумел правильно опознать значение многих слов из надписей, хотя полностью прочесть их он не смог. Кроме того, он показал, что слово «адам», которое Гротенфенд принял за титул, на самом деле означает «я есмь». Бюрнуф достоверно определил звуковое значение лишь двух клинописных знаков — передающих звуки «к» и «ц». Не следует, однако, упускать из виду, что он в первую очередь был индологом и санскритологом и его работа над клинописью имела лишь косвенное отношение к основным занятиям, которым он посвятил всю жизнь.

То же можно сказать и о его друге, норвежском ученом Христиане Лассене (1800—1876). Он также был индологом и санскритологом (индийскими языками он интересовался под влиянием А. В. фон Шлегеля), и среди того, что им создано, работы о древнеиранском языке стоят не на первом месте. Его статья «Древнеперсидские клинописные надписи в Персеполе» появилась в Бонне в том же году, что и труд Бюрнуфа. В истории дешифровки клинописи этой статье обеспечено почетное место.

Занимаясь поисками новых имен, которые могли бы стать исходным пунктом дешифровки, Лассен, как Гротенфенд до него и Роулинсон одновременно с ним, вспомнил о проводнике по неизведанным тропам истории, уже доказавшем, что на него вполне можно положиться. «Геродот, мой всегдашний спутник, бесконечно почитаемый и драгоценный», — так написал позже на своем экземпляре книги Геродота крупнейший немецкий африканист Генрих Барт. Геродот вывел на правильный путь и Лассена. В 87-й главе IV книги его «Истории», там, где описывается начало скифского похода Дария, говорится:

«Осмотревши также Боспор, он (Дарий) велел поставить на берегу его два столба из белого мрамора и начертать на одном из них ассирийскими, а на другом эллинскими письменами имена всех народов, с которыми он шел в поход»¹.

Лассен предположил, что подобная надпись должна находиться и среди текстов Персеполя. Просмотрев еще раз копии Нибура, он действительно нашел одну надпись, которая, по-видимому, содержала не менее 24 собственных имен. Он предложил алфавит, оставивший позади все, что было

---

¹ Здесь по кн.: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 343.

сделано Гротефендом и Бюрнуфом. 23 знака этого алфавита имели точное фонетическое значение; 8 из них были вновь открыты Лассеном. Кроме того, 2 знака были им определены почти правильно. Из 24 собственных имен он идентифицировал не менее 19 — «великий триумф», как отметил английский ассириолог Бадж почти через сто лет.

Но, вероятно, еще большим достижением было то, что Лассен, опираясь на свои индологические исследования, устранил препятствие, преграждавшее путь прежним дешифровщикам: он заметил, что в древнеиранской клинописи гласный *a* (краткий *a*) не обозначается отдельно, а, как в индийских алфавитах, «присущ» согласным; таким образом, знак, передающий согласный *m*, может передавать и слог *ma*. Это сразу разъяснило такие написания, как *xšāyādiya uzrk* из *xšāyādiya vazrka* (сравни транскрипцию под рисунком 39). Там, где поставлен отдельный знак, соответствующий звуку *a*, он указывает на долгое *a* [*ā*], то есть на двойное *a*, причем первое присуще предыдущему согласному, а второе обозначает гласный звук.

Когда Э. Э. Ф. Бер и Э. В. Сен-Жак независимо друг от друга определили недостающие знаки, история дешифровки древнеперсидской клинописи была в основном закончена.

Но теперь она еще раз началась сначала!

Правда, сейчас мы можем изложить все гораздо короче. Г. К. Роулинсон был не только прекрасным солдатом, лихим кавалеристом и опытным дипломатом, он был также и первоклассным ученым. Когда в 1835 году по пути в Керманшах он скопировал две трехязычные надписи с горы Эльвенд, он в лучшем случае слышал о расшифровке Гротефендом имен Гистаспа, Дария и Ксеркса. Вполне возможно, что Роулинсон, хорошо знавший классическую древность, и сам распознал имена этих царей ахеменидской династии, заметив идентичность эльвендских надписей. Подобно Гротефенду, он приложил знаки клинописи к именам Гистаспа, Дария и Ксеркса и получил таким образом 13 букв. Он также вспомнил об 11-й главе VII книги Геродота, где Ксеркс говорит о своей родословной.

Но Роулинсон находился теперь в гораздо лучшем положении, чем геттингенский учитель Гротефенд. В распоряжении Роулинсона была огромная Бехистунская надпись. Поэтому имеющаяся у Геродота генеалогия Ксеркса дала ему гораздо больше, чем Гротефенду. Уже из первых строк Бе-

хистунской надписи он выделяет группы знаков, обозначающие имена: Парса (Персия), Арсамес (Аршама), Ариамнес (Арьярамна), Тенеспес (Чишпиш), Ахайменес (Ахаманиш).

Великий царь, как бы предвидя трудности дешифровщиков, называет нужные исследователю имена в самом начале бессмертной надписи:

Говорит Дарайавауш, царь:

«Я, Дарайавауш,
Царь великий,
Царь царей,
Царь Персии,
Царь провинций,
Сын Виштаспы,
Внук Аршамы,
Ахеменид».

Говорит Дарайавауш, царь:

«Мой отец — Виштаспа,
Отец Виштаспы — Аршама,
Отец Аршамы — Арьярамна,
Отец Арьярамны — Чишпиш,
Отец Чишпиша — Ахемен».

Поэтому зовемся мы Ахеменидами,
Со времен отцов мы рождены знатными,
Со времен отцов цари были нашего рода»¹.

В конце 1836 года Роулинсон приехал в Бомбей и получил там от полковника Тейлора клинописные алфавиты Гротенда и Сен-Мартена. Однако ему самому уже было известно больше звуков, чем обоим исследователям, к тому же не во всем между собой согласным.

Весь 1837 год Роулинсон трудится над Бехистунской надписью. В 1838 году он представляет в Королевское Азиатское общество в Лондоне текст, транскрипцию и перевод первых двух разделов с комментариями. Эта работа попадает в руки Эдвина Норриса, который был единственным знатоком древнеиранского языка в английской столице. Норрис посылает копию в Париж, и Роулинсон таким образом впервые вступает в тесный контакт с наукой. Он завязывает переписку с Лассеном и узнает о работе Бюрнуфа над третьей частью Авесты — Ясной. Роулинсон усиленно изучает зенд и санскрит. В начале 1839 года у него уже

¹ Ср. *Хрестоматия по истории Древнего мира*, под ред. акад. В. В. Струве, т. I, *Древний Восток*, М., 1950, стр. 255 (пер. В. В. Аббаева).

знаки буквы	фонетич. значение	знаки- буквы	фонетич. значение	знаки- буквы	фонетич. значение	знаки- буквы	фонетич. значение
	a, ā		b, ba		g, ga		d, da
	k, ka		n, na		t, ta		p, pa
	l, la		m, ma		s, sa		h, ha
	i, ī		u, ū		e, ē		o, ō
	j, ja		y, ya		w, wa		r, ra
	z, za		s, sa		š, ša		ḫ, ḫa
	ḍ, ḍa		ṭ, ṭa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa
	ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa
	ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa
	ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa		ṣ, ṣa

Рис. 40. Древнеперсидский клинописный алфавит

готов перевод почти всех 200 скопированных в Бехистуне строк.

Но и европейская наука не дремлет. Когда в 1843 году Роулинсон возвращается в Багдад и возобновляет там свои исследования, перед ним лежит уже ряд новых работ: установлен алфавит, исправлены звуковые значения, улучшены переводы. Из Лондона Норрис сообщает Роулинсону о ре-

результатах исследований ирландского священника Эдварда Хинкса (Норрис и Хинкс — прирожденные дешифровщики; о них еще пойдет речь впереди). И когда Роулинсон садится за «Мемуар» (1844—1845 годы), посвященный персидской версии Бехистунской надписи, он узнает, что европейская наука во многом его опередила. Конечно, это несколько не уменьшает заслуг Роулинсона. Его открытия навсегда останутся вехой в исследовании клинописи.

Из совместной работы многих ученых постепенно складывалась ясная картина древнеиранской клинописи, в частности консонантного алфавита, сохранившего и творчески переработавшего известные элементы слоговой письменности. Эти элементы проявлялись в том, что древнеперсидский алфавит давал возможность записывать гласные: *a* было «присуще» согласным, обозначение же *i* и *u* достигалось тем, что предшествующие им согласные писались в этих случаях по-другому. Рисунок 40 показывает весь древнеперсидский клинописный алфавит в том виде, как он установлен современной наукой.

Так через две с половиной тысячи лет исполнилось то, что торжественно завещал потомкам Дарий:

Говорит Дарайавауш, царь:
«Ты, который в будущие дни
Увидишь эту надпись,
Которую я приказал выбить в скале,
Или эти изображения, —
Не разрушай их!
Но оберегай,
Пока можешь».

IV

КУДА НИ КИНЬ, ВСЮДУ КЛИН!

Дешифровка месопотамских клинописей

Признаюсь чистосердечно... я неоднократно пытался раз и навсегда... отказаться от изучения (ассирийских надписей. — Э. Д.), так как потерял всякую надежду достигнуть хоть каких-либо удовлетворительных результатов.

Генри Кресвик Роулинсон, 1850 год

Я первый, кто читает это после того, как оно было забыто на две тысячи лет.

Джордж Смит, после 1861 года

Дешифровка клинописи древних персов была практически завершена. Но сама-то она оказалась лишь началом, первым шагом в решении проблемы. Она только дала возможность проникнуть в клинопись в собственном смысле этого слова.

В сущности, древнеперсидское письмо является, так сказать, «поздним вырождением», сокращенной системой подлинной клинописи, системой, приспособленной для практического использования в условиях иранских языков. Древнеперсидское письмо не имеет почти ничего общего с подлинной клинописью (конечно, за исключением клина). Почти ничего, ибо полностью оно от своих предков не отреклось, да и вспомогательные приемы для написания гласных выдают его происхождение от слогового письма.

Напомним, что уже первые копировщики увидели в Бехистунской надписи три системы письма и предполагали наличие трех различных языков, что из этих систем простейшей ученые с самого начала считали алфавитную, а более сложными — слоговую и идеографическую, основываясь при этом на подсчете числа знаков в каждой из них.

С дешифровкой древнеперсидской части надписи был получен ключ и к чтению двух остальных.

Почему же все-таки великие цари персов обращались к миру на трех языках? И на каких языках? Историческая обстановка, в которой были составлены эти надписи, имеет, правда, лишь отдаленное сходство с ситуацией, обусловившей появление Розеттского камня.

Прародиной клинописи, как мы ныне знаем, является Месопотамия, или Двуречье, — область, расположенная между Тигром и Евфратом и относящаяся ныне к Иракской Республике. Ее древнейшие культуры — вначале шумерская, позднее вавилоно-ассирийская (известная также под общим названием аккадской) — распространяли свое влияние на Восток и Запад. О западных сферах этого влияния мы еще поговорим в дальнейшем. Что же касается Востока, то здесь связь с шумерской, а затем и вавилонской культурой поддерживала в первую очередь лежавшая в юго-западном Иране область — позднее государство Элам со столицей в Сузах (поэтому в течение длительного времени говорили «сузский» или «сузский» вместо «эламский»). Уже довольно рано эламиты переняли у жителей Двуречья клинопись, а вместе с ней и аккадский, то есть вавилоно-ассирийский язык. Однако в последующее время и сам эламский язык удостоился чести быть увековеченным в чуждой эламитами вавилонской клинописи (этот язык — не индоевропейский и не семитский — еще и поныне изучен недостаточно). Когда же в I тысячелетии до нашей эры персы через Армению вторглись в Иран, то первым культурным центром, с которым они столкнулись и под влияние которого подпали, был как раз Элам.

Поначалу персы, найдя в Эламе уже сложившееся к тому времени административное управление, сохранили в своих интересах язык и письменность страны. (Творческая работа по созданию собственной системы письма завершилась только ко времени правления Дария Великого.) Вот на этом-то эламском (точнее — новоэламском) языке, древ-

нейшем официальном языке Персидского царства, и составлена вторая версия Бехистунского текста.

А третья, вавилонская? Поздневавилонское халдейское царство со времени его завоевания Киром Великим в 539 году до нашей эры вошло в состав мировой персидской державы. Его язык стал третьим официальным языком государства, и, следовательно, то, что объявлялось всей державе, должно было быть составлено на этих трех языках.

Дешифровка эламской части надписи, хотя и была связана с преодолением известных трудностей, все же, казалось, обещала более быстрый успех, нежели дешифровка, на первый взгляд совершенно запутанной, вавилонской. Подсчет дал в итоге 111 эламских знаков, что с абсолютной точностью указывало на слоговой, а уж никак не алфавитный и тем более идеографический характер письма.

Первая попытка Гротефенда внесла по крайней мере одну ясность в эту картину хаотического нагромождения знаков, среди которых не было даже словоразделителя!

В массе знаков ему удалось отыскать детерминатив мужского имени собственного — немой пояснительный знак в форме вертикального клина, ставившийся перед именем (а не после него, как в египетском). И эта поздняя работа Гротефенда свидетельствует о большой остроте ума уже старого исследователя.

Датчанин Нильс Людвиг Вестергаард, посланный в Иран в 1843 году для копирования надписей, трудился над самостоятельно добытым материалом — перечнем названий стран, скопированным со скалы, скрывающей могилу Дария в Накш-и Рустем. Ему же первому удалось протранскрибировать отрывок из одной эламской надписи. В его глазах письменность представлялась частью алфавитной, частью syllabической, а в составленный им список, содержащий около 85 знаков, по ошибке попало и несколько детерминативов, которые он не смог опознать. Язык он считал мидийским.

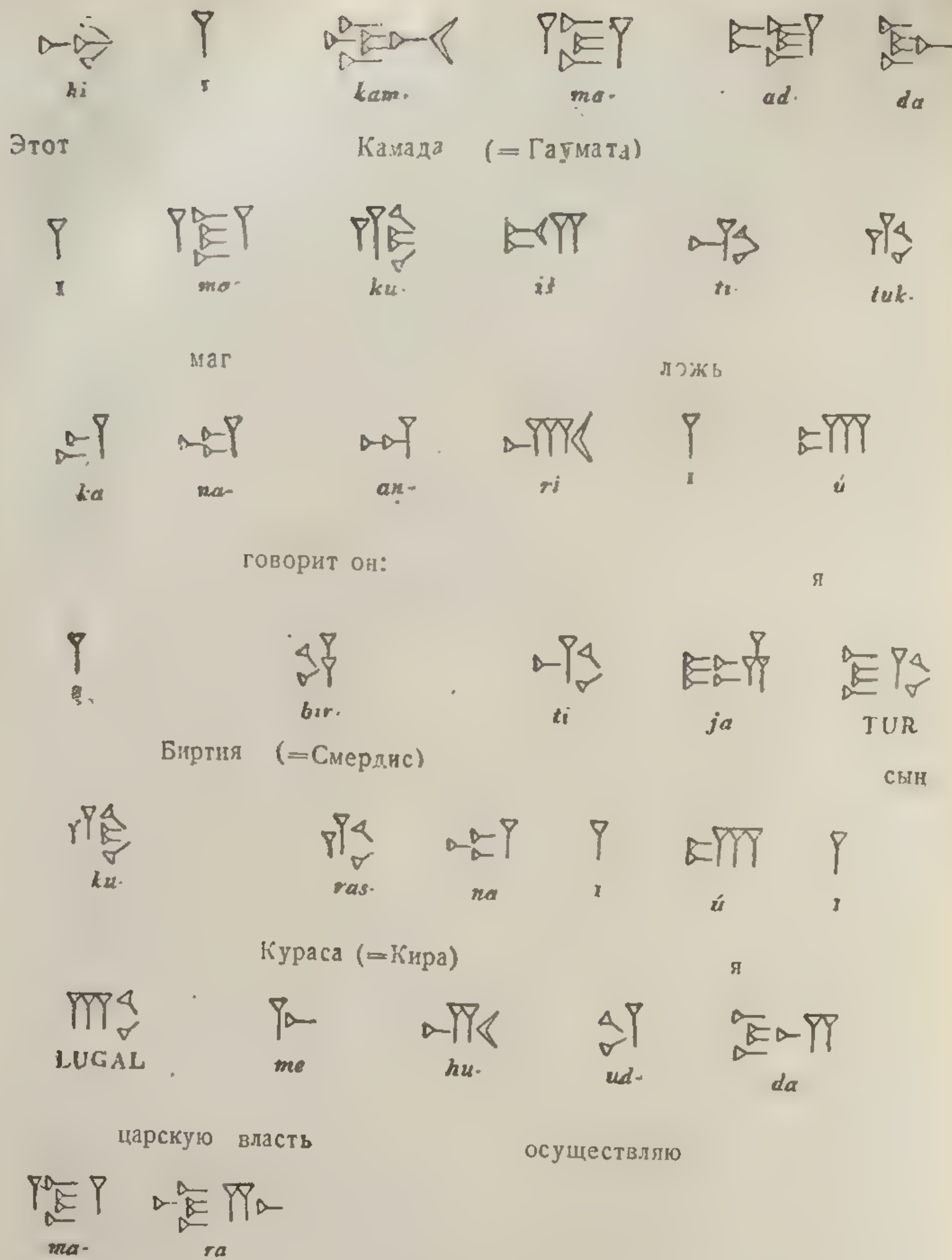
Поскольку и здесь при попытках дешифровки исследователи отталкивались, естественно, от собственных имен, основа для успешного продвижения вперед была разом укреплена и расширена, когда уже названный нами профессор Эдвин Норрис опубликовал в 1853 году эламскую версию Бехистунской надписи. До тех пор было известно около 40 собственных имен, теперь же перед исследователями предстало сразу 90! Надо прямо сказать, что дело издания текста оказа-

лось в самых надежных руках. Работа этого человека вообще отличалась прямо-таки сверхъестественной точностью и основательностью: так, во время печатания древнеперсидского текста Роулинсона (Норрис, кстати, сам набросал необходимые новые печатные знаки к этому тексту) ему удалось рассмотреть ошибки в роулинсоновских копиях (оригинала которых он никогда не видел!), обнаружить дефектные места и сделать все корректурные исправления! Когда Роулинсон ошибочно вынул из текста целую строку, острый глаз Норриса в далеком Лондоне немедленно обнаружил пропуск; на это он обратил внимание исследователя, и позднее, сравнив корректуры Норриса с оригиналом, Роулинсон убедился, что они в точности совпадают!

Таков был этот лондонский профессор Норрис, родившийся в 1795 году в Таунтоне и до 20 лет изучивший армянский и некоторые родственные ему языки, а также несколько европейских. Приходилось торопиться, ибо его ждала — как и Роулинсона, как и многих других людей той же закалки, — могучая организация, постоянно нуждавшаяся не только в отъявленных головорезах и авантюристах, которых она и сама возвращала с большой заботой, но и в людях умственного труда. — Ост-индская компания. В возрасте 23 лет Норрис поступил к ней на службу. Здесь он изучает индийские, африканские и полинезийские языки. В 1838 году благодаря своим необычайным знаниям он становится помощником секретаря (assistant-secretary) Королевского Азиатского общества в Лондоне. В качестве такового он и получил первую статью Роулинсона, посланную в это общество. Норрис ослеплен новой перспективой: он погружается в изучение древнеперсидского и родственных ему языков. И когда появляется подготовленное им образцовое издание эламской версии Бе-хистунской надписи (с переводом), оно знаменует собой уже вторую веху в его научной деятельности. Первую веху он установил еще за 8 лет до этого, дешифровав в 1845 году — совершенно самостоятельно — наскальную надпись Ашоки в Капуре ди Гири. Чтобы дополнить образ этого необычайного человека, добавим вскользь, что в течение ряда лет он пересылал Роулинсону все труды по клинописи со своими мудрыми комментариями и таким образом очень помогал работе последнего; что он не просто знал несколько африканских языков, но и владел ими; что он вместе с тем издавал древнекорнские тексты и писал о трагической судьбе этого языка.

—детерминатив лица; TUR и LUGAL—шумеро-вавилонские идеограммы

Рис. 41. Новозламский клинописный текст из Бехистунской надписи с транскрипцией и переводом

(корнел...
...
Одно...
териала...
ных име...
эламски...
значений...
древнеле...
Здесь...
пирован...
которыми...
на релье...
маты.
К сож...
ется свое...
не до кон...
в то врем...
нении, иб...
ского пис...
предпола...
живого об...
Но ост...
что подсу...
чале вави...
пость, упо...
Однако п...
ней ближе...
вид, но э...
лабиринт...
Правда...
мечали, чт...
ности на в...
Европу во...
цем, увиде...
ры, кирпи...
асбат Бош...
ший ее в...
в Париж...
исследован...
данно был...
ли случай

(корнский язык — окончательно вымерший к 1800 году кельтский язык Корнваллиса, недалеко от которого родился сам Норрис).

Однако вернемся к эламскому языку. При обработке материала Норрис черпал из богатой сокровищницы собственных имен, которые позволили определить большую часть эламских слоговых знаков. Кроме того, для исследования значений слов и их грамматических форм пригодилась и древнеперсидская версия.

Здесь мы приводим образец новоэламского письма, скопированного с Бехистунской скалы. Это одна из приписок, которыми сопровождаются изображения отдельных фигур на рельефе, в данном случае — фигура низвергнутого Гауматы.

К сожалению, эламский язык и до нынешнего дня остается своего рода пасынком ассириологии; исследован он еще не до конца. Думается, злой рок преследовал этот язык еще в то время, когда основная задача заключалась в его сохранении, ибо мы не обладаем ни одним памятником эламитского письма от послеахеменидской эпохи, хотя и можно предполагать, что язык этот продолжал служить средством живого общения до конца I тысячелетия нашей эры!

Но оставался еще один орешек, самый крепкий из тех, что подсунули исследователям ахеменидские надписи. Вначале вавилонская клинопись, напоминая неприступную крепость, упорно сопротивлялась всем попыткам дешифровок. Однако по мере того как осаждающие приближались к ней ближе и ближе, она все заметнее теряла свой грозный вид, но зато все более превращалась в запутаннейший лабиринт.

Правда, уже в течение довольно длительного времени отмечали, что письмо третьей версии было идентично письменности на вавилонских памятниках, которые доставлялись в Европу во все возрастающем количестве. Первым европейцем, увидевшим в знаках, нанесенных на глиняные цилиндры, кирпичи и черные камни, настоящую письменность, был аббат Бошамп, генеральный викарий Вавилонии, объездивший ее в 1781—1785 годах. Один такой кирпич он переслал в Париж своему другу аббату Бартеlemi. И все же толчок в исследованиях в области вавилонской письменности неожиданно был дан совсем с другой стороны, на что мы уже имели случай намекнуть выше. В 1839 году, через несколько

лет после трагической кончины молодого Клаудиуса Рича, его вдова опубликовала дневник своего мужа и сделанные им копии. А еще через год за их изучение взялся известный французский востоковед Юлиус Мольт. И чем глубже вчитывался он в этот дневник, с захватывающим интересом рассматривая копии древних надписей, тем больше поддавался их чарам. Постепенно возникало предположение, перешедшее затем в уверенность: Рич нашел Ниневию, и того, кто вонзится здесь свой заступ, ждет археологическая добыча, которая превзойдет все самые смелые ожидания!

Юлиус Мольт был высокопочитаемым специалистом в своей области и имел известное влияние в правительственных кругах. По его побуждению французское правительство назначило в Мосул вице-консула с самым категорическим предписанием собирать рукописи и предметы старины. Этим вице-консулом был врач из Турина Поль Эмиль (Паоло Эмилио) Ботта, тот самый Ботта, который в течение нескольких недель раскопал в Хорсабаде прекрасный дворец ассирийского царя Саргона II.

Описание нимрудского холма, данное Ричем, не оставляло в покое и другого человека, земляка Рича, дважды посетившего эти места между 1840 и 1842 годами. Недолго думая этот многообещающий юноша — без имени и средств — обратился прямо к британскому посланнику при Высокой Порте, сэру Стрэтфорду Каннингу, который не только выхлопотал для него султанский фирман на ведение раскопок, но и поддержал его материально, выделив для этой цели небольшую сумму денег. Доверие было вознаграждено с избытком — этим юношей был Генри Остин Лэйярд, известность которого как человека, раскопавшего Нимруд, вскоре превзошла известность Ботта.

Итак, в 40-х годах XIX века Ботта в Хорсабаде, а Лэйярд в Нимруде открыли огромные дворцы ассирийских правителей и нашли там большие надписи. Когда копии с них попали в Европу и были здесь размножены, то сразу же необычайно возрос интерес к этой, как ее тогда ошибочно считали, «последней недешифрованной клинописи».

Однако она упорно хранила свою тайну. Еще в 1850 году знаменитый Роулинсон, беспомощно разводя руками перед копиями, сделанными некогда его смелым курдским помощником, заявлял, что он неоднократно был близок к тому, чтобы «раз и навсегда... отказаться от изучения, так как по-

Ксеркса, в свое время принесшей огромный успех Гротефенду (см. рис. 38 и 39, внизу). Но внимание Левенстьерне привлекла только вавилонская часть, которую он сравнивал с древнеперсидской. Последняя по своему содержанию была уже полностью известна и включала лишь титул и собственное имя (хотя и установленное уже Гротефендом, но еще не прочитанное), короче говоря, — была по всем признакам отличным исходным материалом.

Совершенно ясная и простая мысль, не правда ли? Однако до Левенстьерне она все-таки никому не пришла в голову.

И Левенстьерне увидел то, что не видел до него никто и что кажется нам сегодня до смешного простым; он увидел, что древнеперсидскому слову «царь» (рис. 42, вверху, № 2, 4, 5, 7), так же как и слову «сын» (там же, № 8), соответствует в вавилонском тексте только один знак («царь» — внизу, № 2, 4, 5, 8, «сын» — № 6). Один знак на каждое слово — значит, вавилоняне писали словами-знаками, значит, их письменность была идеографической?

Итак, на основе сопоставления с древнеперсидским текстом Левенстьерне правильно установил оба знака — «царь» и «сын» (хотя и не смог еще их прочесть) и тем самым привел доказательство того, что при определенных обстоятельствах вавилонские клинописные знаки обозначают целое слово, а вся письменность, следовательно, должна быть идеографической. Ну, а на самом деле? Вот здесь-то и была загвоздка. Началась настоящая путаница: имя Ксеркса, которое в древнеперсидском варианте имело семь знаков (из них два долгих $\bar{a}$; стало быть, оставалось еще пять согласных), содержало в вавилонской части, помимо детерминатива, стоящего с левой стороны, ровно пять знаков. Что же могло быть ближе, чем вывод об алфавитном характере вавилонской письменности? Ведь пять знаков соответствуют тем самым пяти согласным, заключенным в этом имени, которые наряду с двумя гласными отличают и древнеперсидскую форму. Но только одними согласными писали, как известно, древние евреи, то есть семиты. Отсюда, а также и из других данных вытекало, что здесь, возможно, приходится иметь дело с семитским языком. Из тех же самых соображений и Роулинсон с 1847 года начал усиленно заниматься древнееврейским и сирийским, а уже в 1850 году представил Королевскому Азиатскому обществу в Лондоне свои

первые выводы: он полагает, что установил 80 собственных имен, приблизительно 150 звуковых значений и около 500 вавилонских слов. Однако из работ Хинкса он смог бы уз-
дебрей противоречащих друг другу чтений уже принадлежа-
ло этому гениальному ирландцу.

Вдруг выяснилось, что при дешифровке вавилонской письменности никак не удавался прием, уже не раз прино-
сивший плоды: звуковые значения, добытые из собственных имен, абсолютно не подходили для других слов! Обнаружи-
лось (и вначале было принято за совершенно обескуражи-
вающее доказательство, будто дешифровщики шли ложным путем), что каждая согласная выражается через целый ряд самых различных знаков; иной раз их количество доходило даже до шести или семи! На первых порах решили объяс-
нить этот факт «омофонией» — согласные будто бы облача-
ли в действительности всеми этими различными звуковыми значениями, иначе говоря, имели шесть или семь разных произношений. В общем получалось, что каждый отдельный знак мог иметь, например, семь звуковых значений, и наобо-
рот, для передачи одного простого звука, в частности *r*, су-
ществовало сразу семь знаков (так считал Левенстьерне). Кое от кого можно даже услышать, что острая критика Вольтера в адрес первых египтологов в связи со столь же несостоятельным объяснением была одновременно и слав-
ным камешком в огород первых ассириологов. Так или ина-
че, но при подобных воззрениях оказывались бессмыслен-
ными попытки достигнуть единого для всех ученых, убедит-
ельного и научно достоверного чтения!

Историю ассириологии нельзя представить себе без пас-
тора Эдварда Хинкса. Он был священником и доктором теологии, на портретах он скорее похож на кабинетного уче-
ного, нежели на предприимчивого полевого археолога. Хинкс и в самом деле ни разу не посетил места раскопок. Однако то, что происходило между 1846 и 1850 годами на его рабо-
чем столе, было подлинной решающей битвой за дешифров-
ку вавилонской клинописи, и хилый, в очках, священник вы-
шел из нее с блистательной победой.

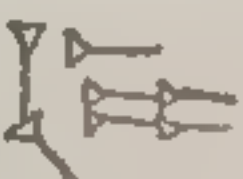
1850 год, тот самый, когда Роулинсон готов был вот-вот «потерять всякую надежду», принес весьма важные открытия, сделанные нашим ирландцем и наконец поставившие на но-
ги молодую науку. Хинкс объявил, что вавилонское письмо

не знает знаков, выражающих простые согласные звуки (а значит, не знает и отдельных букв). Оно имеет слоговые знаки типа гласный + согласный, например *ab, ir* и т. д., или согласный + гласный вроде *da, ki* и т. п. (семь левенштейнских *r* были не чем иным, как слоговыми знаками, *ar, ir, er, ur, ra, ri, ru*); кроме этих «простых» слоговых знаков, имеются также «комплексные», составленные по типу согласный + гласный + согласный, например *kan, mur* и т. д. В свою очередь эти последние — и здесь мы подходим к самому важному открытию — могут передаваться и в комплексном написании (*kan, mur*), и в «ломаном», разложенном на две части (*ka-an, mu-ur*)!

1. а)

2. а)

3. а)

1. а) *šar*

2. а) *gir*

3. а) *lum*

б)

б)

б)

б) *ša-ar*

б) *gi ir*

б) *lu-um*

Рис. 43. Чередование слоговых знаков в комплексном и «ломаном» написании

Сверх того Хинкс, пользуясь исключительно тонкими методами исследования (ведь он прошел хорошую школу), открыл другое свойство вавилонской клинописи: один и тот же знак употреблялся как идеограмма, то есть знак-слово, слоговой знак и детерминатив. Вавилонские клинописные знаки оказались «многозначными»!

Это открытие Хинкса поначалу едва ли способствовало росту доверия к дешифровке и среди специалистов, и среди дилетантов.

Одновременно Хинкс опознал и определил значительную часть детерминативов.

Самое же интересное, что он всей душой был предан изучению иероглифов и, вероятно, никогда так и не занялся бы клинописью, если бы на эту дорогу не привело его открытие Нишевни, вызвавшее огромный отклик во всей Европе.

Две другие опоры для воздвигающегося здания дешифровки клинописи поставили два исследователя, а третью создала удачная находка.

Первым исследователем был Ботта, о котором кое-кто отзывался с излишней резкостью, особенно упирая на то обстоятельство, что он не был археологом. Этот необычайно многосторонний человек, врач и дипломат по профессии, естественный испытатель по склонности, вполне заслуживает и того,

1. а) идеограмма *iṣu* «дерево (материал)»
 б) детерминатив перед названиями деревьев и деревянных предметов
 в) слоговой знак *iz* (*is* и т. д.)
2. а) идеограмма *mātu* «страна» и *šādu* «гора»
 б) детерминатив перед названиями стран и гор
 в) слоговой знак *kur, mat, šat, nat, gin* и т. д.

Рис. 44. Два знака, которые можно было использовать как идеограммы, детерминативы и слоговые знаки

чтобы считаться одним из дешифровщиков. Мысли Ботта постоянно вращались вокруг надписей из дворца Саргона, скопированных по его приказу. И тут ему бросилось в глаза, что многие надписи имели, по-видимому, одинаковое содержание. Но если в одной надписи в каком-либо месте стояли идеограммы, то в другой в том же самом месте могли находиться фонетические группы знаков. Такие параллели дали возможность постепенно выяснить произношение подобных слов-знаков, и Ботта сформулировал важный вывод о том, что одно и то же слово может передаваться как идеограммой, так и группой слоговых знаков.

Будто бы для того, чтобы внести свой вклад в эту «путаницу», Роулинсон, увенчавший в 1851 году свои работы в Бехистуне изданием вавилонской версии, открыл, что один и тот же слоговой знак может иметь несколько произношений, иначе — может быть «полифоном». И это была самая подлинная, не оставляющая места для сомнений полифония, которую не следует, между прочим, смешивать ни с основанной на более ранних неубедительных выводах «омофонией», ни с приведенной выше и иллюстрируемой рисунком 44 «многозначностью» знаков. Постоянно сравнивая об-

разцы надписей, Роулинсон опознал полифоны в значительной части вавилоно-ассирийских клинописных знаков. Свою теорию он подкрепил списком из более чем двухсот знаков, и этот список до сих пор не потерял своего значения.

Многозначность, полифония — стоит ли удивляться, что каждый новый шаг дешифровщиков сопровождался недоверием и даже насмешками. И, уж конечно, им не становилось легче, когда, начиная подставлять вновь полученные значения в группу знаков, содержащую, по Гротефенду, имя библейского Навуходоносора, вместо ожидаемого «Набу-кудурри-усур» (= «бог Набу, охрани мой межевой знак») они вдруг получали какое-то немыслимое «Анакшадушиш», а вместо Салманасара («Шульману-ашарид») — вообще «Диманубар»!

1. *kid, sah, lil* 2. *plš, gir* 3. *lal, lib, lub, rah, nar*

Рис. 45. Полифонические слоговые знаки

Не говорил ли еще недавно Роулинсон: «так как потерял всякую надежду»?

Ситуация оставалась безвыходной, пока, наконец, не вмешалась сама древняя Ниневия и не положила на стол перед опустившими руки исследователями вещь, которую каждый из них мечтал когда-нибудь самолично изготовить для своих собственных учеников и студентов, — настоящую тетрадь-словарик, хотя и в форме глиняной таблички! Она была извлечена из куюнджикского архива (Ниневия), где продолжались начатые Ботта раскопки.

В ней против древних шумерских звуковых значений идеограмм, употреблявшихся уже только в культовых и правовых сферах, были «черным по белому» написаны семитские вавилоно-ассирийские звуковые значения. Здесь же стояли и «ан-ак» = «на-би-ум» («бог»), «ша-ду» = «кудурру» («межевой камень, знак»), «шиш» = «насару» («охранять»), откуда повелительное наклонение «усур» («охрани!»). Стало быть, «ан-ак-ша-ду-шиш» = «набу-кудурри-усур»!

История исследований знает мало случаев, когда бы так щедро вознаграждался тяжкий труд ученых!

И все же долго еще не удавалось устранить недоверие к идеографии, и прежде всего к «пресловутой» полифонии клинописи, и заставить умолкнуть голоса сомневающихся. «Сопротивление» было сломлено только благодаря смелому маневру, и даже, на первый взгляд, сумасбродной выходке, на которую решились в конце концов ученые.

К исследователям клинописи принадлежали еще два человека, весьма не похожих друг на друга.

Одним из них был англичанин. Вильям Генри Фокс Тальбот (1800—1877) более известен как выдающийся математик и изобретатель фотографии «Тальботтайп», нежели востоковед, каковым он, между прочим, был. Да ведь он и не первый английский ученый, который в «свободное время» занимался востоковедением, и если его земляк Юнг, естествоиспытатель и медик, стоял у колыбели египтологии, то по инициативе Фокса Тальбота на дешифровке аккадской клинописи широкая общественность поставила клеймо готового изделия.

Тальбот был в близких отношениях с С. Бёрчем, египтологом из Британского музея (о нем мы уже говорили во II главе). В Британском музее работал и Эдвин Норрис, главный дешифровщик эламского письма. Вот к ним-то и обратился Фокс Тальбот со своим предложением. Норрис мгновенно загорелся этой идеей — Королевское Азиатское общество, секретарем которого он является, проверит правильность дешифровки на опыте. Для этого нескольким ассириологам одновременно направят для перевода один и тот же текст, и результат их усилий решит вопрос об основательности всей до сего дня проведенной дешифровочной работы и тем самым о будущем молодой ассириологии!

Проверить на опыте! Но кто его проведет? Наиболее подходящими были кандидатуры Роулинсона, Хинкса и самого инициатора Фокса Тальбота. Но хотя развитию ассириологии больше всего и способствовали британцы, она уже не являлась в то время только внутрибританским делом. Никак нельзя было обойти одного жителя континента, блестящего французского ученого Опперта.

Юлиус (позднее Жюль) Опперт (1825—1905) родился в Гамбурге, в еврейской семье. Его путь к науке изобилует весьма крутыми поворотами. Характерно, что и он, как многие другие языковеды и специалисты в области письма, пришел в эту науку от математики, правда, предварительно по-

пытав счастье в изучении права в Гейдельберге. Из Гейдельберга он отправился в Бонн. В Бонне же преподавал сам Христиан Лассен. И здесь молодому гамбуржцу открылся новый мир, в котором он вскоре нашел свое призвание и завоевал авторитет, какой имели лишь немногие.

Он изучает санскрит и арабский. Затем, после двух лет, проведенных в Берлине, он получает ученую степень в Киле. Однако боннский период не прошел бесследно. В 1847 году в Берлине вышло исследование Опперта о «Звуковой системе древнеперсидского языка». В этой работе он уже приходит к некоторым выводам относительно употребления согласных. Выводы эти схожи с теми, что были изложены в изданном в 1846 году труде Роулинсона, того самого Роулинсона, который позднее стал большим другом Опперта.

Переезд Юлиуса Опперта во Францию в 1847 году был связан с признанием неизменного авторитета этой страны как оплота востоковедения в Европе. Конечно, он отправился не в Париж, нет. Ведь он совершенно неизвестен. Сначала нужно еще показать, на что ты способен. В 1848 году он становится профессором немецкого языка в Лавальском лицее, а в 1850 году — в Реймсе.

Итак, Опперт — учитель гимназии, совсем как некогда Гротенфенд. Однако не просто учитель гимназии, а человек, который отправился ради науки за границу и здесь добился блестящей научной карьеры.

На новой родине Опперт не сидел сложа руки. Уже в 1852 году он привлек к себе внимание старшего поколения французских ученых своей вышедшей в Париже работой об ахеменидских надписях. И в том же году благодаря влиянию этих почтенных мужей он был назначен членом археологической миссии, которую Франция посылала в Месопотамию под руководством знаменитого Фульгенция Фреснеля. Изданный в 1860 году двухтомный труд Опперта (посвященный этой экспедиции), где он в общем и целом признает дешифровку Роулинсона, одновременно улучшая и совершенствуя отдельные ее детали, получил премию Института, несмотря на ожесточенные нападки, которым подверг его систему граф Гобино.

Очередной поворот в карьере Опперта ознаменовался отказом от кафедры санскритологии и переходом на кафедру ассириологии в Коллеж де Франс. Этим формальным шагом в общем лишь завершился давно назревший разрыв

профессора с древней Индией и его уход в лагерь археологов и языковедов, изучавших Двуречье.

Особенно отрадно отметить, что Опперт никогда не завидовал ни благополучию своих коллег, ни их научным и литературным успехам. И даже заслужив всеобщее уважение как специалист, а затем достигнув положения крупнейшей величины в своей области, он поддерживал самые сердечные отношения с молодыми учеными, которые в своих работах не раз вносили коррективы в его собственные первые публикации. «Никто и никогда не считал меня способным на то, чтобы упрямо цепляться за свои ранние гипотезы», — сказал он одному из своих учеников уже в глубокой старости при последнем посещении Гейдельберга. Этот ученик, Карл Бецольд, после смерти Опперта писал в некрологе:

«Те... из нас, кому на долю выпало счастье постоянно поддерживать личные отношения с этим знаменитым ученым и замечательным человеком, навсегда сохраняют в сердце его привлекательный образ. Да разве мог бы кто-либо не восхищаться глазами, сверкающими на прекрасном лице, необычайной силой и стремительностью духа в этом всегда подвижном теле? И если кому-либо удавалось услышать ученый диалог между «учителем» и «учеником», между важным, почти безмолвным английским генералом и попечителем музея (Роулинсон. — Э. Д.) и всегда готовым к спору, метким на язык и блестящим остроумием парижским профессором и действительным членом Института, то для него это было целым событием»¹.

Правда, иной раз не сдержавшись в выражениях, Опперт приводил в расстройство своих коллег и друзей, и все же его «поистине широкая и отзывчивая натура ученого-творца» была пронизана высоким образом мыслей, который характеризует его и как человека, и как исследователя: «Каждый из нас не только вправе, но и обязан писать и учить тому — и только тому, — что он сам, после определенной проверки, признал своим собственным твердым убеждением»².

Итак, Опперта, безусловно, следовало привлечь к запланированному предприятию. К тому же в 1857 году случай

¹ C. Bezold, *Julius Oppert*, — «Zeitschrift für Assyriologie», Bd 19, 1905—1906, Ss. 169—173.

² Ibid.

свел в Лондоне и Роулинсона, и Хинкса, и Фокса Тальбота, и Опперта. Короче говоря, Королевское Азиатское общество вместе со своим предприимчивым секретарем Норрисом взялось за дело.

В запечатанных конвертах всем четырем исследователям были посланы копии одной клинописной надписи, о которой им ничего не могло быть известно, поскольку она появилась в результате самых недавних раскопок. Сама надпись была сделана на трех обожженных глиняных цилиндрах и относилась к эпохе древнеассирийского царя Тиглатпаласара I (1113—1074 гг. до н. э.). Четверо ученых должны были независимо друг от друга перевести текст и выслать его обратно.

Тальбот, Хинкс и Роулинсон работали по одинаковому литографированному тексту. Своенравный Опперт сам изготовил для себя копию. Запечатанные переводы возвращались в Общество. Здесь они были рассмотрены жюри, которое затем созвало торжественное заседание.

И перед всем миром сразу же было продемонстрировано, что молодая наука ассириология покоится на прочном фундаменте.

Переводы совпадали во всех существенных пунктах!

Конечно, пришлось, скрепя сердце, признать и наличие небольших изъянов. Полнее всего сошлись переводы Роулинсона и Хинкса. В перевод Фокса Тальбота вкрались отдельные ошибки, а версия Опперта содержала некоторые сомнительные места. Во всяком случае, по единодушному мнению жюри, дешифровка стала свершившимся фактом.

Казалось бы, теперь мы можем перейти от самих дешифровщиков к результатам их исследований. Но сделать так — значило бы незаслуженно забыть еще об одной внушительной и достойной огромного уважения фигуре. Человек, о котором мы будем говорить, пожалуй, не принадлежит к дешифровщикам клинописи в узком смысле слова (хотя и принимал участие в дешифровке другой письменности), однако имя его неразрывно связано с исследованиями в этой области.

В те годы, когда Роулинсон в качестве политического агента уже разворачивал свою деятельность в провинции Кандагар, в лондонском предместье Челси в семье бедняка родился мальчик, названный Джорджем, Джорджем Смитом (1840—1876). Смышленому малышу, у которого рано про-

явился ярко выраженный талант художника, повезло. В 14 лет он был принят учеником в фирму Брэдбюри и Эванс, что на Баувери-стрит. Джорджу Смиту предстояло стать гравером по меди, специалистом по гравировке клише денежных знаков — значит, в будущем ему будет обеспечен неплохой кусок хлеба.

Наряду с работой, в которой он сделал вскоре большие успехи, у него был свой «конек», одно излюбленное занятие, в общем довольно обычное в стране бриттов, никогда не упускавших случая поговорить о своей традиционной привязанности к Библии. Как раз Библия и была его любимым чтением, а в ней он с особенно захватывающим интересом читал исторические книги Ветхого завета. Он прочитывал все произведения восточной литературы, какие мог заполучить и, разумеется, понять. В Британском музее Смит с удивлением разглядывал все доступные ему предметы старины, в те годы выставлявшиеся здесь в большом количестве. «И все-таки Библия права», — эта фраза, которая еще совсем недавно заставляла насторожиться самые широкие круги, стала также движущей силой исследований нашего молодого гравировщика.

Выяснилось, что гравировка по меди тоже имеет свою положительную сторону. Именно она указала юноше дорогу к европейской известности, дорогу, которой, правда, суждено было рано и трагически оборваться. Благодаря отличному знанию своего ремесла Смит смог принять участие в гравировании габлиц, прилагавшихся к большому труду Роулинсона об ассирийской клинописи. Любопытного юношу с неодолимой силой повлекло к причудливым, чужим и таинственным знакам. С необычайным воодушевлением и восторгом любовался он своеобразной прелестью и соразмерностью этой, на первый взгляд, мешанины из клиньев и угольников — памятники отдаленнейшего прошлого простерли над ним свою магическую власть.

Неутомимый читатель, студент и вдохновенный труженик привлек к себе внимание уже не раз упомянутого нами Сэмюэля Бёрча, исследователя, а затем также и хранителя Британского музея. Почтенный Бёрч счел нужным вмешаться в судьбу одаренного юноши, и вот Джордж Смит, всего 21 года от роду, уже реставратор в Британском музее. Здесь он должен был составлять глиняные таблички из фрагментарных обломков, найденных при раскопках в Куянджике.

Вот тут-то и пригодился ему опыт гравера. Джордж Смит заметно преуспевает в своей нсвой работе. За весьма короткое время он приобрел такие навыки в чтении трудной акадской клинописи, что вскоре оставил позади профессиональных ученых и специалистов. Он уже с легкостью читает таблички, буквально «проглатывает» их содержание. И с каким рвением трудится над своими «обломками» этот неутомимый Смит! И достается же от него проклятому лондонскому туману, при котором (черт побери!) недалеко уйдешь в чтении табличек. С лампой же (какой от нее свет!) читать было уже совершенно невозможно, поэтому оставалось только ждать более или менее ясного дня, а пока... мириться с туманом.

Наивысшего расцвета деятельность Джорджа Смита достигает к 1872—1873 годам, а прологом к замечательным открытиям послужила частичная дешифровка кипрского слогового письма, сделанная им, так сказать, мимоходом. Однако об этом в другой главе.

1872 год застал Джорджа Смита по-прежнему склоненным над клинописными табличками (на этот раз присланными преемником Лэйярда, Ормуздом Рассамом, из Нимруда). И вдруг нечто приковало взгляд исследователя. У Смита перехватило дыхание: перед ним лежал не обычный инвентарный список и не навязшая в зубах строительная надпись, а навеянный чарами Востока, окутанный тайной тысячелетий рассказ — великий по замыслу эпос, песнь о делах героя Гильгамеша, отправившегося на поиски вечной жизни. И странно, чем дальше пробирается наш опытный исследователь сквозь клинописные дебри, тем запутаннее становится содержание поэмы.

И в то же время оно кажется ему удивительно знакомым. Вот он читает, как герой Гильгамеш, на две трети бог, на одну треть человек, повелел строить стену и храм древней столицы Урука. Стонут горожане под бременем непосильного труда. Они взывают к богам о помощи. Сжалилась над ними богиня Аруру и создала богатыря Энкиду. Густо зарос он волосами, вместе с дикими зверями бродя по степям. Энкиду, силой равный Гильгамешу, должен заставить его освободить народ от ненавистой работы. Укрощенный нежной любовью храмовой блудницы, Энкиду вступает в единоборство с Гильгамешем и, потерпев почетное поражение, становится его другом. Вместе они совершают целый ряд

подвиги. Они одолевают злого Хумбабу, стража и владыку кедровой рощи, убивают его, «и Гильгамеш потрясает головою Хумбабу». Вместе умертвляют и небесного быка, чудовище, которое послала на них изнемогающая от страсти к Гильгамешу богиня Иштар в отместку за отвергнутую любовь. Но вот смертельный недуг сковал Энкиду, и Гильгамеш отправляется искать вечную жизнь.

Он знает, кто даст ему совет: прародитель Ут-напиштим, единственный спасшийся некогда от огромного, всемирного наводнения... единственный... *спасшийся от всемирного потопа...*

Джордж Смит не верит своим глазам: здесь, в ассирийских глиняных табличках, всемирный потоп? И все же не может быть никакого сомнения. Смит лихорадочно читает дальше — вот-вот Ут-напиштим расскажет об этом Гильгамешу.

Но, увы, на табличках и фрагментах, которые рассматривает, перебирает и вновь пробегает глазами возбужденный исследователь, нет ничего. Фрагмент кончился, оставив его в полном неведении относительно дальнейшей судьбы героев. Но откуда прибыли таблички? Из Нимруда, или Калаха, как он назван в «Бытии».

Смит, как и большинство его земляков, воспитанный на Библии, все яснее понимает, что перед ним халдейская книга «Бытия» и что она должна иметь продолжение, должна содержать то, чего требует замерший в ожидании мир: сообщение о великом потопе.

Вначале «замерли» члены Общества библейской археологии, которым Смит 3 декабря 1872 года доложил о своем открытии. Неслыханная сенсация! Известие о вавилонском потопе распространилось с быстротой молнии. Когда же Смит высказал убеждение, что отсутствующий кусок следует искать там, откуда прибыло начало, а именно — в развалинах Нимруда, где работал Ормузд Рассам, это вызвало отклик, превзошедший все ожидания: лондонская «Дейли телеграф» установила высокую премию для того, кто доставит отсутствующие таблички и фрагменты.

К этому времени Джордж Смит был, пожалуй, единственным человеком, способным это сделать. Ведь самое главное было опознать отсутствующие таблички и фрагменты среди целой горы обломков. Да, может быть, они уже давно извлечены на свет и, обезображенные, валяются где-либо в

стороне, и текст их так испорчен, что никто не обращает на них внимания.

Только Джордж Смит смог бы найти то, чего напряженно ожидали Англия, весь ученый мир, любители древности и широкие круги непосвященных. Об этом знал и Британский музей и не без сожаления отпустил своего самого способного сотрудника.

В мае 1873 года Джордж Смит уже держит в руках то, ради чего он отправился в дальний путь: фрагмент из семнадцати клинописных строк; как раз этих семнадцати строк и не хватало в первой колонке вавилонского известия о всемирном потопе.

Держат совет боги во главе с грозным Энлилем. Грехи людей переполнили чашу терпения богов, и смыть эти грехи можно, только уничтожив весь род человеческий. Но к людям благоволит Эа. Он посылает охраняемому им Ут-напиштиму сон, из которого последний узнает об опасности, грозящей миру. Боги повелевают Ут-напиштиму построить корабль и спасти на нем себя и своих домочадцев, кормчего и «семена жизни всякого рода». Повиновался богобоязненный Ут-напиштим. И вот открылись небесные затворы, и все, что было до сих пор человеком, превратилось в «глину», а Ут-напиштим плыл в спасительном ковчеге по вздымающимся волнам, плыл шесть дней и семь ночей, пока не схлынул потоп и корабль его не оказался на горе Ниссир. Подобно Ною, выслал Ут-напиштим «разведчика»: через семь дней голубя, еще через семь — ласточку; вернулись они назад, не увидев земли. Прошло еще семь дней, и послал он ворона. Не вернулся ворон. Тогда оставил Ут-напиштим ковчег и принес благодарственные жертвы Энлилю. Энлиль отвел Ут-напиштима вместе с его женой и кормчим «к устью потока», где и стали они жить, равные богам...

Смиту не дано было, подобно Роулинсону, Ботта и Лэйярду, найти общий язык с сынами чужих стран, или, как тогда говорили, с «туземцами».

Ему была чужда психология людей, с которыми он здесь встретился, и они лишили его своего доверия и дружбы. Смит разбирался в письменности, языке, даже в духовной жизни древних жителей Месопотамии, но он не смог понять образа жизни и склада ума их потомков и не обращал внимания на протянутые к нему и требующие «бакшиша» руки.

Его третья и последняя экспедиция, разрешение на которую было дано специальным фирманом, изданным в 1876 году, началась под несчастливой звездой. В Халебе свирепствовала холера, страну раздирали племенные распри, и, наконец, в Багдаде скончался его спутник и друг, финн Эппеберг.

Однако тихий, погруженный в себя Джордж Смит был не из тех людей, которых легко запугать, особенно если речь шла о любимой работе. Иной раз с ним творились удивительные вещи, и он вел себя как одержимый. Его ближайшие сотрудники знали об этом.

Как-то еще в Лондоне, обрабатывая большой фрагмент глиняной таблички из куюнджикской коллекции, Смит обнаружил, что одна сторона важной части этого текста покрыта толстым слоем белой известкоподобной массы, не поддающейся удалению. Помочь мог только один человек — реставратор Риди, имевший состав для снятия налета, однако он с чрезвычайной подозрительностью относился ко всяким попыткам проникнуть в тайну своего «рецепта». К пущему негодованию Смита Риди был тогда в отъезде. Но прошло несколько дней, Риди вернулся, слой был мастерски удален, и вождеденная табличка опять вручена Смигу.

В то время он работал в Британском музее в одной комнате с Роулинсоном, над канцелярией секретаря Королевского Азиатского общества. Принесли табличку, Смит нетерпеливо хватает очищенный фрагмент, исследует его и находит на нем нужный текст! Ликующий возглас вырывается из груди ученого: «Я первый, кто читает это после того, как оно было забыто на две тысячи лет!» Все оборачиваются, бросаются к нему. Роулинсон и сотрудники готовы принести свои поздравления, они хотят посмотреть, что же, наконец, привело в такое состояние всегда рассудительного и спокойного Смита. Но Смит кладет табличку, в радостном возбуждении ожесточенно мерит комнату огромными шагами и вдруг начинает... раздеваться «к немалому удивлению присутствующих», как не преминул заметить один из английских хроникеров.

Так же ожесточенно шагал он и по Сирии во время последней своей экспедиции. Под палящим солнцем, невзирая на предостережения французского консула, не обращая внимания на все добрые советы — вперед, только вперед. Приходилось питаться лишь местной пищей, которой он не выносил и которая не подкрепляла его.

«Чувствую себя нехорошо. Был бы здесь врач, может быть, я и выздоровел бы. Не пришел. Очень сомнительный случай; если смерть, прощайте...

Вся моя работа посвящена науке... Друзья, надеюсь, позаботятся о моей семье... Твердо выполнял свой долг... Конца не боюсь, но хотелось бы жить, ради семьи... Быть может, все еще обойдется».

Это было все, что он смог записать в своем дневнике 12 августа 1876 года.

Смертельно больным и совершенно истощенным Джордж Смит был доставлен в дом британского консула в Халебе, где и скончался 19 августа 1876 года.

Со смертью Джорджа Смита окончилась героическая песнь ранней ассириологии. Он же стоит и в конце истории дешифровки вавилоно-ассирийской клинописи.

Вероятно, следовало бы поведать о перипетиях, связанных с объяснением других языков, открытых благодаря клинописи, — хурритского, урартского, древнееламского. Однако все это выходит за рамки нашей книги, да и исследования во всех указанных областях еще идут полным ходом.

Нам осталось только дать завершающий обзор и краткое описание характера и своеобразных черт аккадской клинописи.

Последующие раскопки подтвердили высказанные Хинксом и Оппертом предположения относительно ее происхождения. Было доказано, что она отнюдь не является аккадским, а тем более вавилонским или ассирийским изобретением. Ее создателем был еще более древний народ — шумеры, происхождение которых доныне неизвестно; от них клинопись перешла к аккадцам. Шумерский язык, эту «церковную латынь Древнего Востока» (И. Фридрих), едва ли понимали уже и сами вавилонские жрецы, почему и были изготовлены списки слов, грамматики и вавилонские переводы крупных шумерских текстов. При их помощи и мы смогли проникнуть в тайны этого древнейшего языка, а посредством древнейших форм аккадской клинописи открыть и еще более древние шумерские формы. Здесь исследователям удалось вскрыть и весь путь развития клинописного письма — путь «от рисунка к букве», который нельзя представить, имея лишь более поздние формы клинописных знаков. Невозможно его понять и без знания пического материала.

Джуречье — наносная земля, здесь природа в избытке давала материал для письма, его нужно было только подобрать и придать ему соответствующую форму. Мягкая глина! На ней деревянной палочкой или заостренной тростниковой трубкой выдавливались письменные знаки. Затем глиняные таблички обжигались в печи, где они так затвердевали, что могли сохраняться в течение тысячелетий.

В наиболее древнюю эпоху, когда «писали» мало и это немногое высекалось преимущественно на камне, появились лишь простые линии-штрихи. В форме таких «штрихо-

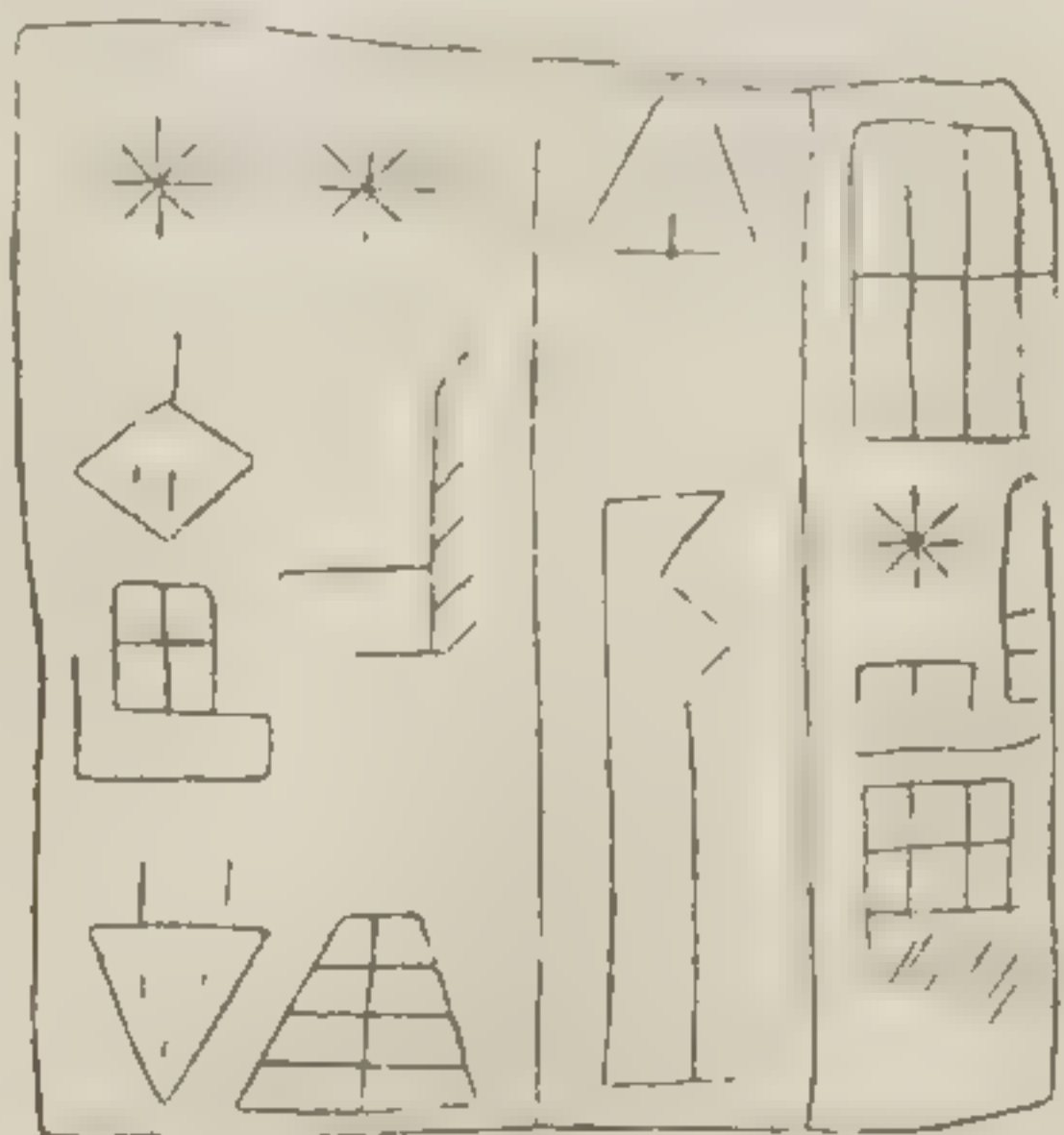

Рис. 46. Оттиск печати царя Нарам-Сина на кирпиче, найденном в Ниппуре (2270—2233 гг. до н. э.)

вых надписей» и дошли до нас древнейшие поддающиеся датировке шумерские «тексты». В виде примера мы приводим здесь, на рисунке 46, оттиск печати на кирпиче.

Не вызывает сомнения, что при такой «манере» письма гораздо легче удавались прямые линии, нежели округлые контуры. Материал (пока еще камень) не замедлил, как можно уже заметить по этим древнейшим формам знаков, воспользоваться своим первым упрощающим и стилизующим влиянием, которое затем и привело к отказу от округлых линий и переходу к прямым. И все же рисуночный характер подобных знаков несомненен.

Эти столь простые рисуночные знаки шумеры очень рано начали соединять в различных комбинациях, и прежде всего в тех случаях, когда хотели передать уже не конкретные предметы, а новые абстрактные понятия. Так, из соединения

знаков «бык» и «горная страна» возник рисуночный знак «дикий бык» (рис. 48,а), из знаков «рот» и «хлеб» — «есть» (рис. 48,б), из знаков «женщина» и «платье» — «госпожа» (рис. 48,в).

Однако развитие письменных знаков не остановилось на линии, штрихе. По мере того как письменность получает все

Рис. 47. Древнейшие идеографические формы
клинописных знаков

большее и большее распространение и, так сказать, подготавливает себя к обслуживанию повседневных нужд самых широких слоев народа, постепенно уходят в прошлое камень и резец и начинают свое победное шествие глиняная табличка, тростниковая трубка и палочка писца.

Вследствие того что и трубку, и палочку держали под углом к поверхности писчего материала, их острие глубже вдавливалось в глину и оставляло типичный, расширяющийся на конце штрих-клин; точно так же возник и другой характерный элемент клинописи — треугольник. Тем самым письменность еще более отдалялась от первоначального рисуночного написания знаков, и непосвященные едва ли могли бы теперь увидеть в окончательных формах лежащее в основе каждой из них рисуночное изображение. Отдельные этапы развития письменности, отраженные в документах, позволяют проследить, как люди, писавшие сверху вниз, со временем, для того чтобы писать быстрее, поворачивают табличку на 90 градусов влево.

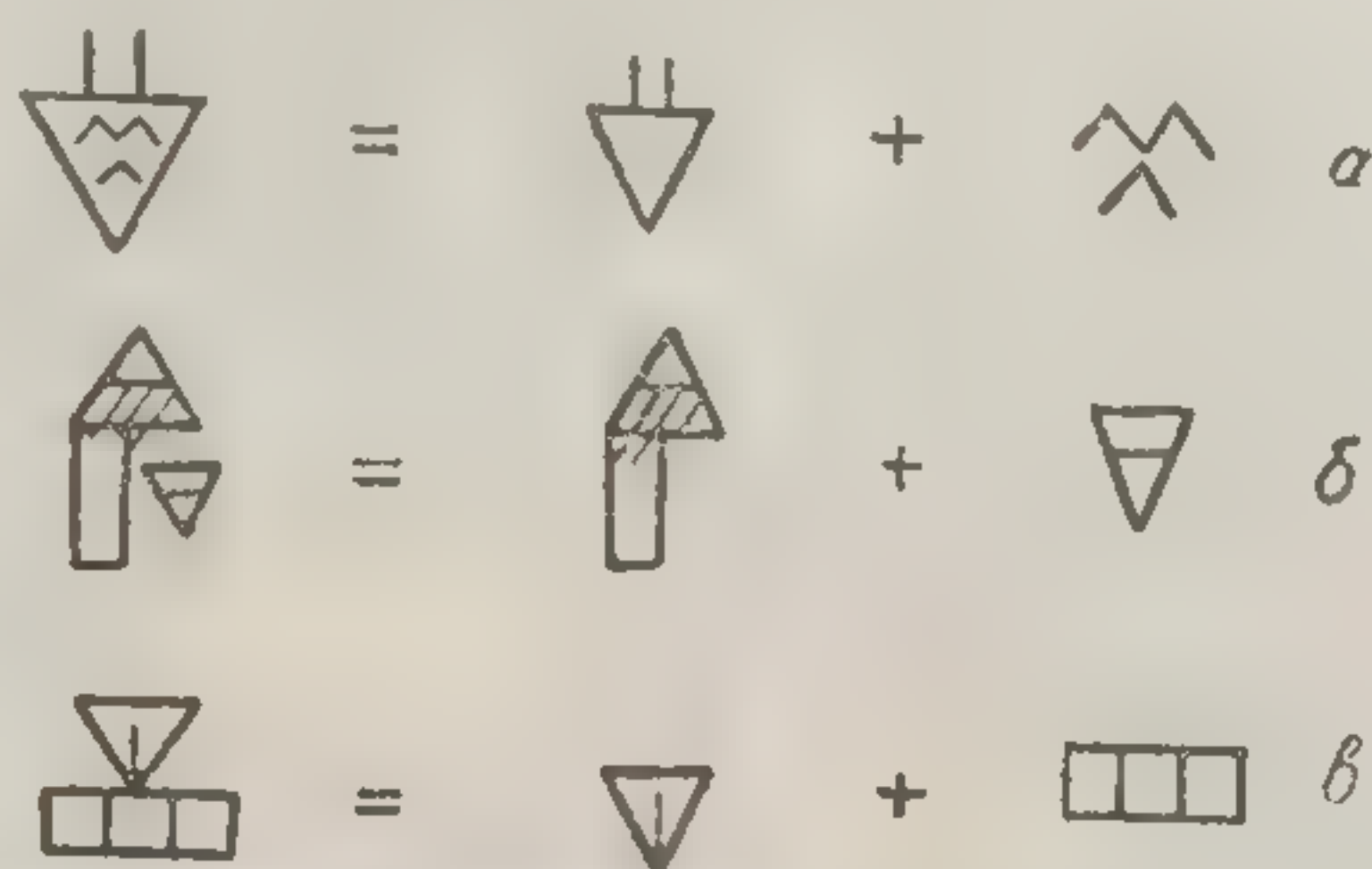

Рис. 48. Комбинированные рисуночные знаки

Пожалуй, наиболее ярко и наглядно иллюстрирует переход от рисунка к клину древнеаккадская надпись царя Шаркалишарри (рисунок 49).

Эта строительная надпись правителя посвящена сооружению храма Энлиля в Ниппуре и содержит обычную формулу проклятия того, кто посягнет на данный документ.

Местные и временные различия выступают и внутри самой аккадской клинописи. Более древние системы (древне- и средневавилонская, древне- и среднеассирийская) сложнее нововавилонской и новоассирийской письменности. Мы не имеем возможности вникать в эти тонкости, да они едва ли и различимы для глаза неспециалиста. Вместо этого не мешало бы попытаться рассмотреть в заключение нашей главы внутреннее строение аккадской клинописи.

И здесь приходится признать, что ее внешний вид настолько обманчив, что никогда не выдает главного: поразительного сходства клинописи (причем внутреннего сходства, в строении и характере) с египетским письмом.

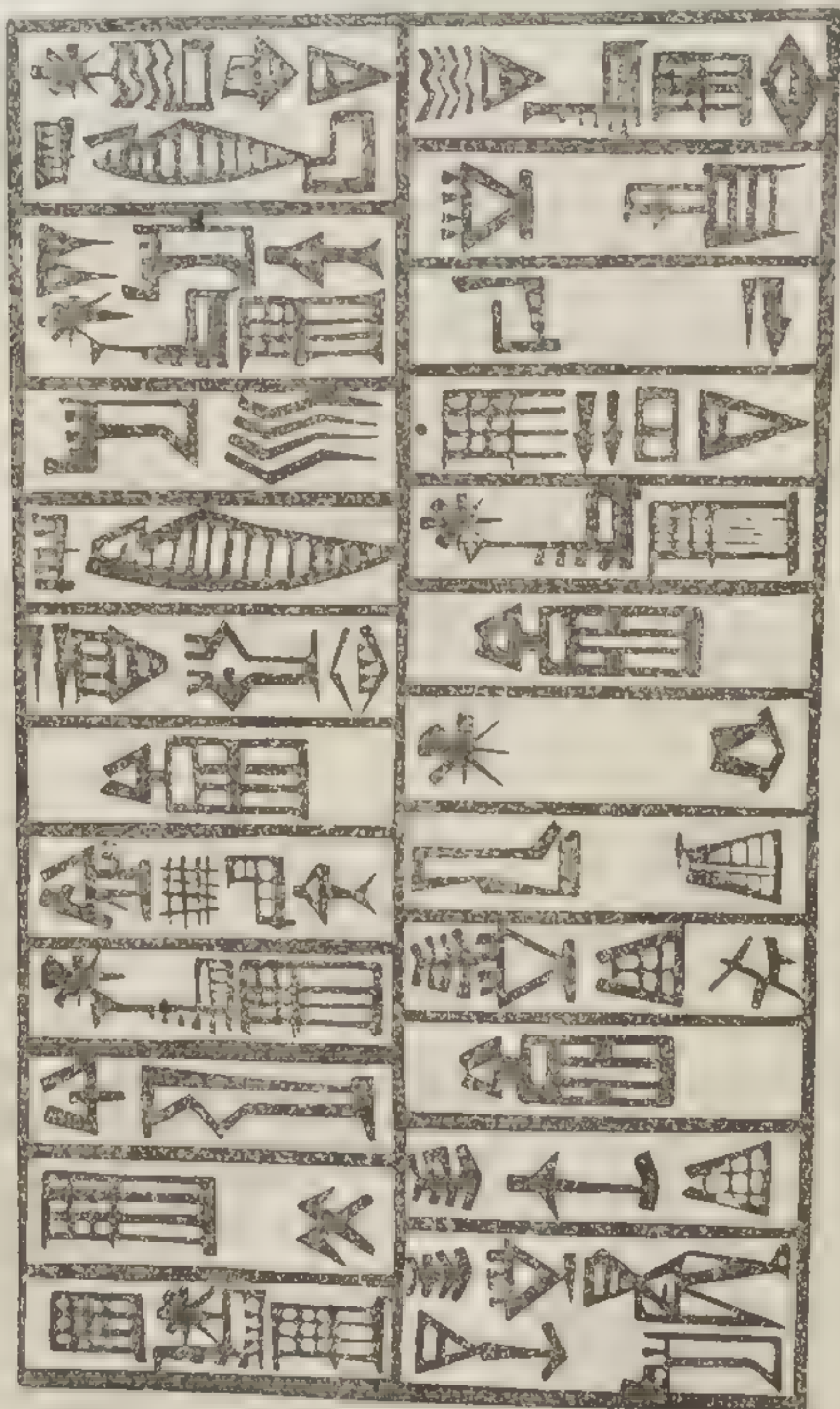

Рис. 49. Монументальная надпись на древнеаккадском языке

Ведь и она содержит те же три группы знаков: идеограммы, слоговые знаки и детерминативы. И такой состав знаков также имеет здесь свою собственную историю.

Так же шумеры использовали слова-знаки и как слоговые знаки — процесс, знакомый нам из истории египетской письменности. Если там знак *wr* «ласточка» употреблялся и для выражения понятия *wr* «большой», то здесь, в шумерском, знак *an* «небо» (рис. 50, а) мог ставиться и тогда, когда требовалось передать простое звуковое значение *an*, то есть так же мог применяться без всякой связи со своим подлинным

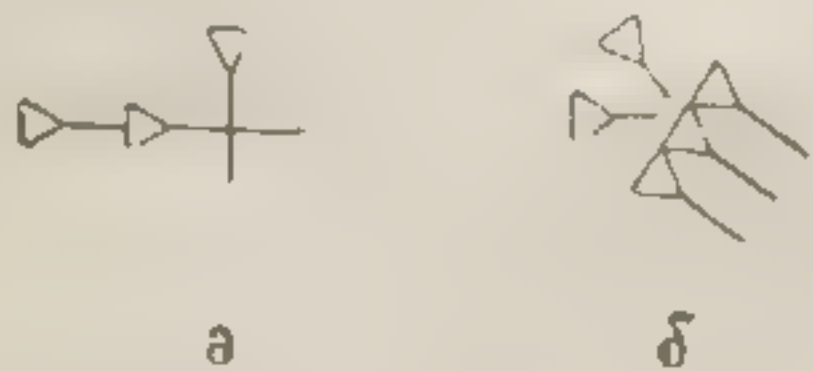

Рис. 50. Шумерские знаки, являющиеся одновременно идеограммами и слоговыми знаками

значением как понятия; знак *ti* «имя» использовался и для выражения простого слога *ti*. Шумеры довольствовались таким характером своей письменности, которая покоилась на идеограммах, а при случае могла позвать на помощь и слоговые знаки.

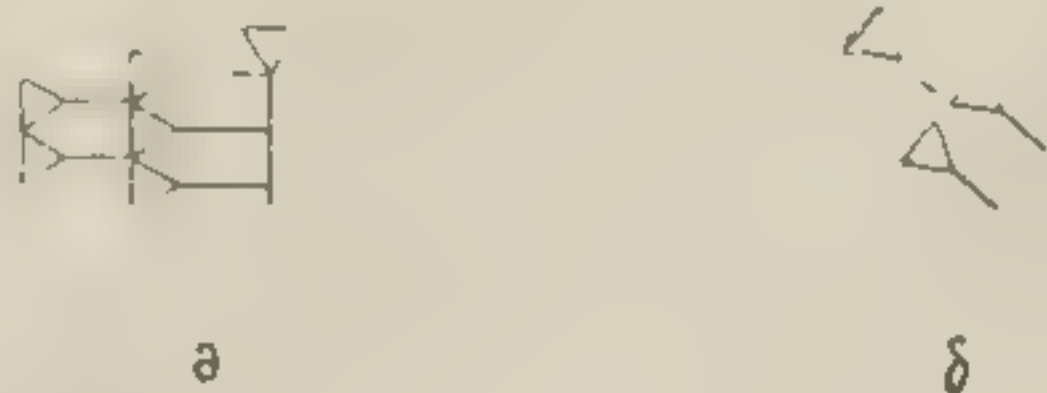

Рис. 51. Шумерские идеограммы «отец» и «земля», «гора»

Однако когда клинопись переняли у несемитов-шумеров семиты-аккадцы да еще применили к своему собственному языку (для него это письмо было как костюм с чужого плеча), они внесли в систему невероятную, на первый взгляд, путаницу, что и заставило немецкого ассириолога Карла Бецоляда заговорить об «ужасной клинописи» — эта характеристика так за ней и осталась. Но аккадцы действовали совершенно неумышленно, они поступали самым естественным образом.

Аккадцы переняли шумерские слова-знаки в неизменном виде, но снабдили их, что в общем совершенно понятно, своим собственным семитским произношением. Так, шумерский знак для слова «отец» (рис. 51, а) они произносили уже не

по-шумерски — *ad*, а по-аккадски — *abi*; знак «имя» (рис. 50,6) — не *ти*, а *šuti* и т. д.

Вот здесь-то и начался настоящий хаос. Аккадцы не отбросили полностью древнешумерские произношения знаков, а сохранили их — правда, исключительно для выражения звуковых значений слогов. Стало быть, названный нами знак *ти* мог рассматриваться в аккадском как слово-знак и, следовательно, читаться *šuti* и значить «имя», а также одновременно пониматься как слоговой знак и в качестве такового произноситься просто *ти*!

Отсюда вытекала переливающаяся всеми оттенками смысла и произношения, совершенно немыслимая многозначность. Посмотрите, например, на знак, изображенный на рисунке 51,6. В шумерском он означает: 1) «земля, страна» (*kur* или *kin*); 2) «гора» (*kur*) — причем мы не берем здесь его других значений! Затем вавилоняне наделили этот знак своим семитским произношением упомянутых слов. Теперь он мог уже означать: *mātu* «страна», *irsitu* «земля», «область», «страна» и *šadu* «гора». Не ограничиваясь этим, за вышеуказанным знаком оставили также его значение слогового знака для обоих рассматриваемых теперь уже как чисто звуковых слогов *kur* и *kin*, а сверх того его превратили еще и в слоговой знак для возникших из семитских слов *mātu* и *šadu* слогов *nāt* и *šad*!

И это только один аспект пресловутой многозначности клинописи. Видно, Карл Бецольд хорошо знал, что имел в виду, называя ее «ужасной клинописью». Однако при этом он, конечно, не забывал и о другом явлении, особенно часто встречающемся в нововавилонской и новоассирийской письменности, — один и тот же знак мог иметь несколько совершенно независимых и отличных друг от друга слоговых значений. Мы говорим об открытой Роулинсоном и устрашающей «Тохувабохе» ассириологии — полифонии клинописи, о которой речь уже была выше (см. рисунок 45). Читающий клинопись должен всякий раз отгадывать, какое подразумевается слоговое значение в каждом отдельном случае, и он почти всегда попадет в точку, если достаточно хорошо знаком с языком и данным текстом.

Но самое поразительное в том, что как раз это письмо, неясное, многозначное и непрактичное, получило необычайное распространение вместе с вавилоно-ассирийским языком, который во II тысячелетии до нашей эры добился права счи-

таться подлинно международным дипломатическим языком. На нем, между прочим, в это время вели переписку египетские фараоны и палестинские царьки, о чем свидетельствует получившая всемирную известность Тель-амарнская находка в Верхнем Египте. При этом мы совершенно умалчиваем о том, что эту письменность, хотя и в упрощенной форме, воспринял целый ряд иноязычных народов, среди которых одних — персов — мы уже видели, а других еще увидим.

mātu + ma + a + tu

Рис. 52. «Страна» в смешанном написании

Правда, вскоре древние вавилоняне и ассирийцы поняли, что зашли слишком далеко в этой многозначности своих письменных знаков. Они принялись изыскивать пути для того, чтобы быстрее и легче разобраться в созданном ими самими хаосе. И здесь они внезапно наткнулись на то же самое вспомогательное средство, что и древние египтяне: «смешанное написание» и детерминативы.

Теперь уже, если, например, хотели, чтобы написанное соответствующим знаком (рис. 51,б) слово «страна», *mātu*, читалось именно так, а не иначе (и исключалось бы всякое сомнение в правильности такого чтения), то его писали смешанно, то есть к идеограмме подставляли еще и фонетическое написание: *mātu + ma-a-tu*.

Этот пример, помимо всего прочего, необходим и для иллюстрации основного отличия слоговых написаний египтян и аккадцев: вавилоно-ассирийские знаки содержат ясный и недвусмысленный гласный, что уже одно выдает их происхождение из письма, служившего некогда несемитскому языку; кроме того, здесь не имеется знака, который бы, как в египетском письме, выражал один согласный (без гласного).

Что же касается детерминативов, стоящих в иероглифическом письме египтян на конце слова, то в клинописи их можно найти в большинстве случаев в начале слов (рисунок 53).

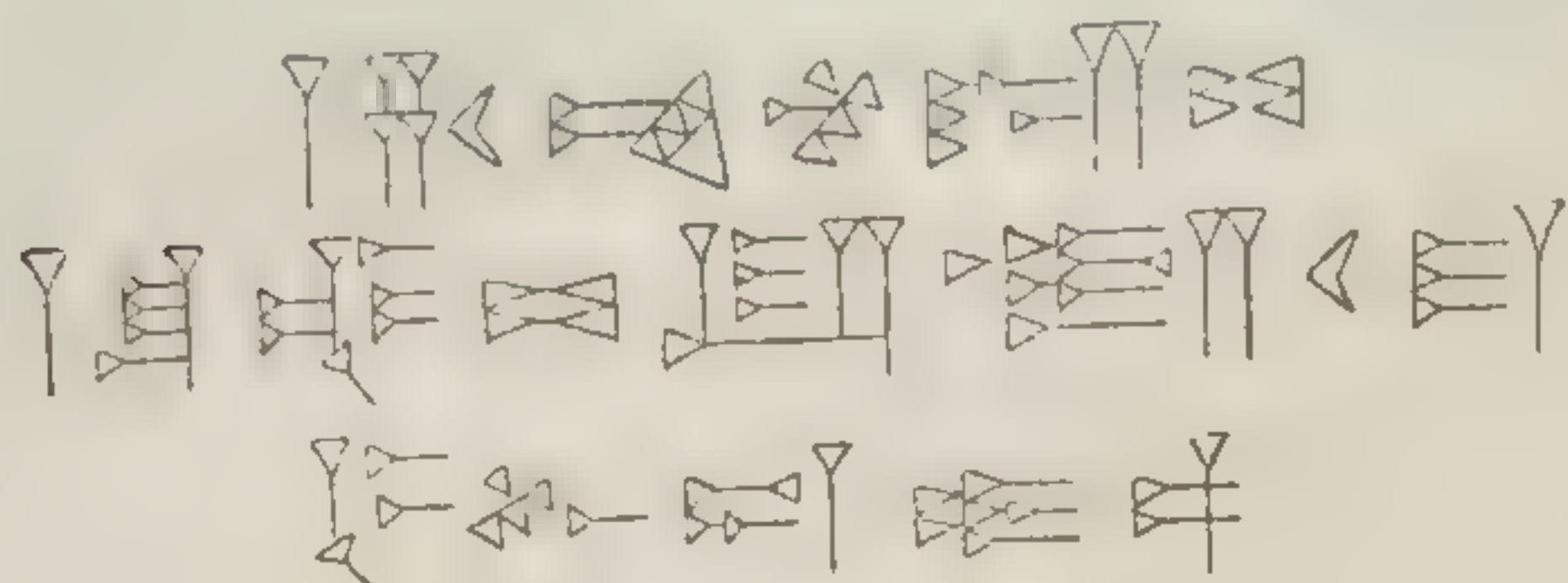

dA-nu

dEn-lil

dÉ-a

Три имени богов с детерминативами

1. *Ha-am-mu-ra-bi*

2. *Šu-up-pi-lu-li-u-ma*

3. *Pu-du-ḫé-ra*

Два мужских имени и одно женское с детерминативами

1. *māt Aš-šur* «Ассирия».

2. *māt Mi-iš-ri* «Египет»

3. *alu Ni-nu-a* «Ниневия».

4. *alu Kar-ga-miš* «Каркемыш».

Два названия страны и два названия городов
с детерминативами

iše-ri-nu
«кедр»

iše-lip-pu
«корабль»

Дерево и деревянный предмет с детерминативами

erû par-zil-lu
«железо»

erû pa-a-šu
«топор»

Металл и металлический предмет с детерминативами

Рис. 53. Слова, определенные детерминативами

При помощи этих пояснительных значков, а также идеограмм древние вавилоняне и ассирийцы весьма существенно упорядочили свое письмо, а дешифровщикам XIX века значительно облегчили проникновение в его тайны. Поскольку это письмо, как уже отмечалось, необычайно широко распространилось на всем Переднем Востоке и длительное время служило главным средством общения между самыми различными народами, его идеограммы и детерминативы, сохранившиеся в разных языках в прежнем виде, немедленно бросались в глаза исследователям, имевшим дело с текстами, написанными на неизвестном языке. Прежде всего, естественно, в таком неизвестном языке благодаря детерминативам выделялись собственные имена — этот мощный рычаг, за который, где только можно, хватались дешифровщики.

Возникает вопрос, почему вавилоняне и ассирийцы, подобно древним египтянам, не сделали последнего шага к буквенному письму, того самого шага, который столь же легко было совершить от клинописи, как и от египетского письма к алфавиту. В их собственном крае консерватизм, присущий древнейшим народам, шаг этот также был сделан. В той стране: с одной стороны, позднее в древнем Иране при Дарии, а с другой — намного ранее в сирийском Угарите, о чем речь пойдет в особой главе. Но как и в Египте, здесь долго стояла письменность, раз и навсегда положившая конец всем и всяким клинописям, и если в Египте ею оказалась греческая письменность, сопровождавшая победу христианства, то в области, занимаемой великой Персидской державой, куда позднее относились также Ассирия и Вавилония, это было прежде всего арамейское буквенное письмо.

В результате исследований в области клинописи изменили наше представление об облике Древнего Востока. Еще 100 лет назад история начиналась для нас с Гомера, теперь — с Вавилона, Ассирии, Египта. Великие державы и цивилизации, известные ранее лишь из устных сказаний, пробудились к новой жизни. Неизмеримо глубоко обнажились корни западной культуры, а сравнительное изучение религий, языкознание и хронология древних эпох были поставлены на новые основания; непреходящими ценностями обогатилась мировая литература. Клинописные архивы, как мы увидим далее, позволили в свою очередь дешифровать це-

лый ряд новых письменностей и объяснить другие забытые и исчезнувшие языки.

«Неизменным остается лишь человек». И памятники египетского письма уже заставили нас испытать истинность этих слов.

О нем, человеке древнего Двуречья, не будут на этот раз рассказывать ни гимны, обращенные к богам, ни песнь о сотворении мира, ни эпос о Гильгамеше. Нет, мы возьмем два отрывка — из так называемого вавилонского Экклезиаста и еще одного поучения. Два голоса прозвучат для нас вновь: один — скорбный и пренесполненный горечи, другой — успокаивающий и в то же время возвышенный; так живо и выразительно доносятся до нас эти раздавшиеся в седую старину голоса, отзвук древнейшего разлада в человеческой душе. Унылому тону («все — суета и тлен») человека, обиженного судьбой, противостоит благочестивый призыв к правдивости и богобоязненности, своей строгой нравственностью и ясным языком напоминающий о духе, которым проникнуты изречения Ветхого завета.

Сетует страдалец из Вавилона:

«...Что же плачу я, о боги? Ничему не учатся люди.

Итак, внимли, друг мой, заучи мой совет,

Сбереги это превосходное выражение речи моей!

Высоко ценят слово знатного, который учил убивать;

Унижают слабого, а нет у него грехов;

Свидетельствуют в пользу злого, привилегия которого —

святотатство;

Изгоняют правдивого, который ищет совета у бога.

Наполняют благородным металлом того, имя кого — грабитель;

Отторгают от дохода того, пропитание которого скудно.

Вручают власть победоносному, сходка у которого —

злодеяние;

Слабого унижают, бьют несильного.

Вот и меня, ослабевшего, преследует благородный».

Ут-напиштим, наоборот, призывает в своем поучении:

«Не клевети, говори прекрасное!

Не говори зло, хорошее вещай!

У того, кто клеветет, говорит зло,

В отплату за это потребует бог солнца головы его.

Не открывай рот твой широко, губы свои придержи!

Слова внутренностей твоих высказывай не сразу!

Если ты теперь говоришь быстро, захочешь потом взять

[слова свои] обратно

И научить молчанию должен ты ум свой и строгости.
Ежедневно почитай бога твоего
Жертвой, молитвой и правильным благовонием!
К богу твоему можешь ты иметь склонность сердца.
Это то, что подобает богу.

.....
Богобоязненность создает благополучие,
Жертва продлевает жизнь,
А молитва отпускает грехи.
Кто боится богов, того не презирает бог его».

V

КЛИН И РИСУНОК В СТРАНЕ ХАТТИ

Объяснение языка хеттских клинописных табличек и
дешифровка хеттских иероглифических надписей

Таинственно,
Как в дымке золотой,
В лучах шагающего солнца,
Выросшая на глазах,
Благоухая тысячей вершин,
Цвела Азия...

Гельдерлин, Патмос

Вероятно, ни одна тайна не казалась столь непроницае-
мой, как эта

История объяснения языка хеттских клинописных тек-
стов и дешифровки хеттского иероглифического письма,
как, впрочем, и объяснения языка, на котором составлены
эти иероглифические тексты, отличалась от истории объяс-
нения и дешифровки египетской письменности и клинописи
по крайней мере одной особенностью.

Сведения о египтянах дошли до нас, пройдя сквозь ты-
сячелетия; греческая литература и драма воздвигли вечный
памятник персам; но хеттов как народ пришлось открывать
заново!

Не то чтобы даже и имя их кануло в вечность и оконча-
тельно изгладилось из памяти человечества: его сохранила
для нас книга книг, сокровищница самых разнообразных
сведений — Библия; этот народ: хеты, хеттеяне — правда
лишь вскользь, упомянут там в нескольких местах.

Во всяком случае одно место в Библии должно заставить нас насторожиться. Мы имеем в виду описание смерти и похорон Сарры (Бытие, 23, 1 и сл.):

«Жизни Сарриной было сто двадцать семь лет: вот лета жизни Сарриной. И умерла Сарра в Кириаф-Арбе, [который на долине], что ныне Хеврон, в земле ханаанской. И пришел Авраам рыдать по Сарре и оплакивать ее. И отошел Авраам от умершей своей и говорил сынам Хетовым, и сказал: „Я у вас пришелец и поселенец; дайте мне в собственность место для гроба между вами, чтобы умершую мою похоронить от глаз моих”».

Сыны Хета ответили согласием. И далее мы читаем: «Авраам встал и поклонился народу земли той, сынам Хетовым; и говорил им...».

У Ефрона, «хеттеянина», Авраам за «четыре сиклей серебра» приобретает поле и пещеру на нем «в слух сынов Хетовых», и пещера эта становится его семейным склепом «перед очами сынов Хета».

Таким образом, хеты, или хеттеяне, ко времени патриарха Авраама были, вне всякого сомнения, оседлыми и господствовали над Ханааном. Казалось бы, намек, на который нельзя не обратить внимание. К тому же он был не единственным. Еще яснее говорит об этом Библия в IV Книге Царств, глава 7, стих 6, где описывается освобождение Самарии:

«Господь сделал то, что стану сирийскому слышались стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно, нанял против нас царь израильский царей хеттейских и египетских, чтобы пойти на нас».

Стало быть, цари хеттов — в союзе с царями Египта, фараонами, наиболее могущественными повелителями того времени, сами же хетты — грозная сила, а совсем не мелкий народ, упомянутый в ряде других мест Библии среди прочих незначительных племен и народностей!

Очевидно, приведенные места из Библии уже намного раньше дали бы пищу для размышлений, если бы имелось хотя бы еще одно свидетельство какого-либо памятника об этом исчезнувшем народе; ведь в глазах науки XIX века Библия была довольно подозрительным свидетелем.

Странно слышать об этом предубеждении сегодня, и уже совсем непонятно, как оно могло возникнуть в те годы неутомимого исследовательского порыва, блестящих достижений ар-

хеологии и филологии. Мысленно обозревая прошлое человечества, мы, вероятно, в состоянии объяснить это только противоречивостью наследия великой эпохи просвещения: неустанным стремлением к знаниям и истине в сочетании с некритическим пренебрежением ко всему тому, что некогда рассматривалось как единственный кладезь познания и истины.

Когда-то Колумб открыл Америку, не ведая об этом. А 320 лет спустя нечто подобное произошло и с «открывателем» Хеттского царства. Он умер, не подозревая, что сделал находку, которой было предназначено даровать миру новый «старый свет».

Он носил весьма почетный на Востоке титул «хаджи», умер «шейхом Ибрагимом» и был похоронен на мусульманском кладбище в Каире со всеми почестями, приличествующими великим мусульманского мира. А родился он Иоганном Людвигом Буркхардтом 24 ноября 1784 года в Лозанне и был отпрыском известной базельской семьи патрицьев и ученых. В Лейпциге, Геттингене и Лондоне он изучал естественные науки и арабский язык с тем, чтобы вскоре отправиться в Африку по поручению Британского королевского африканского общества. В феврале 1809 года на борт корабля, отплывающего на Мальту, взошел молодой швейцарец, а уже в Мальте ловко сидящее восточное одеяние ничем не выдавало европейского происхождения многообещающего юноши. Отсюда, снабженный депешами Ост-индской компании, он отправился в Алеппо. Более трех месяцев он проводит в Сирии, обосновавшись под видом купца сперва в Алеппо, а затем в Дамаске; с головой погружается в изучение истории, географии и языка арабов, путешествует по Ливану, Хаурану и Заиорданию. Из Каира, где египетский реформатор Мухаммед Али (уже известный нам по главе, посвященной египетским письменам) снабдил его соответствующими рекомендациями, Буркхардт отправляется в Нубию, откуда, однако не совсем по своей воле (он спасался от нильских берберов), возвращается в Суакии на Красном море и переправляется в Джидду. А здесь его уже манит близкая Мекка.

Конечно, Буркхардт, «неверный», не смог бы посетить этот «святой» город. Поэтому он приглашает двух ученых арабов основательно проэкзаменовать его в религии и законе пророка. Оценка оказалась высокой: он беспрепятственно по-

сетил Мек
сяца и сов
Буркхардт
репствова
7 октября
путного ка
дованиям.
щество от
ных описа
изложения
мым коли

Да, но

открыл и

Во вре

зар в си

стической

камень, п

гурки и

глифы, н

Это за

вий по С

ле его см

историче

риала, к

дие Бур

открытие

очевидно

а поэтом

Хама

рично, н

риканцы

няться

Огастес

ра докт

ображе

что нек

тый на

рассма

шат, м

мень н

гих! Н

«невер

сетил Мекку, даже прожил в запретном городе четыре месяца и совершил паломничество к горе Арафат. В 1815 году Буркхардт увидел Медину. В 1816 году, когда в Каире свирепствовала чума, он исследовал Синайский полуостров, а 7 октября 1817 года скончался в Каире, где в ожидании попутного каравана отдавал все время своим записям и исследованиям. Из его наследия Лондонское географическое общество отобрало и издало целый ряд чрезвычайно интересных описаний путешествий, отличающихся как доступностью изложения, надежностью и точностью, так и почти необозримым количеством ценнейших наблюдений.

Да, но причем здесь хетты? Как мы уже говорили, он открыл их буквально походя, не подозревая об этом.

Во время одного из путешествий Буркхардт посетил базар в сирийском городе Хамá, библейской Хамате, эллинистической Эпифанее на Оронте. Там в глаза ему бросился камень, покрытый причудливыми линиями. Маленькие фигурки и знаки, замечает он мимоходом, напоминают иероглифы, но совершенно отличны от египетских.

Это замечание мы находим на 146-й странице «Путешествий по Сирии и Святой земле», изданных через пять лет после его смерти. При той полноте географического, культурно-исторического, филологического и археологического материала, которую предоставило в распоряжение науки наследие Буркхардта, становится, между прочим, понятно, что это открытие не обратило на себя внимания, да и сам Буркхардт, очевидно, не смог оценить все значение и важность находки, а поэтому удостоил ее только несколькими строчками.

Хаматскому камню было суждено быть открытым вторично, но только через 60 лет. Это было время, когда американцы пришли к мысли, что им тоже не мешало бы заняться Древним миром. Американский генеральный консул Огастес Джонсон в сопровождении своего друга, миссионера доктора Джессапа, посетил в связи с этими высшими соображениями базар в Хамá. И здесь они высмотрели то, что некогда привлекло внимание шейха Ибрагима: покрытый надписями камень на углу базара. Они с интересом рассматривают его, изучают, насколько это возможно, и слышат, между прочим, от местных жителей, что подобный камень не единственный, что недалеко имеются еще три других! Но вся эта картина мгновенно изменилась, как только «неверные» принялись копировать надписи. Умолкли слово-

охотливые рассказчики, присутствовавшие приняли угрожающий вид, и постепенно вокруг европейцев собралась толпа враждебно настроенных местных жителей. В воздухе отчетливо запахло побоями, а потому Джонсон и Джессап оставили место действия с быстротой, напоминавшей обычное бегство. Ненамного лучше обошлись жители Хамá с представителями Общества по исследованию Палестины Дрейком и Пальмером, посетившими этот город на следующий год, а также с прославленным путешественником капитаном Бартоном, которому, впрочем, удалось сделать пару грубых набросков. Все они только портили дело, проявляя повышенный интерес к камню. В конце концов жители Хамá, и без того пользующиеся славой фанатиков, стали угрожать разрушением камня и надписи!

Возможно, они и привели бы свою угрозу в исполнение, если бы план этот не был сорван вмешательством вышестоящей инстанции. Этой инстанцией оказался Субхи-паша, новый наместник Сирии, приступивший к исполнению своих обязанностей в 1872 году, человек вполне образованный и, так сказать, проникнутый духом времени. Прослышав о камне, он счел возможным лично отправиться в путь. Субхи-паша пригласил с собой британского консула в Дамаске Кирби Грина и действовавшего в том же городе ирландского миссионера Вильяма Райта. Они нашли и этот камень, и еще четыре других. Три из них были вделаны в отдельные постройки: первый — в стену одного из домов квартала живописцев, второй — в стену сада, третий — в стену маленькой лавчонки, находившейся напротив резиденции французского вице-консула. Четвертый же камень свободно лежал в том же квартале живописцев и был особенно дорог горожанам, которые приписывали ему чудодейственную силу. Больше всех уверовали в эту силу ревматики; они протирались на камне — и «исцелялись» в мгновение ока, разумеется, если одновременно зывали к Мухаммеду или к христианским святым!

Патер Вильям Райт и наместник, конечно, предвидели, что добровольно им камень не отдадут. Но зачем же тогда Субхи-паша был наместником? И разве у наместника нет солдат? В итоге место работы окружили хорошо вооруженными постами, не без труда выломали камни и, наконец, вывезли под прикрытием охраны, после чего сразу же разыгрались бурные сцены. Камни были доставлены в столицу

Османской империи
новый город Сирия, а гит
Вильям
Так хам
след. вател
Американский
Джонсон. Ж
надолго заня
и первые отв
Американе
крытую подо
Тэйярдом
ну» полагало
гим) предло
нию, это могл
рода, о кото
мощной руко
египетскими
Прежде че
бы предупред
в виду, когда
кознание оста
ем и расцвел
текти новые
создавалась
ководная нау
достоиние ши
рое поколени
нописи.
К этим де
хеттского иер
«хеттских» яз
Сейса, прише
славы ассири
Сейс, воп
был не англ
ной знатной
лийский язык
Как и вся
ный исследов

Османской империи Стамбул (Хама же — всего-навсего главный город одного из бывших санджаков турецкого вилайета Сирии), а гипсовые отливки, которые распорядился сделать с них Вильям Райт, отправили в Британский музей в Лондон.

Так хаматские камни оказались в руках английских исследователей и стали доступны всем европейским ученым. Американским ученым сообщил об этих находках Огастес Джонсон. Животрепещущий вопрос об авторах надписей надолго занял умы как по эту, так и по ту сторону океана. И первые ответы не заставили себя ждать.

Американец доктор Хейс Вард обратил внимание на покрытую подобными же надписями печать, найденную еще Лэйярдом в Нимруде в 1849 году. Патер Райт (ему «по чину» полагалось большее знакомство с Библией, нежели другим) предложил библейское решение загадки: по его мнению, это могли быть только язык и письменность хеттов, народа, о котором из Библии было известно, что он некогда мощной рукой правил Сирией и поддерживал отношения с египетскими фараонами.

Прежде чем продолжать наше повествование, мы хотели бы предупредить читателя, что он должен все время иметь в виду, когда были сделаны эти находки. Археология и языкознание оставили позади крутой, почти вертикальный подъем и расцвели, как никогда ранее; нескончаемым потоком текли новые открытия в области иероглифики и клинописи; создавалась египетская и аккадская филология, а вся восточковедная наука превращалась из замкнутой дисциплины в достояние широкой публики. Еще живо было и более старое поколение, помнившее дешифровку иероглифов и клинописи.

К этим десятилетиям, когда завершилась дешифровка хеттского иероглифического письма и были открыты оба «хеттских» языка, относится деятельность Арчибальда Генри Сейса, пришедшего из лагеря молодой, сияющей в лучах славы ассириологии.

Сейс, вопреки утверждениям многих (но не британцев), был не англичанином, а валлийцем, происходил из старинной знатной и зажиточной валлийской семьи и считал валлийский язык своим родным языком.

Как и всякий уважающий себя кельт, этот необыкновенный исследователь был не прочь помудрствовать и пофило-

софствовать, а то и присочинить (последняя склонность сыграла с ним не одну шутку в его работе). В то же время он отличался способностью зажигать коллег своими идеями и обладал бьющим через край темпераментом, который также охотно приписывается его соплеменникам. Глубокая религиозность и исследовательский порыв отличали его до самого конца жизни.

Еще и речи не было о «хеттах», когда весьма восприимчивый ко всяким болезням малыш посещал школу в Бате. В 10 лет он читал Вергилия и Гомера; в 18 уже был знаком с древнееврейским, египетским, персидским и санскритом. В 20 лет он добился стипендии и был принят в Оксфордский университет. В 30 лет он стал в нем профессором и долгие годы пребывал на этом посту: 15 лет на кафедре сравнительного языкознания и затем почти 30 лет — на кафедре ассириологии. Он умер в преклонном возрасте 4 февраля 1933 года. В Квинс-колледже, членом коллектива которого Сейс был в течение 64 лет, он все эти годы жил в одной и той же скромной квартире.

Но Сейс немало находился и в пути. Он не жалел ни времени, ни денег и готов был вынести любые трудности, чтобы еще больше расширить свои и без того почти неограниченные познания. Именно поэтому-то он однажды до полного изнеможения стоял по пояс в воде в древнем тоннеле Силоах, под Иерусалимом, во что бы то ни стало желая скопировать известные ханаанские оросительные надписи; год спустя он уже карабкался вверх и вниз по скалам безводной Южноаравийской пустыни, срисовывая нацарапанные на них граффити. Местные жители полюбили чужестранца и называли его не иначе как «безумным муллой», «отцом плоской чалмы», «отцом очков» или даже «обладателем ласточкина хвоста», который весьма напоминали фрачные концы его священнической одежды. Ее Сейс не снимал даже во время своих поездок. В более поздние годы А. Г. Сейс объездил тихоокеанские острова, где однажды тяжело заболел; едва встав на ноги, он вновь принялся за изучение культуры полинезийцев. Культы яванцев и жителей Борнео привлекали его внимание в не меньшей степени, чем примитивные религии Гвинеи; японский буддизм, введение несторианами христианства в Китае — все интересовало неутомимого ученого. Он смог сделать то, что мало кому удавалось до него и, пожалуй, после него тоже, — вдохнуть в своих много-

численности
Дальнего
Несмотря
ся в раз
не сомне
на этом
том, что
строен ске
нет ничего
преданнос
теологии.
такие наб
что еще т
сей. Хоро
университе
статьей, ка
бо другой
знаки сли
предполож
идеограрм
нописным
чества, уж
дов по от
азиатских
них с важ
вдобавок
падежа —
Правда
еще довол
блюденне
году очер
сделано д
и косвенн
тьего, яз
путешеств
узнал в г
та остатк
ния, кото
известно
Там были

численных книгах жизнь в мертвую историю Ближнего и Дальнего Востока.

Несмотря на свою молодость, Сейс был призван вмешаться в разгоревшуюся вновь дискуссию по поводу хеттов. Он не сомневался, что речь шла именно о них, и категорически на этом настаивал. Между прочим, позднее его упрекали в том, что, когда дело касается Ветхого завета, он всегда настроен скорее ортодоксально, нежели критически. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание его преданность делу англиканской церкви и звание доктора теологии. Однако тот же Сейс сумел принести в дар науке такие наблюдения, которые выходили за пределы всего того, что еще только предполагалось по поводу хеттских надписей. Хорошо разбираясь в клинописи еще до поступления в университет, он в 18 лет ошеломил Хинкса и Норриса своей статьей, касающейся этого предмета; именно он, а не кто-либо другой правильно увидел, что открытые к тому времени знаки слишком многочисленны для алфавитного письма. Он предположил, что надписи составлены слоговым письмом с идеограммами и детерминативами, подобно аккадским клинописным текстам. И тот же Сейс на вершине своего творчества, уже выступивший с целым рядом новаторских трудов по открытию и дешифровке самых различных малоазиатских и месопотамских языков и письменностей, и среди них с важнейшей статьей о шумерском языке, этот же Сейс вдобавок опознал в часто встречающемся хеттском знаке

грамматический суффикс-окончание именительного падежа — s.

Правда, как уже говорилось, наличный материал был еще довольно скуден. Его увеличение связано с одним наблюдением, побудившим Британский музей начать в 1876 году очередные раскопки. Само же это наблюдение было сделано Джорджем Смитом, который, таким образом, хотя и косвенно, вошел в историю дешифровки еще одного, третьего, языка и письменности. Во время своего последнего путешествия Смит (как и английский консул в Алеппо Скин) узнал в громадном холме у Джараблуса в излучине Евфрата остатки древнего города Каркемыш, того самого поселения, которое из египетских и клинописных источников было известно как центр хеттского могущества в северной Сирии. Там были найдены надписи, составленные точно такими же

знаками, как и надписи на хаматских камнях. А вскоре при раскопках, проведенных Британским музеем, были извлечены и другие надписи, а также скульптуры.

По правде говоря, статуи в гораздо большей степени, чем надписи, открыли глаза Сейсу. Внезапно он вспомнил, где видел нечто подобное: такой же в точности стиль характеризовал множество высеченных в скале скульптур, открытых некогда путешественниками в Малой Азии, но не привлекавших особого внимания. Найдены они были в деревне Богзкёй, приблизительно в 150 километрах от Анкары, а также неподалеку от этой деревни, в Язылыкая; кроме того, в Мараше — в северной Сирии, и в Карабеле — на западном побережье Малой Азии. Но это могло только означать, заключил Сейс (несколько поспешно, как мы теперь знаем), что хетты были вовсе не незначительным северосирийским племенем среди прочих таких же племен, как многие тогда еще полагали, и что их огромное царство простиралось от Смирны на западе и до Хаматы на Оронте на юге!

Вырубленное в скале святилище Язылыкая, «Исписанной скалы», находившейся неподалеку от деревни Богзкёй, стало известно одновременно с этим поселением уже благодаря трехтомной работе французского путешественника Шарля Тексье — «Описание Малой Азии»¹. К сожалению, эти три тома увидели свет в момент, когда всеобщее внимание было приковано к египетским иероглифам и клинописи. Поэтому, несмотря на солидные и по тем понятиям выдающиеся иллюстрации, этот труд не возбудил того интереса, которого он заслуживал. Среди скульптур из Язылыкая есть необычайно внушительная, строго скомпонованная процессия богов, найденная в одной из «боковых камер». Многие фигуры этой группы сопровождаются краткими подписями (такими, как мы видели в Бехистуне), причем каждая начинается со знака . Сейс, уже искушенный в клинописи, немедленно приступил к сравнению этих подписей с изображениями, к которым они относились, и вскоре опознал в этом знаке детерминатив (и одновременно идеограмму) понятия «бог».

В ноябре 1880 года Сейса озарила идея, приведшая его к следующему блестящему открытию. Ему вспомнилось как-

¹ Ch. Texier, *Description de l'Asie Mineure*, Paris, 1839—1849.

то, что в одном немецком научном журнале он читал в описании самого автора находки о своеобразной серебряной пластинке. Человеком, нашедшим ее, а лучше сказать — научно ее открывшим, был выходец из Гамбурга, немецкий исследователь Востока доктор А. Д. Мордтманн, занимавшийся дешифровкой и объяснением урартских клинописных текстов с озера Ван.

Между прочим, в этой области начал с успехом продвигаться и Сейс. Последний в ходе своих исследований наткнулся на приведенное Мордтманном описание упомянутой серебряной пластинки.

Эта «печать с клинописью», которую Мордтманн рассматривал «как самую западную ветвь армянской системы письма и клинописи вообще», состояла «из не очень толстой серебряной пластинки в форме сегмента шара $16\frac{1}{3}$ англ. линии ($= 3,3$ см) в диаметре и $1\frac{1}{2}$ англ. линии ($= 0,7$ см), так что весь шар должен был бы иметь диаметр приблизительно в $19\frac{3}{4}$ линии ($= 4$ см). Ее приобрел в Смирне купец и гуманист А. Келли. Печать, как сообщают, до сих пор, вероятно, находится в Британском музее.

Внутренняя поверхность гладкая, и ничего особенного на ней нет, только видны отдельные следы того, что она некогда была приварена к рукоятке. Выпуклая поверхность разделена на две части. В верхней части, в середине изображен стоящий воин, повернувшийся вправо, он одет в расшитый плащ, на голове надето сидящая шапка, на ногах обувь с загнутыми кверху носами; в правой руке он держит копье, в левой — щит. На груди плаща; наконец, можно видеть еще рукоятку копья или кинжала, причем с правой стороны; последнее обстоятельство с самого же начала доказывает, что мы имеем дело с печатью. Но обе стороны видны различные символы.

Чтение Мордтманном клинописного текста этой печати имело столь далеко идущие последствия, что мы считаем своим долгом привести его здесь. Оно содержит в зародыше два обстоятельства, повлиявшие в дальнейшем на всю историю клинописи: во-первых, сенсация удивительнейшего открытия Сейса и, во-вторых, роковое заблуждение, которое, будучи позднее подхвачено одним немецким

¹ A. D. Mordtmann, *Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilschriften von Van und der Umgegend*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd XXVI, 1872, S. 625.

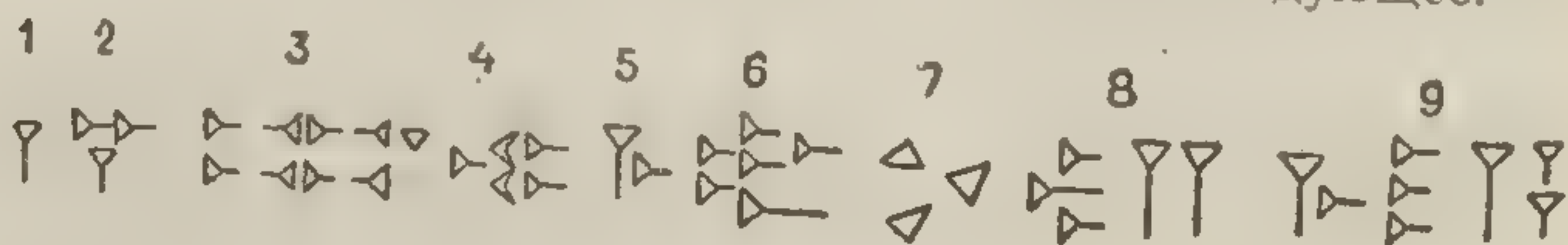

Рис. 54. Оттиск печати Таркумвы, явившейся отправным пунктом дешифровки хеттского иероглифического письма

ученым и защищаемое им с прямо-таки железным упрямством, в течение десятилетий сильнейшим образом сдерживало и тормозило дело дешифровки хеттских иероглифов.

Приводим важнейшие положения из статьи Мордтманна: «Внешний круг содержит начертанную клинописью легенду; она состоит из девяти клинописных групп и начинается в том месте, на которое указывает пальцем фигура. Однако поскольку это печать, следует прежде всего сделать оттиск, после чего надпись будет представлять собой следующее:

Группы номер 1, 6 и 7 являются идеограммами, из них номер 1 и номер 7 равнозначны подобным группам в вавилонской, ассирийской и армянской системах, номер 1 — детерминатив для личных имен, номер 6 в вавилонской системе — идеограмма „царь“, а номер 7 — детерминатив названий страны. Таким образом, смысл надписи — „NN царь страны NN“. Речь идет, собственно, лишь о том, чтобы прочесть сами имена. Первое имя звучит:

2 3 4 5
Tar ku dim mi¹

¹ Ibid., S. 626.

Затем Мордтманн приходит к некоторым соображениям, свидетельствующим о его проницательности, комбинационных способностях и начитанности. Здесь мы даем в сильно сокращенном виде важнейшее из его соображений и делаем это в первую очередь потому, что даже в специальной литературе имеют привычку приписывать заслуги в этих комбинациях исключительно Сейсу, который, однако, как мы видим, лишь подхватил идею Мордтманна, и то спустя восемь лет. С другой стороны, необходимо указать и на зародыш той несчастной ошибки, всю вину за которую впоследствии свалили на немецкого исследователя Петера Йенсена...

Итак, исходя из своего чтения клинописной легенды, Мордтманн приходит к названию страны «Тарсун», затем читает всю надпись — «Таркудимми царь Тарсуна» — и обосновывает это толкование, которое он сам же называет «на первый взгляд более чем рискованным», следующим образом:

«Памятники Ниневии, Вавилона и Персеполя или дают очень мало, или совсем не дают аналогий с нашей печатью...

Если же мы обратимся к Передней Азии, то сразу же обнаружим целую серию подобных аналогий. Так, например, загнутая вверх обувь встречается на монументах Уюка, Богазкёя и Эрегли в Каппадокии, как, впрочем, и на памятниках из Карабеля под Смирной; такую же форму кинжала мы видим в Богазкёе, копья в Карабеле, в последнем же мы находим и безбородую фигуру князя. Единственно лишь вышитый плащ и шлем являются украшениями, которые не встречаются на переднеазиатских памятниках.

Уже эти аналогии вынуждают нас все более склоняться к мысли о Передней Азии, нежели о Месопотамии или Персии, и отнести печать к времени, предшествующему эпохе Ахеменидов. К тому же есть и прямые указания для локализации нашей печати в Киликии»¹.

Мордтманн привлекает Геродота, который в 91-й главе VII книги описывает киликийских воинов, служивших в войсках Ксеркса:

«Киликияне... имели на головах туземные шлемы, вместо щитов имели тарчи из сырой бычачьей кожи и одеты были в

¹ Ibid., S. 627.

шерстяные хитоны. Каждый из них вооружен был двумя
длинными и мечом, очень похожим на египетский нож»¹.

Это описание, поясняет Мордтманн, «во всех отношениях
согласуется с костюмом Таркудимми».

В добавление к вышесказанному он ссылается на частое
упоминание этого имени в Киликии и выделяет имя, приве-
денное у Плутарха в форме «Таркондемос». Последнее об-
стоятельство свидетельствует, по мнению Мордтманна, что
имя «Таркудимми» на его печати, зафиксированное в иска-
женной форме у греческого писателя, должно было хотя бы
в этой форме сохраниться до недавнего прошлого.

Но затем Мордтманн впадает в ту самую ошибку, о ко-
торой речь была выше. Стремясь предупредить возможные
возражения в связи со слабой аргументацией его собствен-
ного чтения имени Тарсун, он уже заранее допускает спра-
ведливость этих возражений и предлагает в виде альтерна-
тивы «Цусун», рассматривая его как первоначальную фор-
му «хорошо известного имени Сиеннес. Один такой Сиеннес
объединился в 600 году до нашей эры с Лабинетом, царем
Вавилона... и очень легко допустить, что Таркудимми на его
печати и был как раз этим Сиеннесом»².

Он «как раз» им и не был, хотя так считали в течение
десятилетий, а именно до 1932 года!

Но вернемся к печати. Сейс, в 1880 году вспомнивший об
этой «серебряной пластинке», немедленно же запросил Бри-
танский музей. Там выяснили, что такая пластинка, кажет-
ся, и в самом деле предлагалась для продажи, но была воз-
вращена владельцу как возможная подделка — ведь никто
никогда не видел подобных вещей! При всем том с нее не
преминули «на всякий случай» изготовить гальванопласти-
ческую копию! И к счастью. Последняя и была передана
Сейсу для исследования.

При ее помощи Сейс сделал то блестящее открытие,
которое уже одно навсегда связало его имя с хеттологией.

Как и Мордтманн, он указал на головной убор централь-
ной фигуры и на ее обувь с загнутыми носками. То и другое
тем временем уже стали считать предметами «хеттского»

¹ Здесь по кн.: Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко,
т. II, стр. 174.

² A. D. Mordtmann, *Entzifferung und Erklärung der armenischen Keil-
schriften von Van und der Umgegend*, S. 628.

гуалета. Клинописный текст, однако, он читал несколько иначе. Tar-ik-tim me šar maš ki-me-e «Гариктимме, правитель страны Эрме». Сегодня это имя повсюду читают, как Таркумува, а весь текст — так, как показано на рисунке 55.

Tarku-muwa ЦАРЬ *Me-ra-a* СТРАНА
«Таркумува, царь страны Мера»

Рис. 55. Фонетическое чтение печати Таркумувы

Здесь мы должны установить строгое различие между заслугами Мордтманна и тем, что сделано Сейсом. Указание на Малую Азию, точная локализация в Киликии, верно прочитанная (по крайней мере в отношении строя и характера надписи) клинописная легенда — все это уже удалось сделать немецкому ученому. Но он не заметил самого важного, открытие чего является неоспоримой заслугой Сейса.

Знакомый с ранее найденными хеттскими надписями и их своеобразными письменными знаками, а также в равной мере и с клинописью, Сейс сначала заподозрил, а затем и ясно понял, что те «символы», о которых говорил Мордтманн, были письменными знаками — хеттскими иероглифами и что текст, составленный этими знаками, должен был соответствовать клинописной легенде. В самом деле, «симво-

лы» уже встречались в Каркемыше и Хама-те, и если предположить, что иероглифический текст печати представляет собой параллель к клинописной легенде, то эти символы должны соответствовать словам «страна» и «царь»; за ними, вне всякого сомнения, стоял знак для *tar*. Итак, были получены идеограммы и слоговой знак — первый проблеск, который к тому же осветил нечто весьма важное в характере новой письменности!

Можно было бы спросить: неужели Мордтманн не заметил иероглифы? Нет, он их видел и даже объяснял, причем объяснение звучало в то время очень убедительно, как, впрочем, убедительно оно звучит и сейчас... правда, для дилетантов.

«Изображенные на печати символы указывают нам на Киликию, козлиные головы осведомляют нас относительно того, чем в первую очередь богата горная часть Киликии, тогда как следующий знак, равно как и пшеничные зерна, намекает на необычайное плодородие киликийских равнин; обелиски являются точным рисунком жилищ в местности западнее Цезареи в Каппадокии, которая тогда... принадлежала Киликии... а пальмовая ветвь в таком случае могла бы служить гербом этого же сирийского округа. Таким образом, вся печать — это интересный образец древнейшей геральдики, аллегорически изображающей земли, подвластные скипетру монарха»¹.

Только взглянув на это, казалось бы, столь убедительное объяснение, можно измерить всю величину первого шага, сделанного Сейсом, и оценить значение его толкования печати, решающее для последующей дешифровки.

Правда, эта надпись оказалась более чем скудной для того, чтобы служить билингвой. Почти ничем не помогала она и в установлении звуковых значений — идеограммы, как известно, не дают никаких разъяснений по этому поводу.

Между тем были открыты новые памятники: печать из Ниневии, покрытая надписями базальтовая чаша, надпись из мечети в Алеппо. Но прежде всего следует отметить два особенно прекрасных образца: врезанную в камень надпись из Бота в Анатолии и начертанный рельефными буквами текст, который покрывал спину и бока одного из львов, украшавших ворота северосирийского города Мараша.

Вначале эти находки не очень способствовали дальнейшей дешифровке, хотя в совокупности и создали основу для написания Вильямом Райтом известной книги «Империя хеттов»², куда Сейс дал главу о языке. В этой главе он раз и навсегда отвергает предположение о том, что язык хеттов — семитский, и устанавливает, что хетты пришли в Сирию из Анатолии с целью завоевать эту страну, над которой они затем, согласно египетским и месопотамским источникам, господствовали в XIV и XIII веках до нашей эры. И далее Сейс делает новый вклад в дешифровку, опознав окончание именительного падежа -s в знаке , окончание

¹ Ibid.

² W. Wrights, *The Empire of the Hittites*, [London.] 1884.

винительного падежа -п в знаке и детерминатив для «города» . Здесь он уже указывает и на одно имя, имя

бога «Зандес», почитаемого некогда в Тарсе (в Киликии). Впоследствии этот бог под именем Шанташ будет играть известную роль в истории дешифровки.

Сенсационные находки этих лет, которые мы в общих чертах перечислили выше, а также все яснее выявляющаяся тесная связь между ассирийскими древностями и новонайденными памятниками вызвали целое нашествие путешественников и экспедиций в Малую Азию. А это в свою очередь привело к новым ценнейшим находкам. Англичанин сэр Вильям Рамсей, немцы Карл Хуманн и Отто Пухштейн, австрийцы Феликс фон Люшан и граф Ланкоронски, француз Шантр и американец Вольф нашли новые скульптуры и надписи. Прошло всего лишь 30 лет со времени открытия Хаматского камня, но оно казалось уже таким далеким. И когда немецкий ученый Леопольд Мессершмидт выпустил в 1900 году свой «Corpus Inscriptionum Hettitarum», он уже смог собрать, тщательно просмотреть и образцово издать в нем около ста надписей, в том числе 37 больших текстов из Малой Азии и северной Сирии (благодаря последующим дополнениям и восстановлениям число их было доведено до 42).

Это собрание надписей вызвало среди представителей ученого мира подлинное соревнование за более глубокое проникновение в тайны памятников, дешифровку письменности и объяснение языка.

Впрочем, следует отметить некоторый прогресс в данной области и в период, предшествующий этому всеобщему напору. Так, французский исследователь Ж. Менан в 1890 году открыл, что рисуночный знак, которым начинались многие надписи и который изображает человека, указывающего на самого себя, означает «я» и соответствует подобному же египетскому иероглифическому знаку. Сейс, между прочим, предполагал, что изображенный в знаке человек показывает на свой рот и сам знак означает «я говорю» или, в третьем лице, «он говорит».

Немецкий ассириолог Пайзер в 1892 году также внес свою лепту в общее дело дешифровки, сообщив в своей

вообще довольно неудачной книге, что им опознаны словоразделитель $\text{I}(\text{C}$ и знак I , , который мог указывать на наличие идеограммы.

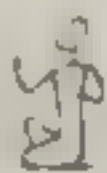

Рис. 56. Иероглифический знак «я» в египетской и хеттской иероглифических письменностях

Но еще прежде чем появился мессершмидтовский «Сог-рис», на великий призыв к совместному наступлению на всю письменность хеттов и к раскрытию ее тайны в Германии горячо откликнулся один человек, большое влияние которого скажется на всех дальнейших исследованиях, и скажется в двойном смысле. В ранние годы он сообщил этим исследованиям импульс самого решающего значения, но зато его более поздние работы стали помехой, на десятилетия затормозившей дешифровку. Его высказывания о коллегах и их трудах, изобиловавшие личными выпадами, привели к ученому спору, по ожесточению и запальчивости участников сравнимому, пожалуй, с учеными распрями XIX века.

Петер Иенсен был последним представителем славного поколения немецких ассириологов. Сын фризского пастора, он прошел такой же путь, как и почти все ориенталисты его времени: от теологии, изучение которой Иенсен начал в Берлине, к востоковедению. В 1880 году он стал доцентом в Страсбурге, в 1892-м был приглашен в качестве профессора в Марбург, где свыше 40 лет и протекала его деятельность. Один из учеников великого Эбергарда Шрадера, он вскоре сам стал великим для молодого поколения, а влияние его личности и учебной деятельности прослеживается до 1940 года.

Иенсен был стопроцентным ассириологом и заслужил прочную славу работами о космогонии вавилонян и обработкой древних эпосов и мифов в «клинописной библиотеке»¹. Значительным трудом, в котором, по его собственному мнению, он достиг вершины своей деятельности, были два толстых тома «Эпоса о Гильгамеше в мировой литературе». Здесь он пытался доказать, что почти все историческое пове-

¹ «Keilschriftliche Bibliothek», Bd VI.

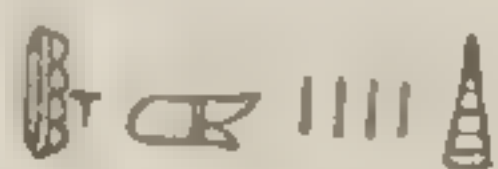
ствование израильтян в том виде, как оно записано в Библии, является местным, израильским вариантом мифа о Гильгамеше и что к этим же израильским сказаниям о Гильгамеше восходят сообщения Евангелия об Иоанне Крестителе, Иисусе и Павле, а кроме того, большая часть греческих сказаний, сказания римлян царской эпохи, традиции о Мухаммеде и Будде, равно как северные саги и индийский эпос! Понятно, что теория Иенсена вызвала резкие возражения, а всеобщая перепалка в свою очередь привела к тому, что сам он стал замкнутым, упрямым и крайне нетерпимым — одним словом, он приобрел такую черту в характере, при знакомстве с которой многие его коллеги приходили к мысли, что им нанесли оскорбление.

При всем том начало занятий Иенсена хеттским языком было весьма многообещающим. Его манера исследования отличалась глубиной и вдумчивостью; жажда комбинаций и упорство, с которым он старался идти по раз обнаруженным следам, уже довольно рано побудили его, помимо ассириологии, попробовать свои силы в дешифровке неизвестных письменностей. Целый год он занимался египетскими иероглифами. Хеттские находки привлекали его пристальное внимание, и гипсовый слепок львов из Мараша украшал его рабочий кабинет. Еще в 1894 году (за шесть лет до того, как появился мессершмидтовский «Согрус») Иенсен представил довольно широко задуманный план дешифровки; этот же план в 1898 году он вновь преподнес читателям в своей книге «Хетты и армяне», правда, в более удобочитаемом виде. Уже само название книги указывает на основную ошибку: Иенсен предполагал, что хеттскими иероглифами писали на позднем урартском языке. И все же, исходя из тех немногих достоверных результатов, которые получили его предшественники, и в особенности Сейс, он добился правильного чтения названия города Каркемыш, часто встречающегося в надписях, найденных на месте города. Далее, он опознал в текстах один титул и указательное местоимение «этот», а также увидел, что «эдикула», образованная из знака «крылатого солнца» и иероглифического знака «царь», окружает, наподобие египетских царских картушей, имя правителя.

Что касается метода, то Иенсен в своей попытке дешифровки избрал новый путь, которому, быть может, довелось бы стать столбовой дорогой дешифровки, если бы сам Иен-

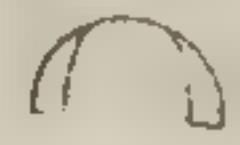
Он последовательно прошел его до конца, как сделал позднее один ученый, вознагражденный за это прекрасными результатами. Но Иенсен заблудился и безнадежно погряз в ошибках. Он исходил из принципа, согласно которому вначале нужно меньше заниматься поисками звуковых значений — еще до того, как дело дойдет до исследования самого текста, необходимо понять надпись по ее внешним критериям и дать ее предположительное и построенное на исторической основе, если не сказать угаданное, содержание!

Kar-ka-me ГОРОД

Рис. 57. Название города Каркемыш, написанное хеттскими иероглифами

Это звучит довольно сомнительно. Еще больше мы укрепимся в нашем подозрении, как только проследим за применением Иенсеном своей гипотезы в работе. Уже, вероятно, с самого начала он оказался под влиянием того факта, что все известные к тому времени и верно опознанные знаки были почти сплошь идеограммами. Далее Иенсен впал в ошибку, предположив, что открытый еще Сейсом знак

 может быть только окончанием именительного падежа, поэтому всюду, где этот знак отсутствовал, он видел зависимый родительный падеж. Вооружившись этими двумя ложными посланками, Иенсен пришел, естественно, к ложному же представлению о том, что все надписи построены по образцу «некто X (который) Y (какого-либо) Z»¹, стало быть, все они, в том числе и самые длинные, являются ни повествовательными, ни описательными текстами: они не могут состоять из предложений (и не содержат даже глаголов) — это просто перечисления, монотонные ряды титулов, которые переданы идеограммами, следующими одна за другой в нерушимом порядке.

К сожалению, Иенсен до конца своих дней с неслыханным упрямством и неуместной резкостью отстаивал этот тезис. Его многочисленные ошибки не заслуживают того,

¹ J. Friedrich, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*. Stuttgart, 1939, S. 17.

итобы мы занимались ими далее. Поясним только одну из них, уже не раз упомянутую и ставшую подлинным бедствием для дела дешифровки. Это ложное чтение Иенсеном группы знаков * , которую он принял за слово «Сиеннес», титул киликийских царей греческой эпохи. Как мы уже говорили, эта ошибка всплыла и у Мордтманна, очень хотевшего найти указанное слово на печати Таркумувы.

Ясно, что при столь бесплодной гипотезе авторитетнейшего специалиста немецкая наука в этой области была обречена на застой, и прежде всего оставалась нераскрытой загадка хеттских иероглифов. Новый толчок исследовательской работе был дан совсем с другой стороны. Это явилось почти откровением, на которое — по крайней мере в том, что касается его полноты и ясности, — едва ли кто мог рассчитывать.

Правда, первое «знамение» было еще за несколько десятилетий до этого и связано оно с находкой в 1888 году в Тель-эль-Амарне (Верхний Египет) богатейшего архива клинописных глиняных табличек, составленных на аккадском языке. Особенно ценной эта находка оказалась для египтологов и ассириологов; таблички содержали остатки переписки переднеазиатских царей и фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV («царя-вероотступника» Эхнатона, с которым мы уже знакомы по египетской главе, заканчивающейся его молитвой солнцу; Тель-эль-Амарна находится на месте резиденции Эхнатона, очень не многим пережившей своего основателя).

Среди других писем-табличек там были два письма от царей Хатти», хеттских царей, в том числе поздравительный адрес некоего Суппилулиумы по поводу восшествия на трон Эхнатона, и, кроме того, многочисленные доклады о военных предприятиях хеттов в северной Сирии.

Тем самым были получены ценнейшие данные об истории обоих народов, но этим отнюдь не исчерпывалось огромное значение находок, особенно для хеттологии, хотя на первых порах на эту сторону открытия и не обратили должного внимания. Дело в том, что среди писем-табличек находились две, составленные такой же, как и все прочие, доступной для прочтения письменностью, но на совершенно непонятном языке. Новая загадка оставалась неразгаданной недолго, и когда ученые северных стран И. А. Кнудтсон, С. Бугге и А. Торп в

1902 году издали оба этих документа, названных по стране адресата «Письмами из Арцава», они уже могли с уверенностью высказать предположение, что язык этих писем — индоевропейский, древнейший из известных к тому времени языков этой группы!

Это было одновременно и много, и мало. Еще едва ли могли прочесть достоверно хотя бы одно слово, не говоря уже о целом предложении. Добавим также, что «индоевропейцы» продолжали оставаться настроенными довольно скептически, запуганные парой совершенно диких и нефилологических этимологий-пустозвонов¹ (то есть утверждений о родстве слов на основе простого созвучия).

В итоге под огнем резко отрицательной критики специалистов Кнудтсон был вынужден изъять свою теорию.

В те годы, в начале XX столетия, неожиданно сложилась ситуация, при которой все хеттологическое исследование разделилось на две ветви, как будто чья-то рука направила по двум различным потокам совместную работу, дотоле связывавшую прежде всего английских и немецких ученых и уже оправдавшую себя первыми результатами. Конечно, ученые были здесь ни при чем, и все дело заключалось в политической обстановке того времени. Это был канун первой мировой войны.

Находилась в пути посланная из Ливерпуля в Малую Азию английская экспедиция под руководством Джона Гарстака; за ней стояла фигура сэра Арчибальда Георга Сейса.

Многие годы он делал мечту, которая сама по себе не была новой: произвести раскопки в излучине Галиса у деревни Богазкёй, еще со времени Тексье известной как место, где расположены величественные руины и где Шанто еще в 1883 году нашел надписи на глиняных табличках. Претворение в жизнь плана обещало быть успешным, и в 80-х годах XIX века Сейс предложил его своему немецкому другу, которого тогда повсюду считали (правда, кроме его собственной родины!) просто «раскопщиком», — мы говорим о человеке, открывшем Трою, Генрихе Шлимане. Однако последний не смог взяться за реализацию этого плана... В длительных переговорах с турецким правительством проходили годы, и вот наконец в 1905 году Сейс получил разрешение на проведение

¹ G. Herbig, *Wege und Ziele der hethitischen Sprachforschung*, Breslau, 1922, S. 5.

Ливерпульским университетом. Уже в пути члены экспедиции были буквально ошарашены известием, что турки взяли обратно это разрешение и отвели англичанам новое место для раскопок — Каркемыш. Богазкёй же был назначен немецкой экспедиции, посланной Германским восточным обществом и покровительствуемой самим кайзером Вильгельмом II. Англичанам не оставалось ничего иного, как нанести визит вежливости немцам, уже прибывшим на место, и отправиться дальше — в Каркемыш. Деятельность их не была безрезультатна: они извлекли на свет новые и более доступные дешифровке неоглифические хеттские тексты. Но то, что судьба уготовала немецкой экспедиции, было настоящей сенсацией.

Возглавлял экспедицию опытный ассириолог и воинствующий «панвавилонист»¹ Гуго Винклер, человек полный противоречий и не слишком общительный. Отправляясь в качестве археолога в Богазкёй, он уже числил за собой несколько серьезных работ и мог сослаться на собственный опыт ведения раскопок.

«Все обошлось без дальнейших затруднений, и на пятый день мы уже смогли торжественно вступить в Богазкёй. Особого интереса наш въезд не вызвал — здесь привыкли видеть путешественников. Кроме того, турецкий крестьянин слишком воспитан, чтобы с неприличным любопытством глядеть на все, что выходит за рамки обычного... В Берлине подобное явление имело бы следствием скопище народа, что привело бы в движение значительные полицейские силы. Восточный же человек вместе с молоком матери впитывает внутренне выработанную благовоспитанность»².

После приема, устроенного с чисто восточной сердечностью и пышностью представителем местных властей Зия-беем, Гуго Винклер приступил к работе. В большом храме деревни Богазкёй, стоявшей на месте древней столицы Хаттундеш, экспедиция нашла более десяти глиняных фрагментов, составлявших государственный архив Хеттского царства, и среди них значительное число отлично сохранившихся образцов. Большая часть табличек написана была по-аккадски, и это свидетельствовало, что область влияния аккадского язы-

¹ Представитель того направления в ранней ассириологии, которое видело в ассиро-вавилонской культуре колыбель всей подлинной мировой культуры.

² Н. Winckler, «*Nach Boghasköi!*» — «*Der Alte Orient*», Jg. 14, S. 17f.

да как дипломатического языка в то время простиралась и до хеттской столицы. Ассириолог Винклер прямо на месте мог читать найденные документы. И здесь же, на месте, он увидел всю историю Древнего Востока в совершенно новом и поразительном освещении.

«Один... крытый листвою шалаш должен был обеспечить тенью и прохладой мои исследования глиняных табличек... Невдалеке был устроен другой шалаш, более крупный и глубже врытый в землю, который защищал пять живых существ никогда еще в этой жизни, вероятно, не переживавших лучших дней, — наших лошадей!.. Разумеется, такое соседство имело следствием огромное изобилие мух. Это в свою очередь доставило мне много приятных мгновений, когда я, укрывшись с головой, в перчатках, списывал текст с моих глиняных табличек, на каждом знаке отрываясь от работы, чтобы отбиться от доверчивых насекомых, проявлявших чрезмерный интерес к моей работе». И Винклер саркастически добавляет: «Ведь в нашей науке с такой же большой опаской относятся к попыткам посягнуть на право духовного первородства»¹.

Но даже и этот злой насмешник сбавил тон перед потрясающими находками, подаренными ему землей Богазкёя, и должен был снова взяться за перо, чтобы на этот раз описать историческое значение своего открытия.

Просмотр фрагментов табличек, составленных на вавилонском языке, вскоре же породил уверенность, что экспедиция находится на земле древней столицы «правителей Хатти», хеттских царей, и что обнаружен царский архив, относящийся к эпохе существования тесных связей хеттов с египтянами. «Первые образцы еще не содержали имен соответствующих царей... Но на этот раз должно было произойти событие, которого никто не ждал и не рискнул бы даже предвидеть. 20 августа, после двадцатидневной работы, пробитая в горном отроге брешь продвинулась до стены первого участка. Под ней была найдена прекрасно сохранившаяся табличка, имевшая весьма многообещающий вид. Один взгляд — и вся моя накопленная годами выдержка вылетела в трубу. Передо мной лежало то, о чем (конечно, в шутку) могли мечтать, как о даре небес. Рамсес писал Хаттушилю... о двухстороннем договоре. Правда, в последние дни мы находили все больше и больше маленьких фрагментов, где речь шла о договоре меж-

¹ Ibid., S. 27f.

и двумя
ны, что
версии.
документ
сее, упом
ности ка
ние псе
Трудн

другой. Р
нацать
зее с псе
выдвину
чально м
жал в ру
между д
вавилонс
действит
крытие, с
Востока
Малой А
ев 1001
и сказоч
тьмы ве
воображ
цепь сам
ни!..»¹.

Прав
но — и
нию ист
воды и
кампани
смертел
шая час
на — кр
отмечал
исследо
нативав
Конеч
языке
мах из

¹ Ibid.

и двумя государствами, но только теперь наконец установи-
лось, что знаменитый договор, известный по иероглифической
переписке, выгравированной на стене Карнакского храма, должен был
получить санкцию и другой договаривающейся стороны. Рам-
сес, упомянутый со всеми его титулами и родословной, в точ-
ности так в тексте договора, пишет Хаттушилю... и содержа-
ние письма буквально совпадает с параграфами договора...

Трудно передать те чувства, с какими я, именно я, а не кто
другой, рассматривал этот документ. Прошло целых восем-
надцать лет с тех пор, как я... познакомился в Булакском му-
зее с письмом из Арцава, найденным в Эль-Амарне. Тогда я
выдвинул... предположение, что и договор Рамсеса первоначаль-
но мог быть составлен клинописью. И вот теперь я дер-
жал в руках одно из посланий, обмен которыми состоялся
между двумя правителями, и оно было написано на хорошем
авилонском языке прекраснейшей клинописью! Это была
действительно редкая встреча в жизни одного человека: от-
крытие, сделанное некогда при первом вступлении на землю
Востока в Египте, нашло свое подтверждение здесь, в сердце
Малой Азии. Эта встреча чудесна, как сказочная судьба геро-
ев 1001 ночи. Но следующий год принес еще более чудесные
и сказочные события; когда были найдены все документы, из
тысяч веков вновь всплыли образы, часто занимавшие мое
воображение в течение этих восемнадцати лет... Да, это была
цепь самых необычайных обстоятельств в человеческой жиз-
ни!...»¹.

Правда, не все таблички оказались понятными... Всё вер-
но — и то, что находки бесценны, и то, что поддающиеся чте-
нию исторические сообщения ниспровергают все старые вы-
воды и представления, и то, что результаты второй и третьей
кампаний 1911—1912 годов, в которых еще принял участие
смертельно больной Винклер, потрясающи... И все же боль-
шая часть найденных вещей была, так сказать, нечитабель-
на — кроме отдельных аккадских идеограмм. (Выше мы уже
отмечали, с какой готовностью спешит клинопись навстречу
исследователю, чтобы помочь ему идеограммами и детерми-
нативами.)

Конечно, от ученых не могло укрыться, что здесь речь шла
о языке, который уже представился им в таинственных «пись-
мах из Арцава». Кроме того, этот язык должен был быть

¹ Ibid., S. 29f.

родственным или близко родственным языку иероглифов, как предполагали уже Сейс и Пайзер, познакомившись в свое время с табличками, найденными Шантром.

Последние годы перед началом первой мировой войны характеризовались неустанными полевыми исследованиями, и когда прогремели выстрелы в Сараеве, весь урожай, снятый с полей Богазкёя, уже хранился в музеях Берлина и Стамбула.

После смерти Винклера в 1914 году и еще до того, как разразилась война, Германское восточное общество послало в бывшую столицу османов для копирования богазкёйских текстов двух молодых ученых, Х. Х. Фигуллу и Бедржиха Грозного. Последнему из них — он умер сравнительно недавно — удалось получить в свое распоряжение особенно большие и хорошо сохранившиеся тексты Стамбульского музея. На его долю выпал жребий открыть и объяснить «клинописно-хеттский» язык, а также доказать, что в данном случае речь шла об индоевропейском языке, хотя и насквозь пронизанном многочисленными чуждыми ему словами, предположительно малоазиатского происхождения.

Бедржих Грозный родился в 1879 году в богемском городке Лиссе на Эльбе¹ и происходил из семьи чешского протестантского священника. Со временем он поступил в гимназию города Колина, где один из его учителей, профессор истории и географии доктор Юстин В. Прашек, уже снискавший себе славу как ученый, с особой теплотой относился к талантливому ученику. Вероятно, следуя желанию отца, Грозный начал изучать протестантскую теологию — дисциплину, которая в нем, как и во многих других, пробудила любовь к Древнему Востоку. Недолго думая, Грозный, по окончании гимназии уже знавший древнееврейский и арабский языки, меняет факультет и с 1897 года посвящает себя изучению древневосточных языков в Венском университете. Его наставником был семитолог Д. Г. Мюллер, весьма разносторонний и уважаемый преподаватель, ученики которого еще и поныне известны как крупные представители своей специ-

¹ Не в Польше, как утверждает Курт Марек-Керам в своей работе «Узкое ущелье и Черная гора» (C. W. Ceram. *Enge Schlucht und Schwarzer Berg*, Hamburg, 1955, S. 73; русск. пер.: К. Керам. *Узкое ущелье и Черная гора*, М., 1962, стр. 66), а в Чехословакии, входившей тогда в Австро-Венгерскую монархию.

альности. У него же в 1901 году Грозный защитил диплом на тему «Южноарабские граффити».

Характерно, что уже в те ранние годы Грозный как семилог вовсе не собирался оставаться простым исследователем языка. Интерпретация текстов до самого конца жизни служила для него лишь средством для достижения совсем другой цели — основательно изучить древневосточные культуры. Но для этого семилог должен был овладеть одной из важнейших отраслей своей специальности — аккадским (восточносемитским) языком, записанным клинописью, причем получить знания о нем нужно было, разумеется, из первых рук. Поскольку же во времена Грозного ассириология не была представлена в Вене, он на выданную ему в Австрии специальную стипендию отправился в Берлин к Ф. Деличу, чтобы под руководством этого учителя целых поколений приобрести навык в клинописи. Стипендия, как доказал Грозный всему миру через десять лет, не была выброшена на ветер. После возвращения он занял пост университетского библиотекаря в Вене, там же стал доцентом и в двадцать четыре года был назначен экстраординарным (внештатным) профессором Венского университета.

Его работам того времени присуща одна характерная черта, выделявшая их из массы ассириологической литературы. Если современники Грозного занимались почти исключительно мифологией и религией древних вавилонян и ассирийцев, то он направил все свое внимание на хозяйственную сторону истории этих народов и в данной области выступил подлинным новатором. Грозный был автором хорошо аргументированного исследования «К вопросу о денежной системе вавилонян» (1911), а также часто упоминаемой работы «Зерновые культуры в Древней Вавилонии» — необычайно содержательного и широко задуманного труда, который, к сожалению, так и остался фрагментом. Эти работы рассматривались автором как подготовка к созданию всеохватывающей «Истории переднеазиатской культуры». Так, в многолетнем труде, только один раз, в 1904 году, прерванном путешествием по Востоку вместе с Эрнстом Зелером, крепили и мужали обширные знания Грозного, тренировалась его память, названная современниками феноменальной, и сам он усваивал то высокое мастерство, которое так убедительно доказал своей работой над клинописными табличками из Богазкёя в музее Стамбула.

Уже говорилось, что он встретился там с особенно хорошо сохранившимися длинными текстами. В качестве вспомогательного средства, отдаленно напоминавшего биллингвы, применялись и фрагменты «словарей», то есть указателей, составленных наподобие шумеро-аккадских, с которыми мы познакомились в главе о клинописи Двуречья. Хетты расширили их еще на один столбец, хеттский. Однако это мало помогало делу, поскольку такие указатели приводили в основном редко встречающиеся слова и, как правило, оставляли исследователя на произвол судьбы, стоило ему только приняться за поиски наиболее обиходных и часто попадающихся слов.

Поэтому Грозный сознательно сконцентрировал все внимание на текстах, рассматривая их в каждом отдельном случае как законченное целое и надеясь выудить из них сведения о структуре самого языка.

Его врожденная интуиция и талант комбинатора, его грезвый по отношению к фактам ум испытывались на богатом материале. А сам этот материал в свою очередь подвергался проверке ученого, причем проверке совершенно объективной, насколько это вообще возможно. Правда, вначале, в полном согласии с уровнем науки того времени, Грозный предполагал обнаружить в табличках кавказский язык.

Отдельные идеогаммы были Грозному знакомы, однако они сами по себе не могли привести к какому-либо сдвигу в объяснении языка, поскольку, как известно, они не передают произношения звуков.

Больше размышлений вызывали изменения, происходящие с одними и теми же словами, и особенно так называемые чередующиеся окончания; они настоятельно требовали предположения, что хеттскому языку свойственны грамматические формы, роднящие его с индоевропейскими языками!

Однако высказать его Грозный не отважился, ведь еще недавно он считал бы это за наглость. Кнудтсон тоже предпринимал попытку доказать такое родство на примере «писем из Арцава», а чем это кончилось? Отречением от своей теории под перекрестным огнем критики!

Такое соображение все-таки не мешало Грозному тщательно записывать все наблюдения и идти дальше по тем следам, которые вели в данном направлении. Наблюдения умножались прямо на глазах и постепенно принимали форму настоящей цепи доказательств.

Но подлинную
единственного пр
так поразило са
лось на его голо
ние Грозного ста
имеет то общее
в дешифровочной
тушах Птолемея
писях Дария и
ляюще простым.
Предложение,
его внимание, пр
шим образом:

си- -an e

 является

произносится, ка
ninda и означа
ним идеогамму
фотографию слога
произношению
гаться: ни ХЛЕБ

Таким образом
анию этого слов
нием. (Между
го показывает,
помощь исследо
найти глагол-с
сלב лучше, че
сольнее, чем
может существо
Грозный смо
принадлежат ему
греческое *édein*
но! Презне
Взгляд лих
ван к претто
на прочность
трещина!

Но подлинную уверенность принесло ему чтение одного-единственного предложения. Это было открытие, которое так поразило самого исследователя и столь внезапно свалилось на его голову, что он прямо-таки пришел в ужас. Чтение Грозного стало краеугольным камнем дешифровки, оно имеет то общее со всеми подобными поворотными пунктами в дешифровочной работе (вспомним о шампольоновских картушах Птолемея и Клеопатры, а также гротефендовских надписях Дария и Ксеркса), что кажется нам теперь ошеломляюще простым.

Предложение, которое так внезапно приковало к себе его внимание, причем приковало надолго, читалось следующим образом:

ни- -an e-iz-za-at-te-ni wa-a-tar-ma e-ku-ut-te-ni

является шумеро-вавилонской идеограммой, она произносится, как известно из ее фонетического написания, *ninda* и означает «хлеб». Стало быть, если мы заменим идеограмму русским значением этого слова, а всю орфографию слоговой клинописи сведем к действительному произношению отдельных слов, предложение будет читаться: *ни ХЛЕБ-an ezzätteni wādar-ma ekuteni*.

Таким образом, речь идет о хлебе; как видно по окончанию этого слова *-an*, оно служит в предложении дополнением. (Между прочим, данный пример, пожалуй, лучше всего показывает, с какой готовностью приходит клинопись на помощь исследователю неизвестного языка.) Но можно ли найти глагол-сказуемое, который подойдет к дополнению хлеб лучше, чем *есть*?... *ezzätteni*...! Неужели здесь нечто большее, чем простая «этимология-пустозвон», неужели может существовать подлинное родство? Мысленно делает Грозный смотр всем индоевропейским соответствиям, которые приходят ему на ум, — вот русское *есть*, немецкое *essen*, греческое *édein*, латинское *edere*, древневерхненемецкое... Вот оно! . Древневерхненемецкое *ezzen*!

Взгляд лихорадочно возбужденного Грозного вновь прикован к предложению, как опытный востоковед он «пробует на прочность» монолитность строения... И вдруг найдена трещина!

В глаза исследователю бросается характерная для древневосточных языков параллельная структура двух частей:

ni ХЛЕБ-*an ezzāteni WĀDAR-ma ekuteni*

Не состоит ли это «предложение» из двух одинаково построенных предложений, и если да, то не могло бы слово *wādar* соответствовать древненижненемецкому *watar* «вода»? Тогда, по аналогии с «есть», *ekuteni*, вероятно, означало бы «пить»?

Что же касается глагольного окончания *-teni*, наречия *ni* и соединенного с предшествующим словом союза *-ma*, то Грозный полагал полностью раскрыть их значение при работе над другими местами текста.

И вот с быстротой молнии перед духовным взором исследователя начинает складываться из отдельных камешков все строение, а в ушах у него почти звучит доносящееся из тьмы более чем трех тысячелетий первое прочитанное и понятое предложение: «Ныне ешьте хлеб ваш и воду вашу пейте».

Грозный сознавал, что его открытие привлечет огромное внимание и вызовет резкие возражения — одним словом, это будет научная сенсация номер один. Однако он уже не мог сойти с раз найденного и проторенного им самим пути — теперь набралось такое количество доказательств в пользу индоевропейского, или, как тогда любили говорить, индогерманского характера языка, что они просто подавляли своим обилием. К ним относились, между прочим, такие удивительные явления, как своеобразное чередование *r* и *n* в именительном и родительном падежах, известное из греческого и латинского языков (ср. греч. *hydōr*, род. п. *hydatos* из *hydntos* «вода»; лат. *femur*, *feminis* «лоно», «бедро»). По этому поводу Грозный замечает: «...едва ли можно было пожелать более сильного доказательства в пользу индогерманизма хеттского языка»¹. Кроме того, обнаружились некоторые поистине ошеломляющие соответствия местоимений и глагольных флексий.

День 15 ноября 1915 года, когда Грозный доложил о своих результатах Переднеазнатскому обществу в Берлине.

¹ «Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft», Bd 56. 1915. S. 23

был, как отметил в прекрасной статье на смерть своего коллеги известный ассириолог Эрнст Вейднер, «подлинным актом рождения хеттологии».

В декабре того же года в «Сообщениях Германского восточного общества» появился предварительный отчет Грозного под названием «Решение хеттской проблемы». Увеличенный в объеме труд вышел в свет через два года в Лейпциге и назывался «Язык хеттов, его строй и принадлежность к индогерманской группе языков». Это классическое исследование, несомненно, представляло собой вершину научной деятельности Грозного.

Еще только создавалась окончательная редакция «Предварительного сообщения», когда Грозный был призван на военную службу.

Ему действительно везло, этому Грозному, если даже в «Императорской и королевской» армии Австрийской монархии он встретил чутких и отзывчивых начальников и смог в служебное время не только писать упомянутое «Предварительное сообщение» и свой главный труд «Язык хеттов», но даже, неделями не вылезая из Стамбульского музея, сравнивать и изучать клинописные тексты!

И все же трудам Грозного был присущ один недостаток. Дело в том, что разработка богазкёйских текстов была в свое время поручена ему именно как ассириологу, то есть как языковеду-семитологу; теперь же он сам, будучи немало ошеломлен, увидел, что все накопленные признаки свидетельствуют в пользу индоевропейского (и, стало быть, не-семитского) языка. Если чтение клинописных текстов и было его профессией, то все же с точки зрения узкой специальности он не мог быть компетентен в индоевропейских языках. И поэтому мы должны тем более высоко оценивать его достижения в объяснении обнаруженных им явлений; сейчас хотелось бы с особенной силой подчеркнуть это для тех, кто слишком часто склонен видеть Грозного в свете его малоудачных последних работ.

Однако уже и в первых своих работах он иной раз поддавался соблазну выдавать за действительные те связи, которые он неправомерно выискивал за простыми созвучиями слов. Поэтому его набросок картины этого индоевропейского языка с сильными уклонами в сторону неиндоевропейского, сделанный подобным образом, был правилен в основном, но уязвим в деталях.

Вот по этим уязвимым местам и били, били даже очень сильно, особенно специалисты по сравнительному языкознанию. При этом они, правда, иногда били мимо цели, и Грозный с веселой иронией отчитал одного противника еще в докладе, посвященном истории и прогрессу дешифровки хеттских текстов, который он делал в Сорбонне 14 марта 1931 года. Один из авторитетов, помнится, возражал против его системы, утверждая, что *wādar* не может означать «вода», ибо «в хеттском языке первый гласный этого слова долгий, что совершенно невозможно в индогерманских языках. Поэтому вся теория профессора Грозного абсурдна!»

Конечно, она ни в коем случае не была таковой. Эта теория представляла собой несокрушимый фундамент, не оставляющий места для каких-либо сомнений. Однако она нуждалась в строгом филологическом отборе и чистке специалистами. За это предприятие взялись исследователи Ф. Зоммер, Г. Ехелольф, Э. Форрер, И. Фридрих, А. Гётце и Э. Х. Стуртевант и, опираясь на открытия Грозного, довели дело до конца. Ныне хеттология, даже в узкофилологическом смысле, выступает перед нами как полноправная наука.

Теперь печать молчания была сорвана со всего богазкёйского архива: заговорили уже не только аккадские, но и хеттские таблички. Они чрезвычайно охотно дополняли наши исторические знания, и особенно знания по истории языков Древнего Востока. Однако к этому мы еще вернемся.

Для иллюстрации той своеобразной смеси из шумерских идеограмм, аккадских и фонетически написанных хеттских слов, которую представляют клинописные хеттские тексты, мы помещаем здесь один пример, наглядно показывающий читателю, с чем пришлось сражаться Грозному. Он дается в популярном изложении названного выше И. Фридриха и является одним из параграфов хеттского судебного кодекса:

«tāk-ku LU. ULULU-an EL. LUM QA. AZ. ZU. na-aš-ma GÍR-SU ku-iš-ki tu-wa-ar-ni-iz-zi nu-uš-še 20 GÍN KUBABBAR ra-a-i — «Если свободному человеку руку его или ногу его кто-либо сломает, то 20 сиклей серебра он ему дает».

Здесь основа слова «человек» написана шумерской идеограммой *LU.ULULU*, а к ней добавлено хеттское окончание винительного падежа *-an*, написанное фонетически; *EL.LUM* «свободный» написано по-аккадски, как и *QA.AZ.ZU* «руку его», зато в *GÍR-SU* «ногу его» основа обозначена шумерской идеограммой *GIR*, а окончание, напротив, аккадским

притяжат
штрафа
письмом
хеттским

Как м
ре Центр
сидели
нимались
но были
ции), но
количество
началом в

Уже до
«Новой де
вполне оп
пользовать
которые мог
хеттский к
язык, еще
близительн
терпел неу
слова были
но выделен
доходов на
населенных
также откр
тива для л
были прод
на только
чился швей
«Докладах
Германии)
семь языко
Названи
чего никак
ной и знач
лены, коне

J. Fried
р. сск. пер.: К
стр. 83.
14*

притяжательным местоименным суффиксом *ŠU* «его». Сумма штрафа 20 *GIN KUBABBAR* написана чистым шумерским письмом, а слова *takki* «если», *našma* «или», *kuiški* «кто-либо», *išarnizzi* «он сломает», *ni-šše* «то ему» и *pāi* «(он) дает» — хеттским фонетическим письмом¹.

Как мы видим, война не прервала исследований в лагере Центральных держав, однако и в другом лагере тоже не сидели сложа руки. Правда, ученые стран Согласия не занимались клинописными хеттскими находками (они временно были недоступны, поскольку хранились в Германии и Турции), но зато усиленно работали над иероглифами, большое количество которых удалось собрать непосредственно перед началом войны.

Уже до войны англичанин Р. Томпсон оповестил мир о «Новой дешифровке хеттских иероглифов» и предпринял вполне оправданную, хотя и преждевременную попытку использовать для понимания иероглифов все возможности, которые мог бы предоставить в распоряжение исследователя хеттский клинописный язык. Но все дело в том, что сам этот язык, еще совершенно не дешифрованный, был лишь приблизительно известен по «письмам из Арцава». Томпсон потерпел неудачу потому, что как раз в этих письмах хеттские слова были частью неверно прочитаны, частью просто неверно выделены. Тем не менее он вписал в графу постоянных доходов наполовину правильное чтение некоторых названий населенных пунктов, полученное из ассирийских источников, а также открытие одного (не всегда ставившегося) детерминатива для личных имен. Но еще прежде чем над иероглифами были проделаны новые опыты, в стремительное наступление на только что открытый хеттский клинописный язык включился швейцарский языковед Эмиль Форрер, выступивший в «Докладах Берлинской академии наук» (он работал тогда в Германии) со статьей под ошеломляющим заголовком «Восемь языков богазкёйских надписей» (1919).

Название на первый взгляд казалось довольно неясным, чего никак нельзя сказать об этой чрезвычайно содержательной и значительной работе. К восьми языкам были причислены, конечно, шумерский и аккадский — стало быть, оста-

¹ J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, S. 60f; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 83.

валось еще шесть. Кроме того, тексты включали целый ряд индийских терминов из области коневодства и дрессировки лошадей. Ну, а другие пять языков? И вот при разборе этих пяти Форрер преподнес еще один сюрприз. Его можно было бы облечь в следующую краткую формулу: хеттский язык не является хеттским!

Форрер объяснял это так: по данным своего языка, хетты — индогерманцы. Значит, согласно всему тому, что нам известно об этой группе, хетты не могли быть исконным населением Малой Азии, а должны были некогда туда переселиться. Язык древнего исконного населения страны и проступал теперь сквозь тексты некоторых табличек из Богазкёя. Те места из текстов, где он встречался, были ясно обозначены как «хаттили», «на хаттском», то есть по-хеттски, и само это слово было несомненно производным от названия страны — Хатти. Таким образом, эти люди, говорившие на хеттском, или «хаттском», языке и были подлинными хаттами, или хеттами. Что же касается индогерманского, «клинописного хеттского» языка, занимающего более чем девяносто процентов клинописных текстов, то Форрер предлагал для него термин «канесский», по названию одного из хеттских городов.

Однако термин не привился. Индоевропейский народ-завоеватель (мы и до сих пор не знаем, как он сам себя именовал) уже получил в ученом мире название «хетты», и этот библейский термин слишком глубоко укоренился, чтобы от него теперь можно было легко отказаться. Поэтому ныне древнейшее население обычно называют «протохеттами» («дохеттами»), а его язык — «протохеттским».

Форрер, пришедший к своим выводам в результате просмотра всех богазкёйских текстов, уже через год был удостоен признания со стороны профессора Грозного.

Из других новонайденных языков, обнаруженных на отдельных памятниках в Богазкёе и находящихся еще и поныне в стадии разработки, остается упомянуть хуррийский, или хурритский (ранее «харрийский»), — до сих пор едва понятный язык неиндоевропейского типа; близко родственный клинописному хеттскому (несийскому) индоевропейский лувийский язык, над объяснением которого с успехом работают в самое последнее время; наконец, также индоевропейский, палайский — язык города Пала и его окрестностей, изучение которого пока еще не вышло из начальной стадии.

В 1919 году Форрер выступил с этим своим первым блестящим открытием, а в 1920 году оно было подтверждено Грозным, пришедшим к такому же выводу независимо от Форрера.

На тот же год падает новая попытка дешифровки иероглифов (правда, задуманная автором еще за два года до этого). Она была предпринята английским востоковедом А. Э. Каули. В своей работе он совершенно сознательно оставил без внимания положение о вероятном родстве, хотя и не идентичности, клинописного хеттского и хеттского иероглифического, о чем ему было известно из высказываний Форрера и Грозного. Он опирался лишь на материал, изданный Мессершмидтом, и на находки, сделанные в Каркемыше. В своем исследовании Каули вновь отталкивался от названия этого города. Наряду с ошибками его работа содержала и несколько конкретных достижений. Он определил знак , который ранее часто принимали за детерминатив «бога» , как слитный союз «и», читаемый ныне *-ha*

(соответствует латинскому *-que*). Далее он уже предположил, что так называемый «шип», то есть помещенный на знаке ко-сой штрих, возможно, следует читать как *г*.

Другие исходные положения взял за основу немецкий ассириолог Карл Франк, приступивший к исследованию хеттских иероглифов в 1923 году. Изучение криптографии, употреблявшихся в первую мировую войну кодов и тайнописей, показывало, что систематизация и анализ наличного материала уже сами по себе могут обещать дешифровке известный успех. Франк с большой осторожностью и тщательностью принялся составлять списки имен богов и лиц, а также названий стран и городов. При этом ему удалось верно прочесть несколько географических названий. Однако, все более распространяющееся убеждение, что язык иероглифических надписей не совпадает с языком хеттских клинописных текстов, привело к тому, что Франк простое предположение Форрера возвел в ранг утверждения и языком иероглифических текстов ошибочно считал хурритский.

Франка можно было бы упрекнуть еще и в том, что в своей работе он с самого начала слишком много места уделял чтению звуков и слишком мало — объяснению и пониманию надписей как самостоятельных законченных смысловых

единств; можно также записать на его счет и целый ряд ошибок. Это сделал, к сожалению в крайне резкой и оскорбительной форме, Петер Йенсен, который, хотя и не вмешивался уже в течение ряда лет в ход дешифровки, все еще занимался иероглифами, рассматривая их по привычке как собственную вотчину. Старый ученый, по-прежнему шедший путем, по которому за ним не могли, да и не хотели следовать его коллеги, в конце концов не выдержал и, забыв всякую научную объективность, перешел прямо на личности. «В таких случаях, — гласил один из его выпадов, — остается только, покраснев от стыда, положить перо». Подвергшийся нападкам Франк защищался сначала в умеренном тоне, но, когда Йенсен стал с прежним упрямством похвально своим пониманием иероглифов как стоящих одна за другой идеограмм и простых перечислений титулов, Франк тоже потерял терпение и не без ехидства спросил: не нужно ли понимать как подобные титулы правителей также многочисленные ослиные и бычьи головы, часто встречающиеся в длинных текстах?

Единственным последователем Йенсена, который к тому же принял прямое и ревностное участие в его самых тяжких заблуждениях, был, к сожалению, Сейс — пионер и инициатор всей дешифровки, воспитавший целые поколения ученых. Уже в весьма преклонном возрасте он продолжал неустанно работать и публиковать свои труды. Иной раз он даже отваживался на связные, «буквальные» переводы. Но для молодого поколения ученых, пришедших в хеттологию за эти годы, его статьи 1922—1930 годов звучали как глас седой старины.

В 1930 году, незадолго до смерти Сейса (он скончался 4 февраля 1933 года в возрасте 88 лет), был совершен мощный прорыв на широком фронте науки, который осуществили почти одновременно и независимо друг от друга несколько ученых.

В результате этого натиска была создана прочная основа для дешифровки хеттских иероглифов и, поскольку это оказалось возможным при собранном к тому времени материале, были получены важные выводы. «Прорыв» осуществили пятеро ученых, представлявшие пять народов: итальянский, американский, швейцарский, немецкий и чешский. Почти все они шли от разных отправных пунктов, и вместе с особой рабочей гипотезой каждого из них в область дешифров-

ли, начавшей было опять застаиваться после неприличной перебранки между Иенсеном и Франком, ворвался свежий ветер.

Человек, который разом расчистил снежный завал и вызвал последовавшую за этим лавину, явился из Гамбурга. Нет, это не его родина. Он сын Италии.

Мы говорим о Пьеро Мериджи, ныне преподающем в университете Павии, языковед с мировым именем, одним из дешифровщиков хеттских иероглифов и составителей грамматик ликийского и лидийского языков, издателя крито-микенских текстов, исследователе загадочной письменности долины Инда и малоизвестного еще лувийского языка.

Отец юного Пьеро, Чезаре Мериджи, некогда старший преподаватель итальянского языка в Павии, был человеком многосторонним. Его интересы охватывали самые различные отрасли науки, в числе которых не последнее место занимала и механика; причем он всем занимался столь целеустремленно и систематически, что его сын до сих пор считает Чезаре своим «лучшим учителем по методике научного процесса». Между прочим, Чезаре Мериджи, как и многих других исследователей, занимала идея создания международного языка, и труды по всеобщему языкознанию были его излюбленным чтением. Столь благоприятную атмосферу отчего дома можно с полным правом рассматривать как питательную среду, на которой довольно рано расцвело дарование Пьеро.

Этот климат оказал настолько сильное воздействие на юного Мериджи, что по окончании первой мировой войны молодой студент уже изучает классическую филологию, в особенности греческий язык, и готовит к защите работу по сравнительному языкознанию у ныне покойного санскритолога Л. Суали. Последний побудил Мериджи разобрать в диссертации весьма спорные тогда вопросы, связанные с лидийским языком, и указал ему дорогу к Древнему Востоку. Именно в это время, когда Мериджи получил от Суали «путевку» в Малую Азию (Ликия — это местность, расположенная на юге Малой Азии), его преподаватель по древней истории Пл. Фраккаро приступил к чтению курса лекций о хеттах.

Они рассматривались тогда как то самое железо, которое «следовало ковать, пока оно горячо». Дешифровка Грозного, только что ставшая известной, все еще находилась в центре самых жарких споров. Но если хеттскую кли-

нопись все же дешифровали, то этого отнюдь нельзя было сказать о хеттском иероглифическом письме. К нему и обратился Пьеро Мериджи. Как он сам позднее отмечал, он сделал это, во-первых, потому, что изучение ассириологии неизбежно при исследовании хеттской клинописи, было в Италии недоступно. Однако, думается, прежде всего его манили здесь таинственные, неведомые дали. После окончания высшей школы Мериджи в течение года работал учителем гимназии, а затем отправился преподавать итальянский язык в Гамбургский университет. Там его ожидал круг не слишком обременительных обязанностей, так что у него оставалось время для самостоятельной работы, и там же, при научной поддержке со стороны именитых ученых, он внес свой важный вклад в дело дешифровки хеттских иероглифов — работа, которая уже одна создала ему имя в филологии.

«Я принялся прежде всего за иероглифы». При этом, помня о некоторых своих предшественниках, Мериджи исходил из исследования системы письма. В сентябре 1927 года его тщательные изыскания привели к результатам, которые он счел достойными широкого опубликования. В начале марта 1928 года Мериджи посетил в Берлине Г. Ехелольфа, и тот подтвердил, что открытые им явления находят параллели в клинописном хеттском. Воодушевленный этим, Мериджи выступил со своей работой перед общественностью. «Когда в 1928 году молодой итальянский лингвист объявил о своем намерении включить в повестку дня ежегодного собрания немецких ориенталистов в Бонне новое „предварительное исследование“ к дешифровке этой письменности (хеттских иероглифов. — Э. Д.), по крайней мере один человек, автор настоящих строк, более чем с недоверием отнесся к новому смелому предприятию»¹, — писал в 1939 году, вспоминая это событие, И. Фридрих. Однако вскоре же оказалось, что недоверие было необоснованным, и тот же самый И. Фридрих открыл молодому итальянцу доступ в ведущий немецкий «Журнал по ассириологии», где и вышел в 1930 году его прочтенный в Бонне доклад. В нем Мериджи с особым вниманием рассматривает принципиальные вопросы. Он проводит статистическое исследование употребления ос-

¹ J. Friedrich, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*, S. 25.

...зних знаков, изучает их положения внутри границ, обеспеченных словоразделителями, и их соединение с «шипом». Мериджи пытался здесь же определить природу знаков (звуковые это знаки или идеограммы). В чтении он в основном прилепал к своим предшественникам и находился в плену ошибочных представлений Ненсена, так что даже не отважился отвергнуть его чтение «Сиеннес». Однако в конце своей статьи он все же оповестил: «В качестве существенной составной части этой работы я считаю необходимым в заключение добавить сообщение о том, что в одной определенной группе знаков я, как полагаю, установил слово „сын“»¹.

Кто помнит, с чего начал Гротефенд, тот, пожалуй, сумеет оценить возможности, которые таило это открытие: здесь и новый взгляд на синтаксическое членение языка, и прежде всего выяснение исторических фактов огромной ценности — ведь тем самым чтению поддавались целые генеалогии. А это значило, что теперь, уже на деле, можно было установить в правильной последовательности имена династов из Каркемыша, Хаматы и Мараша. В свою очередь последнее обстоятельство делало возможным сравнение их с хронологическими рядами правителей, добытыми из клинописных текстов, и создавало условия для уверенного прочтения царских имен.

Как же действовал Мериджи? Он тщательно сравнил и проанализировал первые части двух надписей. В начале обеих (они происходили из Каркемыша и были в то время, то есть до находок биллинг, самыми длинными из тех, которыми владела наука) стояли три имени; за ними следовали различные определения. Из этих последних одно было общим для всех трех имен — опознанный Мериджи титул «правитель страны», *. У первого имени данное определение стояло (как показывает рисунок 58) в конце титулатуры. Иначе обстояло дело со вторым и третьим именами. Здесь в обоих случаях за титулом «правитель страны» стояло еще по слову, оба они начинались одним и тем же знаком; стало быть, речь шла о двух словах одинакового корня. «При таком положении вещей было легче легкого предположить в обеих этих группах наличие слов „сын“ и

¹ P. Meriggi, *Die hethitische Hieroglyphenschrift*, — «Zeitschrift für Assyriologie», N. F. Bd V (XXXIX), 1939, S. 199.

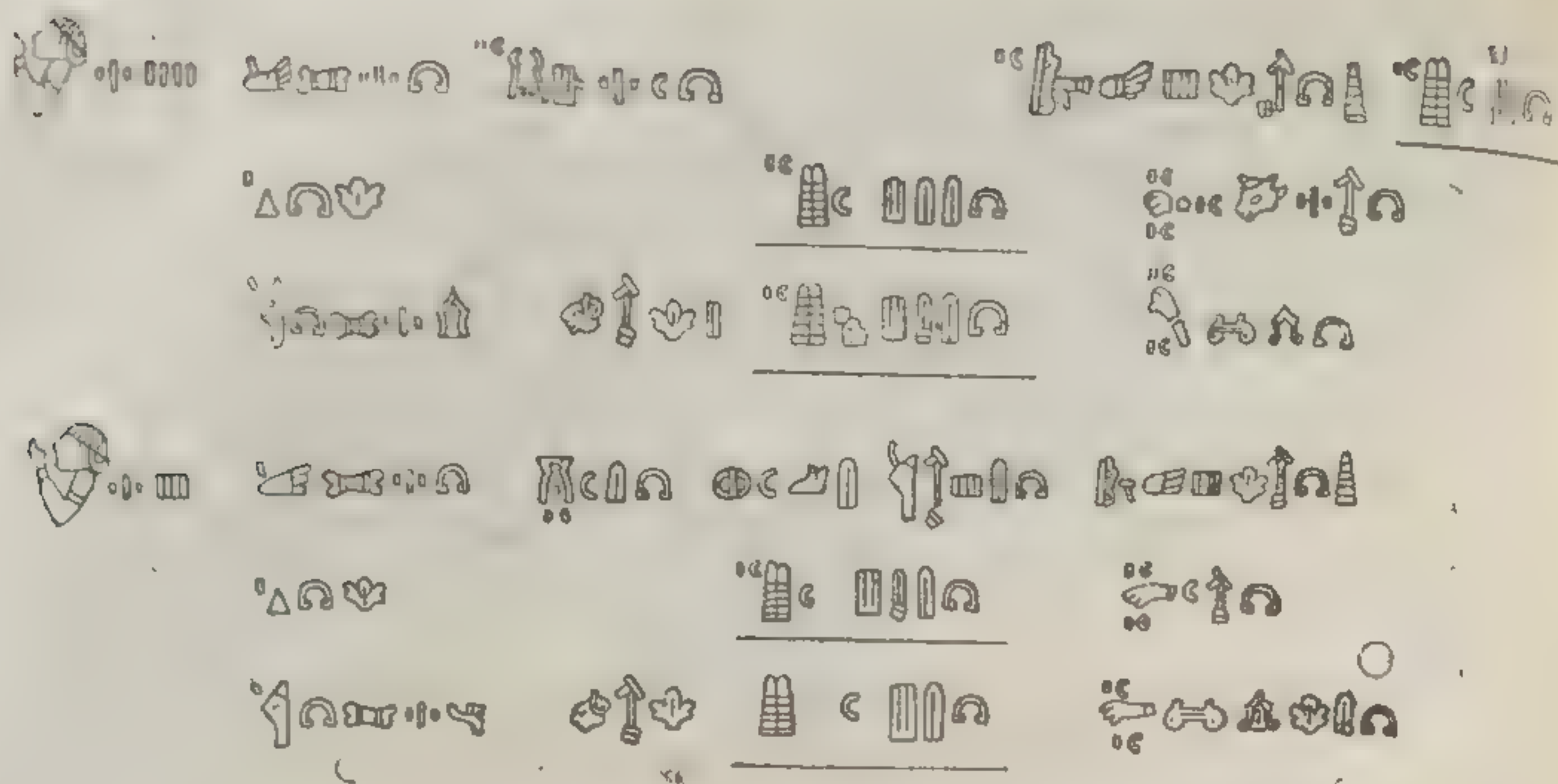

Рис. 58. Начало текстов двух каркемышских надписей, в которых проф. Мериджи опознал слово «сын». В обоих случаях каждый из трех рядов изображает имя; титул «правитель страны» подчеркнут; за ним идут слова со значением «сын» (2-й ряд) и «внук» (3-й ряд). Следует обратить внимание на варианты знаков.

„внук”, тем более что за это говорило и очевидное корневое родство обоих слов»¹.

Когда же привлеченные для сравнения надписи наилучшим образом подтвердили такое понимание текста, профессор Мериджи окончательно убедился в своей правоте. «Эта систематизирующая часть моей первой статьи в данной области, сдвинувшая с места вопросы синтаксической структуры текстов и тем самым открывшая прямой путь к установлению таких слов, как „сын”, „внук” и т. д., и генеалогий, могла еще показаться слишком незрелой», — скромно полагал ученый, выступая недавно с докладом в Вене. Однако мы благодарны автору этой работы за достоверное подтверждение детерминатива лиц, о котором в общих чертах уже говорил Томпсон, а также за открытые в ней определенные «любимый богами», титул «правитель страны», слова «сын», «внук», «правнук» и т. д. Она и в действительности была, по выражению английского исследователя Р. Д. Барнетта, «the last touch that starts an avalanche» — «последним

¹ Ibid., S. 201.

толчком, вызвавшим лавину». Лавина же эта называлась Гельб — Форрер — Боссерт».

Игнац Д. Гельб — профессор Восточного института при Чикагском университете. Он родился 14 октября 1907 года в Польше, в городе Тарнове. Уже рано мальчика увлекали области знания, граничащие с нашей наукой или связанные с ней непосредственно; его манило неизвестное, звало неисследованное. С неослабевающим пылом гимназист буквально поглощал исторические романы, но особенно приковала его внимание книга некогда весьма популярного венгерского писателя Мавра Йокаи; ее герой Пауль Барко в поисках прародины венгерского народа объезжает всю Внутреннюю Азию. Студентом мы видим Гельба во Флоренции, а позднее в Риме. Мечты, которым он предавался будучи еще учеником, принимают все более осязаемую форму в ходе неустанных и целеустремленных занятий, и когда в 1929 году он готовил защиту на звание доктора философии, то решил добиться этого звания при помощи диссертации на тему о древнейшей истории Малой Азии.

Однако данные хеттской культуры, тогда менее известной и более загадочной, чем ныне, невозможно было еще отделить от самой истории. И в том же году молодой доктор начинает работать над хеттской проблемой, но уже в Чикагском университете, к тому времени крупном форпосте американского востоковедения, к созданию которого приложили руки и немецкие исследователи и в котором несколько лет спустя развернул свою деятельность Эмиль Форрер.

Здесь у новопришельца оказалось так много обязанностей и так мало времени для своей работы, что он мог посвящать предмету своей тайной любви — хеттским иероглифам — лишь вечерние и ночные часы да летние каникулы. И все же, совершив во имя этой любви немало подвигов, он добился взаимности: за два года Гельб подготовил к печати рукопись своих «Хеттских иероглифов» («Hittite Hieroglyphs I»); этот труд вышел в Чикаго в 1931 году. Тогда же Лейденский конгресс востоковедов, достопамятное собрание, на котором было доложено несколько работ, открывших неизведанные пути в область дешифровок, был извещен и о результатах двухлетней напряженной работы Гельба.

Правда, Гельб еще нет-нет, да и сворачивает на путь своих предшественников. Многие из его попыток прочесть имена пока еще сделаны, так сказать, в темноте, на ощупь. Одна-

ко он уже может поставить на службу науке новые серьезные выводы. В-первых, он доказал то, что ранее было лишь предположением, — что «шип» передает звук *г*. Далее, он опознал в группе $\Pi\uparrow\Pi$ глагол *a-i-a* «делать» (он еще читал *a-wa-a*); это было особенно важно, так как указывало на родство иероглифического хеттского языка как с лувийским, так и с клинописным хеттским. Таким образом, Гельб, первый после Томпсона, стал сопоставлять клинописный хеттский с иероглифическим. Поскольку же клинописный хеттский уже был открыт и довольно глубоко исследован, это оказалось чрезвычайно плодотворным началом. Далее Гельб установил, что недавно найденные под одним домом в Ассуре покрытые хеттскими иероглифами свинцовые полосы, которые считали одной из разновидностей амулетов, в действительности являются письмами. Это было важно, так как из аналогий с другими восточными языками нам приблизительно известны те фразы из вводной части письма, за поиски которых можно будет взяться и в данном случае.

Но самым существенным вкладом «Hittite Hieroglyphs I», в дело дешифровки было установление факта, что рисуночное хеттское письмо наряду с многочисленными идеограммами содержит около 60 знаков, каждый из которых включает слог типа согласный + гласный (но отнюдь не противоположного типа). Эта мысль пришла совершенно внезапно; в ее основе лежало соображение относительно того, что приблизительно 60 знаков можно было рассматривать как фонетические. В связи с этим хеттский силлабар, с точки зрения структуры, приобретал вид, очень схожий или даже, возможно, в точности совпадающий с кипрским слоговым письмом (речь о нем пойдет в VII главе нашей книги). Отсюда же было недалеко и до вывода, что рисуночное хеттское письмо, как и кипрское, не делает различия между звонкими, глухими и придыхательными согласными (например, между *б*, *п* и *ф*).

В тот день, когда во время вечерней прогулки ему в голову пришла эта решающая мысль, профессор Гельб уверовал в одно прекрасное средство от застоя мысли, стимулирующее внезапные открытия и появление новых идей. Говорят, правда, что ему так и не удалось убедить консервативных представителей медицины в огромном значении этого лечебного средства.

С того самого вечера я считаю, что самые лучшие и неожиданные мысли приходят к некоторым людям во время ходьбы. Постепенно я проникся убеждением, что человек, который быстро шагает вперед, слегка отклонив назад корпус и твердо наступая на пятки, на ходу получает через позвоночник некие электрические импульсы, побуждающие его к оживленному, продуктивному мышлению»¹.

Однако имеются проблемы, которые, к сожалению, невозможно постичь во время ходьбы, например проблема прочтения и установления функции относительного местоимения в иероглифическом хеттском. Разрешение этих проблем (что было важнейшим вкладом профессора Гельба в дешифровку) он сам поныне характеризует как продукт тяжелой работы, выпавшей на его долю. Поначалу здесь нужно было в поте лица осиливать уже довольно обширную и далеко не единодушную в своих выводах литературу и отбирать результаты исследований; приходилось заниматься скорее гимнастикой для мозга, при которой, как сетовал исследователь, требовалось больше усидчивости, чем ему хотелось бы.

Труд Гельба означал совершенно очевидный прогресс, и прогресс этот сразу же получил новый толчок двумя работами высокого класса.

Мы уже сообщали о человеке, открывшем восемь языков в хеттских табличках, — швейцарском языковед Эмиле Форрере, некогда профессоре в Берлине, затем в Чикаго, а ныне в Сан-Сальвадоре. Его работа проложила новые пути к тайникам клинописных текстов. Не менее важным, но уже для дешифровки иероглифов, стал и другой его труд — «Хеттское рисуночное письмо» (Чикаго, 1932), охарактеризованный И. Фридрихом как основополагающий.

Метод, который применил здесь Форрер, имеет такое решающее значение для всякой дешифровочной работы, что мы считаем необходимым описать его хотя бы в самых общих чертах. Все предшествующие попытки дешифровок (за исключением попытки, предпринятой Иенсеном и изложенной нами выше) ставили своей целью чтение письменных знаков по звукам и потому почти не сдвинули вопрос с места. На самом деле, как поясняет Форрер, вначале нужно стремиться к пониманию надписи лишь с точки зрения ее

---

¹ Письмо профессора Гельба автору от 14 августа 1957 года.

объективного содержания. Он указывает на идеограммы китайской письменности, которые читаются в Японии по-японски, в Корее — по-корейски, в Аннаме — по-аннамски, напоминает о шумерских идеограммах, произносившихся, как мы уже знаем, в Ассирии по-ассирийски, а у хеттов — по-хеттски. Мы и сегодня, отмечает исследователь, употребляем большое число идеограмм, которые хотя и не передают звукового значения, но повсюду понятны благодаря тому, что каждый читающий придает им привычное и общеупотребительное звуковое значение. Таковы денежные знаки £ и \$ или знак &. Стало быть, пониманию существа текста следует отдавать предпочтение перед его чтением.

Но как добиться этого понимания существа текста, если нельзя прочесть ни одного слога? Для этого имеется, говорит Форрер, необычайно хорошее средство: наблюдение за проявлением параллелизмов. Такие параллелизмы могут часто господствовать в отношениях:

- 1) между изображением и сопровождающим его текстом,
- 2) между предметом и его обозначением в тексте, начертанном на этом же предмете;
- 3) между самим рисуночным знаком письма и его значением.

Краткие примеры к вышесказанному пояснят мысль Форрера. Так, мы сталкиваемся с первым случаем, если в фигурах наскального рельефа по осанке, одеянию и атрибутам легко узнать богов, а изображение каждого из них сопровождается одним и тем же нероглифическим знаком; отсюда уже можно сделать вывод, что речь идет о знаке «бог»; или, что еще понятнее, когда правитель, как на одном семейном рельефе из Каркемыша, держит на руке своего малыша, и именно через эту руку проходит надпись: «я держу его на руке». Перед нами второй случай, если, например, на жертвенном топоре выгравировано: «топор верховного жреца» (вскоре в несколько иной связи мы познакомимся с подобным характерным орудием). И наконец, третий случай фактически имеет место во всех тех идеограммах, которые не приняли еще чрезмерно условного вида и недалеко ушли от своего исходного рисунка, как, например, шумерский рисуночный знак «солнце» .

Уже одни эти три параллели, продолжает Форрер, дают без всякого чтения звуков двадцать пунктов для составле-

ная словаря исследуемого языка, а также (при их сравнении) четыре важных правила для грамматики. Однако и этим не исчерпываются возможности, представляемые явлением параллелизма. Другим ключом, значение которого едва ли можно переоценить, служит обычный для Древнего Востока параллелизм между отдельными одинаковыми частями различных надписей. Форрер особо отмечает три таких случая:

1. Начало царских надписей (именно из них Мериджи получил чтение генеалогий).
2. Формулы проклятия.
3. Вводная часть писем.

Царские надписи начинаются, как правило, с генеалогий и титулов правителей, часто в соединении с именами богов и названиями мест.

Формулы проклятия включают согласованные относительные придаточные предложения, глагол которых употреблен в настоящем или будущем времени («кто... разрушает или... ломает или... иным образом повреждает...», соответственно: «кто разрушит, сломает, повредит»), а также стоящее на втором месте главное предложение, содержащее, обычно в грамматической форме повелительного наклонения, проклятие богов («того пусть уничтожат... боги»).

Наконец, вводная часть писем строится по стереотипной формуле: «Так А говорит Б: мои дела идут хорошо, дела дома (семьи) моего идут хорошо; твои дела также должны идти хорошо, дела дома твоего...» и т. д.

И вот в итоге из этих простых наблюдений и сравнений выявляются знаки для падежных окончаний, личных местоимений и суффиксов, указательных местоимений, относительных и вопросительных местоимений; далее наречия, предложных и вопросительных местоимений; далее союзы, частицы, а также и глагольные формы; короче говоря, «главные составные части всякой грамматики, но воспринимаясь сначала на вид, а не на слух»¹.

Из этих теоретически установленных положений мы выделим одно, с наибольшей очевидностью показывающее, как Форрер применил свою гипотезу на практике, и одновременно дающее представление о значении его вклада в дело дешифровки хеттских иероглифов.

¹ E. Forrer, *Die Entzifferung der hethitischen Bilderschrift*, — «Forschungen und Fortschritte», Bd VIII, 1932, S. 4.

Выше уже отмечались повсеместно распространенные на Древнем Востоке формулы проклятия. Форрер погрузился в изучение их синтаксического строя и нашел одну формулу, которая навела его на след.

Она образует завершающую часть известной стелы с законами вавилонского царя Хаммурапи (1728—1686 гг. до н. э.); эта стела — базальтовый монолит высотой около двух с половиной метров, на котором высечен кодекс примерно из трехсот параграфов, составленный на аккадском языке и предназначенный для применения в основанном Хаммурапи огромном царстве, включавшем всю Вавилонию и Ассирию. Кодекс рассматривает в значительной степени вопросы уголовного и гражданского права и заканчивается словами:

«Если же этот человек не будет чтить мои слова, написанные на моей стеле, пренебрежет моим проклятием, не побоится проклятия богов, отменит судебные решения, что я решал, исказит мои слова, изменит мои предначертания, выскоблит мое написанное имя и впишет свое, или из страха перед этими проклятиями подучит другого, то...»¹.

Следующая фраза дается нами параллельно с аккадским текстом:

! «*lû šarrum*,
„будет ли это царь”

lû iššakum,
„или правитель”.

lû bēlum,
„или владыка”,

! *û lû awîlûtum ša šumam habi'at*
„или какой бы то ни было человек, носящий имя”...»²

«У того, — продолжает надпись, — да отнимет Ану, великий отец богов, славу его царского имени, да разломает скипетр его и да проклянет его судьбу».

Именно здесь Форрер подцепил на крючок свою добычу. Ведь приведенное предложение содержит слово «царь» и два других титула. Из них титул «царь» и «правитель страны» были, однако, уже известны в виде идеограммы хеттского иероглифического письма.

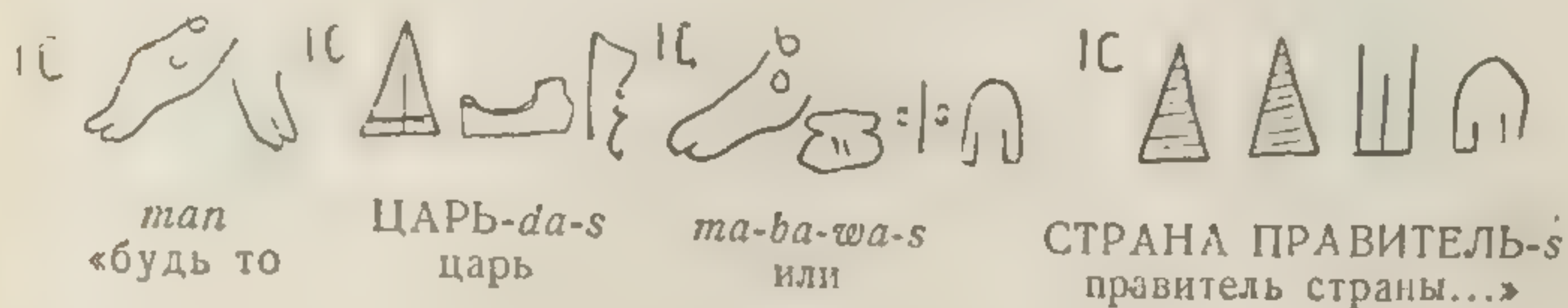
Верный своей гипотезе о параллелизме восточных формул проклятия, Форрер приступил к поискам подобным же

¹ Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, пер. и комм. под ред. И. М. Дьяконова, — «Вестник древней истории», 1952, № 3, стр. 260.

² Там же.

образом составленного предложения в рисуночных хеттских надписях. При этом он натолкнулся на предложение:

А за ним стояло главное предложение; у Хаммурапи оно читается: пусть Ану лишит власти преступника, пусть сломаёт скипетр его и проклянет судьбу его... далее следовали еще 46 столь же благочестивых пожеланий.

Значит, «пусть боги...», — так должно было или могло начинаться идущее за разобранным главное предложение. И тут же в глаза исследователю бросилось подлежащее этого предложения, представленное группой знаков первая часть которой, детерминатив бога, давно нам известна; стало быть, — знак для именительного падежа множественного числа! Далее, последнее слово этих содержащих проклятия предложений оканчивалось, как правило, уже известным звуковым знаком или , *da* или *tu*; но окончание *tu* должно было характеризовать глагол в повелительном, желательном наклонении, в соответствии с древнеиндийской формой приказа *astu*, латинским *esto*, греческим *éstō*, русским *пусть*. Точно таким же образом были выявлены окончания творительного падежа и страдательного причастия, а за слитно стоящим Сейса—Каули под-

тверждено новое и также известное из индоевропейских языков значение, наподобие латинского *quisque* «всякий».

В двух докладах о результатах исследования (затем они были объединены в названную выше книгу), представленных собравшимся в Лейдене и Генуе востоковедам, Форрер разом сорвал покров тайны с грамматической структуры иероглифического хеттского языка и «впервые полностью осветил в иероглифическом языке весь строй предложения со всеми

его частицами»¹. Кроме того, он дал правильное чтение царского имени Муватталис.

Эта работа Форрера была совершенно справедливо удостоена высших похвал за ее оригинальность, краткость изложения, остроту постановки и верность решения вопросов. Не менее оригинальным и содержательным было вышедшее почти одновременно с работой Форрера исследование немецкого ученого Хельмута Теодора Боссерта. Его имя сегодня известно повсюду и обычно упоминается в связи с хеттским рисуночным письмом.

Жизненный путь Боссерта изобилует всякого рода перипетиями и поворотами; его научная работа охватывает самые различные области и необычайно многосторонняя. Однако можно обнаружить и основную черту, рано проявившуюся в Боссерте-мальчике и характеризующую по сей день Боссерта-ученого: безграничное увлечение письменностью.

Все началось с повышенного интереса к собственному происхождению, так сказать, с изысканий в области истории своей семьи. Родившийся 11 сентября 1889 года в городке Ландау земли Рейнпфальц, Боссерт с 1902 года (в это время он гимназист в Карлсруэ) проводил летние каникулы в поисках следов своих предков в сельских и городских архивах. Однако читать древние акты и документы становилось все труднее по мере того, как все глубже и глубже погружался он в прошлое. Но это не отпугнуло мальчика, ибо, вероятно, еще тогда его фантазию пленила магическая сила древних писем, простирающая и поныне свою власть над ним — теперь уже взрослым мужем.

Во всяком случае дело не ограничилось просто увлечением, ибо Боссерт ничего не делал наполовину и изучал свое «ремесло» начиная с самых основ. Шаг за шагом преодолевались трудности и обрабатывались рукописи из архивов. Прежде всего он углубился в чтение манускриптов XVIII и XVII веков. И в это время ему выпало счастье найти покровителей, которые с отеческой любовью открыли ему доступ к своим богатым знаниям и указали ему правильный путь.

Таков был знаменитый кельтолог Альфред Хольдер, руководивший тогда земельной библиотекой в Карлсруэ, большой ученый и славный человек, который в то время, когда

¹ J. Friedrich, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*, S. 27.

Боссерт
церкви
к участи
условия
читать да
ше к это
студента,
нам плох
самое тру
восторжен
«дешифров
фронт сол
бюджетам
подготовку
над караку
Формир
без отечес
искусства
роскошным
будил у Б
искусств и
веком, кот
важность
зны наряд
ским и фр
и английск
тексты, при
сти. В уни
и Фрейбур
рию искус
манскую ф
тей, он це
«ремеслом»
дисциплин
неалогичн
в это врем
выступил е
ть и болес
ского неме
звучит в э
ломная раб
носила наз
15»

Боссерт оканчивал школу, занимался изданием каталога церковной библиотеки Рейхенау и иногда привлекал юношу к участию в этой работе. Последний между тем настолько усовершенствовался в своем «ремесле», что отваживался читать даже латинские и немецкие манускрипты, восходившие к эпохе Каролингов. Хольдер, оценивший способности студента, уже мог позволить ему ассистировать при чтении плохо сохранившихся текстов и палимпсестов. Однако самое трудное испытание, которому подверг ученый своего восторженного ученика и поклонника, состояло, вероятно, в «дешифровке» писем, писавшихся известным кельтологом на фронт солдату Боссерту. Эти письма были настолько неудобочитаемы, что адресат, несмотря на всю предварительную подготовку, иной раз принужден был часами ломать голову над каракулями своего учителя.

Формирование будущего ученого было бы невозможно без отеческого влияния второго друга, известного историка искусства Макса Вингенрота. Он жил в доме Боссертов и роскошными изданиями своей прекрасной библиотеки пробудил у Боссерта-мальчика глубокую любовь к истории искусств и археологии. Вингенрот был также тем самым человеком, который постоянно указывал Боссерту-студенту на важность и необходимость изучения языков. Уже в гимназии наряду с обязательными языками — латинским, греческим и французским — мальчик занимался древнееврейским и английским и срисовывал египетские иероглифические тексты, приобрести которые он, конечно, не имел возможности. В университетах Гейдельберга, Страсбурга, Мюнхена и Фрейбурга Боссерт с одинаковым усердием изучал историю искусств, археологию, средневековую историю и германскую филологию. Помимо этих основных специальностей, он целеустремленно и основательно занимался своим «ремеслом», изучая такие вспомогательные исторические дисциплины, как дипломатию, палеографию, геральдику, генеалогическую и сфрагистику — науку о печатях. Вместе с тем он в это время публикует (в качестве автора Боссерт впервые выступил еще в старших классах гимназии) небольшие статьи и более крупные исследования по истории позднеготического немецкого искусства. Вообще история искусств пользовалась в эти годы его особым предпочтением, поэтому дипломная работа Боссерта, изданная в 1914 году в Иннсбруке, носила название «Прежний главный алтарь приходской

церкви Возлюбленной матери нашей в Штерцинге в Тироле»!

Что и говорить, далековато было от Штерцинга в Тироле до Богазкёя, древней хеттской столицы Хатушаш, немалый путь пролег и между алтарем «Возлюбленной матери нашей» и алтарем огненных жертвоприношений легендарного Мопсоса. Правда, Боссерт еще не подозревал, что именно ему и придется пройти этот путь. Фрейбургский университет, где Боссерт работал в качестве добровольного ассистента под руководством Вингенрота, к тому времени возглавившего университетский музей, стал для него подлинной «alma mater», а история средневекового искусства — полем битвы, на котором он решил завоевать себе право называться доцентом.

Всего несколько месяцев отделяли новоиспеченного доктора философии от солдата, которым он стал 1 октября 1913 года, когда был призван на военную службу, и не так уж много их прошло с ее начала и до того времени, когда, незадолго до увольнения Боссерта в запас, разразилась первая мировая война. Четыре года сражался он на разных фронтах, а в 1918 году командировка привела его в Берлин. Здесь пережил он новый поворот в своей научной карьере.

Как уже было сказано, после первой мировой войны повсюду вновь пробудился научный интерес к хеттам, который теперь уже основывался на находках Винклера и дешифровках Грозного и привел к плодотворным исследованиям во всем мире. Наш молодой историк искусств не остался в стороне от веяния времени, хотя его привлекала не столько проблема хеттов, сколько вопросы, связанные с древней средиземноморской культурой. И опять со свойственной ему основательностью Боссерт приступает к решению новых для него задач. В возрасте почти 30 лет он начинает изучать клинопись и осваивает египетский язык. Однако нужно было зарабатывать себе на жизнь, и Боссерт становится научным референтом берлинского издательства «Васмут», иногда сотрудничает и в кооперативном издательстве, а также в книжном отделе издательства «Франкфуртер цайтунг». В итоге для собственных исследований, которыми Боссерт занимался в частном порядке, оставались лишь вечера да время длительных поездок в бюро и обратно. Мы уже не говорим здесь об огромных усилиях воли, которые приходилось затрачивать Боссерту на то, чтобы продолжать свои иссле-

д. 1913 г.
Т. 1, 4-й
д. 1913 г.
отказ от
чение д.
Пост.
Боссерт
приобрет
Особ.
ваканс
не хеттс
и 1931
ской» пи
древнек

Как
что суш
него Кр
ся при
надписе
письмен
«Шанта
ровке к
он посвя
ствовал
чрезвыч
ном пис
достигл
отважи
Если
звуково
то он ц
письмен
в гимна
Речь
в Брита
ное мес
языке
лись д
wa-i-ia-

Т.
kretische

давания, и оценить которые может лишь тот, кто сам испытал что-либо подобное. Но надо отметить, что такой вынужденный распорядок дня означал, между прочим, и полный отказ от пользования библиотеками, открытыми только в течение дня.

Поэтому, для того чтобы все время быть в курсе дела, Боссерт был вынужден сам выписывать научные журналы и приобретать все необходимые ему новые издания.

Особым стимулом в его занятиях служили недешифрованные письменности, и среди них... нет, вначале, отнюдь не хеттские иероглифы, а критское рисуночное письмо. В 1929 и 1931 годах он трудится над прочтением этой «минойской» письменности и в ряде статей указывает путь к чтению древнекритских личных имен.

Как и другие ученые, он еще придерживался убеждения, что существовали определенные связи между письмом древнего Крита и хеттским иероглифическим письмом, и надеялся при помощи последнего, располагавшего большим числом надписей, хотя бы частично разгадать крито-микенскую письменность. Эту попытку он предпринял в своей книге «Шанташ и Купапа. К новой постановке вопроса о дешифровке критского и хеттского рисуночного письма»¹, которую он посвятил Мериджи и Сундваллю. Пьеро Мериджи приветствовал ее появление и в одной рецензии утверждал, что она чрезвычайно расширяет наши знания о хеттском рисуночном письме, благодаря чему проблема этой письменности достигла, наконец, поворотного пункта, а на это едва ли кто отважился бы так скоро надеяться.

Если предшественники Боссерта отталкивались или от звукового чтения, или от толкования надписи по существу, то он шел от... заклинания, дошедшего до нас из египетской письменности, с которой, как известно, он познакомился еще в гимназии.

Речь идет об одном медицинском папирусе, хранящемся в Британском музее. Этот папирус содержит весьма интересное место — заговор от болезни азиатов, составленный на языке «кефтиу», под которыми, как предполагали, скрывались древние критяне. Формула читается: *sa-n-ti ka-pu-pi wa-i-ia-im-an ti-re-ka-ka-ra*. Боссерт опознал в ней обращение

¹ Т. Н. Bossert, *Santes und Kupaapa. Neue Beiträge zur Entzifferung der kretischen und hethitischen Bilderschrift*, Leipzig, 1932.

к богу Шанташу (Сандон, Сандес) и богине Купапе и занялся поисками этих имен в хеттских иероглифических текстах. Здесь ему игодились его обширные знания в области археологии и палеографическая выучка. Он смог, исходя из критической оценки стиля той отдаленной эпохи, расположить иероглифические памятники в хронологическом порядке и сделал вклад решающего значения в науку о развитии письма—палеографию. Эту работу Р. Д. Барнетт назвал «неоценимым палеографическим исследованием формы знаков». Что же касается чтений, то Боссерт поступал с предложенными ранее сугубо осторожно и сам не давал переводов крупных текстов. Он признал уже полученные чтения названий городов Каркемыш, Гургум (=Мараш), Хамата. Вместе с тем он первый правильно прочел название города Тиана в Малой Азии — *Ти-ва-па-ва*, в полном согласии с его клинописной формой, и, наконец, устранил ошибку, допущенную Иенсеном, которая так долго мешала работе и сдерживала прогресс в дешифровке: имя царя Тианы было не «Сиеннес», как у Иенсена, а *Wa-r-pa-la-wa-s*.

Рис. 59. Имя «Варпалавас», написанное хеттскими иероглифами

Разрешение этого вопроса имело большое значение и для истории, и для дешифровки. В Варпалавасе Боссерт сразу же опознал того самого царя Тианы, которого клинописные ассирийские источники называли Ирбалла и который был врагом и данником Тиглатпаласара III.

Едва ли можно лучше пояснить, какой богатый трофей захватила в результате этого наука об истории Древнего Востока. Немало сулила эта добыча и той области науки, которая занималась исследованием звуковых значений. В итоге на 88 печатных страницах своей работы Боссерт уже смог издать значительное число вновь установленных иероглифических знаков; лишь немногие из них были прочитаны неверно и впоследствии вновь подвергнуты коррективам. Его труд в области дешифровки имел огромный успех, и вскоре со стороны берлинского ассириолога Бруно Мейснера после-

Курса-
тифиче-
вания
и смог,
эпохи,
логиче-
науку
Барнетт
м фор-
упал с
вал пе-
ле чте-
), Ха-
звание
согла-
шибку,
боте и
было

довало предложение Боссерту взять на себя, по поручению Прусской Академии наук, руководство при составлении нового собрания текстов «Корпуса иероглифических хеттских надписей». Летом 1933 года Боссерт предпринял путешествие в Турцию, чтобы сфотографировать хеттские наскальные надписи. Там, по приглашению Курта Биттеля, руководителя раскопок, он в качестве гостя участвовал в раскопках в Богазкёе. Несмотря на то что уже в 1922 году Боссерт бывал в Стамбуле и Измире и был знаком также с иероглифическими надписями берлинского, парижского и лондонского музеев, он только теперь, работая над надписями Нишанташа в Богазкёе и текстами, сопровождавшими изображения богов в Язылыкая, на собственном опыте убедился в том, какие трудности представляет обработка наскальных надписей.

Однако вопрос о дальнейшей работе Боссерта решился не столько в ходе практической учебы, сколько в результате одной встречи на обратном пути в Анкару. Он был представлен министру просвещения доктору Рашиду Галипу, который тогда занимался реорганизацией Стамбульского университета, осуществляемой по европейскому образцу самим Кемалем Ататюрком. Министр предложил успешно работающему в своей области ученому, не связанному к тому же с каким-либо учебным заведением, профессиру в новом университете, и Боссерт согласился. С апреля 1934 года он является профессором древнемалоазиатских языков и культур на литературном факультете Стамбульского университета и одновременно директором Института по исследованию древних переднеазиатских культур.

и для
сразу
исные
й был

рофей
евого
науки,
Вито-
уже
иеро-
итаны
Его
скоре
осле-

Нам пока удалось проследить путь дешифровки вплоть до появления «Шанташа и Купапы» Боссерта и при этом установить, что Боссерт окончательно «свергнул» старого Сиеннеса и поставил на его место Варпалаваса. В итоге был расчищен еще один участок, и Мериджи, первая работа которого не была свободна от ошибочной интерпретации этого имени, теперь уже смог приняться за дальнейшее приведение в порядок звуковых знаков. В целом ряде небольших статей он пришел в основном к тем же выводам, что и Боссерт, однако в отличие от немецкого исследователя, считавшего язык надписей хурритским, Мериджи все более укреплялся в мысли о его индоевропейском происхождении. В дальнейшем, с целью выяснить синтаксический строй язы-

ка, Мериджи уже отваживается в нескольких более крупных работах, опубликованных во французских и немецких специальных журналах, на интерпретацию целых текстов. Эти попытки, отдельные результаты которых нельзя назвать бесспорными, в общих выводах все же хорошо согласовались с попытками Боссерта. Таким образом, обоими исследователями была выдвинута общая научная «платформа», вскоре же поддержанная и Бедржихом Грозным. Последний с 1932 года также работал над иероглифическим хеттским языком и в некоторых чтениях приходил к единым для «платформы» выводам. Одним словом, возникло нечто вроде «единого фронта Боссерт—Мериджи—Грозный», как впоследствии охарактеризовал создавшееся положение И. Фридрих, разбирая состояние науки того времени. Из выводов Грозного наиболее важным, пожалуй, можно считать указание на значительное число аналогий между клинописным и рисуночным хеттскими языками, откуда, естественно, вытекало положение о тесном родстве обоих языков.

В то время, когда на континенте молодое поколение дешифровщиков осуществляло этот первый победоносный прорыв, по другую сторону пролива, в Англии, на смертном одре лежал восьмидесятивосьмилетний старец, некогда «верховных жрец хеттологии» Арчибальд Генри Сейс.

С некоторого времени успех перестал сопутствовать его по-прежнему деятельному вмешательству в ход дешифровки, и все же прекрасная память патриарха хеттологов и ясность ума, сохранившаяся до последних дней жизни, не могли не вызывать всеобщего восхищения. До самого конца с большим вниманием следил он за научной работой, и даже в последние недели жизни ему удалось исследовать один финикийский текст из Рас-Шамры (мы об этом еще услышим) и снабдить его примечаниями лексикологического характера с примерами в виде древнееврейских, финикийских, арабских, аккадских, египетских и других родственных слов, подобранных исключительно по памяти. Ни разу с уст его не слетело недружелюбное слово по адресу своих часто весьма недружелюбных критиков, и последний вопрос, который он в полном сознании задал накануне своей смерти, относился к науке: «Когда же Виролло издаст новые тексты из Рас-Шамры?».

«Новые тексты!» Этого требовали и хеттологи. Ведь и после 1933 года исследователи отнюдь не пребывали в

праздности
такая для
идея
их лег рас
вы по стра
предпринял
исроглифич
провел в ст
верхом на
жизни»¹. П
по ложным
шать от ме
деревни (и
писи, подоб
направлени
лой, а на н
и ветром,
Правда, за
прекрасных
в старинной
кели в Кил
Кётюкале, з
в настояще
вующими э
ти вертикал
которой и б
канцу очен
пиш.
И он все
воспользова
наимом до
лать проход
устаев прев
принимали
стьян прийт
Тем более б
ствия по це
им обычным
дел непрони
внезапно ох

¹ Из писем

праздности и бездеятельности. Вначале они собирали и готовили для публикации весь наличный материал. Выходят издания текстов Грозного, Мериджи, Гельба — плоды долгих лет работы в тиши кабинетов и длительных путешествий по стране. Так, уже в 1932 и 1935 годах профессор Гельб предпринял поездку в Турцию, чтобы открыть там новые иероглифические хеттские памятники. «Те часы, которые я провел в странствиях по стране древних хеттов, разъезжая верхом на лошади или муле, были счастливейшими в моей жизни»¹. При этом, конечно, он частенько шел за добычей по ложным следам. Да, да, не раз приходилось ему слышать от местных жителей, — вот здесь, совсем близко от деревни (или, еще чаще, за несколько миль), имеются надписи, подобные тем, что он ищет. Гельб мчится в указанном направлении. Вот то самое место, и он уже стоит перед скалой, а на ней «письменные знаки», начертанные лишь водой и ветром, продукт естественного выветривания породы. Правда, за все это Гельб все же был вознагражден обилием прекрасных находок и в том числе надписью, открытой им в старинной крепости крестоносцев Йиланкале, что под Сиркели в Киликии. Славным трофеем оказалась и надпись из Кетюкале, за обладание которой Гельбу пришлось вступить в настоящее сражение, уже дважды проигранное предшествующими экспедициями, безрезультатно осаждавшими почти вертикальную и круто обрывающуюся к реке скалу, на которой и была высечена надпись. Предприимчивому американцу очень уж хотелось заполучить ее фотоснимки и копии.

И он все-таки взял штурмом эту неприступную крепость, воспользовавшись услугами целого отряда вооруженных динамитом дорожных рабочих, которых он уговорил проделывать проход к вожденной надписи! Как и другие, Гельб не устает превозносить гостеприимство, с каким его повсюду принимали в турецких деревнях, и готовность турецких крестьян прийти в любой момент на помощь путешественнику. Тем более был он поражен, когда во время второго путешествия по центральной части Анатолии, обратившись со своим обычным вопросом к жителям деревушки Эмиргази, увидал непроницаемое выражение на лицах своих собеседников, дел внезапно охладевших к разговору. Ученый продолжал на-

¹ Из письма профессора Гельба автору от 14 августа 1957 года.

стоять и, наконец, услышал в ответ, что в окрестностях не имеется надписей, но что даже если бы они и были, то жили бы ни при каких обстоятельствах и никогда с ними бы не расстались, так как это принесло бы несчастье. Вот около 30 лет тому назад здесь нашли какие-то иероглифические хеттские надписи и увезли в Стамбул для музея. И что же, сразу, как только их не стало, на деревню обрушилась эпидемия!

Занимаясь систематизацией наличного материала, профессор Мериджи представил в 1937 году полный (для того времени) список знаков, который и по сей день считается совершенно незаменимым в работе. Еще ранее, в 1934 году, немецкие ученые К. Биттель и Х. Гютербок возобновили раскопки в Богазкёе и открыли в царском дворце помещение для хранения припасов, где были найдены почти 300 глиняных печатей; около 100 из них оказались настоящими билингвами (хотя и очень краткими и во многих случаях сильно поврежденными) и содержали, как и давно известная печать Таркумувы, имя царя в клинописном и иероглифическом начертаниях. В 1939 году те же немецкие археологи раскопали новые печати. Правда, в силу самого характера найденных предметов основная польза от этого открытия заключалась отнюдь не в приобретении новых знаний в области языка, а в том, что ученые познакомились теперь с иероглифическим написанием имен большей части великих хеттских царей. К сожалению, имена эти состояли преимущественно из идеограмм и поэтому не давали пояснений к произношению звуков; однако нашлись и некоторые имена, написанные слоговым письмом (и среди них имя царицы Пудухепы, прочтенное Боссертом уже в 1933 году).

Огромное значение для исторических исследований вообще и датировки наскальных надписей в особенности имело открытие имени царя Суппилулиумы.

Печать с именем этого царя стала уже в 1944 году предметом особых исследований Боссерта, в ходе которых он поставил совершенно новый вопрос: не имеют ли знаки, обычно рассматриваемые как слоговые, также и значение идеограмм? В свете этого предположения Боссерт интересно истолковал имя Суппилулиумы, но его объяснение пока еще признано не всеми учеными.

В результате последующих работ Гельба (1935 и 1942) наука получила новые подлинные звуковые значения неко-

а) Таркум

в) Таба

Рис

торых до
одну, но
ли спор
Как вид
ученые
мировой
зулытат
И. Фри
но, что
альных
пути»!

J.
schrift,

а) Таркумува, [царь] Меры

б) Индилимма

в) Табарна, [царь] Хатти

г) Пудухепа, царица Хатти

Рис. 60. Хеттские иероглифические и клинописные печати

торых до того сомнительных знаков. Он же предложил еще одну, новую таблицу звуковых знаков, которую, однако, сочли спорной, как и его предположение о носовых гласных. Как видно из дат упомянутых выше публикаций, отдельные ученые продолжали свои исследования и во время второй мировой войны. И все же к концу войны о достигнутых результатах можно было сказать лишь то же самое, что сказал И. Фридрих о состоянии исследования на 1939 год, а именно, что «дешифровщики иероглифов в решении принципиальных вопросов, как и в чтении» находились «на верном пути»¹.

¹ J. Friedrich, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*, S. 37 f.

В самом деле, был выяснен характер письменности, было правильно определено около 50 слоговых знаков, обычно типа согласный+гласный, и в отношении их ученые пришли к довольно единодушному мнению. Но этим знакам противостояло гораздо большее число идеограмм, еще не поддающихся звуковому чтению. Исследователи видели, что слоговые знаки часто употреблялись как «фонетические комменты», или звуковые дополнения, которыми, однако, дописывали не только окончания слов, скрывающихся за идеограммами, но и другие части слова (причем совершенно произвольно). Разумеется, уже предполагалось, что в хеттском иероглифическом языке мы имеем дело с индоевропейским языком, но убедительных доказательств тому пока еще не было.

«Правда, отдельные чтения вновь и вновь приходится проверять и время от времени корректировать, а новые находки, возможно, доставят нам еще кое-какие сюрпризы. Однако при всем том хеттское иероглифическое письмо ныне уже не может более считаться недешифрованным или, вернее, не поддающимся дешифровке»¹.

Когда говорилось о «новых находках», под ними подразумевалась в первую очередь большая, хорошо сохранившаяся билингва — эта волшебная мечта лингвистов, археологов и историков, о которой молил богов еще Сейс. Трудно сказать, услышали ли боги мольбы ученых, но науке была преподнесена вожденная билингва, и открыл ее для мира все тот же Хельмут Теодор Боссерт.

По поручению Стамбульского университета он предпринял в 1945 году путешествие в юго-восточную часть Турции с целью отыскать здесь следы древних культур. Как-то, беседуя с кочевниками, он услышал о «львином камне», который якобы находится поблизости, в окрестностях города Кадирли.

Но лев — это один из самых излюбленных и часто встречающихся у хеттов символических животных... Боссерт заинтересовался и в феврале 1946 года принялся за поиски. Вероятно, он никогда бы и не нашел камень, если бы его не привел к нему турецкий учитель Экрем Кушчу, единственный в городке человек, который знал о существовании камня и сам неоднократно посещал это место. Боссерт нашел

¹ Ibid., S. 38.

львиный ка
и в...
даны с...
ста...
С...
ранее А...
Параме, в...
На том же
вероятно
ограничено
фами.

Семитско
блеск наде
сты, написа
одинаковое
«черного» п
лингву?

В следу
рех недель
ходно обра
бульского

И ему
70 лет и ч
на все ра
шую, хоро
со скульпт
ским письм

«Он на
ле сколько
трудностей
ражению
Сколько
Стоило бы
явилась в
герру и п
писях... О
дело.

Надпи
каменем, ч
кать для
рее всего
из Карате

«львиный камень» («лев», кстати сказать, оказался быком!) и выяснил, что он служил цоколем статуи. Сильно поврежденная статуя лежала рядом, и на ней имелась надпись, составленная на финикийском (семитском) языке. Открытие было сделано на «Черной горе» — Каратепе, называвшейся ранее Аслангаш и расположенной на реке Кейхан, древнем Пираме, в юго-восточной части Турции (античной Киликии). На том же самом месте Боссерт нашел уже при первом поверхностном обследовании, которое к тому же было сильно ограничено во времени, и фрагменты с хеттскими иероглифами.

Семитское письмо и хеттские иероглифы — новый проблеск надежды! Быть может, «Черная гора» скрывает тексты, написанные двумя этими письменностями, но имеющие одинаковое содержание? Не суждено ли ему вырвать из «черного» плена какую-либо... нет, нет, именно ту самую билингву?

В следующем году Боссерт опять здесь. В течение четырех недель он производит раскопки вместе со своим превосходно образованным ассистентом молодым доцентом Стамбульского университета, доктором Бахдыром Алкымом.

И ему посчастливилось найти то, чего ждали уже более 70 лет и чего всегда втайне ждал и сам Боссерт, несмотря на все ранее достигнутые им успехи, — вертикально стоящую, хорошо сохранившуюся рельефную плиту (ортостат) со скульптурами и надписями финикийским и иероглифическим письмом, короче говоря — *билингву*!

«Он нашел билингву». Как просто звучит. А на самом деле сколько дней неустанной работы, дней, полных лишений, трудностей и разочарований, предшествовали этому, по выражению Иоганнеса Фридриха, «сенсационному открытию». Сколько было прямо-таки драматических происшествий... Стоило бы также поведать о том, как проказница-фортуна явилась в сновидениях сотруднику Боссерта Францу Штейнгеру и повелела ему признать билингву в найденных надписях... Одним словом, достойный конец венчал достойное дело.

Надписи из Каратепе иной раз сравнивают с Розеттским камнем, что совершенно несправедливо. Если уже привлекать для сравнения памятники египетского письма, то скорее всего сюда подошел бы Канопский декрет, ибо билингва из Каратепе сыграла в хеттологии такую же роль, как и этот

95

Перевод надписи (по финикийскому тексту) читается следующим образом:

XIX. «И я построил сильные крепости во всех концах на границах, в тех местах, где были злые люди, предводители банд, ни один из которых не был обязан службой дому *Mrš* (династия Азитавадды), но я, Азитавадда, положил их под ноги свои».

XXXVIII. «И я построил этот город, и я дал [ему] имя Азитаваддийя, ибо Ваал (иероглиф. хеттск. «бог бури») и Решеф-птица (иероглиф хеттск. «бог-олень»?) послали меня построить [его]»¹.

Разумеется, билингва не только подкрепляла уже ранее известное. Лишь одно то обстоятельство, что иероглифическая хеттская версия была лапа в двух редакциях, позволило выявить при сравнении значения 11 звуковых знаков и приблизительно 25 идеограмм; кроме того, были получены новые обоснования звуковых значений 8 знаков и 16 идеограмм; билингва дала и многочисленные новые идеограммы. В результате впервые поддалось чтению более 40 слов, а чтение 20 других, рассматривавшееся до того как предположительное, теперь подтвердилось.

Не обошлось и без сюрпризов. Например, было обнаружено, что некоторые идеограммы могли выступать также в роли «гласных», или слоговых знаков, в середине слова; и даже доказывалось наличие «полифонии», хотя и полностью противоположной той полифонии, которую мы встречали в клинописи: здесь, в рисуночном хеттском письме, одно и то же звуковое значение могло выражаться различными знаками!

Далее, находка позволила глубже проникнуть в синтаксис языка и значительно способствовала его пониманию. Язык оказался в близком родстве с лувийским, однако он не идентичен ни ему, ни палайскому, ни даже клинописному хеттскому; его родиной была юго-восточная часть Анатолии.

Благодаря обобщению материала и обработке, которой Боссерт подверг данные этого языка после открытия билингвы, мы можем сегодня с полной уверенностью сказать, что

¹ J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, S. 83; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 110.

он поддается чтению, хотя, конечно, остается сделать еще немало.

Если же надписи и принесли некоторое разочарование, то лишь из-за того, что они были не столь содержательны, как надеялись историки.

Автор их не финикийец. Он носит анатолийское имя Азитава-тас и называет себя царем Дананийя и вассалом Аваракуса, одного из киликийских правителей, который в клинописных текстах звался Урикки, или Уриайк, и в свое время капитулировал перед ассирийцем Тиглатпаласаром. Согласно надписи из Каратепе, царство Дананийя занимало долину Аданы. В приведенной выше надписи Азитава-тас говорит об основании им города, названного его именем (этот город, вероятно, следует сопоставить с развалинами в районе Каратепе), и рассказывает, как он замирил всю страну с востока до запада и построил сильные крепости.

В свете этих фактов надписи нужно относить к VIII веку до нашей эры. Но Киликия уже с 1000 года до нашей эры являлась областью смешения хеттской и финикийской культур и с исторической точки зрения представляется скорее разорившимся наследником некогда процветавшего мощного царства хеттов («Древнее царство» — примерно 1600—1470 гг. до н. э., «Новое царство» — примерно 1440—1200 гг. до н. э.). Отсюда понятно, почему добыча несколько разочаровала историков.

Правда, билингва все же содержит одно указание, имеющее большое значение для классической филологии. Как сообщается в приведенном нами переводе финикийской версии, Азитава-тас причисляет себя к дому *Mrš*. И это наводит на размышления.

Конечно, сразу было установлено, что дананийя могли быть идентичны известным уже данауна, или *dnwn*, которые в XII веке до нашей эры вторглись в Египет. Одно письмо из Амарнского архива упоминает их в форме «дануна» и называет народом из Ханаана. Они, согласно тому же источнику, осели в Киликии или недалеко от нее еще в XIV веке до нашей эры. И вот здесь добавляется еще одно соображение, почерпнутое из греческих источников.

Гомер называет дотроянских греков «данаой», данайцами, и греческое предание рассказывает, между прочим, что имя это восходит к Данаосу, родоначальнику восточной династии Аргоса. Данаос, по этому преданию, был сыном Бе-

лоса. А имя Белос совпадает с именем семитского бога Ваала (*Ba'al*), стало быть, тот, кто звался Белосом (-ос — это просто греческое окончание), — сын Востока. Азитаватас называет себя потомком дома *Mrš*. По единодушному приговору ряда ученых, под этим именем мог скрываться только небезызвестный Мопсос, упомянутый в греческих преданиях. Там встречаются два мифических прорицателя, носивших это имя. Тот из них, который связан с Малой Азией, считается одним из строителей города Маллоса в Киликии, где, согласно тем же преданиям, он и нашел свою смерть.

Но точно так же в Киликии расположен город, некогда имевший еще более выразительное название. Он лежит на Кейхане, древнем пути из Гарса к Ису. Ныне у него турецкое название Мисис, но прежде он назывался Мопсугестия; слово это греческое и означает «очаг», или «алтарь всеожжения Мопсоса».

Далее, из ассирийских источников известно, что ассирийский царь Ашшурнасирпал I в XI веке до нашей эры покорил страну Даунуна и захватил там пять городов.

Поскольку надписи из Каратепе восходят к VIII веку до нашей эры, к тому времени, когда Азитаватас составлял свою надпись, династии и царству Мопсоса исполнилось почти 300 лет. Таким образом, из тумана греческих сказаний вырисовывается и фигура самого Мопсоса, который благодаря свидетельству надписей из Каратепе предстает перед нами как историческое лицо.

Эти новые сведения профессор Боссерт сопоставил с другим сообщением текстов из Каратепе, где говорится, что Пахри был важным городом Хеттского государства, а крепость Каратепе считалась его внешним укреплением. Оставалось лишь доказать, что Мопсугестия, город Мопсоса, в древнейшее время назывался Пахри.

И Боссерт делает это, раскапывая древнюю Мопсугестию.

В 1956 году удалось вскрыть мозаичный пол древней церкви — резиденции архиерея Мопсугестии. Раскопки продолжают...

Теперь нам осталось предложить читателю описание хеттского иероглифического письма, возникшего из клинописи и египетских иероглифов. Ведь здесь тоже иероглифы, но насколько необычно все это выглядит в сравнении с хорошо знакомыми нам египетскими иероглифами! С точки зрения

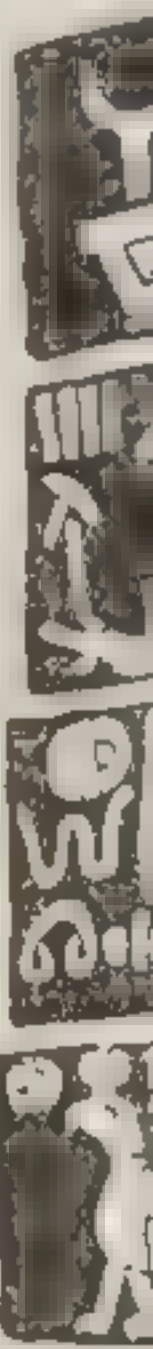
искусства хеттские иероглифы, конечно, уступают египетским. Но если последним присущи законченность формы, соразмерность, дисциплинированность письма, и именно это подкупало всякого, кто рассматривал надписи египтян, то здесь странным образом очаровывают удивительная беспечность, какая-то незавершенность и мнимая неясность.

«Сравните хеттские иероглифы с египетскими, и вам покажется, будто для такого сравнения почти не имеется оснований. Хеттские надписи написаны бустрофедоном, иначе говоря, так, как тянется упряжка быков, взрыхляющая поле. На конце строки письмо движется в обратном направлении, подобно плугу, с помощью быков прокладывающего борозду. Нет нужды перескакивать, как это делаем мы, обратно, к началу строки. Благодаря этому письмо легко принимает вид чего-то непрерывно и плавно бегущего. У хеттов рука пишущего и в действительности разбегается во всех направлениях, с величайшей беспечностью он вылезает на поля, за углы камня, на соседний камень, пишет через всю фигуру животного — вообще где ему понравится. Кто осмелился бы сказать о египетском письме, что оно «бежит». Когда египтянин пишет, он священнодействует, и его заботят в первую очередь форма и композиция в целом. Его произведение — наслаждение для глаза, а это ему намного важнее, чем в общем довольно обычное, составленное по единому формуляру, содержание. Хетт же общителен. Чувства, наполняющие его, требуют выхода — и он пишет. Пишет ради содержания, а уж как это будет выглядеть — мало его беспокоит. Отдельные буквы и те не узаконены общепринятой формой¹. Еще в позднее время, и даже в монументальной письменности совершенно не обязательно было делать различие между натуралистическим прарисунком и курсивным (частичным или полным) сокращением — здесь господствовал личный вкус пишущего. Обычно знаки скорее плавают, так сказать, в определенном пространстве, чем ориентируются по строкам. Поэтому потребовался огромный опыт хеттологов для того, чтобы прочесть их в правильной последовательности»².

¹ Варианты письменных знаков особенно хорошо видны на рисунке 58 (иллюстрация к дешифровке Мериджи).

² M. Riemschneider, *Die Welt der Hethiter (Grosse Kulturen der Frühzeit)*, Stuttgart, 1954, S. 93 f.

Ка
вно
став
пис
стоя
ним.
лось
пись

совер
не все
Наря
полн
ства,
знак
Н
но, н
де ко
одна
го к
муж
чаще
(осо
ются
16*

Как уже можно было заметить в ходе изложения, мы вновь находим в хеттских иероглифах те черты, которые составляют существо египетского письма и аккадской клинописи: идеограммы, фонетические знаки и детерминативы, стоящие иногда перед определяемым словом, иногда — за ним. При этом хеттское иероглифическое письмо согласовалось с аккадской клинописью (но отнюдь не с египетским письмом) также и в том, что его слоговые знаки содержали

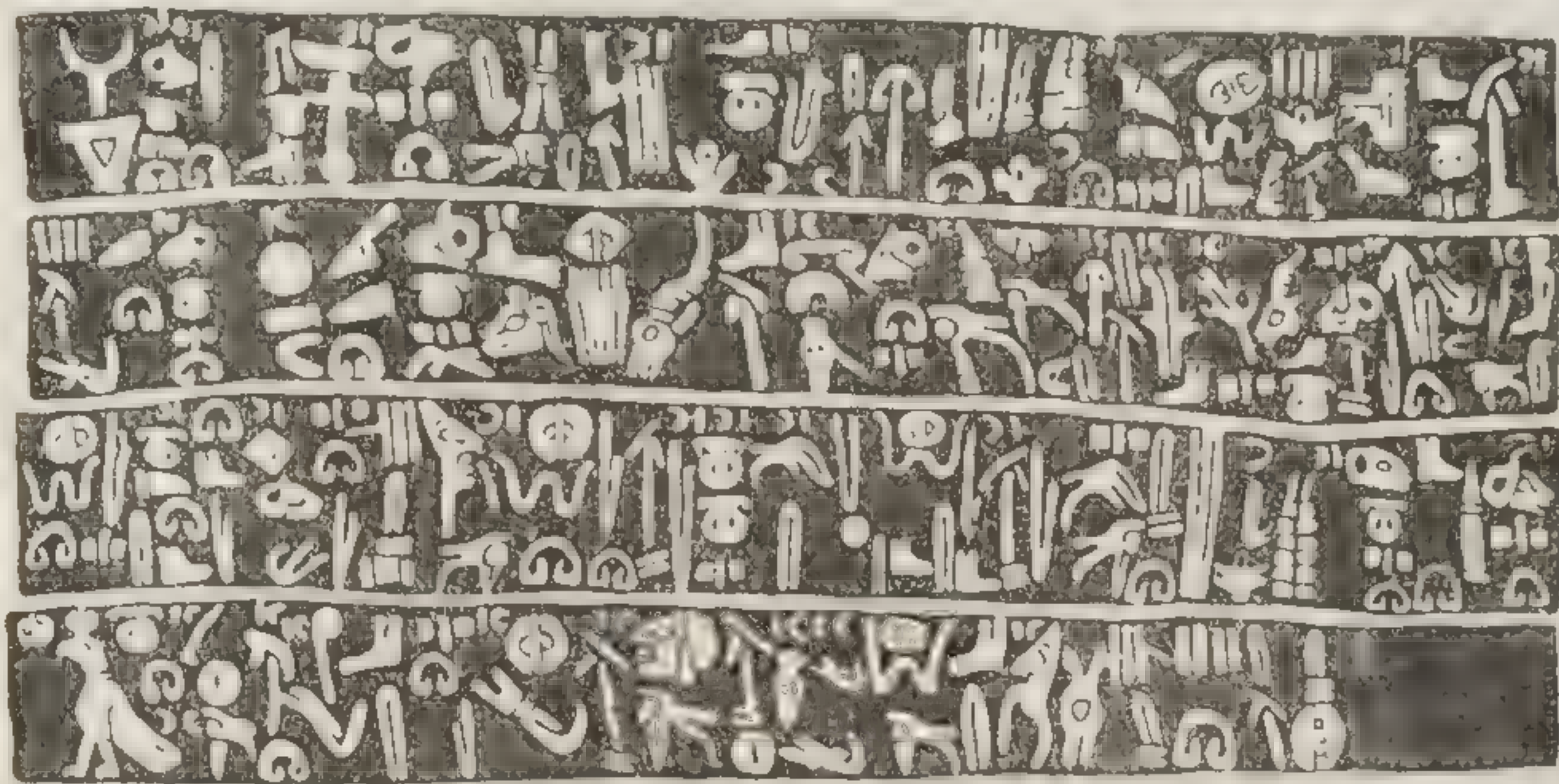

Рис. 62. Пиктографическая надпись из Каркемыш

совершенно определенный гласный. Часто, но, к сожалению, не всегда между словами ставились словоразделители (|C).

Наряду со словами-знаками, которые по тщательности исполнения приближались к маленьким произведениям искусства, нередко употреблялись более простые, курсивные знаки.

На семейном рельефе из Каркемыш (рисунок 58) можно, например, ясно видеть детерминатив личных имен в виде косой черточки слева сверху перед именами (шесть раз одна под другой), скопированной, вероятно, с вертикально-го клина, применявшегося в вавилонской клинописи перед мужскими именами собственными. Характерно, что столь мужскими именами натуралистическим изображениям (особенно прекрасны головы животных!) противопоставляются знаки, стилизованные до такой степени, что в них уже

совершенно невозможно опознать первоначальный рисунок. Типичными в этом отношении являются знаки «дом» и «солнце», а также загадочный детерминатив богов, который здесь, как и в клинописи, выступает одновременно в качестве детерминатива и идеограммы.

Иероглифы наряду с клинописью употреблялись хеттами уже в эпоху так называемого Древнего царства (1600—1470 гг. до н. э.), причем не только в монументальном письме, но, очевидно, и в частной переписке. На деревянных дощечках, о которых скоро пойдет речь, естественно, не выписывали клиньев. Таким образом, в течение всего периода существования великого Хеттского царства (с 1600 и приблизительно до 1200 г. до н. э.) и клинопись в том виде, как она предстала перед нами в архиве Богазкёя, и иероглифы в одинаковой мере годились для создания мемориальных надписей и, по всей вероятности, для частной переписки.

Рис. 63. Хеттские иероглифические знаки, обозначающие слова «дом», «солнце» и «бог»

Но хеттские иероглифы вовсе не исчезли с падением Нового царства в 1200 году до нашей эры. Видимо, вследствие заботливого сохранения национальных традиций они даже совершенствовались в маленьких новохеттских государствах Диадохов в Южной Анатолии и Сирии. Вот этим-то маленьким государствам-наследникам мы и обязаны такими решающими для дешифровки находками, как Хаматский камень, каркемышские надписи, львы из Мараша и билингва из Каратеппе.

И в заключение интересно было бы бросить еще один, последний взгляд на вещественную сторону проблемы. Мы видели, как сравнительно легко ученые дешифровали клинописный хеттский язык. Это произошло потому, что благодаря находке Винклером архивов глиняных табличек открылся доступ и к золотоносной жиле, разработка которой уже не составляла труда из-за простоты чтения самого письма. Также уже показано, что в отличие от клинописных текстов дешифровка иероглифических надписей тянулась почти 80 лет, ее движение вперед шло на ощупь и было очень затруднено, пока не появилась наконец большая билингва. Но

почему же так скудны находки хеттских иероглифических текстов?

Те надписи, которые воспроизводятся на рисунках нашей книги, имеют в основном рельефные, выпуклые, письменные знаки. Это, конечно, не значит, что письмо существовало только в такой форме; встречаются также и врезанные в камень письмена, вероятно, уже в IX веке до нашей эры вошедшие в употребление в Каркемыше. Оттуда это письмо, по-видимому, распространялось и на другие области, пока с ассирийским завоеванием в VII веке до нашей эры вообще не прекратилось применение иероглифического хеттского письма. Однако все древнейшие тексты свидетельствуют о том, что хетты предпочитали рельефные письменные знаки.

Но подобная техника письма не приспособлена для такого писчего материала, каким является камень. Как правило, надписи на камне высекаются резцом, и если все же хеттские знаки письма предстают перед нами в виде рельефных изображений на камне, то это позволяет сделать некоторые выводы. Первоначально знаки воспроизводились, вероятно, посредством других технических приемов, а камнерезы стали лишь подражать тому, что было уместно совсем в других условиях — в условиях рельефной резьбы по дереву. И действительно, дерево было основным писчим материалом в более древнюю эпоху; конечно, для этого оно специально подготавливалось, как показывают изображения письменных принадлежностей и писчего материала на скульптурах.

«Хетты писали кисточкой и тушью на деревянных дощечках, обтянутых холстом и загрунтованных известью. Даже тот писец, который, по вавилонскому образцу, палочкой выдавливал на сырой глине клинописные знаки, называл себя пишущим на дереве, точно клинопись была для него лишь побочным занятием, а подлинным искусством — иероглифическое письмо. Писать учились еще детьми. Мальчик, сидящий на коленях у матери, держит на привязи птицу, а возле него лежат ученическая тетрадь и бутылочка с тушью¹. И это самая настоящая тетрадь, правда, из дерева; она представляет собой складную доску с петлями по сгибу и зажимом. Такую доску можно было, вероятно, использовать и как

¹ Имеется в виду один из марашских рельефов, на котором изображена царица или кормилица с наследником престола Таргумпиасом.

письмо (да еще с конвертом), хотя обычно письма писались на свинцовых полосках, которые затем сворачивались в изящные свитки. Подобными полосками можно было пользоваться несколько раз, так как вдавленные в них буквы легко разглаживались. Государственные договоры гравировались на серебре, железе или свинце. Теоретически вообще не было чего-либо такого, на чем нельзя было бы написать или нарисовать кистью, но основным писчим материалом, к сожалению, служило дерево. К сожалению, ибо ни один образец иероглифического хеттского письма не мог сохраниться на таком недолговечном материале и дойти до нас от III тысячелетия»¹.

Вот поэтому и случилось так, что от хеттской литературы до нас дошло весьма немногое. Однако это немногое рисует нам хотя и далеко не полную, но чрезвычайно интересную картину — картину жизни сильного и здорового народа со склонностями к строгому правовому оформлению своего быта и норм поведения. Народ этот любил жизнь и ее радости и отличался безыскусственным юмором, но мог найти и потрясающие воображение слова для описания лишений и невзгод, выпадавших на его долю. Как трогательна, например, молитва Мурсилиса II об избавлении от разразившегося в стране страшного мора

«Бог бурь [страны] Хатти, господин мой, и вы [другие] боги Хатти, господа мои! Послал меня Мурсилис, великий царь, ваш раб: иди и скажи богу бурь [страны] Хатти, господину моему и другим богам, господам моим, следующее.

Вот то, что вы сделали: в страну Хатти впустили вы мор, и жестоко угнетал мор страну Хатти.

И вот умирали во время отца моего и во время брата моего, и вот умирают ныне предо мной с тех пор, как стал я жрецом богов, и это уже двадцатый год.

И вот смерть господствует в стране и мор, и не изгнаны они все еще из страны.

Но мучения я не сделаю господином сердца моего. Но и страх не сделаю я больше господином души моей»².

«Хеттский бог бурь, господин мой, и вы, боги, господа мои, вот что: [многие] совершают грехи.

¹ M. Riemschneider, *Die Welt der Hethiter...*, S. 93.

² Ibid., S. 110.

И отец мой также совершал грехи и преступил слово хеттского бога бурь, господина моего. Но я никогда не грешил.

Вот что: грех отца переходит на сына.

И на меня перешел грех отца моего.

И вот ныне перед хеттским богом бурь, господином моим, и богами, господами моими, я признаю его: вот что, мы делали это.

И так как признаю я грех отца моего, то пусть смирится вновь дух хеттского бога бурь, господина моего, и богов, господ моих.

Будьте вновь милостивы ко мне и изгоните прочь мор из страны Хатти.

.....

И если молюсь я вам, то да услышите вы меня. Так как ничего дурного не сотворил я,

и из тех, прежних, кто ошибался и делал дурное, ни одного более не осталось,

так как уже давно мертвы они; но так как на меня перешли дела отца моего, смотри, вот хочу я ради страны [моей] и из-за мора принести вам, богам, господам моим, искупительные жертвы.

Да изгоните вы мучения из сердца моего; а у души моей страх да отнимете вы...»¹.

¹ Ibid., S. 37 f.

VI

«УКРОПНЫЙ МЫС» В «БЕЛОЙ ГАВАНИ» И ГУБЛА, ГОРОД БУМАГИ

Дешифровка угаритского и гублского языков

Сколько бессонных ночей

Эдуард Дорм

Рас-Шамра, как его обычно называют, а точнее Рас-эш-Шамра, «Укропный мыс», расположенный в одном километре к юго-востоку от Минет-эль-Бейда, «Белой гавани», находится в Сирии, и мы едва ли найдем этот мыс и эту гавань на наших картах. Но попробуем мысленно провести линию строго на восток от северо-восточной оконечности Кипра; пройдя через море, она пересечет сирийское побережье как раз у этой самой, ныне невзрачной и незначительной, «Белой гавани». В 12 километрах к югу от нее лежит помеченная на многих картах Латакия, древняя Лаодикея.

Оба места, и мыс и гавань, знакомы археологам только каких-нибудь 30 лет. Но за этот короткий промежуток времени они приобрели самую широкую известность, обогатив наши знания изобилием новых и совершенно поразительных открытий. К одному из них относится и новая письменность

В марте 1928 года феллах, обрабатывавший свое поле на «Укропном мысу», внезапно наткнулся на сводчатый склеп. Известие об обнаруженных здесь новых важных материалах распространилось с быстротой молнии и достигло ушей

губернатора Алавитского государства, куда относился и Рас-Шамра. Губернатор передал сообщение далее — французским колониальным властям в Бейруте, и к месту находки поспешил, захватив с собой ассистента, профессор Шарль Виролло, директор археологических работ при верховном комиссаре Сирии и Ливана. Здесь оба исследователя извлекли несколько фрагментов керамики, для научной оценки которых был привлечен известный археолог Морис Дюнан. Осмотр находок привел к единодушному выводу: речь идет о кипрских и микенских вазах XIII и XII веков до нашей эры.

Следовательно, это ввозные товары. Отсюда недалеко уже было и до предположения, что они пришли через «Белую гавань». Но в таком случае Минет-эль-Бейда должна была бы являться в древности значительным перевалочным и торговым пунктом, очевидно поддерживавшим оживленные связи с Кипром и эгейским миром. Придя к такому заключению, Дюнан немедленно стал ходатайствовать перед французской Академией надписей о посылке экспедиции в Минет-эль-Бейда и Рас-Шамру. Согласие было дано, и в 1929 году под руководством К. Шеффера и Ж. Шене начались раскопки, которые продолжаются и до сих пор; их можно, пожалуй, охарактеризовать как одну из наиболее удачных археологических экспедиций нового и новейшего времени.

Раскопки эти дали в руки ученых массу самых неожиданных фактов, по-новому освещающих историю сокрытого под Рас-Шамрой древнего поселения, о существовании которого и его названии — Угарит — было уже известно из амариской переписки. Конечно, ученый мир ждал прежде всего новых сведений о древней Сирии, пусть не ошеломляющих, поскольку область эта была относительно хорошо исследована, но по крайней мере имеющих значительную ценность. И хотя здесь археологов ждало разочарование, но в другом их ожидания были вознаграждены сторицей. Припущенные тысячелетиями к молчанию и извлеченные на поверхность, предметы внезапно заговорили, да еще таким понятным языком. Первым делом они сообщили исследователям, что в этом некогда цветущем и богатом северосирийском городе были очень сильны чужеземные влияния. Ясно чувствовался египетский акцент, но и над ним преобладал эгейский, да настолько, что раскопки, особенно в самом позднем слое, создавали полное впечатление эгейской колонии.

Древнейший слой датировался III тысячелетием до нашей эры. Во втором слое (XX—XVI вв. до н. э.), лежащем под более поздним большим храмом Рас-Шамры, был обнаружен древний некрополь, или кладбище. Отсутствие среди погребального инвентаря кипрской керамики позволяло сделать вывод, что говорить о кипрском культурном влиянии в это время еще нельзя. Еще яснее дело обстоит с самым верхним слоем (XIV—XII вв. до н. э.). На месте древнего некрополя возвышался большой храм, открытый в 1929 году и вначале ошибочно принятый за царский дворец; следы пожара свидетельствовали о том, что уже в древности он стал жертвой огня. Здесь рядом с египетскими скульптурами и одной, египетской же, посвятителю надписью были найдены изображения двух местных божеств, поистине олицетворявших собой Угарит — ту печь, где сплавлялись самые различные культуры: статуя богини в египетской одежде и хорошо сохранившаяся стела так называемого «бога с короной из перьев». Стиль последнего изображения не поддается достаточно точному определению. Эта стоящая фигура держит в левой руке копье, а в правой — прямой жезл, знак власти, которым египетские скульпторы и художники охотно наделяли чужеземных правителей (собственные их правители, фараоны, имели изогнутый жезл); голову фигуры украшает своеобразная корона из перьев, а передник с поясом, кинжал с набалдашником и остроносая обувь, несомненно хеттского образца, дополняют одежду.

Это изображение, бесспорно отражающее отдельные черты египетского, сирийского и малоазиатского влияний, не может рассматриваться как законченный и гармоничный продукт одной из трех упомянутых культур. Скорее речь идет о смешанной культуре, а само изображение могло бы служить символом Угарита — этой «культуроплавильной» печи. В том же направлении ведет нас и другая находка, попавшая в руки археологов в 1932 году: так называемый Ваал из Рас-Шамры. Хорошо сохранившаяся, почти полтора метра высотой стела изображает Ваала в виде бога бури. Правая рука его крепко держит булаву, левой же он вонзил в землю острие копья с древком, вверху переходящим в орнамент из листьев. Голова бога покрыта высоким шлемом, украшенным рогами, а одежду его составляет передник с поясом, на котором в изогнутых ножнах висит кинжал. Перед богом можно различить маленькую фигурку человека в

сирийском одежде.
города.
Но настало
численного п
поле соседней
из слоновой к
плодородия П
нажена, нижняя
жит сноп. По
козлы. И Минет-
ко больших пог
инвентарь всех
го для воссозда
шения соседних
стать Угариту: м
прочие предмет
ной жизни и про
лой Азии и с ост
другими дарами,
ному синкретичес
Но земля Рас
поднесла археоло
кам письма» все
подарок, занима
сто среди всех на
В 1929 году,
храма, который т
хеологи наткнули
на кельи комнат.
бы служить, веро
уже 14 мая того
нанесен первый у
среди мусора и о
нописные табличк
пок 1930—1932 г
раз более значит
ученые опознали
школу писцов. И
ми — ведь они б
верглись разруша
вую же очередь с
подготовить их к

сирийском одеянии; вероятно, это посвятитель стелы — царь города.

Но настоящий перл был обнаружен среди весьма многочисленного погребального инвентаря, раскопанного в некрополе соседней Минет-эль-Бейда: крышка овального ящичка из слоновой кости с изображением крито-микенской богини плодородия Потнии Тероны. Верхняя часть тела богини обнажена, нижняя прикрыта длинной юбкой; в руках она держит сноп. По обе стороны от богини на задних ногах стоят козлы. И Минет-эль-Бейда, и Рас-Шамра скрывали несколько больших погребений крито-микенских царей. Вообще же инвентарь всех открытых погребений дал чрезвычайно много для воссоздания исчерпывающей картины пестрого смешения соседних культур, ареной которого некогда довелось стать Угариту: многочисленные цилиндрические печати и прочие предметы, сопровождавшие покойного в его загробной жизни и происходившие из Египта и Месопотамии, Малой Азии и с островов Кипра и Крита, лежали здесь рядом с другими дарами, относящимися к очень характерному местному синкретическому типу.

Но земля Рас-Шамры с первым же ударом заступа преподнесла археологам и историкам, в особенности же «знатокам письма» всего мира, еще один приготовленный для них подарок, занимающий, пожалуй, наиболее выдающееся место среди всех находок.

В 1929 году, во время раскопок в Рас-Шамре большого храма, который тогда еще принимали за царский дворец, археологи наткнулись на целый ряд очень маленьких, похожих на кельи комнат. В царском дворце такие помещения могли бы служить, вероятно, только кладовыми для припасов. Но уже 14 мая того же 1929 года подобному объяснению был нанесен первый удар — в этот день в углу одной из келий среди мусора и осыпавшейся породы были обнаружены клинописные таблички. Впоследствии, когда в результате раскопок 1930—1932 годов наука обогатилась новыми и на этот раз более значительными находками клинописных текстов, ученые опознали в этих помещениях храмовую библиотеку и школу писцов. Найденные таблички оказались очень ломкими — ведь они были свидетелями огромного пожара и подверглись разрушающему воздействию огня. Поэтому в первую же очередь следовало с чрезвычайной осторожностью подготовить их к перевозке, а уж затем приниматься за ис-

следование. Когда же с некоторыми из них познакомились ближе, то выяснилось, что они весьма схожи с табличками из Эль-Амарны, написанными вавилонской клинописью. Нашлись и списки слов, также уже известные из вавилонских клинописных текстов, — отсюда и вывод относительно школы писцов. Однако основная масса табличек вела себя гораздо загадочнее, чем за 20 лет до этого находки богазкёйского архива; было сделано поразительное открытие: эти таблички содержали тексты, написанные совершенно не поддающейся чтению и полностью непонятной клинописью, забытой и исчезнувшей более трех тысяч лет тому назад!

Но боги древнего Угарита, осыпавшие археологов XX века целыми пригоршнями своих даров, сделали еще больше: почти одновременно они преподнесли некое подобие ключа к тайне удивительных табличек — уже во время первых раскопок было открыто несколько складов бронзового оружия, среди которого находились и пять боевых топоров, покрытых загадочной клинописью.

Раскопки Рас-Шамры являются блестящей страницей в богатой истории французской археологии. Немало заслуг имеют французские исследователи и в разрешении связанной с этими раскопками таинственной загадки — в дешифровке неизвестной угаритской клинописи и неизвестного языка. Ведь здесь же неподалеку, в Бейруте, работали испытанные специалисты, готовые немедленно откликнуться на все то новое, что появлялось на свет в Угарите. Шеффер и Шене в ходе второй археологической кампании открывали и спасали от действия всеразрушающего времени один клад за другим; осторожный Виролло издавал первые клинописные тексты и готовил к изданию следующие. А в это же время в далеком городе Галле (на Заале) в своем кабинете неутомимо работал один немецкий ученый. И, не выходя из этого кабинета, он не только сдвинул с места дело дешифровки новой письменности и объяснения нового языка, но в значительной и существенной части довел это дело до конца.

Ганс Бауэр, сын агронома из Гросманнсдорфа, что под Бамбергом, родился 16 января 1878 года. В первые годы ученичества он посещал бамбергскую гимназию, а затем, сдав экзамены на аттестат зрелости, поступил в Грегориану — папский университет в Риме. Здесь он изучал философию, геологию, естественные науки и языки (хотя еще и не восточные). Возвратившись на родину, он в течение двух лет

служил священником в общественной больнице в Бамберге. Только в 1906 году Бауэр приступил к занятиям восточными языками, но уже в Берлине, где среди его учителей был Делич, обучавший некогда Грозного. Свои занятия Бауэр продолжал в Лейпциге под руководством Циммерна; в 1910 году он защитил диссертацию в Берлине, а в 1912 году получил доцентуру в Галле.

Ганс Бауэр, достигший в итоге своей деятельности славы крупнейшего знатока языков Востока, был чистым лингвистом в отличие от подавляющего большинства его современников, связавших свою судьбу с исследованиями истории мысли в восточных странах. И, между прочим, его сугубо языковедческие работы как раз показывают, что он в совершенстве владел методом, который позднее принес ему известность как дешифровщику.

Он обладал сильно развитой способностью к комбинациям и беспримерно тонким чутьем в познании жизненных процессов, происходящих в языке. Его талант комбинатора был тесно связан с ярко выраженной склонностью к математике. Впрочем, нужно сказать, что Г. Бауэру весьма пригодились и все те разносторонние познания, которые он приобрел в ходе своих занятий и которыми не были, как правило, вооружены семитологи. Достаточно сведущий в астрономии и зоологии, он был не чужд и медицине, и сверх того считался большим знатоком средневековой философии. Он основательно изучил все главные семитские языки (а это такое огромное поле, вспахать которое целиком доступно сейчас лишь немногим семитологам), читал почти на всех европейских языках и занимался еще и многими неевропейскими, в частности китайским, малайским и корейским. Это давало ему особые права на сравнительные исследования в области семантики.

Имея столь необычайные познания, Ганс Бауэр мог позволить себе идти неизведанным путем. Хотя обе написанные им грамматики — древнееврейского и библейско-арамейского языков — не встретили всеобщего признания, именно эти работы представляли собой смелое вторжение в наиболее темные области истории языка и служили образцом совершенно новой постановки вопроса об обоих временах семитского глагола и их развитии. Эту проблему Бауэр атакował с довольно рискованных позиций. Однако наряду с большими комбинационными способностями его, вероятно, сопро-

вождало в этом бою также упомянутое выше инстинктивное чутье знатока таинственной жизни языка и его самых сокровенных внутренних закономерностей. Тот же совместный натиск комбинаторной и лингвистической интуиции через некоторое время привел к одному из удивительнейших успехов в истории новых дешифровок вообще: к дешифровке Бауэром найденной в Угарите клинописи и открытию нового языка — языка этих памятников. Этот успех становится еще более значительным в свете того факта, что Бауэр, человек крайне замкнутый и необщительный, совершил и этот свой научный подвиг в одиночку.

Теперь, опираясь на данное самим Бауэром ясное и понятное описание¹, проследим за его работой и ходом дешифровки.

Уже на месте находки памятников было замечено, что новая письменность имеет сравнительно мало знаков (тогда было известно 27, ныне 30, ряд исследователей различают 32). Сделал это наблюдение специально приглашенный человек, а именно — Шарль Виролло. Одновременно он заключил, что перед ним алфавитная письменность — ограниченное число знаков не допускало и мысли о слоговой письменности или идеограммах.

Итак, речь могла идти только об алфавитной письменности, подобной древнеперсидской: как и та, она являлась последним отпрыском месопотамской клинописи, но принадлежала к более древней ветви и была старше персидской на тысячу лет. Кроме того, она происходила из местности, заслужившей себе славу прародины всех буквенных алфавитов, и в том числе финикийского буквенного письма, считавшегося в то время наиболее древним семитским алфавитом. Очевидно, находясь под сильным впечатлением остальных находок, Виролло высказал предположение о том, что языком новых памятников письма является кипрский или даже митаннийский, известный по амарнской переписке.

Однако Бауэр при первом же взгляде на эти письмена проникся убеждением, что за ними должен скрываться язык семитский. Это убеждение, тогда еще, впрочем, не более основательное, чем дюжина других, он и принял в качестве рабочей гипотезы... и не прогадал.

¹ Н. Bauer, *Die Entzifferung des Keilschriftalphabets von Ras Schamra*, — «Forschungen und Fortschritte», Bd VI, 1930, Ss. 306—308.

К 27 апреля 1930 года — всего за несколько дней — Бауэр один, без билингв, без детерминативов и идеограмм, без всегда готовых прийти на помощь собственных имен, в значительной степени дешифровал письменность, которую впервые увидел в глаза, когда в том же апреле получил изданные Виролло тексты.

В методе, которым воспользовался немецкий семитолог, в самом ярком свете проявилось описанное нами выше удачное сочетание комбинационных способностей и лингвистических познаний.

Как уже говорилось, Бауэр исходил из предположения, что за неизвестной письменностью скрывается семитский язык. В соответствии с этим предположением он применил к лежащим перед его глазами текстам законы, определяющие строй семитских языков.

При этом единственным отправным пунктом послужило то обстоятельство, что в текстах имелся словоразделитель — вертикальный штрих. Между подобными словоразделителями Бауэр встретил многократно повторяющийся, одиноко стоящий клинописный знак. Это навело его на мысль, что речь идет об «однобуквенных» словах, которые являются непременным признаком семитских языков, где, как известно, выписываются только согласные. Одновременно из простого наблюдения над внешним видом письма он сделал второй вывод: словоразделители невольно извещали о началах и концах слов, и там, в начале и в конце слов, стояли префиксы и суффиксы. Но в западносемитских языках в качестве префиксов могут быть рассмотрены ' «алеф» (гортанный смычный звук перед гласными), затем *j*, *m*, *n* и *t*, а также, возможно, *b*, *h*, *k*, *l* и *w*; в качестве суффиксов — *h*, *k*, *m*, *n*, *t* и, возможно, *w* и *j*; в качестве однобуквенных слов — *l* и *m* и, возможно, *b*, *k* и *w*.

Так уже с самого начала для некоторых совершенно определенных клинописных знаков, а именно — для знаков, стоящих в начале и в конце слов и между двумя словоразделителями, был строго ограничен подбор звуковых значений. Благодаря этому Бауэр продвинулся ближе и к прочтению текстов.

Он свел те звуковые значения, которые, согласно вышеприведенным комбинациям, подлежали рассмотрению как значения определенных знаков, в следующую обзорную таблицу.

В семитских языках могли встречаться:

как префиксы	как суффиксы	как однобуквенные слова
I	II	III
<p>алеф</p> <p><i>j</i></p> <p><i>m</i></p> <p><i>n</i></p> <p><i>t</i></p> <p>(<i>b</i>)</p> <p>(<i>h</i>)</p> <p>(<i>k</i>)</p> <p>(<i>l</i>)</p> <p>(<i>w</i>)</p>	<p><i>h</i></p> <p><i>k</i></p> <p><i>m</i></p> <p><i>n</i></p> <p><i>t</i></p> <p>(<i>w</i>)</p> <p>(<i>j</i>)</p>	<p><i>l</i></p> <p><i>m</i></p> <p>(<i>b</i>)</p> <p>(<i>k</i>)</p> <p>(<i>w</i>)</p>

Затем Бауэр обратился к в высшей степени простому и хорошо апробированному средству — к тщательному изучению текстов с точки зрения частоты употребления отдельных знаков. И тут он столкнулся с фактом, что во всех грамматических функциях, соответствующих трем показанным на таблице разрядам (I, II и III), часто встречаются два определенных клинописных знака. Теперь он уже ищет знаки, употреблявшиеся во всех трех функциях, и находит три таких знака, это *k*, *m* и *w* (их легко можно установить, бросив взгляд на нашу схему). При этом Бауэр сразу же отбрасывает *k* ввиду его довольно редкого применения в указанных грамматических функциях; у него остаются *m* и *w*.

Дальнейшее рассмотрение текстов показало, что два других очень часто встречающихся знака, а именно простой и тройной горизонтальные клинья, выступают в позиции префиксов и суффиксов и не выступают в качестве однобуквенных слов, то есть они должны были появиться в таблице только среди I и II разрядов; подобные условия подходили, как это можно заметить, к *n* и *t*! Правда, не следует забывать, что Бауэр, достигнув данного этапа своих доказательств, еще и сам не знал, какой из приведенных вначале знаков передавал *m*, а какой — *w*, не знал он также и того, какой знак из второй пары знаков выражал *n*, а какой *t*. Таблица, собственно говоря, в обоих случаях для каждой пары знаков предлагала альтернативу. Но при всем том четыре знака были ограничены уже только четырьмя звуко-

выми значениями и допускали лишь две возможности выбора, что, разумеется, очень облегчило исследователю оперирование этими столь часто встречающимися знаками.

И здесь Ганс Бауэр воспользовался средством, предоставленным ему издателем текстов Шарлем Виролло. Последний заметил, что группа из шести знаков, которая была выгравирована на нескольких бронзовых топорах, обнаруженных при раскопках, находится также в начале одной клинописной таблички; правда, там ей предшествует еще один знак. Виролло заключил из этого, что группа знаков на топорах представляла собой собственное имя лица, а начало текста на клинописной табличке — первые строки письма, направленного тому же самому лицу. Но тогда отдельный знак перед этой группой знаков мог бы выражать, по мнению Виролло, предлог, который в семитских и ряде других языков ставят перед именем адресата, и соответствовать аккадскому предлогу *ana* (в русском языке подобные связи передаются посредством дательного падежа адресата).

Ганс Бауэр умело использовал это наблюдение. Аккадскому (восточносемитскому) предлогу *ana*, рассуждал он, соответствует в западносемитских предлог *l* (*li*); и, стало быть, стоящий в начале упомянутого письма знак должен передавать звук *l*!

Вооружившись найденным знаком со звуковым значением *l* и двумя вариантами для *m*, Бауэр уже как математик прибег, так сказать, к помощи «теории вероятности» и уравнения с одним неизвестным. Теория вероятности в данном случае состояла в соображении, за ценность которого специалисты-семитологи не дали бы и ломаного гроша. Что же касается неспециалистов, то у них, пожалуй, оно создаст впечатление, будто кажущееся нам столь неполноценным семитское «письмо только согласными» в действительности тоже имеет свою положительную сторону. Бауэр занялся поисками слова, с большой долей вероятности находящегося в текстах, а именно — слова «царь», западносемитского *mlk* (с ним мы еще встретимся в главе о кипрской письменности). Вначале был опробован один из двух вариантов для звука *m*. При этом в одном тексте ученый наткнулся на слово, при чтении которого в свете данного предположения получалось *ml*- с одним неизвестным знаком, обозначенным Бауэром по излюбленному обычаю «X». Но был ли $X=k$ и было ли слово искомым *mlk* «царь»? Предположение пере-

шло в полную уверенность, как только он обнаружил в другом тексте форму *mlXX* — она обязательно должна была соответствовать слову *mlkk* «твой царь». И Бауэр пришел к убеждению, что он нашел новый знак для *k* и окончательно определил *m*¹.

На этом пути поисков слов, стоящих предположительно в текстах, Бауэр сделал еще несколько шагов вперед. Ближайшей его целью было слово *bn* «сын». Сначала поиски этого слова не давали никаких результатов, но в конце концов он обнаружил на одной табличке, содержащей, по всей вероятности, список имен, два знака, которые повторялись 15 раз перед другими, в каждом случае меняющимися группами знаков, хотя и не отделялись от них словоразделителями. Из этих двух знаков один — тот, который стоял на втором месте и представлял собой тройной горизонтальный клин, — уже не был для Бауэра неизвестной величиной; согласно его таблице, этот знак должен был передавать *t* или *n*; первый знак также встречался, причем в форме однобуквенного слова — один взгляд на III разряд подтверждал, что это *b*. Итак, было найдено слово «сын» и определены две новые буквы *b* и *n*.

Быть может, здесь нелишне было бы прервать изложение хода дешифровки, чтобы выразить охватывающее нас чувство: словно азартные охотники мы крадемся вместе с исследователем, всякий раз замирая, когда он — да простят нам это грубоватое сравнение — «берет след» или расставляет свои силки, в которые должна попасться новая буква. Скажем прямо, вместе с *b* в руках Бауэра оказался славный охотничий трофей: где *b* и *l*, там недалеко и Ваал (*Ba'al*). В семитских языках, как видим, это слово имеет

¹ Воздавая должное истине, покажем, сколь сильно подвержены возможности ошибочных выводов даже такие остроумные комбинации, поручкой правильности которых должен был бы служить большой опыт исследователя. Дело в том, что как раз здесь Бауэр ошибся и был вскоре поправлен Дормом: его *k* оказалось в действительности *m*, а *m* — *š*. Бауэр оставил без внимания (и, вероятно, вынужден был это сделать на начальной стадии исследования) то, что древний писец не пользовался словоразделителем перед одним определенным словом, и, стало быть, сочетание знаков, принимаемое Бауэром за суффикс, было в действительности однобуквенным словом. Эта ошибка, естественно, повлекла за собой и другие. Мы в своем изложении следуем тем не менее бауэровской аргументации, поскольку она, совершенно правильная в своей основе, была тем методом, который вел его к цели.

три согласных звука, ибо таковым является и часто передаваемый в транскрипции через ' гортанный взрывной звук 'айн. Наконец, Бауэр нашел сочетание букв *b-X-l*. И хотя табличка была маленькой, слово это повторялось на ней не менее семи раз! Так был установлен 'айн.

Основываясь на подобных рассуждениях, Ганс Бауэр смог уже в первой своей работе правильно определить 17 знаков. Сам он считал, что верно интерпретировал 20 знаков, в правильности определения еще 5 он сомневался, а 2, ввиду того что они встречались довольно редко, оставались еще необъясненными. Бауэр отмечал также, что исследование шло совсем не так, как описано выше, где мы следовали его собственному более позднему изложению. И без того ясно, что этот поразительный плод мысли, созданный в течение всего нескольких дней, не упал с неба; перед нами скорее результат не менее чем двадцатилетней непрерывной работы над проблемами письменности. Однако было бы интересно и, пожалуй, очень поучительно проследить за работой Бауэра и в тех случаях, когда он заблуждался.

Во-первых, уже при составлении приведенной таблицы, группировавшей клинописные знаки по их положению в тексте (префиксы, суффиксы и однобуквенные слова), Бауэр допустил в одном пункте ошибку — именно там, где древние писцы довольно зло, хотя и неумышленно, подшутили над ним, присоединив однобуквенное слово без словоразделителя к предшествующему слову. Ничего не подозревавший Бауэр принял это слово за суффикс, поместил его ошибочно во II разряд, ошибочно же его определил и, естественно, «добыл» отсюда еще несколько столь же ошибочных значений.

Во-вторых, те самые упомянутые нами выше бронзовые топоры — ниспосланный угаритскими богами ключ к дешифровке, которым как раз и воспользовался Бауэр, — тоже оказались довольно коварными. А два из них стали для Бауэра прямо-таки воплощением злого рока. Они изображены у нас здесь, и не только для иллюстрации этой ошибки, но и для того, чтобы читатель имел возможность сам, буква за буквой, прочесть подлинный угаритский клинописный текст.

На одном топоре (слева) стоят шесть клинописных знаков. Другой также имеет эти шесть знаков, но перед ними (то есть здесь над ними) стоят еще четыре других. (Тот, кто

попробует найти на правом топоре эти шесть знаков, уже почувствует, как нелегко прочесть даже простую клинопись.) Итак, на обоих топорах начертана одна и та же группа из шести знаков, и Бауэр предположил, что она содержит имя владельца топоров; что же касается более короткой четырехзначной группы, то он весьма правомерно рассчитывал найти здесь слово «топор». (С точки зрения метода, он тем самым поставил вопрос о параллелизме предмета и надписи на нем и, стало быть, следовал тому же правилу, которое столь успешно применял Эмиль Форрер при работе над дешифровкой хеттских иероглифов.) Среди четырех знаков, означавших, согласно предположению Бауэра, слово «топор», встречается знакомый, а именно — знак номер 4, тройной горизонтальный клин: это *n* (необходимо повернуть рисунок налево на 90 градусов, поскольку надпись сделана слева направо). Значение знака номер 2 Бауэр к то-

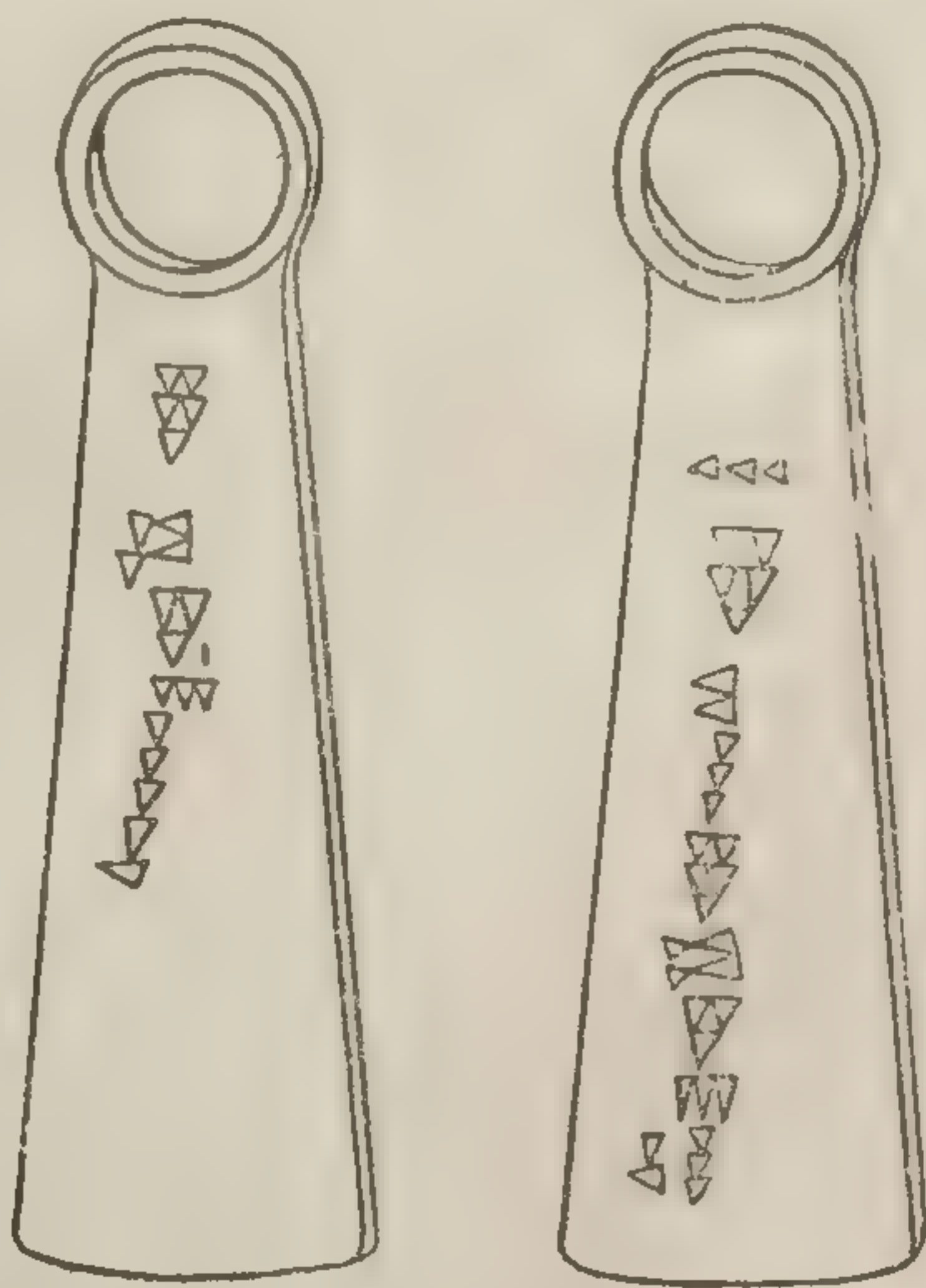

Рис. 64. Топоры с выгравированной угаритской надписью

му време
новится
ним дре
виде gr
еще знак
Продела
другими
получен

Все д
вскоре п
совсем н
мобытны
И «топор
на право
верховно
rb khnt
прочтем
старого Э

Как
1930 год
опублико
приложе
ние о св
четырех
Астарты
лительны
что для
последов
ние Бау
ста 1930
начале с
ная раб
ры». Тр
тому вр
от ошиб
«Важное
тому, чт
с неизбе
новые п
фессора
В ко
нии к «

му времени уже вывел из других аналогий: это *r*. Теперь становится понятным убеждение исследователя в том, что перед ним древнееврейское слово «гарцен» — «топор», написанное в виде *grzn*; он решил, что может подставить к не известным еще знакам номер 1 и номер 3 этой группы значения *g* и *z*. Прodelав это, Бауэр приступил к дальнейшей работе над другими группами знаков, используя, естественно, вновь полученные значения и еще более усугубляя свою ошибку.

Все дело заключалось в том, что угаритский язык, как вскоре показала последующая работа над его алфавитом, совсем не идентичен древнееврейскому. Это был вполне самобытный семитский язык, хотя и родственный последнему. И «топор» в угаритском вовсе не *grzn*, а *hršn*, вся же надпись на правом топоре звучала *hršn rb khnm*, что значит «топор верховного жреца». Более краткая надпись на левом топоре *rb khnm* значила «верховный жрец». Если мы внимательно прочтем транскрипцию обеих надписей, то узнаем в слове *rb* старого знакомого — «рабби», раввина.

Как уже было сказано, Ганс Бауэр в конце апреля 1930 года закончил обработку результатов исследования и опубликовал 4 июня 1930 года в «Листке для развлечения», приложении к «Фоссише цайтунг», предварительное сообщение о своей дешифровке, которое содержало определение четырех букв — 'алеф, *t*, *r* и *n*, чтение имен богов Ашеры, Астарты и Ваала, символы богов Эл и Элоах, а также числительные «три» и «четыре». Одновременно он указал на то, что для алефа существуют два различных знака. Затем последовало предназначенное для широкой публики сообщение Бауэра о методе его дешифровки, появившееся 20 августа 1930 года в журнале «Форшунген унд фортшритте», а в начале октября 1930 года вышла из печати его первая крупная работа «Дешифровка клинописных таблиц из Рас-Шамры». Труд содержал полную транскрипцию изданных к тому времени текстов (как мы видели, он не был свободен от ошибок в толковании угаритского алфавита), а также «Важное дополнение». Важным это «Дополнение» было потому, что излагало вторую, решающую, стадию дешифровки с неизбежными поправками к созданной автором системе и новые научные открытия, сделанные коллегами нашего профессора из Галле.

В конце апреля 1930 года, еще прежде, чем в приложении к «Фоссише цайтунг» появилась предварительная ин-

формация «Дешифровка новой клинописи», профессор Бауэр оповестил директора восточного отделения Луврского музея в Париже Рене Дюссо (как издателя востоковедного журнала «Сирия», где публиковались угаритские тексты) о том, что ему удалось принципиальная дешифровка текстов, а несколькими днями позже довел до его сведения и отдельные наиболее существенные результаты своей работы. Рене Дюссо доложил об этих результатах 23 мая на заседании французской Академии надписей, и они были оценены здесь по достоинству. Послание Бауэра Дюссо совпадало приблизительно по содержанию с предварительным сообщением в «Фоссише цайтунг», которое попало и в руки профессора Французской библейской и археологической школы в Иерусалиме Эдуарда Дорма (подробнее мы скажем о нем ниже). Дорм, приступивший к рассмотрению звуковых значений, изложенных в этой работе Бауэра, не только был вооружен весьма основательным знанием дела, но и имел за плечами практический опыт дешифровщика, приобретенный во время первой мировой войны.

Ему удалось довести количество прочитанных знаков до 20 и вместе с тем полностью устранить некоторые ошибки Бауэра, чреватые весьма тяжелыми последствиями. Сообщая о своих результатах немецкому коллеге, Дорм сделал это в такой форме, которая не может не свидетельствовать о большом научном такте француза. Свою статью, подготовленную для издаваемого им же журнала «Ревью библик», он предоставил в распоряжение ученого из Галле еще в виде корректурных гранок, и Бауэр смог по крайней мере сопроводить свою уже отпечатанную книгу упомянутым нами «Важным дополнением», где он указывал на звуковые значения знаков и чтения Дорма. Работа, сделанная Дормом, как и некоторые данные, полученные Бауэром в результате нового просмотра материала, привели последнего к так называемому «Алфавиту 5 октября 1930 года», содержащему 25 правильно определенных знаков. Таким образом, за какие-нибудь полгода Ганс Бауэр и Эдуард Дорм в основном завершили дешифровку, причем только при помощи текстов, открытых в 1929 году, и весьма невыразительных списков городов, мало что дающих для понимания языка¹.

¹ Между прочим, даже самые «жалкие» из подобных документов могут иногда оказаться очень важными. При дешифровке угаритского пись-

Как уже сказано, «принципиальная» дешифровка, «дешифровка в основном», тем самым была закончена. Еще отсутствовали некоторые звуковые значения, другие же различались не совсем ясно.

Дело завершения дешифровки взял на себя неоднократно нами названный издатель текстоз, профессор Жан Шарль Габриэль Виролло (родился 2 июля 1879 года в Барбезье, Шаранта).

Будущий доктор филологии и директор сорбоннской Практической школы высших знаний (Ecole pratique des hautes études) уже с самых ранних лет занимался восточными языками.

К тому времени, когда он был назначен руководителем археологических работ в Сирии и Ливане (1 октября 1920 года) и в качестве такового развернул здесь чрезвычайно плодотворную деятельность, он уже много работал в области арабского и персидского языков, истории, географии и археологии Древнего Востока, проводил исследования в Британском и Стамбульском музеях и объездил Малую Азию и Иран. Он организовывал все посылавшиеся туда археологические экспедиции, которые внесли немалый вклад в изучение древней истории этой части Земли; по его же инициативе были основаны многие музеи и среди них Багдадский, Дамасский и Халебский (впоследствии они превратились в центры активной исследовательской работы).

Когда весной 1930 года Шеффер и Шене вторично вошли заступы в землю Угарита, им вновь посчастливилось, но теперь находка превзошла все, что было обнаружено в прошлом году. Открытые глиняные таблички содержали не какие-то списки и описи, а длинные, повествовательного характера тексты, которые наконец позволили завершить дешифровку. И Виролло придал алфавиту из Рас-Шамры его окончательный вид. Как только Виролло сделал исчерпыва-

---

ма одно из самых ошеломляющих подтверждений ее правильности принес найденный позднее простой список, который был составлен угаритским клинописным алфавитом и перечислял населенные пункты и их поставки вина, причем число кувшинов было выражено фонетически написанными угаритскими числительными. Сложение этих чисел давало в итоге 148 кувшинов, а в конце этого перечня стояла написанная на аккадском языке отметка: «148 (цифрами) кувшинов вина»! Ср. J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, S. 71 f; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 97.

1		a	10		m
2		e(i)	17		n
3		u	18		s
4		b	19		s ₂
5		g	20		'
6		d	21		g
7		h	22		p
8		r	23		s
9		z	24		z
10		h	25		q
11		h	26		r
12		t	27		s
13		y	28		z
14		k	29		t
15		l	30		t

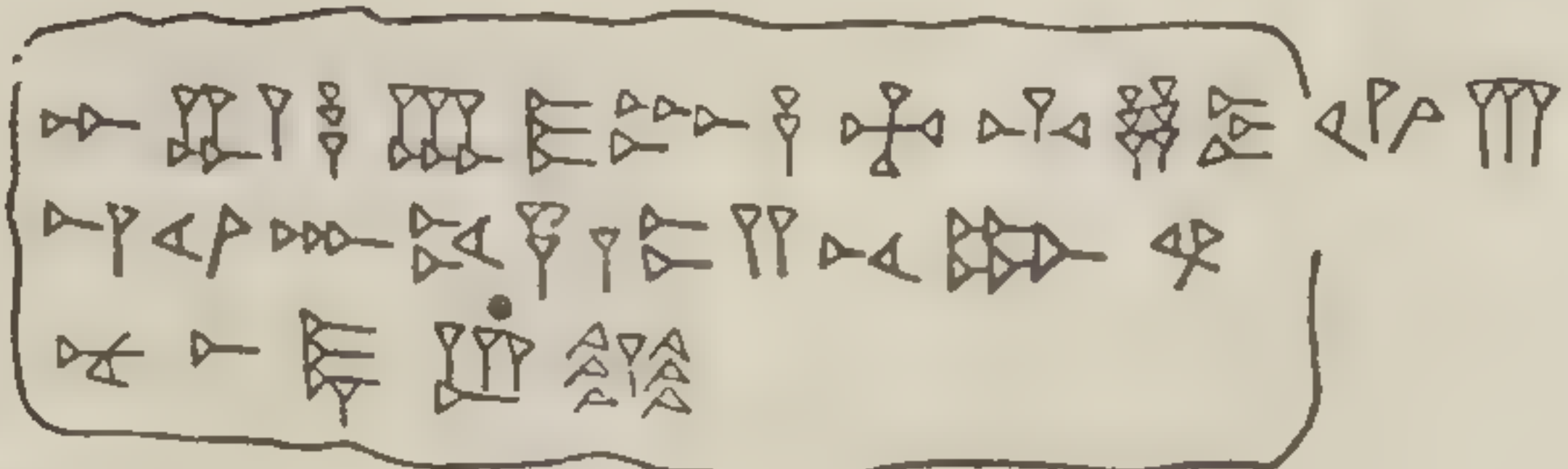

Рис. 65. Алфавит Рас-Шамры. Вверху — в том виде, как его рассматривает современная наука. Внизу — как он выглядит на глиняной табличке из Угарита

ющее сообщение о проделанной работе¹, было установлено, что он опознал еще два знака сверх определенных Бауэром и Дормом: знак для z и третий знак для алефа. Тем самым

¹ «Syria», t. XII, 1931, pp. 15—23, 193—224; там же, на стр. 194, таблица алфавита в его новом виде.

была внесена полная ясность в характер и строй письменности.

Путь Шарля Виролло как ученого характеризует его, притом отнюдь не в последнюю очередь, и как человека. Основная часть исследований, которым он посвятил всю свою жизнь, касается истории религии. Здесь корень и зародыш открытия Виролло, здесь же и ключ к пониманию его личности. На заданный ему как-то вопрос относительно наиболее раннего периода его творчества, внутренних побуждений и мотивов его деятельности ученый кратко ответил:

«Касаясь моего призвания, могу только сказать, что уже семнадцатилетним юношей я принял решение заняться древнееврейским языком. Дело в том, что тогда я прочел в „Мыслях“ Блеза Паскаля слова, которые всегда считал и считаю возмутительными: „Я нахожу в порядке вещей, что люди стремятся познать не учение Коперника...”¹.

Ганс Бауэр, немец, проделавший основную дешифровку, дожил еще до того времени, когда его труд, исправленный и дополненный французами Дормом и Виролло, получил всеобщее признание. Ему суждено было также испытать вместе со всеми радость в связи с подведением первых главных итогов деятельности ученых и археологов и полностью оценить значение угаритских находок. Это произошло незадолго до его смерти (после продолжительной болезни он скончался в Галле на 59-м году жизни).

Новая письменность, подобно другим северосемитским письменностям, представляется нам чистым буквенным письмом; она не знает ни слоговых знаков, ни идеограмм, ни детерминативов. Перед нами некое соединение алфавитного однобуквенного принципа с клинописной формой — такой же продукт смешения, как и вся своеобразная культура угаритского города-государства. По аналогичному рецепту была, как известно, составлена и древнеперсидская письменность. Однако мы знаем и еще один не менее интересный

¹ Паскаль продолжает: «... а другое: решающе важным для всей жизни является знание того, смертна или бессмертна душа» («Мысли», фрагмент 218). Это противопоставление, вытекавшее из тех реальных условий, в которых развивалась общественная мысль его времени. Паскаль пытался распространить и на будущие эпохи. Виролло решительно отрицает его тезис; исследователь XX столетия, он сознательно идет «коперниканским» путем холодной оценки фактов и поисков истины именно в области историко-религиозной.

продукт смешения разных систем письменности — мероитское письмо, которое также пользовалось уже ранее созданной внешней формой знаков, а именно — египетскими иероглифами, вначале совершенно чуждыми мероитскому языку. Как и Мероэ, Угарит при создании своей новой письменности отбросил идеограммы, слоговые знаки и детерминативы и использовал знаки принятого первоначально за образец письма по принципу, заложенному в другой письменности: по принципу семитского буквенного письма согласными (Мероэ — по принципу греческого алфавитного письма).

Бросается в глаза, что в угаритской письменности представлены сразу три алефа. Как видно из обзорной таблицы (рис. 65), здесь различается алеф перед *a*, перед *e* или *i* и перед *u*. На основании этого довольно странного явления был выдвинут целый ряд гипотез относительно происхождения угаритского алфавита.

Еще в 1935 году проблема происхождения угаритской клинописи была охарактеризована Гансом Иенсенем как полностью не решенная. Приходится признать, что за прошедшее со дня этого утверждения время решение проблемы далеко вперед не продвинулось. Отдельные исследователи пытались объяснить угаритский алфавит самым различным образом: как подражание северосемитскому алфавиту или его дальнейшее развитие, как продукт влияния так называемого синайского письма и даже как письменность, возникшую путем упрощения и деления вавилонских слоговых знаков на две части! Все эти попытки могут рассматриваться ныне как неудачные. Более вероятной кажется другая теория, пользующаяся сегодня весьма широким признанием, а именно, что клинопись из Рас-Шамры является не переиначенной у кого-то и каким-то образом переработанной системой, а результатом свободного творчества и самостоятельным изобретением человека, знавшего северосемитский алфавит; отсюда и принцип письма, не употреблявшего гласные (сравни также рисунок 65, внизу). Вместе с тем, будучи приучен писать палочкой на глине, что, разумеется, не способствовало воспроизведению линейных букв, этот человек вынужден был прибегнуть к спасительному клину. Ганс Бауэр даже склонялся к выводу, что письменность Угарита была первоначально изобретена вообще для несемитского языка. При этом он исходил из того обстоятельства, что это письмо знает три знака для алефа и что в Рас-Шамре были

найжены таблички, составленные точно такой же письменностью, но на почти совершенно недоступном хурритском языке.

Находки и открытия, сделанные в Рас-Шамре, принесли обильные новые сведения об истории угаритского государства, его искусстве, экономике, письме и языке. При помощи обнаруженного материала можно уже было нарисовать наглядную картину жизни северосирийского города-государства в XVI веке до нашей эры. Находясь под верховной властью Египта, Угарит тем не менее сохранил относительно большую самостоятельность и являлся богатой и цветущей общиной. В XIII веке до нашей эры это государство пало в борьбе со вторгшимися с северо-запада «морскими народами». Мы уже упоминали, что ценные произведения искусства, найденные здесь и свидетельствующие о довольно высоком развитии местной культуры, обнаруживают наряду с этим характерные черты, свойственные египетской, кипрской, микенской, хеттской и вавилонской культурам. Город был важным пунктом на торговом пути Восток—Запад, ведущем из эгейского мира через Кипр на восток, к Евфрату и дальше.

Новый клинописный алфавит, загадочного еще и по сегодняшней день происхождения, был открыт; ему соответствовал новый, дотоле неизвестный, семитский язык, который, хотя и был родствен остальным, уже известным, имел свои характерные особенности.

Едва ли можно переоценить значение этих находок для истории религии. Были обнаружены культовые тексты, где речь шла о богах и жертвоприношениях, предписаниях относительно очищения от грехов, а также различные списки из святилищ. Другая группа табличек содержала более длинные эпические тексты, повествующие о битвах богов, рождении их детей и т. п. Раскопки представили в совершенно новом свете финикийско-арамейскую религию II тысячелетия до нашей эры и до конца обнажили ту ханаанскую почву, на которой была возвращена религия древних израильтян. Ее предпосылки никогда еще не были раскрыты так глубоко и с такой полнотой. Эпитеты богов, известные нам из Ветхого завета, оказались их подлинными именами. Здесь рассказывалось об умирающих и вновь возрождающихся богах растительности и плодородия — совсем так, как в греческой мифологии. Некоторые сведения позволяли даже прийти к

новым выводам относительно происхождения недели и субботы. И, наконец, выявились поразительные соответствия между миром богов Рас-Шамры и гомеровским пантеоном. Так неожиданно подтвердилась древняя традиция, говорящая об исключительно сильном влиянии финикийского учения о возникновении мира и богов на мифологию греков. Но особенно дорого было для историков религии открытие в текстах настойчивых и страстных поисков возвышенного понятия божества, иначе говоря — общечеловеческой идеи «божественного». Кто знает, может быть, это уже почувствовал умирающий Сейс, когда накануне своей смерти воскликнул: «Когда же Виролло издаст новые тексты из Рас-Шамры!».

Отрывок текста из мифа о Моте и Алийон Ваале, который мы предлагаем вниманию читателя как пример угаритской «литературы», правда, не содержит никаких намеков на эти извечные поиски «божественного», но исполнен покоряющей власти слова, выразительности и бесспорного поэтического очарования. Этот образец древнейшего культурного наследия познакомит нас с религиозной этикой древних северо-западных семитов:

«День прошел, и дни прошли, любовь переполнила сердце Анат. Подобно сердцу коровы, [тоскующей] по теленку, подобно материнскому сердцу овцы, [тоскующей] по детенышу ее, так тосковало оно по Ваалу. И схватила она Мота... и возвысила она голос и воскликнула: „Ты, Мот, верни мне брата моего!“ И отвечал сын богов Мот: „Что хочешь ты, о дева Анат?“... День прошел, и дни прошли; после дней, после месяцев переполнила любовь сердце Анат. Подобно сердцу коровы, [тоскующей] по теленку, подобно материнскому сердцу овцы, [тоскующей] по детенышу ее, так тосковало оно по Ваалу. Она схватила сына богов Мота; мечом она рассекла его, лопатой она молотила его, огнем она жгла его, в муку она смолотила его, по полю разбросала она плоть его, чтобы пожрали ее птицы и свершилась судьба его».

На этом месте текст испорчен и с трудом поддается чтению. Из следующих же столбцов можно установить, что Алийон Ваал появился вновь, однако и противник его, Мот, несмотря на свой ужасный конец, также пробудился к новой жизни.

«И стали друг прогнать друга, пылая подобно углям, сильный Мот и сильный Ваал; и сшиблись, подобно диким зве-

рам, с...
2000 з...
но...
S...
А...
твой...
жез...
Теперь...
ле, работ...
и языка...
что дальш...
совершен...
Эдуар...
языкозна...
силой сло...
греческий...
стоящему...
жизнь. Н...
сти и жи...
Вместе...
стоятельн...
Армантье...
он был...
где разве...
вательску...
митских...
го, — так...
скими и...
его труда...
лонские...
Дорма...
школе ск...
гатовой об...
толкован...
семитски...
стей Рез...
вал в из...
(«Langue...
Конеч...
J. Fr...
gen, — «De...

рям, сильный Мот и сильный Ваал; и кусали друг друга, подобно змеям, сильный Мот и сильный Ваал, и были, подобно коням, проворный Мот и проворный Ваал... И воззвал *Srš* к Моту: „Слушай, о сын богов Мот, как мог биться ты с Алийон Ваалом, как! Да не услышит тебя бык Эл, отец жезл приговора твоего”»¹.

Теперь нам надлежит вспомнить о третьем исследователе, работавшем над дешифровкой угаритской письменности и языка, об Эдуарде Дорме. Это сейчас тем более уместно, что дальше речь пойдет о научном открытии, сделанном им совершенно самостоятельно.

Эдуард Дорм — специалист в области сравнительного языкознания — с ранних лет был заворочен магической силой слова. Юному гимназисту вскружили голову латынь и греческий — мертвые языки, в действительности же по-настоящему полные жизни и всегда готовые вызвать новую жизнь. Но наряду с этим будущий филолог оказался во власти и живых языков, прежде всего английского и немецкого.

Вместе с началом нового века пришло и начало самостоятельной жизни юного ученого (он родился в 1881 году в Армантьере). В 1905 году после серьезного изучения языков он был приглашен в Библейскую школу в Иерусалиме, где развернул плодотворную преподавательскую и исследовательскую деятельность. Он посвятил себя как изучению семитских языков — древнееврейского, арамейского, арабского, — так и прежде всего работе над шумерскими, вавилонскими и ассирийскими клинописными текстами. К главным его трудам того времени относятся «Избранные ассири-вавилонские тексты», изданные в 1907 году. Научные интересы Дорма и преподавательская деятельность в Библейской школе склонили его испробовать свои силы и в другой богатой области исследования — библеистике. А работа над толкованием Ветхого завета побудила его заняться наряду с семитскими языками и исследованием семитских письменностей. Результаты своих трудов в этой области он резюмировал в известной книге «Семитские языки и письменности» («*Langues et écritures sémitiques*»), вышедшей в 1930 году.

Конечно, упомянутые нами сочинения едва ли могли бы

¹ J. Friedrich. *Ras Schamra. Ein Überblick über Funde und Forschungen*, — «Der Alte Orient», Bd 33, Hft 1/2, Leipzig, 1933, S. 32 f.

быть написаны, если бы верховная власть их автора не простиралась на соседние области науки и не опиралась на помощь сравнительного языкознания. В своей работе Дорм-исследователь всегда мог воспользоваться богатым опытом Дорма-археолога, который провел уже ряд раскопок в Палестине, на Иордане и в Трансиордании, в Египте, на Синае и в Ливане, а также в бассейне Тигра и Евфрата.

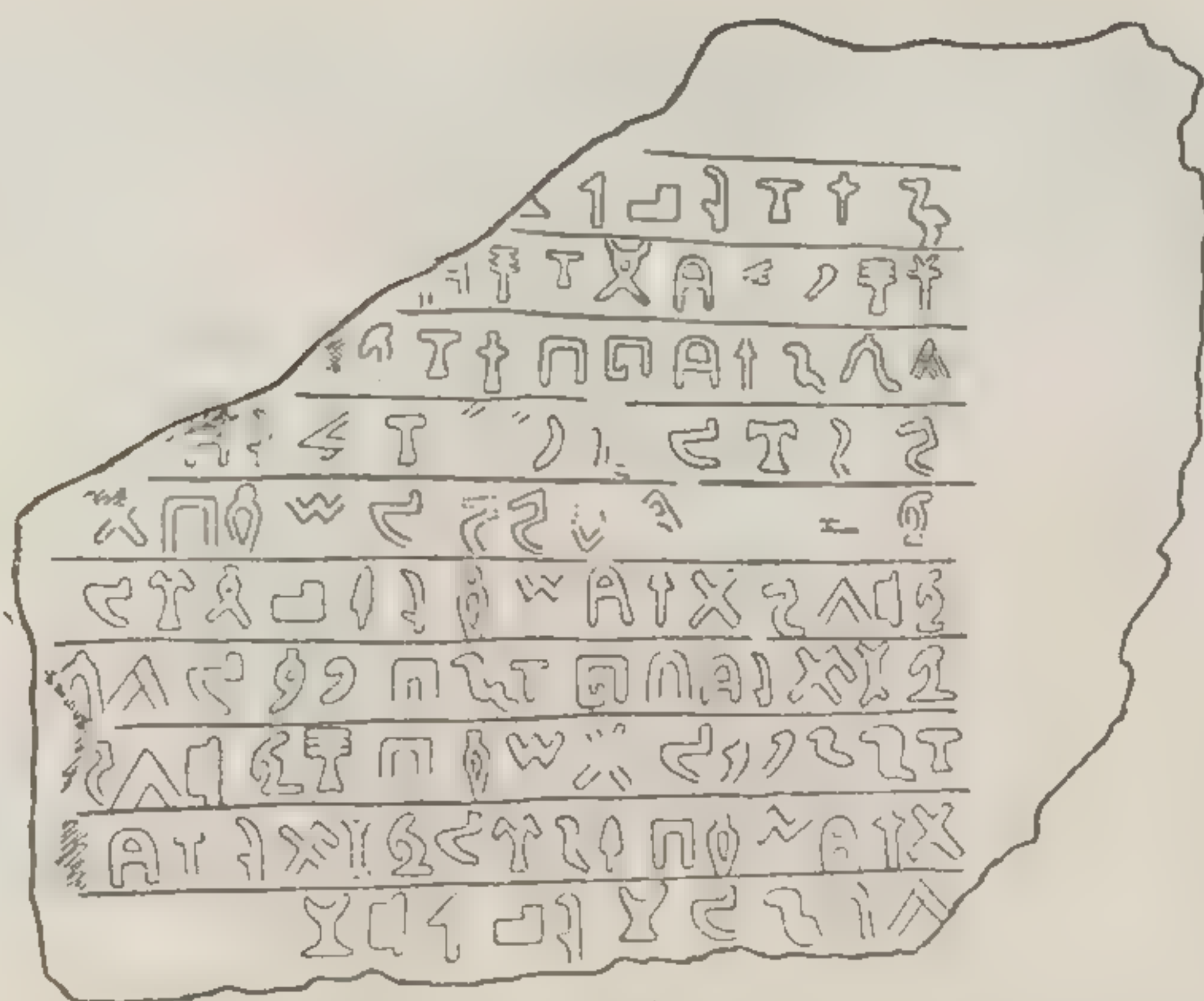
Добавим к этому, что Дорм был сведущ еще в одной области, которая, на первый взгляд, совершенно не связана с наукой и, казалось бы, весьма далека от филологии и археологии, но в то же время открывает возможность специальной тренировки для дешифровщика незнакомых древних письменностей. Дело в том, что во время первой мировой войны, после возвращения из французской военной экспедиции в Дарданеллы и Македонию, Дорм взял на себя выполнение заданий по расшифровке перехваченных у противника кодированных телеграмм. Работа эта прекрасно отвечала собственным наклонностям Дорма, и, как утверждает еще и поныне сам ученый, именно ей он обязан ценными методическими указаниями при дешифровке неизвестных письменностей¹.

После завершения своей учебной деятельности в Иерусалиме Дорм получил должность профессора в Практической школе высших знаний Сорбонны, директором которой, как мы уже знаем, был Шарль Виролло. В 1945 году Дорм стал также профессором Коллеж де Франс.

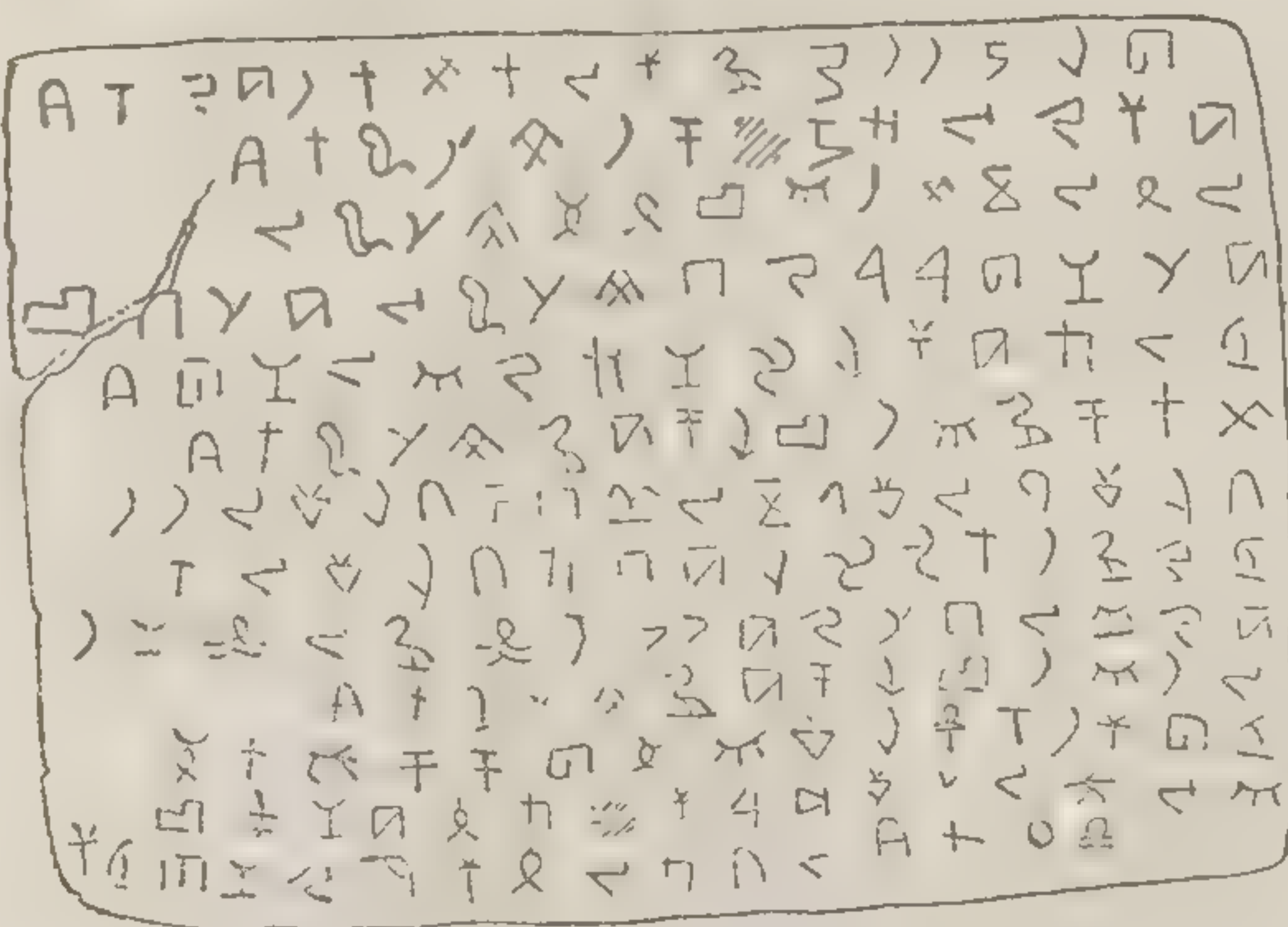
Мы видели выше, как успешно выступил востоковед Дорм в качестве опытного дешифровщика сразу же после французских раскопок 1929 года, когда в Рас-Шамре были извлечены на свет таблички с неизвестной клинописью. Дорм оказался на месте и тогда, когда был сделан целый ряд других в высшей степени интересных находок. Мы имеем в виду результаты весьма плодотворных французских раскопок древнего финикийского города Библа. В числе прочего материала здесь нашли две стелы, две бронзовые таблички, несколько лопаточек и ряд фрагментов каменных плиток — все это было покрыто никогда не виданными до того времени письменными знаками! На этот раз речь шла уже не о клинописи, а о знаках, имеющих некоторое сходство с египетскими иероглифами, вследствие чего они фигу-

¹ В письме автору от 11-го марта 1957 года.

a

b

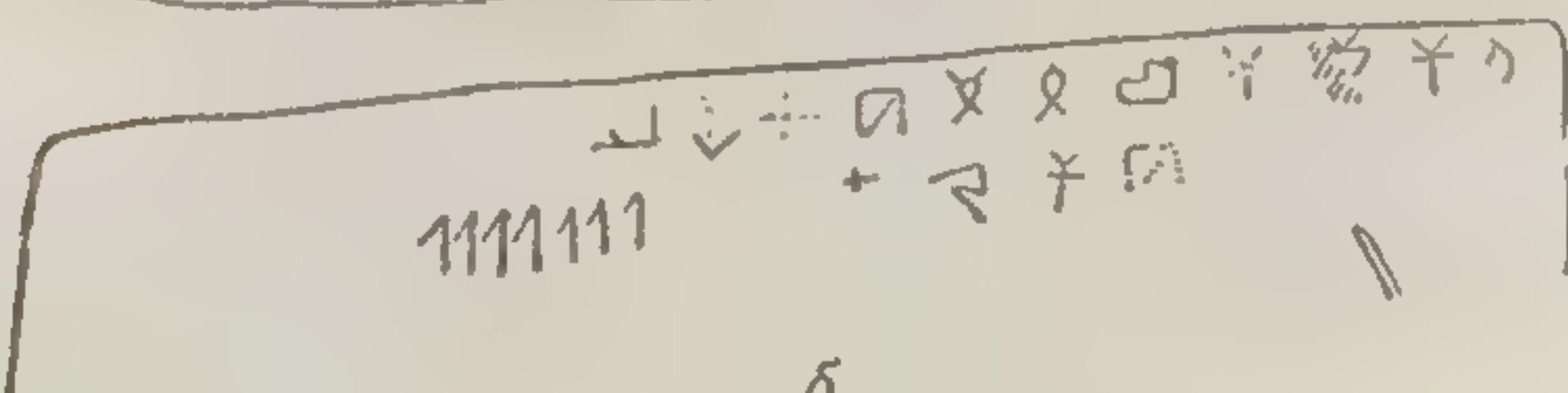

Рис. 66. а — стела с гублской надписью; б — бронзовая табличка, покрытая гублскими письменами; вверху — лицевая, внизу — оборотная сторона

рировали вначале под не совсем удачным названием «псевдоиероглифическая письменность из Библа».

Сам Библ являлся одним из древнейших культурных центров Финикии. Однако название его, Библ, вовсе не так старо, как сам город; оно происходит от греческого «библос» (более древнее «бублос»), «бумага», и присвоено ему самими греками — именно через этот крупный торговый пункт они ввозили бумагу¹ из Египта. Но, поскольку первоначально город носил древнесемитское название Губла (др.-евр. Гебал, ныне Джубейль), созвучие Бублос—Губла могло сыграть известную роль при переименовании города. От названия «Губла» произведен и термин «гублская письменность», введенный в научный обиход боннским семитологом Антоном Йирку. Этот термин и следует предпочесть таким обозначениям, как «псевдоиероглифическое» или «протобиблское» письмо.

Новые археологические находки в Библие, откуда, как известно, происходят и древнейшие (примерно X век до нашей эры) сохранившиеся надписи финикийским буквенным письмом, были собраны и опубликованы в книге «*V blia Granima-ta*», изданной руководителем раскопок и крупным археологом Морисом Дюнаном в Бейруте в 1945 году. А уже через год Эдуард Дорм представил для опубликования в «Докладах» французской Академии надписей (август и сентябрь 1946 г.) и в журнале «Сирия» (т. XXV, 1946—1948 гг.) готовую дешифровку!

В своей работе он исходил из одного предположения и одного наблюдения. Дорм полагал, что язык рассматриваемой письменности — семитский, точнее — финикийский. Дело в том, что хорошо изученная история Гублы — Библа свидетельствовала об отсутствии здесь какого бы то ни было несемитского влияния.

Что же касается наблюдения, то оно явилось результатом применения того самого основного правила всякой дешифровки, которым, как мы знаем, постоянно пользовались исследователи: Дорм начал считать встречающиеся знаки и насчитал их свыше 70 (причем он не учитывал варианты). Это привело к выводу относительно слогового характера письменности; известно, что число знаков 70 — слишком велико

¹ Речь идет, конечно, о папирусе. (Прим. ред.)

Y, Y	o	»	w ₄	⌘	l ₄	4, 1	r ₁
8	o ₁	F, ±, †	z	↓, γ, †	m	×, ×, ×	r ₂
8, 8, ^	o ₂	2	z ₁	8	m ₁	σ	r ₃
3	o ₃	8	z ₂	oo	m ₂	†	δ
Δ	o ₄	z, z	z ₃	8, 8	m ₃	⊙	δ ₁
X	o ₅	z	h	⌒	n	⊗	δ ₂
mm	o ₆	Q	h ₁	8	n ₁	○	δ ₃
Δ	o ₇	4	h ₂	⊖	n ₂	+	t
□	b	X, X	j	⌒	n ₃	Y, Y	c ₁
γ	b ₁	□	j ₁	∩	c	†	t ₂
Y, Y	b ₂	A	j ₂	8	c ₁	∩	t ₃
X, X	b ₃	□	j ₃	†	c ₂	∩	t ₄
W	g	X, X	k	△	p		
8, 8	d	□	k ₁	†	p ₁		
8	d ₁	∩	k ₂	mm, m	p ₂		
∩	h	z	k ₃	△	p ₃		
□, †	u	7, 7'	l	γ	p ₄		
2	w ₁	Y, Y	l ₁	□	δ		
8, 8, X	w ₂	9'	l ₂	ψ, ψ	k		
T, 7	w ₃	8	l ₃	5	r		

1 = цифре 1

l₁ и l₂ вероятно, имеют одинаковое значение

Рис. 67. Список графических гублских знаков

для алфавита и слишком незначительно для идеографической письменности.

Тем не менее Дорм не приступил сразу же к поискам звуковых значений слогов. Если в основе данного письма лежал, как он считал, финикийский язык, то, обнажив простой, состоящий из одних согласных, «скелет» текста, он мгновенно получил бы возможность читать надписи. Стало быть, хотя Дорм и имел дело лишь со слоговыми знаками (типа согласный + гласный — *ba, bi, bu*, а также типа гласный + согласный — *ab, ib, ub*), ему на первых порах было вполне достаточно «выудить» из каждого такого слогового знака спрятанный в нем согласный, а уже при помощи их одних можно было, как известно, читать на любом семитском языке. Впоследствии рассуждения Дорма, так сказать, материализовались в списке найденных знаков (рис. 67), где знаки сгруппированы им не по слоговому звучанию (например, *bi, ba, bu* или *ti, ta, tu* и т. п.), а только как *b, b₁, b₂* или *t, t₁, t₂* и т. д.

Теперь перейдем к описанию самого хода дешифровки. Если где-либо и уместна фраза о колумбовом яйце, то именно здесь. Чтобы легче было следить за мыслями Дорма, необходимо поместить еще раз рисунок обратной стороны бронзовой таблички «с».

Читатель, наверно, сразу обратит внимание на семь «единиц», стоящих в левой части рисунка 68. На них же остановил свой опытный взгляд и Дорм. Он сразу же сделал вывод — ведь это было так просто! — семью один будет семь!

Итак, он истолковал семь одинаковых, стоящих один подле другого знаков как число «семь». Но если есть число, то, может быть, здесь скрывается дата.

Перед числом семь, то есть справа от него (поскольку надпись следует читать справа налево!), стоят четыре знака

* ; первый из них, то есть самый правый,

известен нам из предшествующих глав — это одна из форм *b*. Может быть, рассуждал Дорм, речь идет об указании года? «В году» по-финикийски *b-šnt*, то есть передается через четыре согласных; но и здесь перед числом стоят четыре знака,

первый из которых, вероятно, *b*. Не могло ли быть идентичным *b-šnt*? Если бы это было так, то в руках сразу оказались бы значения четырех согласных!

Вначале Дорм принял эти четыре значения в виде рабочей гипотезы и занялся поисками ее подтверждения. При этом он натолкнулся в той же самой надписи на группу знаков, стоящих в последовательности *n-X-š*. И здесь ему пригодились одно соображение, почерпнутое из богатого опыта ученого (этим соображением, между прочим, руководствовался и Форрер при дешифровке хеттских иероглифов), — мы имеем в виду положение о параллельной связи между тем, что написано на предмете, и самим предметом. Текст был помещен на бронзовой табличке, а в семитских языках имеется слово *nhš* «бронза», «медь». Стало бы можно было предположить еще одно значение — *h*, которое в свою очередь помогло прочесть слово *mzbh* «алтарь», «жертвенник». Открытое таким образом *m* оказывалось особенно необходимым для получения первого подтверждения рабочей гипотезы Дорма. При помощи этого знака он смог затем обнаружить на строке 14 (первой строке обратной стороны таблички, вторая строка которой, то есть строка 15, содержала указание года) датировку по месяцу — *b-tmz* «в [месяц] Таммуз», причем одновременно появился и знак *z*, классифицированный Дормом как *z₁*.

Месяц и год были даны. И разве не напрашивались теперь сами собой поиски числа месяца в форме имени числительного?

Рассмотрим еще раз строку 14. Последние четыре знака (крайние слева), а именно знаки $\neg \vee^+ \square$, содержат, следовательно, согласные *z₁mt-b* или *b-tmz₁*, как мы привыкли их писать и читать, то есть «в [месяц] Таммуз». Ну, а то, что стоит перед ними, иначе говоря, здесь справа от них, может быть, и есть искомое числительное?

Знак Υ , уже известный из последней строки как *š*, повторяется здесь дважды, а между этими одинаковыми зна-

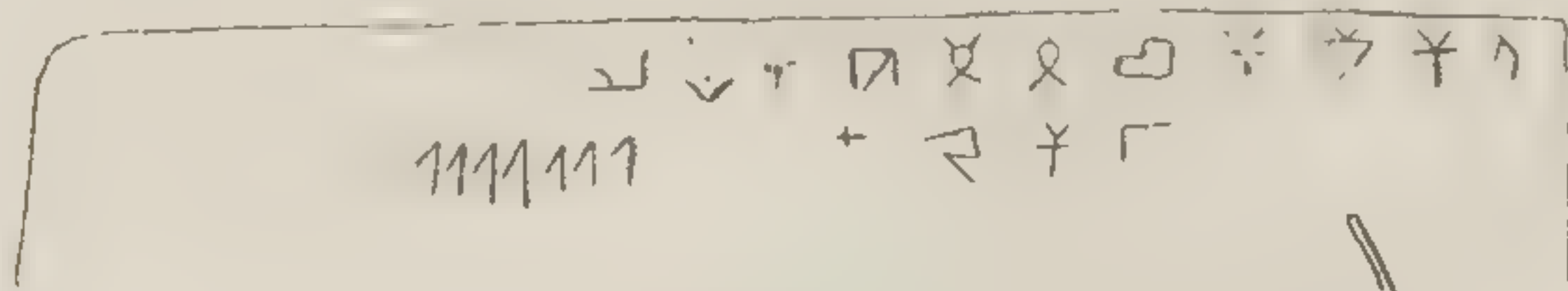

Рис. 68. Обратная сторона бронзовой таблички из Библа

ками стоит знак, пока еще не известный. Опытному семитологу не нужно было долго ломать себе голову над этой загадкой. Он сразу же решил, что перед ним слово *šdš* «шесть», «шестой», начал искать дальше и нашел за ним (то есть слева от него) *jm-m* «день»; при этом он открыл два отличающихся друг от друга знака *m*.

Итак, дата с обратной стороны таблички была прочитана: *b-šdš jm-m b-tmz, b-šnt 7*, то есть «в шестой день в [месяц] Таммуз в году седьмом»!

Можно представить себе, что творилось тогда в душе исследователя! «Самыми прекрасными днями в моей карьере дешифровщика были те, когда я открыл „алфавитный” финикийский в текстах из Рас-Шамры и „слоговой” финикийский в псевдоиероглифических надписях из Библа. Но сколько бессонных ночей работы над дешифровкой предшествовало „аллилуйе” открытия»¹.

Потребовалось еще много терпеливой работы и непрерывных исправлений, прежде чем 2 августа 1946 года Дорм смог доложить о своих результатах французской Академии надписей. В статье «Дешифровка псевдоиероглифических надписей из Библа»² он уже предложил убедительные чтения всех надписей, найденных и изданных за год до этого Дюнаном, и представил ученым веские аргументы в пользу правильности своей дешифровки и своего чтения.

Но, между прочим, один убедительный аргумент был заключен уже в самом содержании первой дешифрованной надписи «с» (рис. 66, б). В ней речь шла отнюдь не о богах или царях и не о делах войны или мира. Если бы это было именно так, то могло бы возникнуть подозрение, что дешифровщик, прежде чем вычитать из текста подобное содержание, в общем обычное почти для всех надписей, сам невольно «навязал» его этому тексту. Но с надписью, прочитанной Дормом, дела обстояли совсем иначе: она содержала, согласно его толкованию, сообщение древнего резчика о работе, сделанной им и его товарищами для украшения храма. Тема эта была столь неожиданна, что сразу же пресекла возможные упреки дешифровщику в том, что он в данном случае был способен на такое толкование текста.

¹ Письмо автору от 11 марта 1957 года.

² E. Dhorme, *Déchiffrement des inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos — «Syria»*, t. XXV, 1946—1948, pp. 1—35.

при котором, хотя и *bona fide*, исследователь читает в тексте то, что ему хочется в нем найти, а совсем не то, что там написано.

Второе решающее доказательство: на основе надписи, вырезанной на первой бронзовой табличке «с», Дорм сразу же смог прочесть другую, намного более длинную надпись на второй большой бронзовой табличке! И она опять-таки содержала подобное сообщение.

В-третьих, в этой последней надписи вдруг оказалось поразительное количество имен египетских богов. Надо полагать, что дешифровщик едва ли думал об этом, когда приступал к работе. Правильность решения, предложенного Дормом, подкрепляется также значительным числом филологических данных и в первую очередь данными грамматики, но на этом мы не будем останавливаться.

Таким образом, мы можем с полным доверием относиться к толкованию этой письменности, данному Эдуардом Дормом. Гублская письменность — еще весьма несовершенное орудие для передачи мыслей. И это легко понять. Изобретатель письма (памятники относятся к 1900—1700 годам до нашей эры), несомненно, имел перед глазами ассирио-вавилонскую клинопись — отсюда и слоговой характер письма; уже довольно рано первоначальные слоговые знаки, в соответствии с особенностью семитских языков, перестали строго различаться и употреблялись часто без разбора, только с учетом содержащихся в них согласных, и эта стадия развития письменности достаточно полно отражена в таблице письменных знаков (рисунок 67), в которой приведены многократные варианты согласных.

Мы не раз уже предлагали вниманию читателя примеры из языков и литератур, ставших доступными нам благодаря дешифровке письменности. В одних случаях они раскрывали перед нами образ того или иного народа — носителя языка и создателя письменности, в других — они близки современному читателю в силу непреходящей значимости и общечеловеческого характера содержащихся в них высказываний; немало было и таких случаев, когда оба эти фактора воздействовали одновременно. Мы уже слышали слова правителей и молитвы, мифы о богах и пророчества. Но здесь в качестве представителя древней Гублы будет говорить простой ремесленник, тот самый, который некогда, с удовлетворением осматривая дело своих рук, вырезал сообщение о сво-

ей удаче на бронзовой табличке, не подозревая, что почти через четыре тысячи лет ей суждено будет стать ключом к дешифровке этой древнейшей и уже давно исчезнувшей письменности.

«Лилу: медь Топета я раскатал. Острием железа я гравировал их, эти предметы; ключ же от храма [гравировал] Акрену, выгравировал на нем знак и написал имя; и я положил его, этот [ключ], когда корону... алтаря я гравировал. Эту работу, в честь семьи своей сделал ее Лилу... Я сделал это во время правителя Ипуша в шестой день, в [месяц] Таммуз в седьмом году»¹.

¹ A. Jirku, *Wortschatz und Grammatik des gublitischen Inschriften*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd 102, 1952, S. 206 f. — Для тех читателей, которые ближе знакомы с вопросом, следует заметить, что автор хорошо понимает наличие тесной связи обеих рассмотренных в этой главе новооткрытых письменностей с проблемой синайского письма и проблемой происхождения алфавита вообще. Однако, поскольку рассмотрение последней проблемы выходит за рамки данной книги, а гипотезы, связанные с первой, еще оспариваются, он вынужден не останавливаться здесь на этих вопросах.

VII

О БОГАХ И ТОРГОВЦАХ

Дешифровка кипрского слогового письма

Одно из самых блестящих открытий
нового времени.

*Мориц Шмидт по поводу работы
Иоганнеса Брандиса*

«А подсчет факелов было делом Зофара... Мегалофея и Филодама, подсчет же собранного посредством добровольных взносов — делом Зофора и Афродисия».

Так сказано в одной посвятельной надписи, найденной на севере Кипра.

Надпись относится к V веку до нашей эры. Очевидно, жители острова занимались подобными скрупулезными подсчетами не только в это время, но и несколько ранее. Впрочем, на основании находок, сделанных на Кипре, известно, что остров был населен уже в III тысячелетии до нашей эры, а во II тысячелетии вел оживленную торговлю с Египтом и Палестиной. Это был «великий центр металлургии Древнего Востока» (Дирингер), желанный оплот Малой Азии и Сирии на Средиземном море, который отделяли от Египта и Крита всего несколько дней пути. Вероятно, на рубеже II и I тысячелетий до нашей эры на Кипр пришли греки — дело обошлось без завоевания и бряцания оружием; по-видимому, им удалось расселиться на острове мирным путем, но постепенная ассимиляция догреческого населения привела к вымиранию местного искусства и культуры. Судьба предоп-

ределила острову, находящемуся в месте пересечения трех культурных влияний (малоазиатского, сирийско-палестинского и египетского), весьма сложную и запутанную историю. На юге, там, где гористая страна полого спускается к морю, образуя равнины и места, удобные для городских поселений, уже к началу I тысячелетия появляются колонии финикийцев. Затем, с конца VIII века, начинается период господства ассирийцев. Кипр видел, как приходили и уходили персы и македонцы, как здесь властвовали римляне, а позднее и византийцы. Среди его правителей мы находим даже Ричарда Львиное Сердце — первого англичанина — повелителя киприотов, распоряжавшегося здесь за целые столетия до того, как в 1878 году его дальние потомки арендовали остров у турок, которым он принадлежал свыше 300 лет. Сначала арендовали — для защиты Суэцкого канала и путей в Индию, а в 1913 году аннексировали окончательно¹. Однако греки сумели сохранить национальный характер острова. Об этом свидетельствует памятник, сыгравший решающую роль в истории дешифровки кипрского письма. Мы имеем в виду относящуюся к IV веку до нашей эры посвященную надпись знатного финикийца, жившего во времена, когда его городом правил царь-финикиец. Она составлена как на финикийском, так и на греческом языке (греческая версия изложена кипрским слоговым письмом) и стала, следовательно, той самой вожаделенной билингвой, ключом к дешифровке письменности.

Едва ли можно считать нормальным, что науке только с 1850 года стали известны надписи, монеты и медальоны с причудливыми знаками кипрского слогового письма. Ведь речь идет о Кипре, который благодаря своей бурной истории хранит столько древностей! Много упреков было брошено в адрес англичан за то, что они слишком мало сделали для исследования истории острова. Упреки эти, как мы увидим, оправданы лишь отчасти.

Так или иначе, но первым исследователем страны был не англичанин, впрочем, также и не киприот — грек или турок, а француз: Оноре Теодор Поль Жозеф д'Альбер, герцог Люинь (1802—1876), известный археолог и нумизмат; он долго жил в Неаполе, а во время посещения Италии Шампольоном неоднократно ездил в Рим из уважения к своему великому

¹ В 1960 году Кипр получил независимость. (Прим. ред.).

земляку и оказывал ему самое сердечное внимание. Без сомнения, эти встречи оставили глубокий след в душе герцога. К этому добавилось еще и то, что он был блестящим рисовальщиком, а глаз художника отчетливо воспринимает формы знаков письма — многие дешифровщики хорошо рисовали.

Герцог Люинь первый пробудил в образованном мире интерес к остаткам кипрского письма. В 1852 году он издал в Париже статью «Нумизматика и кипрские надписи» («Numismatique et inscriptions chypriotes»), где добросовестно описал все найденные к тому времени памятники и поместил их изображения. Собрание насчитывало значительное число монет и надписей, и среди них одна надпись стала для науки едва ли не роковой. Эта надпись, содержащая 31 строку, была начертана на бронзовой пластине, которую нашли в земле древнего Идалейона. По-видимому, относительно большой размер надписи и послужил причиной того, что герцог, снабдивший к тому же свой труд указателем всех известных ему знаков, побудил немецкого исследователя Рёта попытаться дешифровать кипрскую письменность. Последний не заставил себя долго упрашивать и тем самым... совершил тяжкий грех перед основной идеей всякой дешифровки. Как можно было браться за дешифровку, когда еще не были известны ни письменность, ни язык памятников! Естественно поэтому, что результаты его стараний относятся к области «курьезов в науке», как (еще довольно мягко) заметил немецкий нумизмат Брандис.

Рёт, которому, конечно, было известно о финикийской эпохе в пестрой истории Кипра, полагал, что путем сравнения более 50 знаков кипрского письма с 22 буквами финикийского алфавита он сможет установить звуковое значение первых. Идя по этому пути и отталкиваясь лишь от внешних форм знаков, он сопоставил их с финикийскими буквами и таким образом получил слова, в которых тут же «узнал» (или, в сущности, заставил себя узнать) семитские формы. Его перевод, по словам того же Брандиса, представлял собой «глумление над всяким человеческим знанием»¹ и с тех пор служит вечным предостерегающим примером.

¹ В упомянутой нами табличке из Дали (Идалейон) Рёт «вычитал» манифест египетского фараона Амасиса (Яхмоса, 568—525 гг. до н. э.). Между прочим, герцог был согласен с Рётом.

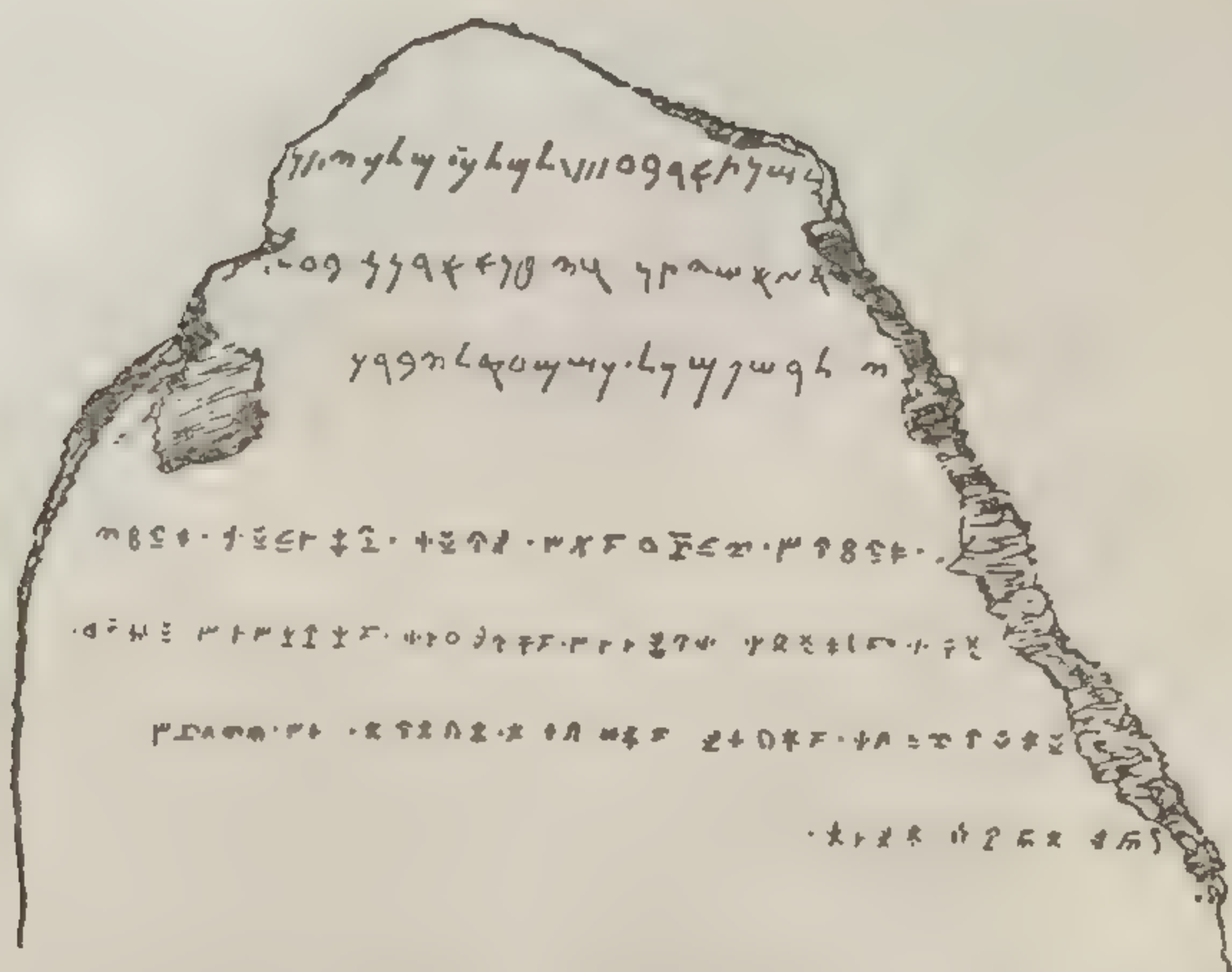

Рис. 69. Финикийско-кипрская билингва. Документ из Идалейона

Между тем наступила пора бурной деятельности итальянца Пальма ди Чеснола, любителя-коллекционера, который с 1865 года жил на Кипре в качестве американского консула. Собранная им коллекция (35 тысяч номеров!) хранится ныне в Бостонском музее изящных искусств. Другой дипломат, Р. Лэнг, английский консул в Ларнаке, нашел недалеко от Идалейона упомянутую выше посвятельную надпись билингву на «кипрском» и финикийском языках. Она, правда, была неполной, однако вполне могла служить основой и отправным пунктом дешифровки.

Рупором Лэнга были научные «Доклады» Лондонского общества библейской археологии. Джордж Смит, один из самых почитаемых членов этого общества (его имя, как известно, связано с исследованиями в области клинописи), проявил живейший интерес к новым открытиям. И Джордж Смит доказал, что его крестным отцом в науке был Роулинсон: он принялся за финикийско-кипрскую билингву точно так же, как некогда его учитель за персидский язык Бехистунской надписи.

Внача
ут соде
хлатола
врочем,
показыва
Однако
до состав
Итак, фи
Баалром
ря Миль
годарност
Аполло
гласных!
собствен
тем Смит
букв к т
полагал,
гатого ог
наличии
ло и дум
слоговой
из слова
нии, роди
«Идалейо

Когда
шался ст
лийся на
щику, об
меди, а
ву *mlk*
Теперь у
чающую,
слово вс
Одно из
дежа, а д
Таким
слоговом
последни
basileus;
сделал н
бывает,
должен

Вначале он хочет найти те группы знаков, которые могут содержать имена собственные. Титул и имя царя Милькйатона предположил в одной группе уже Лэнг. Само имя, впрочем, содержалось в финикийской версии. Правда, как показывает рисунок 69, она довольно сильно повреждена. Однако при помощи других сходных надписей вполне можно составить представление о содержании отбитой части. Итак, финикийская версия сообщает, что знатный финикиец Баалром, сын Абдимилька, в четвертый год правления царя Милькйатона, царя Китейона и Идалейона, в знак благодарности посвятил статую своему богу Решефу *mkl*-скому (Аполлону Амиклайскому; в семитских языках не пишут гласных!). Надпись, следовательно, в числе прочих, дала собственные имена: Милькйатон, Идалейон и Китейон. Затем Смит приложил звуковые значения групп финикийских букв к тем группам кипрских знаков, за которыми, как он полагал, скрываются эти собственные имена. Из своего богатого опыта исследователя клинописи Смит знал, что при наличии уже известных к тому времени 55 знаков нечего было и думать о буквенном письме. Речь могла идти только о слоговой письменности. И вот он вновь находит слог *li* ($\leq$) из слова Милькйатон (*mi-li-ki-ja-to-no-se* в кипрском написании, родительный падеж имени собственного) в *e-ta-li-o-ne* — «Идалейон»!

Когда исследование дошло до этого места, внезапно вмешался старый друг и советчик Смита, частенько упоминавшийся нами Сэмюель Бёрч, и подсказал нашему дешифровщику, обучавшемуся в юности, как известно, гравировке на меди, а отнюдь не греческому языку, что финикийскому слову *mlk* «царь» должно соответствовать греческое *basileús*. Теперь уже Смит взялся за группу кипрских знаков, заключающую, как он полагал вслед за Лэнгом, слово «царь». Это слово встречалось в двух местах, но с разными окончаниями. Одно из слов Смит правильно счел формой родительного падежа, а другое ошибочно — формой именительного.

Таким образом, если взять за основу предположение о слоговом характере письма, кипрское слово изменяло предпоследний звук. Но то же самое происходит и с греческим *basileús*; его родительный падеж звучит *basileōs*! Из этого Смит сделал несколько поспешный, но, как часто в таких случаях бывает, правильный вывод о том, что язык кипрских надписей должен быть греческим!

Вместе с этим открытием в руках Смита оказался и ключ к надписям. Упомянутые выше собственные имена и слово *basileús* дали ему уже 18 слоговых значений. А их Смит тут же испробовал на кратких надписях, помещенных на медальонах, ибо, если уж искать другие собственные имена — греческие, как теперь можно было надеяться, — то, конечно, здесь. И в действительности он нашел на медальонах целую коллекцию мужских имен. Некоторые из них он читал еще неправильно, но зато среди верно прочитанных было имя великого властителя Кипра, царя Эвагораса, правившего в 411—374 годах до нашей эры; имя это доныне живет в народных преданиях.

В результате сделанных открытий Смит исчерпал все свои возможности, или, лучше сказать, все свои познания в греческом языке. Мы помним, что его школьные годы прошли в граверной мастерской, и те скудные знания из области греческого, которые он имел, не позволили ему выйти за пределы исследования собственных имен. Кроме того, в том же году, когда он занялся дешифровкой кипрской билингвы, открытие эпоса о Гильгамеше и известия о всемирном потопе вознесли его на вершину карьеры ассириолога; понятно, таким образом, почему он не стал вникать глубже в проблемы, связанные с древней письменностью Кипра.

Здесь опять в дело вмешался Сэмюель Бёрч, представивший убедительные доказательства того, что, вопреки всем ожиданиям, кипрский язык может быть греческим, а не семитским или египетским. Правда, греческий язык извлеченных на свет божий кипрских надписей весьма сильно отдавал варварством и выглядел довольно странно, но для этого имелось достаточно оснований.

Во-первых, на начальной стадии дешифровки слогового письма очень легко допустить ошибки, так как число знаков здесь гораздо больше, чем в буквенном письме. Во-вторых, нельзя сказать, что кипрский язык лишь в незначительной степени отличался от известных тогда диалектов греческого языка. И в-третьих, кипрское письмо имеет весьма своеобразную орфографию, которая ясно свидетельствует о том, что это письмо не создавалось специально для греческого языка, а было взято греческими колонистами у древнейшего негреческого населения Кипра. Для иллюстрации сопоставим несколько кипрских слов с соответствующими греческими формами (то и другое в транскрипции): *pa-ta*=греч. *pánta*

всё»; *te-o-i-se* = *theoïs* «богам»; *a-ra-ku-ro* = *argýrō* (от *argýrou*) «серебра».

На этом примере, между прочим, легко убедиться в том, каким явно недостаточным средством выражения является письменность, если она не создана специально для данного языка. В некоторых случаях это обстоятельство вообще лишает нас возможности получить хоть какое-нибудь более или менее ясное представление о том или ином слове. В связи с этим И. Фридрих отмечает, что, например, кипрское *a-to-ro-po-se* читается как греческое *ánthropos* «человек», как *átropos* «неизменный», как *átrophos* «неупитанный» и, наконец, как *ádorpos* «ненакормленный»¹. Если бы мы попытались изложить здесь сложные правила правописания, которые пришлось ввести грекам для передачи данной слоговой письменностью своего языка, это завело бы нас слишком далеко; приведем лишь один пример: *A-ro-ro-ti-ta-i* означает «Афродите»!

К 1872 году, к тому времени, когда Джордж Смит счел нужным сообщить результаты своей работы в «Докладах» Лондонского общества библейской археологии, он уже правильно определил 33 слоговых знака и тем самым убедительно доказал слоговой характер кипрского письма. Выше мы уже поясняли, что, не будучи в достаточной степени вооружен знанием греческого языка, он не смог пройти до конца им же самим проложенный путь.

Странная причуда судьбы! То, в чем она отказала одному, было даровано другому с колыбели в самом прямом смысле этого слова!

Иоганнес Брандис родился в Бонне в 1830 году в семье профессора только что основанного Рейнского университета. Его отец был филологом и занимался также философией. что уже с самого начала предопределило академическую карьеру сына. Однако в 1837 году отец благодаря посредничеству Шеллинга был приглашен на пост личного советника короля эллинов Отто I, наследника баварского престола, и отбыл с сыном в Грецию. Детские годы Иоганнеса, окруженного ласковой отеческой заботой и жадно внимавшего прекрасным наставлениям своего домашнего учителя Эриста Курциуса, впоследствии инициатора и руководителя немец-

¹ J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, S. 104; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 131.

ких раскопок в Олимпии, знаменитого археолога и историка. Были заполнены неизгладимыми впечатлениями об Афинах и их памятниках, о греческом народе и его языке.

Годы, проведенные в Элладе: прогулки в поисках черепков от пестрых глиняных сосудов, лето в Кефизии, купание в Эгейском море между древними сторожевыми башнями Пирейской гавани — в течение всей жизни принадлежали к числу самых любимых воспоминаний Брандиса.

Уже будучи студентом в Бонне, он отважился на соискание премии, предложенной философским факультетом за работу по сопоставлению традиций древних с археологическими находками Ботта и Лэйярда. Это принесло ему в 1854 году должность личного секретаря Бунзена, друга его отца (которого мы уже знаем как покровителя и друга Рихарда Лепсиуса), а также и посещение Лондона, где Бунзен тогда работал. Здесь Брандис познакомился с Бёрчем и Норрисом.

Изучение ассириологии, начатое Брандисом еще в период подготовки работы на соискание премии, привело его к древней хронологии. И даже назначение на пост личного секретаря принцессы Прусской не смогло воспрепятствовать продолжению его тщательных исследований, прежде всего в области истории системы весов и тесно примыкающей к ней проблемы ценности монет. Свою работу над этими вопросами он увенчал вышедшим в 1866 году весьма основательным трудом о монетном деле и системах мер и весов в древней Передней Азии.

Уже здесь Брандису пришлось всерьез заняться историей Кипра. Известие о найденной Р. Лэнгом билингве застало его в расцвете творческих сил. О том, насколько свободно он владел литературой, относящейся к данному вопросу, говорит хотя бы тот факт, что именно он вызвал на разговор древнего лексикографа Гесихия из Александрии, составившего в конце IV века своего рода общеобразовательную энциклопедию, которая, хотя и дошла до нас в сильно искаженном виде, все же является источником, содержащим чрезвычайно важные сведения, необходимые как для понимания и критики греческих авторов, так, между прочим, и для изучения древних диалектов. Как раз в сочинении Гесихия, подобно незаметному камешку в мозаике, пряталось сообщение, что у древних жителей Кипра союз «и» произносился не как у прочих греков — *kai*, а *kas*. Достоверность

этой ма
специал
руках
Слов
стоянно
слово k

↑ =
вызвал

Кто
ноязыч
одно пр
превосх
своих д
ти впер

На

повторя

титула

Смита)

других

сом, за

basileús

и его д

(h)a go

греческ

тайну.

звука в

нению

gotólis

шесть р

Пер

загадки

дарств

ка хор

финики

слогом

а вско

очень н

↑ В

употреб

состоял

ка, сост

этой маленькой заметки оспаривалась многими учеными-специалистами, однако Брандис схватился за нее, и у него в руках она стала основным ключом к дешифровке.

Словечки вроде союза «и» встречаются, конечно, постоянно. Брандис, сравнив двуязычные надписи, опознал слово *ka.s* в группе знаков (читать справа налево; $\uparrow = ka$)¹. Это *ka* оказалось для него тем камнем, который вызвал лавину.

К тому времени в Идалейсне была найдена длинная одноязычная надпись на бронзовой табличке, которая имела одно преимущество перед всеми прочими памятниками: она превосходно сохранилась. Брандис избрал ее предметом своих дальнейших исследований. Здесь же предстояло пройти впервые испытания и знаку *ka*.

На табличке была обнаружена большая группа знаков, повторявшаяся в надписи несколько раз. Она начиналась с титула царя (известного уже в результате исследований Смита), а затем шли упомянутое выше *ka.s* и целый ряд других знаков. Поскольку *ka.s* уже было открыто Брандисом, загадочная группа знаков сразу же распалась на слова *basileús kàs agotólis*. С детства знакомый с греческим и его диалектами, Брандис сразу же узнал здесь *basileús kàs (h)a gotólis*. Последнее слово звучало как будто явно не по-гречески, но вскоре Брандису удалось проникнуть и в его тайну. Эта форма хорошо иллюстрировала закон перебоев звука в кипрском наречии, который вполне поддавался объяснению на основе параллелей в других греческих наречиях: *gotólis* было не что иное, как *ptólis* «город», а повторявшаяся шесть раз формула значила «царь и город»!

Первый же шаг — и чрезвычайно убедительное решение загадки: надпись была составлена в одном из городов-государств. Конечно, Брандис на этом не остановился. Его ключ *ka* хорошо подходил и к другой группе знаков, которой в финикийском соответствовало слово «[он] воздвиг». Слог за слогом раскрылось и греческое слово *katéstase* «он воздвиг», а вскоре и *kasínetos* «брат». Оба последних слова сыграли очень важную роль при составлении полного кипрского силла-

¹ В действительности написано *ka se*, так как в кипрской письменности употребляли лишь слоговые знаки. Среди них встречались и такие, которые состояли только из одного гласного, но зато никогда не применялись знаки, состоявшие только из согласных, чего Брандис еще не знал.

бара. Одновременно же был получен еще целый ряд слоговых значений.

Предварительные результаты проделанной работы Брандис изложил в статье «Опыт дешифровки кипрского письма», но представить ее, как было запланировано, Берлинской академии он не смог. Он уже стоял на пороге жатвы, когда другой косарь пришел за этим неутомимым искателем. Иоганнес Брандис умер 8 июля 1873 года в Линце на Дунае, возвращаясь из Вены, «в полном расцвете сил, научной и практической деятельности». И за его прежним учителем и другом, а ныне душеприказчиком Эристом Курциусом осталось право доложить вышеназванной Академии о сделанном открытии.

Правда, смерть унесла Брандиса в самый разгар работы, а потому результаты исследования не были ни полными, ни безусловно верными.

Среди немецких коллег, на долю которых выпало критически осмыслить и продолжить работу Брандиса, был иенский эллинист Мориц Шмидт, назвавший труд покойного «одним из самых блестящих открытий нового времени».

И в устах Шмидта это звучало не простой похвалой, ибо он и сам был своего рода вундеркиндом, совершившим первую дешифровку еще ранее, чем малыш Шампольон, — в трехлетнем возрасте.

Маленький «Мор», как его звали в кругу близких, родился 19 ноября 1823 года в семье советника высшего окружного суда в Бреславле Морица Вильгельма Эдуарда Шмидта. Ребенок отличался необычайным умственным развитием: рассказывают, как трехлетний малыш принялся учиться читать, как его поддержала в этом тетка Жюльетта, снабдив самодельными, вырезанными из картона буквами, как смывленный мальчуган вскоре нетерпеливо отбросил их в сторону и взялся за букварь, который был украшен рисунком мавра, а потому стал особенно дорог маленькому «Мору».

Когда отец Морица был переведен в Швейдниц, где стал директором окружного суда, на долю мальчика выпало счастье получить превосходное образование у прекрасных учителей местной гимназии. Ректором здесь был Карл Шейнборн, брат которого, Август, сыграл почетную роль в истории дешифровки ликийского языка (сам Шмидт издал впоследствии его наследие). Другой учитель, уже в старших

...классах гимназии, дал не по летам развитому ученику такие знания древнееврейского языка, что последний уже через два года смог читать в оригинале Ветхий завет, да еще в наиболее трудном издании — без масоретских знаков, обозначающих гласные!

Дальнейшее образование шло столь же успешно. Лишь одно-единственное препятствие стояло на пути Морица Шмидта — его юность. Пришлось два года ожидать допуска к экзаменам на аттестат зрелости, а затем еще три года — назначения на должность учителя гимназии. Зато ему удалось попасть в Берлинский университет как раз в то время, когда это почтенное заведение было в полном расцвете. Кафедры были заняты такими наставниками, как Бёкх и Лахман, с которыми Шмидт вскоре свел и личное знакомство. Кроме того, посещения «Воскресного кружка», где Шмидт проводил время в обществе Теодора Фонтане и Морица графа Штрахвица, сильнейшим образом содействовали эстетическому воспитанию юноши.

Из научных трудов Шмидта мы вынуждены, за недостатком места, выделить лишь две работы, отражающие наивысший этап деятельности Шмидта как дешифровщика. На первый взгляд они как будто не имеют между собой ничего общего, но в действительности связаны очень тесно. Основной его работой в области греческой филологии (сам он с 1857 года занимал должность профессора в Иене, после того как в течение восьми лет добросовестно обучал детей в гимназии) было вновь переработанное издание упомянутой выше сокровищницы знаний — энциклопедии Гесихия, вышедшее в Иене в двух изданиях — полном (пятитомном) и сокращенном (двухтомном).

Можно с уверенностью предположить, что обращение Брандиса к древним лексикографам возбудило особый интерес Морица Шмидта, когда последний готовил публикацию статьи Брандиса и рецензию на нее. А воодушевившись ее содержанием и согласившись с ее основными выводами (несмотря на критические оговорки по некоторым пунктам), Шмидту оставалось сделать лишь маленький шаг к собственной работе над дешифровкой. Шмидт занялся тем, от чего отказался Джордж Смит и что оставил незавершенным Иоганнес Брандис.

Не входя в детали, отметим, что он также отталкивался от *ptólis*, или *gotólis*, и *kasignetos*, однако, следуя комбина-

	Ж(1)(1)	Ж(1*1*)	Ж Ж	Ж(8)1	Г
	а	е	и	о	у
ј	о _{ja}	з _{je}	-	-	-
в	в _{va}	и _{ve}	и _{vi}	ж(ж) _{vo}	-
г	г _{ga}	г _{ge}	г _{gi}	ж(ж) _{go}	и _{gu}
д	д _{da}	д _{de}	д _{di}	д _{do}	у _{du}
м	м _{ma}	м _{me}	м _{mi}	м _{mo}	х _{mu}
п	п _{pa}	п _{pe}	п _{pi}	п _{po}	и _{pu}
зубные	ф _{fa}	с _{fe}	с _{fi}	с _{fo}	у _{fu}
зубные	т _{ta}	т _{te}	т _{ti}	т _{to}	у _{tu}
портаные	к _{ka}	к _{ke}	к _{ki}	к _{ko}	х _{ku}
с	с _{sa}	с _{se}	с _{si}	с _{so}	х _{su}
з	з _{za}	-	-	з _{zo}	-
х	х _{xa}	х _{xe}	-	-	-

Рис. 70. Знаки кипрского слогового письма

торным путем, достиг намного более важных результатов, чем оба его предшественника. Уже в январе 1874 года Шмидт, отличавшийся поразительным упорством и работоспособностью, дешифровал почти весь кипрский силлабар. В том же году он издал упомянутую выше большую надпись на бронзовой табличке из Идалейона. Предпринятая им обработка текста внесла окончательную ясность в характер кипрской письменности: она не содержит ничего иного, кроме слоговых знаков (сравни в связи с этим транскрипцию, применявшуюся Брандисом), причем такие знаки передают как открытые слоги (то есть слоги типа согласный + гласный), так и простой гласный!

Последний кирпич в здание, возведенное за столь короткий срок (в основном с 1872 по 1874 год), был положен немецкими исследователями Декке и Зигизмундом. Они открыли слоговые знаки, начальными звуками которых были

и ω , и таким образом покончили с непреодоленными еще затруднениями в чтении текстов.

Было выяснено, что упомянутая бронзовая табличка из Идалейона содержит договор, заключенный между царем и городом, с одной стороны, и семейством лекаря — с другой. Согласно договору, названным врачам и их потомкам вместо уплаты гонорара наличными передавались поместья и по земельный налог с некоторых областей.

Итог всей проделанной работы и многих удачных комбинаций, несмотря на его безусловную историческую ценность, оказался, таким образом, довольно скучным.

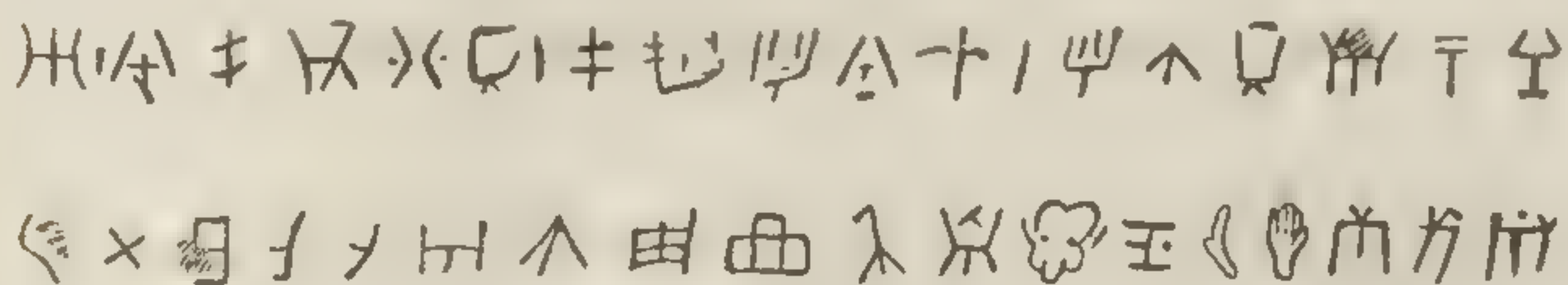

Рис. 71. Кипро-минойские графические знаки

Кипрское слоговое письмо все еще хранит свою тайну. В 1910 году, например, были открыты некоторые надписи, составленные кипрским письмом, но совсем не на греческом языке. Надписи эти были обнаружены не на острове, а в двух музеях — Эшмолеан в Оксфорде и в Лувре, где они до того лежали, не привлекая к себе никакого внимания. Недавно умерший тюбингенский профессор Эрнст Зиттиг нашел в Амафе на Крите даже самую настоящую билингву — двуязычный, но, к сожалению, очень краткий текст, записанный кипрским слоговым и общегреческим буквенным письмом. Легко заметить, что материал, доступный науке, слишком скуден для того, чтобы можно было открыть и с известной основательностью объяснить исчезнувший язык древних киприотов, хотя попытки делались и в этом направлении. Будем надеяться, что в ближайшее время поиски исследователей приведут к благоприятным результатам, ибо, по общепризнанному мнению, кипрское слоговое письмо является производным от критских линейных письменностей одна из которых недавно была дешифрована. Более того, существовало еще и так называемое кипро-минойское, или кипро-микенское «переходное письмо» (пока не дешифро-

ванное), представляющее собой, вероятно, связующее звено между кипрской и критскими линейными письменностями. Кто знает, может быть, последние прольют свет на кипро-минойское письмо, а оно в свою очередь — и на памятники кипрской письменности и их неизвестный язык. Из 26 букв и 5 цифр, известных пока в кипрско-минойском письме, 10—12 знаков идентичны знакам классического кипрского силлабара; сверх того можно было бы определить, очевидно, и еще 8. Правда, особо важных выводов о кипрском письме ожидать пока не приходится, поскольку кипро-минойское письмо знакомо нам лишь по кратким надписям на сосудах; даже если эти надписи и поддадутся прочтению, едва ли они принесут что-либо, кроме упоминаний о содержимом сосудов или их владельцах.

Прошло уже более 80 лет с тех пор, как была открыта письменность «Медного острова» в восточном Средиземноморье, древнего Кипра. В нескольких днях пути от него (если плыть на парусном судне) лежала родина еще более древней письменности, работа над которой совсем недавно завершилась блистательной дешифровкой. Это Крит, остров Минотавра и Ариадны, ласково покачиваемая морем колыбель древнейшей подлинно европейской духовной культуры.

VIII

БОЕВА

Дешифр

Все
ш
лес в д
метов с
чать. Н
жения
иерогли
Человек
тель му
Посл
печати
но усил
или вол
этим сх
ного не
ных обл
мых ра
ния печ
ческой»

VIII

БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА И КУБОК

Дешифровка крито-микенского линейного письма Б

Кубок поставила чудный, с собой
привезенный Нелидом
Весь золотыми гвоздями обитый, имел
он четыре
Ручки...

Гомер, Илиада, XI, 632—634

Все началось с того, что в 1889 году английский путешественник и знаток древностей Гревилль Честер принес в дар музею Эшмолеан в Оксфорде несколько предметов старины, среди которых находилась сердоликовая печать. На четырех овальных сторонах печати имелись изображения стилизованных рисуночных знаков, напоминающих иероглифы, а сама печать происходила якобы из Спарты. Человеком, на попечение которого перешел дар, был хранитель музея Артур Эванс.

Последнему сразу же бросилось в глаза сходство знаков печати с хеттскими иероглифами, которое, казалось, особенно усиливалось при взгляде на изображение головы собаки или волка, с высунутым языком (в третьем овале). Однако этим сходство и ограничивалось; в остальном ничего подобного не было обнаружено ни в одной из древних культурных областей мира, и поэтому Эванс прибег к помощи самых различных предположений о возможности происхождения печати, в том числе и к помощи гипотезы о «донисторической» Греции.

Спустя четыре года, весной 1893-го, Эванс отправился в Грецию, и здесь в Афинах, во время своих изысканий нагнулся на несколько экземпляров печати, похожих на ту, первую. Ему удалось собрать четырех- и трехсторонние печати, просверленные вдоль по оси. На все расспросы об их происхождении Эванс слышал один и тот же ответ: они привезены с Крита. Запросив Берлинский музей, Эванс получил от туда слепки с целого ряда подобных же экземпляров, а к

Рис. 72. Четырехсторонняя сердоликовая печать с острова Крит («из Спарты»)

этому добавилась еще и гемма, найденная в Афинах А. Г. Сейсом. Возвратившись в Англию, Эванс уже мог в ноябре 1893 года доложить Лондонскому обществу любителей эллинских древностей об открытии около 60 иероглифических символов, восходящих, очевидно, к некогда распространенному на Крите рисуночному письму. А в следующем году он и сам отбыл на Крит.

Эванс посетил внутреннюю и восточную часть острова. Его ожидания подтвердились, а надежды сбылись. Эвансу удалось собрать огромное количество предметов, относящихся к той древней культуре, которую некогда воспел Гомер, — к культуре эпохи Крита ста городов — царства Миноса. Но одна счастливая находка особенно обрадовала страстного коллекционера и подтвердила его предположения: он обнаружил здесь, на Крите, слепок с той самой сердоликовой печати (из Спарты!), и слепок этот принадлежал ее прежнему владельцу!

Если каких-нибудь 50 лет назад Райт, открывший Хаматский камень, опасался не только за его сохранность, но

а за себя,
на Крите
пришло Эв
ных поиска
были прос
что критск
давали осо
из подобны
но носить
амулетов
«молочным
ко», «прин
пользовали

Узнав
сыванию»
жиной и
соток, он
ликопелны
ской эпох
венно, лег
тично и не
Но и жен
бания жер
взамен др
красивую
который б
или друга
при каких
то Эванс
в его рук
менами.
«линейно
танский
нейших
нейной. Э
Эванс ту
этого ну
Копат
же знал,
к делу.
Ему
ти Генри

а за себя, ожидая прямого нападения суеверных сирийцев, то на Крите другое, не менее прочно укоренившееся суеверие пришло Эвансу на помощь. Проводя все время в неустанных поисках каменных печатей и гемм (они, как правило, были просверлены), он был радостно изумлен, обнаружив, что критские крестьянки и вообще сельские жительницы отдавали особое предпочтение украшениям и амулетам как раз из подобных просверленных предметов, которые было удобно носить на шнурке или цепочке. Главная ценность таких амулетов заключалась в том, что они были «галопетраис» — «молочными камнями», или «галоусаис» — «дающими молоко», «приносящими молоко»; особенно большим спросом они пользовались у беременных женщин.

Узнав это, Эванс приступил к систематическому «прочесыванию» деревень; посещая дом за домом, хижину за хижинкой и неизменно восхищаясь украшениями сельских красоток, он получил таким образом возможность лицезреть великолепные экземпляры просверленных печатей древнекритской эпохи. Пожилых крестьянок и старух, которым, естественно, легко было расстаться с «молочными камнями», он тактично и не без ловкости побуждал продавать эти талисманы. Но и женщины, привязанные к своему сокровищу, без колебания жертвовали его англичанину, как только он предлагал взамен другую, также просверленную, но намного более красивую гемму, да еще именно того молочно-белого цвета, который был предметом особенных вожделений. Если же та или другая обладательница чудодейственной подвески ни при каких обстоятельствах не желала с ней расставаться, то Эвансу приходилось довольствоваться слепком. Попутно в его руки попали и многие другие вещицы, покрытые письменами, но в отличие от первых находок они имели знаки «линейной», или «квазиалфавитной», письменности! Так британский коллекционер узнал о существовании двух древнейших местных систем письма — пиктографической и линейной. Это было открытием такого значения и важности, что Эванс тут же решил искать его подтверждения. Однако для этого нужно было копать на Крите.

Копать на Крите! Решение пришло само собой. Эванс даже знал, куда нужно вонзить заступ, и готовился приступить к делу.

Ему предстояло совершить то, что еще за два года до смерти Генрих Шлиман считал своей несбыточной мечтой, осу-

	вероятно, собственников, владельцев		ветвь
	глаз		гора, страна
	скрещенные руки		ветвь
	нога		корабль
	кинжал		металлическое орудие
	челюсть ?		рука
	двухсторонний топор		?
	дверь		змея
	голова быка		полумесяц

Рис. 73. Некоторые из опознанных Эвансом критских иероглифов, приведенные вместе с их предполагаемыми значениями. Наиболее древние формы (с ясно выраженным рисуночным характером) представлены рядом со стилизованными знаками

шествие которой увенчало бы дело всей его жизни. «Главной моей целью был Кносс, — писал Эванс, — город Миноса, окутанное легендами место, где находился возведенный искусным мастером Дедалом дворец с чудесными произведениями искусства, с танцевальным залом Ариадны и Лабиринтом; все это витало перед моими глазами»¹.

Было известно, где следует искать Кносс. Расположение его указал Буондельмонте еще в XV веке. На месте древнего города находилась деревня Макротихо, или Макритихос

¹ A. J. Evans, *Scripta Minoa I*, Oxford, 1909, p. 16

(«Длинная стена»), которая лежала в замкнутой долине, ведущей внутрь страны, в шести километрах к югу от Кандии (нынешнего Ираклейона).

Но при господствовавших здесь отношениях (остров тогда находился под турецким владычеством) вести раскопки мог только тот, кто владел землей; уже Шлиману пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Правда, в 1877 году испанский консул, уроженец Кандии Минос Калокайринос раскопал помещения для хранения припасов, где нашел большие глиняные кувшины («пифосы») и покрытую письменами табличку. Затем, вооружившись согласием Высокой Порты, раскопками занялся американец В. Д. Стилмен; но работы вскоре пришлось прекратить, так как обещанный фирман не появился, а разрешение было отменено. И все же в первую очередь мы упоминаем о Генрихе Шлимане, который в 1889 году пожелал скупить у всех многочисленных владельцев территорию «кефала тселемпе», или «холма властителей», но потерпел полную неудачу, столкнувшись с алчностью землевладельцев и obstruction оттоманского чиновничества, и отказался от своего проекта.

Стоит ли говорить, что подобные препятствия преграждали путь и Эвансу. Однако, занимаясь поисками «молочного камня», он все же сумел обеспечить себе участок земли на «кефала». Когда же в 1899 году турки окончательно покинули Крит, он скупил здесь всю землю и добился разрешения на раскопки.

Имя сэра Артура Эванса известно ныне всем; совершенный им во имя науки подвиг — раскопки «дворца Миноса» в Кноссе — описан как в научном, так и популярном изложении и является ныне достоянием всего образованного мира.

Эванс стал первооткрывателем древних критских писем. В Кноссе он нашел большое количество глиняных табличек, исписанных «линейной» письменностью, а также слепки каменных печатей типа «молочных камней». В 1909 году Эванс выпустил в Оксфорде «Scripta Minoa I» — объемистый, превосходно иллюстрированный том, посвященный памятникам критского письма. Здесь рассматривались главным образом иероглифические надписи, однако в предисловии автор обещал опубликовать во II и III томах и памятники линейного письма, которые он уже подразделил на классы А и Б.

Правда, работа Эванса «Scripta Minoa I» наряду с памятниками иероглифического письма содержала и кносские образцы линейного письма А, а также 14 табличек, исписанных линейным письмом Б. И все-таки должно было пройти не менее 26 лет, прежде чем Эванс, да и то лишь частично, выполнил обещание и в 1935 году опубликовал в IV томе своего «Palace of Minos» около 120 табличек, текст которых начертан линейным письмом Б. А ведь распорядано их было более 2800! Поэтому нельзя не признать справедливым брошенный в адрес Эванса упрек в том, что он и сам забросил работу над публикацией текстов и не поручил ее кому-либо другому. Эвансу же следует поставить в вину те десятилетия застоя — с 1909 по 1952 год (в 1952 году были наконец изданы переработанные бывшим учеником Эванса сэром Джоном Майрсом «Scripta Minoa II»), — когда исследовательская работа не только была парализована и шла по ложному пути из-за отсутствия материала, но и сознательно сдерживалась. Немилость Эванса навлек на себя даже Нестор нынешнего критоведения, заслуженный финский исследователь Иоганнес Сундвалль, рискнувший в 1932 и 1936 годах скопировать 38 новых табличек!

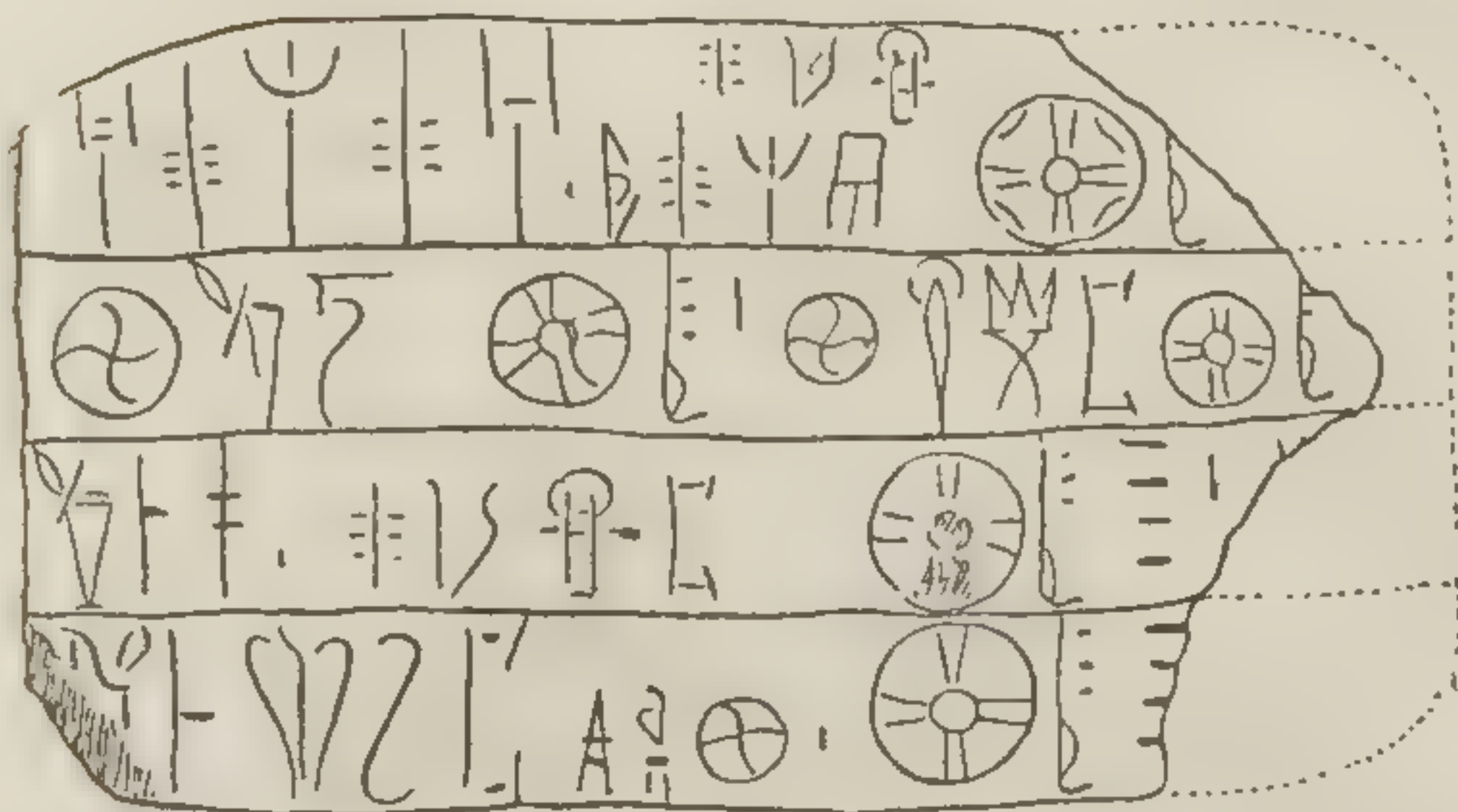
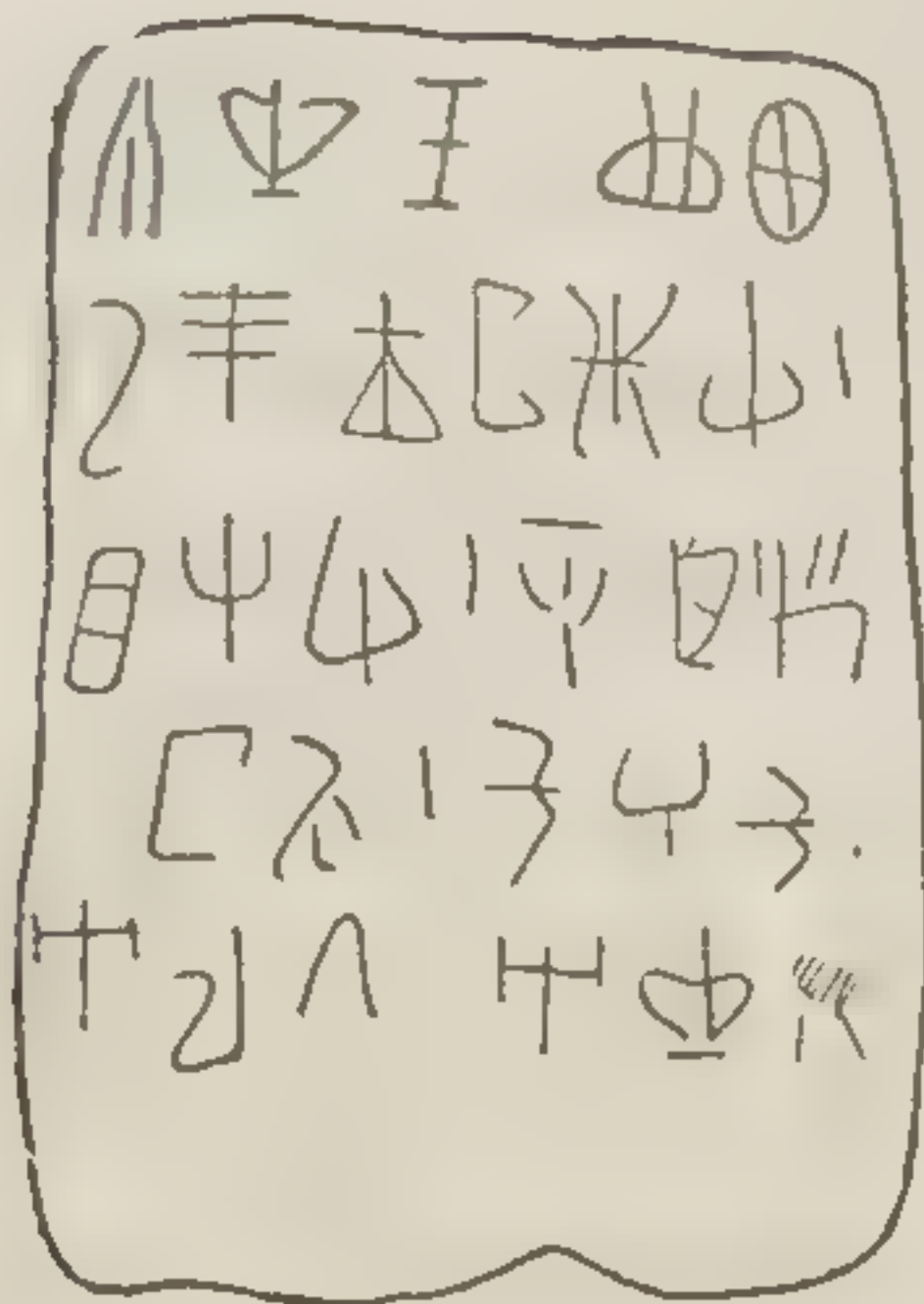
Теперь нам становятся понятными слова английских исследователей Вентриса и Чэдвика о том, что «два поколения ученых были умышленно лишены возможности конструктивно работать над проблемой»¹ линейного письма Б. Страсти, которые неизменно разгорались вокруг проблемы дешифровки этой письменности на протяжении полувека, с 1900 по 1950 год, воочию убеждают нас в справедливости брошенного Эвансу упрека.

Самой собой разумеется, что таинственные памятники древности немедленно зачаровали и посвященных и непосвященных, «уважаемых ученых, талантливых дилетантов, а также всякого рода заумных представителей тех периферийных областей археологии, где эта наука переходит в бессмысленный бред»². Одни, вслед за Эвансом, утверждали, что в основе всех найденных памятников письма лежит один и тот же язык, другие привлекали на помощь классический кипрский силлабар, третьи занимались поисками во всех частях

¹ M. Ventris, J. Chadwick, *Documents in Mycenaean Greek*, Cambridge, 1956, p. 11.

² Ibid.

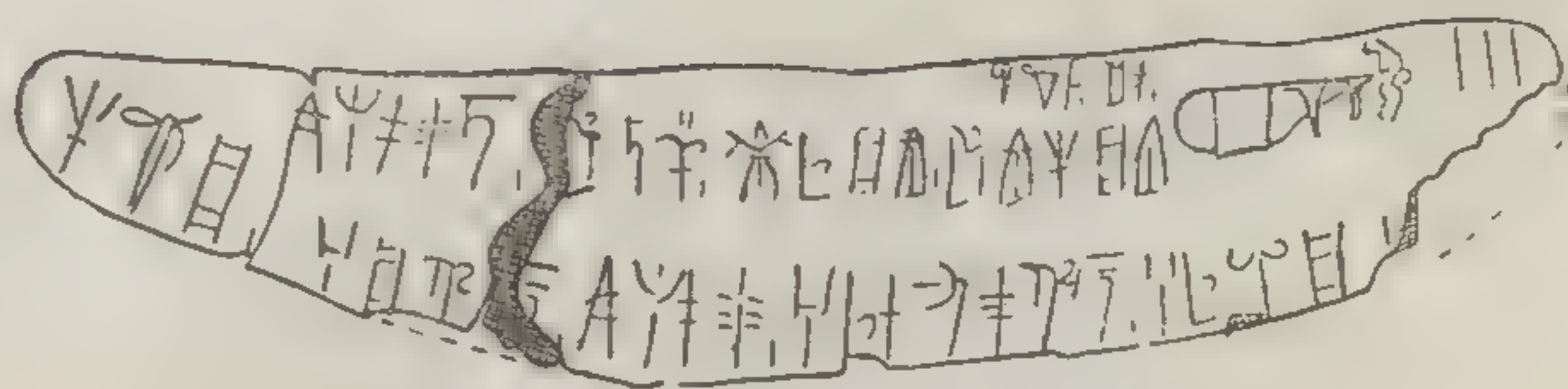

б

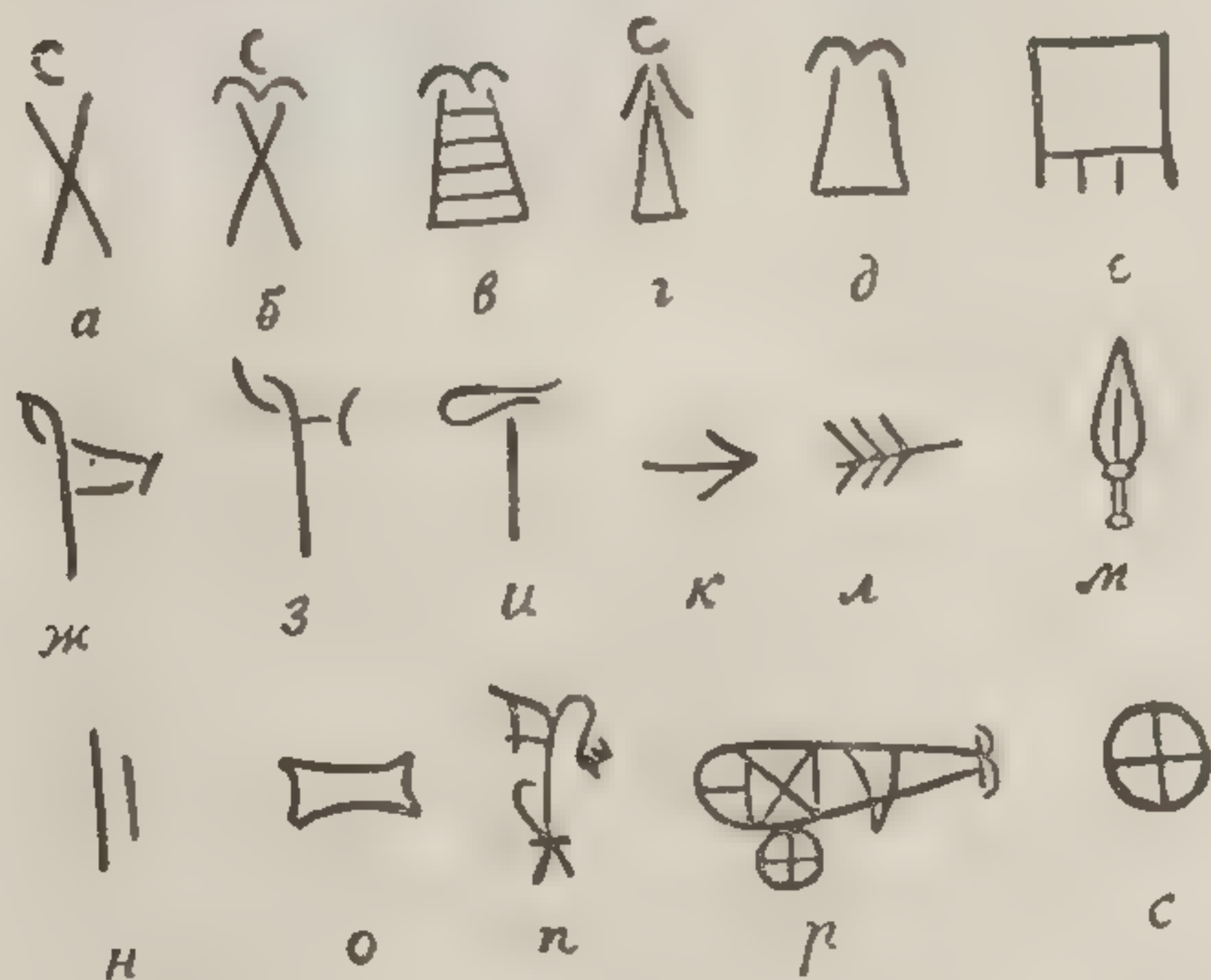
Рис. 74. Критские таблички из Кносса: а — линейное письмо А; б — линейное письмо Б

света вероятного народа — творца письменности, причем с такой ролью приходилось мириться самым различным народам древнего мира: хеттам и египтянам, баскам и албанцам, славянам и финнам, евреям и шумерам. Больше всех запутался в этом лабиринте в последние годы своей жизни знаменитый Бедржих Грозный, умерший в 1952 году. Ничто, конечно, не может умалить великих заслуг этого человека перед наукой, но в 1940—1949 годах он был сражен весьма опасной формой «профессиональной болезни», от которой не

1

2

Рис. 75. 1 — Табличка «боевой колесницы» из Кносса. 2 — Некоторые идеограммы крито-микенского письма: а — мужчина; б — воин; в — панцирь; г — женщина; д — платье; е — ткань; ж — свинья; з — теленок; и — баран; к — копье; л — стрела; м — меч; н — бронза (?) о — медный слиток; п — мед, составлено из двух слоговых знаков *te-ri* (греч. *meli*, ср. латинск. *mel*); р — боевая колесница; с — колесо

застрахован ни один дешифровщик: способность критически рассуждать, столь блестяще им некогда доказанная, совершенно покинула его, и он ринулся в генеральное наступление на все еще недешифрованные письменности мира! То, что Грозный предложил в качестве разрешения проблемы линейного письма Б, было запутанной и легко опровержимой неразберихой из хеттских и вавилонских слов.

И лишь сам Артур Эванс, располагавший всем письменным материалом, мог позволить себе роскошь не витать в заоблачных высотах. С большой тщательностью и осторож-

ностью он сопоставлял факты, полученные из наблюдения над внешними особенностями письменных источников. Он видел, что таблички представляли собой инвентарные описи, списки людей, перечни животных и предметов; наглядно-изобразительные «идеограммы» в конце групп знаков или строк уточняли, о чем шла речь в каждом отдельном случае, а количество перечисляемого приводилось по десятичной системе. В начале строк стояли группы из двух или нескольких (до семи) знаков, изображавшие, очевидно, слова «минойского» языка. Рисунок 75 дает представление о том, как Эванс пришел к таким выводам. На рисунке (рис. 75, 1) воспроизведена табличка, которую Эванс в 1904 году нашел в кносском «арсенале», или «цейхгаузе»; она состоит из 12 слов (легкоразличимых благодаря коротким вертикальным слово-разделителям) и имеет на конце (справа вверху) несомненную пиктограмму боевой колесницы (вид сверху); тут же рядом цифра «три».

Среди ученых, трудившихся в годы застоя над микенской письменностью, следует выделить А. Э. Каули, уже известного нам в связи с дешифровкой хеттских иероглифов. Еще в 1927 году он обратил внимание исследователей на шесть знаков. Три из них в группах 𐀓𐀔 и 𐀓𐀕 всякий раз повторялись перед указанием общего итога в инвентарных описях; что касается трех других, то они входили в группы 𐀓𐀖 и 𐀓𐀗 , для которых Каули предположил значение «ребенок»: «мальчик» 𐀓𐀗 и «девочка» 𐀓𐀖 . В дальнейшем его предположение подтвердилось.

Однако это вовсе не означало, что период заблуждений окончился. Долгое время еще занимались всякого рода домыслами, приписывая критским табличкам, помимо уже ранее упомянутых языков, также «догреческий», «пеласгский» и даже «эгейско-азиатический диалект, родственный хеттскому языку». Но всех превзошел некий совсем юный англичанин, восемнадцатилетний студент, который еще в 1940 году исследовал таблички в целях установления их этрусского происхождения. Наш студент упорно и твердо придерживался своего особого мнения вплоть до 1952 года, когда он... в действительности дешифровал крито-микенское линейное письмо Б.

И все же тем инструментом, на котором была сыграна прелюдия к дешифровке, оказалась лопата археолога. Уже в течение десятилетий памятники рассматриваемой нами письменности были известны также и по находкам в материковой Греции, в Микенах и Фивах, в Тиринфе, Элевсине, Орхомене. Только тогда эту письменность называли «минойской». Поэтому Эванс просто объявил микенцев критскими захватчиками и колонистами на материке; филологи же пытались, как мы уже видели, попеременно навесить на них ярлыки то пеласгов и этрусков, то иллирийцев и хеттов и т. д., и т. п.

Тупик, в который зашло исследование памятников «минойского» письма, был в значительной степени создан руками самого Эванса и его сторонников, господствовавших в этой отрасли науки и пресекавших всякие попытки критического пересмотра материала. Дело дошло даже до того, что маститый ученый А. Д. Вейс вынужден был уйти с поста руководителя Британской школы — английского археологического института в Афинах, оставив поле битвы за Эвансом.

Но постепенно, преодолевая ожесточенное сопротивление консервативных специалистов, прокладывает себе дорогу новое направление, новая школа, представители которой начинают все яснее понимать, что микенцы, вполне возможно, говорили, а может быть, даже и писали по-гречески. Развитие этого направления получило особо сильный толчок благодаря работам греко-американской археологической экспедиции 1939 года в Западной Мессении. Здесь, в Ано Энг-лианосе, американец Карл У. Блеген опознал остатки огромного микенского дворца, определив их как резиденцию древнего царя Нестора, описанного Гомером в третьей книге «Одиссеи». Заложив несколько пробных шурфов, Блеген, к своему великому счастью, внезапно взрезал слой, где находился архив, содержащий почти 600 глиняных табличек! Находка была доставлена в Афины, таблички очищены от грязи, фрагменты склеены. И когда в июне 1940 года, после объявления Италией войны союзникам, последний американский корабль покидал средиземноморские воды, отправляясь на родину, на борту его под неусыпным надзором миссис Вейс уплывал в Америку и найденный клад. Позднее таблички были изданы молодым американским исследователем Эмметом Д. Беннетом.

Но все дело в том, что письменность табличек из Пилоса.

древней резиденции Нестора, была совершенно идентична линейному письму Б!

Открытие Блегена вызвало самые различные отклики. Некоторые ученые видели в новых находках товары, вывозившиеся из Кносса, и, стало быть, считали, что эти находки подтверждают «кноссоцентрическую» теорию Эванса; но лишь немногие предполагали, что и пилосские, и кноссские таблички могли быть составлены на греческом языке.

И вновь, подобно тому как это часто бывало на начальных стадиях дешифровки, только величайшая сдержанность смогла привести к первым ощутимым результатам.

16 мая 1950 года в Бруклине скончалась Алиса Д. Кобер. В 1932 году она защитила в Колумбийском университете диссертацию по математике и получила звание доктора. Одновременно со своей непосредственной работой она увлеченно занималась исследованиями в области языка. В круг своих занятий Кобер включила санскрит, хеттский, древнеперсидский и другие индоевропейские языки, а также семитские языки и, наконец, шумерский и баскский. Живейший интерес вызвала у нее проблема крито-микенской письменности.

Из ничего ничего не может быть дешифровано, не уставала подчеркивать Алиса Кобер всякий раз, когда речь заходила об этой письменности, но надо же было случиться именно так, что как раз ей проказница-судьба оказала любезность, предопределив заложить первые прочные основы из этого «ничего».

«При попытке дешифровать документы на неизвестном языке написанные неизвестным письмом первый шаг состоит в установлении тех фактов, которые сами даются в руки при рассматривании имеющихся в распоряжении документов. Второй шаг состоит в том, что исследователь путем тщательного анализа и логической дедукции выявляет, какие выводы можно извлечь из этих основных фактов»¹. Такова весьма осторожная и трезвая программа, которая призвана вполне сознательно удерживать дешифровщика от решающего шага — подстановки звуковых значений.

В соответствии с этой программой Алиса Кобер начала с составления надежного и пригодного для практического использования списка знаков, а уж затем перешла к сравнению написанных слов. На этом пути она сделала свое первое

¹ Ibid., p. 15

важно открытие: письменность воспроизводила язык, особенностью которого было наличие грамматической флексии.

Следующим шагом был отбор таких слов, каждое из которых встречалось в трех различных формах; иначе говоря, слов, бросавшихся в глаза тем, что, за исключением одного или нескольких конечных знаков, они состояли из одинаковых групп и, стало быть, отличались друг от друга только окончаниями. Наличие всех трех форм в каком-либо документе или постоянное повторение этих форм внутри одного и того же разряда табличек и в одном и том же положении

	А	В	С	Д	Е
I падеж :	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣
II падеж :	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣	𐎠𐎡𐎢𐎣
III падеж :	𐎠𐎡𐎢	𐎠𐎡𐎢	𐎠𐎡𐎢	𐎠𐎡𐎢	𐎠𐎡𐎢

Рис. 76. Тройные группы Алисы Кобер

внутри текста должно было служить доказательством, что во всех этих примерах речь в каждом отдельном случае действительно шла о трех вариантах одного и того же слова.

Алиса Кобер составила из подлежащих сравнению слов систематическую таблицу, которая одновременно учитывала и тип документов, где эти слова встречаются (типы устанавливались по содержанию документа и цели его составления, основанием для чего служили места находок, пиктограммы и другие сопутствующие данные).

И вновь перед нами открывается возможность заглянуть в «лабораторию» ученого и восстановить ход его мысли. Мы уверены, что перед железной логикой рассуждений не устоит ни один читатель; более того, возвращаясь от результатов исследования к его исходному пункту и легко ступая по уже протоптанной дорожке, он, безусловно, отметит, как это часто бывает, необычайную «простоту» проделанного исследователем пути.

Таблица (рис. 76) воспроизводит восемь тройных групп: две группы типа А, три — В, по одной — С, Д, Е. Одна такая тройная группа включает одно и то же слово в трех различных падежах, распознаваемых по изменяющемуся окончанию. III падеж характеризуется в каждой группе самой краткой формой слова; в I падеже везде добавляется

конечный знак $\square$, а во II падеже — знак Γ ; при этих добавлениях в I и II падежах подвергается изменению также и тот знак, который в III падеже выполнял роль конечного знака: Γ типа А превращается в Λ , Γ типа В — в Δ ; определенные изменения обнаруживаются и в типах С, D и E.

Эта перемена знака уже сама по себе представляет огромный интерес, так как точно соответствует именно тем изменениям, которые происходят во флектирующих языках, например при склонении существительного. В качестве аналогии американская исследовательница привлекла латинские слова *servus* «раб», *amicus* «друг», *bonus* «хороший», относящиеся ко второму склонению.

Просклоняв каждое из этих слов во всех четырех падежах (*nominativus*, *genitivus*, *dativus*, *accusativus*) и разделив их на слоги, поскольку приходилось учитывать слоговой характер письма микенских памятников, она подставила к своей таблице тройных групп следующие латинские четверные группы:

<i>ser-vu-s</i>	<i>a-mi-cu-s</i>	<i>bo-nu-s</i>
<i>ser-vu-m</i>	<i>a-mi-cu-m</i>	<i>bo-nu-m</i>
<i>ser-vi</i>	<i>a-mi-ci</i>	<i>bo-ni</i>
<i>ser-vo</i>	<i>a-mi-co</i>	<i>bo-no</i>

Внимательно сравнив микенскую таблицу Алисы Кобер с приведенной латинской схемой, мы сможем уже предсказать и дальнейший шаг исследователя.

Попытаемся приравнять *ser-vu-s* к форме I падежа типа А, конечно, «приравнять» только как схему, ни в коем случае не помышляя выразить таким образом действительные звуковые значения микенских слоговых знаков. (И еще одно замечание: раз уж нам суждено начинать с конца весь путь, по которому шел исследователь, то и приравнивание мы начнем с конца, то есть справа.)

В результате мы получаем соответствия: $\square = s$, $\Lambda = vu$, остаток микенского слова $\Gamma \nabla =$ остатку латинского *ser*; подобным же образом *ser-vo* было бы равно $\Gamma \nabla \Gamma$.

Чтобы сделать пример более наглядным, попробуем расположить наше предполагаемое равенство двумя строчками, одно под другим:

<i>ser</i> — <i>vi</i>	<i>s</i>	<i>ser</i> — <i>vo</i>
TV	Λ □	TV ε ƒ

Рис. 77. Экспериментальное уравнение

Слоги *vi* и *vo* дают нам отправной пункт; они имеют один и тот же общий согласный. В соответствии с латинским примером это *v*; на самом деле согласный, конечно, неизвестен. Поскольку же мы вообще не знаем ни одного звука микенских слоговых знаков, прибегнем к вспомогательным средствам, назвав *v* из приведенного примера «согласным 1», *i* — «гласным 1», *o* — «гласным 2». Суммируя наши предварительные соображения, мы получаем следующий фрагмент таблицы:

Гласный 1	Гласный 2
Согл. 1 Λ	ƒ

Теперь мы уже знаем, что оба изображенных здесь слоговых знака имеют одинаковые согласные и разные гласные. Это, конечно, немного, но всякий опытный специалист по разгадыванию кроссвордов, взглянув на этот фрагмент таблицы, скажет нам, что начало не так уже плохо. Да, да, именно начало, начало таблицы, которая с нетерпением ждет, чтобы ее продолжили.

Обратимся к крайней правой колонке «гласный 2». Гласным 2 было *o*. Слово TVƒ, которое приравнивалось нами к *ser-vo* (то же самое можно было бы проделать и с *ser-vi*), стоит в III падеже типа А. Если же мы теперь посмотрим на последнюю строчку латинской схемы, соответствующую III падежу, то найдем там *(ser)vo*, *(ami)co*, *(bo)no*, то есть слог, содержащие гласный 2! То же самое можно предположить, очевидно, и для конечных слогов всех микенских слов, стоящих в III падеже, а именно—для ƒ, ʔ, „

Ψ, γ и Δ. Все они содержат гласный 2, но вместе с тем они все имеют и разные согласные. Итак, начнем заполнение нашей таблицы, как мы уже говорили, с колонки «гласный 2». Она выглядит теперь уже следующим образом:

	Гласный 1.	Гласный 2.
Согл. 1.	М	ґ
Согл. 2.		ґ
Согл. 3.		Ψ
Согл. 4.		γ
Согл. 5.		Δ

Поскольку читатель, очевидно, уже уяснил себе принцип составления таблицы, дело у нас пойдет быстрее. В колонке, которая осталась пока свободной, должны теперь появиться знаки, содержащие гласный 1, иначе говоря и, в соответствии с нашим предположением. По латинской схеме это будут слоги *ui*, *si*, *ni*, т. е. знаки, в I и II падежах микенской таблицы, стоящие перед конечными знаками отдельных слов. Мы находим здесь знаки М (типа А), Н (В), Υ (С), У (D) и А (Е). Проставим их в таблицу, и она, наконец, заполнена.

Вот эта-то таблица и есть не больше не меньше как ядро, зародышевая клетка будущей дешифровки, так называемая «решетка», или «координатная сетка» в ее первоначальном виде, о которой еще и поныне много и охотно говорят английские дешифровщики и их американские коллеги. Ясно, что координатная сетка, составленная по принципу, здесь так обстоятельно изложенному, вполне может быть продолжена в любом направлении.

	Гласный 1	Гласный 2
Согл. 1.	Ṃ	Ṭ
Согл. 2.	Ṃ	Ṭ
Согл. 3.	Ṭ	Ṭ
Согл. 4.	Ṭ	Ṭ
Согл. 5.	Ṭ	Ṭ

Правда, рано умершей Алисе Кобер уже не было суждено ее расширить, или, образно говоря, закинуть свою сеть так, чтобы в нее «попали» не только неизвестные гласные и согласные, но и подлинные звуковые значения знаков. Вместе с тем в 1949 году она внесла еще один важный вклад в дело дешифровки, показав, что отмеченные еще Каули группы знаков {Ṭ, ṬṬ и ṬṬ} являются мужским и женским родом одних и тех же слов. Это было опять-таки весьма ценным указанием для определения характера загадочной письменности, ибо языки, которые для выражения мужского и женского рода изменяют гласный конечного слога (вместо того чтобы добавлять новый слог), почти исключительно индоевропейские.

Может показаться, что Алиса Кобер оставила своим последователям почти готовое решение проблемы, а на их долю выпала задача лишь дополнить его и использовать. Пусть лучшим опровержением этого послужит тот факт, что в 1950 году никто не мог уверенно прочитать хотя бы один-единственный слог или слово, написанное неизвестной письменностью. По-прежнему велись яростные споры вокруг самых различных предположений о характере языка памятников, и здесь ничего не могли изменить даже такие блестящие труды, как докторская диссертация американца Эммета Л. Беннета-младшего (1947), где он разбирает материал Пи-

лоса по принципам, предложенным в отношении кноссских табличек Алисой Кобер; затем его же публикации табличек из Пилоса (1951) и Кносса (1953) и, наконец, объяснение и кодификация тем же автором системы мер и весов (1950).

Как это ни покажется странным, но решающий толчок к дешифровке был дан сэром Артуром Эвансом, хотя сделал он это совершенно бессознательно и «неумышленно». Уж во всяком случае Эванс не мог предвидеть, что на его докладе о минойских древностях, прочитанном на юбилейной выставке афинской Британской школы в 1936 году в Лондоне, будет сидеть и напряженно следить за его откровениями будущий дешифровщик. Мог ли он подумать, что четырнадцатилетний школьник, с таким увлечением слушавший его, убежденного седидами Эванса, через 16 лет разрешит проблему крито-микенского линейного письма Б!

Майкл Вентрис (1922—1956) не был здесь случайным посетителем, из любопытства пришедшим послушать научный доклад и поглазеть на любимца публики, человека, открывшего кноссский дворец. Еще ребенком он проявил необыкновенную любовь к малоизвестным языкам и таинственным письменам. В юности он поражал друзей и приятелей своими способностями к языкам и сразу же завоевывал сердца чужестранцев, непринужденно и легко беседуя с ними на их родном языке.

«Минойское» письмо, как его тогда повсюду называли, крепко «захватило» юношу еще в школьные годы, с тем чтобы больше уже не отпустить. Расставшись со школой и приступив к изучению архитектуры, Вентрис в 1940 году, в возрасте 18 лет, издает «Введение» в минойское письмо, где требует подвергнуть таблички экзамену по этрусскому языку, и, хотя таблички упорно молчали, он отказался от этого требования только через 12 лет.

Война прервала занятия Вентриса. Четыре года он прослужил штурманом в британских королевских военно-воздушных силах, а затем в британских оккупационных войсках в Германии. В течение всех этих лет он возил с собой копии и факсимиле памятников минойского письма! В 1946 году, сбросив серый мундир своего короля и вернувшись к архитектуре, Вентрис обнаружил, что ему уже исполнилось 24 года. Испытанный летчик быстро освоился в новом окружении; он принимает самое живое участие во всех студенческих

ких мероприятиях, а его архитектурные чертежи и наброски привлекают внимание и обеспечивают ему стипендию в течение последних двух лет обучения.

Именно архитектуру избрал Вентрис своей профессией, и, думается, едва ли соответствуют действительности утверждения некоторых его биографов, желающих представить дело таким образом, будто архитектура была побочным занятием Вентриса, а все его помыслы лежали в области критской письменности. Когда в сентябре 1956 года — «слишком рано», намного раньше, чем некогда Шампольона, — смерть сразила этого выдающегося исследователя и дешифровщика, в официальных и частных некрологах, исходивших из архитектурных кругов, оплакивалась кончина Майкла Вентриса — одного из самых талантливых и многообещающих архитекторов молодого поколения.

В упомянутой выше статье Беннета были опубликованы семь новых табличек из Пилоса, и тем самым коллекция памятников еще более обогатилась. Это побудило Вентриса решиться на целый ряд новых попыток и, без сожаления выбросив за борт свои же собственные ранние теории, с головой окунуться в детальное изучение письменности. Приходилось работать вечерами, так как в течение дня он по поручению архитектурно-строительного отдела министерства просвещения трудился над чертежами школьного здания. Заметим, кстати, что в 1952 году он строил еще и свой собственный дом, по признанию специалистов, «простое, логически законченное, радующее глаз и лишенное всяческих излишеств произведение архитектуры». Итоги своих ночных бдений Вентрис подробно изложил в размноженных и распространенных частным порядком «Рабочих заметках» («Work Notes»), которые он затем, в январе 1951 — июне 1952 года, разослал специалистам и лицам, интересующимся проблемой. Разъясняя смысл своих поисков, Вентрис приглашал и других принять участие в совместной работе.

Правда, в этих «Рабочих заметках» он вначале идет еще в ошибочном направлении. По-прежнему исследуется и апробируется возможность «эгейского» и этрусского чтения слов — ведь даже думать о греческом языке считалось ортодоксальной историей и археологией чуть ли не ересью. И все же в заметках № 2, 8, 10, 11 и 12 были заключены зародыши будущей дешифровки; они содержали наблюдения и предположения, отчасти уже высказанные Алисой

Ковер, молодым кембриджским филологом Джоном Чэдвиком, греком К. Д. Книстоулосом и американцем Эмметом Л. Беннетом. Заметки № 1, 13 и 14 были посвящены собственным именам и приводили по меньшей мере шесть «склонений», распознаваемых по гласному последнего слога именительного падежа. При этом Вентрис продолжал расширять сетку Алисы Ковер. Другие таблички, те, которые содержали цифровые данные, дали ему в руки ключ к пониманию различия между формами множественного и единственного числа. В заметке № 9 он опять-таки пытается объяснить сделанные наблюдения этрусскими формами склонения, но выполнить эту затею с каждым разом оказывается все труднее. Наконец, заметки № 1, 15 и 17 иллюстрируют следующие одна за другой стадии составления сетки Вентриса, которая в феврале 1952 года приняла вид, показанный на рисунке 78.

Это было еще весьма несовершенное произведение. Как явствует из рисунка, оставалось предположительным количество гласных, кроме того, некоторые знаки были помещены в двух различных графах таблицы, ибо Вентрис тогда еще считал, что в этих случаях возможны два значения.

И все же этот предварительный набросок, плод утомительной работы, имел два больших преимущества, и мы сразу же хотели бы обратить на них пристальное внимание читателя, учитывая те атаки, которым затем подверглись выводы Вентриса. Дело в том, что строительным материалом для этой неполной и в некоторой части еще неточной сетки служили исключительно объективные признаки, так сказать, сами бросавшиеся в глаза при просмотре письменных памятников; иначе говоря, приведенная нами сетка основывалась только на тех данных, которые можно было получить путем классификации табличек по месту находки и другим обстоятельствам, сопровождавшим ее открытие, а также путем простого подсчета и сравнения знаков письма. Никакая теория относительно того или иного языка, сокрытого в табличках, не освящала закладку этого сооружения, ни одна графа не составлялась и не заполнялась с целью получить подогнать результаты под схему форм определенного языка!

Это следует отметить особо, потому что во главе одной из самых сильных атак, предпринятых позднее на систему Вентриса, шествовало утверждение, что памятники линейного письма Б ничего общего не имеют с греческим языком,

Гласный 1 Г₂ Г₃ Г₄ Г?

-a? -e? -i? -o?

C1	Υ		Ϝ		
C2	⊕	Α	Ψ		
C3	† ϯ			ϣ	
C4	⊖	Ε			
C5	⊖	Χ	Χ	ϣ	
C6	↑	ϯ Ε		ϣ	
C7	Μ	Ε	Υ	ϣ	
C8	Υ	Υ	Υ	Ψ	
C9	†	⊖	⊖		ϣ
C10		⊖		†	ϣ
C11	ϯ		ϣ		↑
C12	Υ	Υ	⊖	†	ϣ
C13	Υ	⊖	⊖	Υ	
C14		⊖	⊖	†	ϣ
C15	⊖	⊖	⊖	ϣ	⊖
C?		ϣ ϣ ϣ	ϣ ⊖		

Рис. 78. «Сетка» Вентриса, заполненная к февралю 1952 г., перед дешифровкой

а то «греческое», что якобы можно в них прочитывать, подставил сам Вентрис!

Уже в том же году Вентрис отказался от этрусской теории. На это он шел вначале крайне неохотно и полный сомнений, пока наконец факты, отличающиеся, как известно, большим упрямством и настойчивостью, не вынудили его признать, что речь может идти и о греческом языке.

В феврале 1952 года, как мы уже упоминали, оксфордский профессор сэр Джон Майрс издал в «Scripta Minoa II» те самые кносские таблички, которые остались после Эванса и отчасти представляли материал, пролежавший 50 лет под сукном. Стоит ли говорить, что Майрс взялся за дело, требующее большой самоотверженности, и путь его был усыпан отнюдь не розами. Может быть, поэтому и труд его не лишен целого ряда недостатков, на которые в 1952, 1954 и 1955 годах обратили внимание Беннет и Чэдвик.

Что же касается Вентриса, то он ждал от нового издания только одного: дополнительного подтверждения правильности своей сетки.

Сравнивая слова, взятые из вновь опубликованных табличек, с теми, которые уже имелись в его распоряжении, Вентрис пришел к мысли, оказавшейся впоследствии решающей для дела дешифровки.

Согласно прежней координатной сетке (рис. 78), доставлявшей ее автору немало беспокойства, а другим немало сомнений из-за полного отсутствия симметрии, определенные слова одного и того же типа давали на конце такие варианты написаний, которые можно было понять как падежные окончания; в то же время некоторые слова того же типа имели в своем написании довольно значительные различия, судя по контексту, совершенно непонятные и ненужные. Где же ошибка? Уж конечно, не в табличках. И Вентрис опять взялся за сетку.

Пришлось снова вернуться к недавно им же самим отброшенному предположению о четырех равенствах знаков и их значений, которое восходило отчасти к более ранним гипотезам, а в особенности к предположению Алисы Кобер. Если эти равенства были верны, то симметрия сетки существенно дополнялась; значительно повышалась и степень ее пригодности.

Вот они, эти равенства:

$$\tau = a, \square = ja, \text{ } \text{ } = o, \text{ } \text{ } = jo$$

И будь они истинными, трудно было бы даже перечислить все вытекающие отсюда следствия. Часто встречающееся окончание мужских собственных имен в родительном падеже $\text{ } \text{ }$ или $\text{ } \text{ }$ тогда звучало бы $(o)jo$ и $(i)jojo$

и, стало быть, соответствовало бы окончаниям древних форм вроде *Autolykoio* и *Ikaríoio*, которые давно уже были известны из Гомера; предположительное окончание родительного падежа множественного числа женского рода $\square \square$ было бы (i)ja-o и соответствовало бы архаическим формам *gaiáon*, *theáōn*! Если подставить эти значения в тройные группы Алисы Кобер, то пять первых из них (типы А и В) образовали бы скрепленные гласными и полугласными каркасы слов, сразу заговоривших бы таким знакомым языком, что уж почти не требовалось бы фантазии, чтобы восстановить пропущенные согласные; здесь в четком строю стояли бы названия самых значительных городов древнего Крита и среди них — название его столицы: Ликтос, Фест, Тилисс, *Кносс* и Амнис [см. рис. 76, II падеж, типы А и В, в неполном написании оригиналов, напоминающем письменность Кипра, *ru-ki-to* (*r* замещает *l*, и в архаическом греческом = *y*), *pa-ito*, *tu-ri-so*, *ko-no-so*, *a-mi-ni-so*].

Но если бы эти значения были верны, в сетке неизбежно началась бы настоящая цепная реакция: не менее 31 знака получили бы свое подлинное и твердое звуковое значение! Несмотря на такой «обличительный» материал, Вентрис в своей последней рабочей заметке № 20 все еще склонялся к мысли, что все это самообман, фата-моргана. Однако пока почта доставляла адресатам эту заметку, помеченную 2 июня 1952 года, Вентрис, который уже вновь был за работой и в виде пробы подставлял новые звуковые значения в те или иные таблички, понял, что именно греческий язык ведет к решению проблемы; он прямо-таки напрашивался на эту роль. И вот все больше и больше слов выплывает из тьмы, пробуждаясь от тысячелетнего сна: появились *ro-te*, родительный *ro-te-no* (в классическом греческом *poimén*) «пастух» и *ka-ke-u* (*chalkeús*) «кузнец», *ke-ra-te-u* (*kerameús*) «гончар» и *ka-na-pe-u* (*gnapheús*) «сукновал» и, уж конечно, не заставили себя ждать *i-e-re-u* (*hiereús*) и *i-je-re-ja* (*hiereia*) «жрец» и «жрица»!

Но тут же обнаружились огромные несоответствия между написанием слов в критских табличках и дошедшими до нас формами классического греческого языка. Критяне писали слоговой звук и гласный, причем конечный звук слога выпадал. Так, *pa-te* могло бы означать *patér* «отец», но также и *pántes* «все»; слово *stathmós* «хлев» писалось *ta-to-mo*

(з в начале слова выпало). Кроме того, не было вообще никакого знака для передачи отдельных согласных; казалось бы, то же самое правило должно было выполняться и в том случае, когда *th* стояло перед *m*, но здесь все шло как раз наоборот и *th* получало впридачу еще немой гласный *o*. Долгие и краткие согласные между собой не различались, как, впрочем, не различались также *b* и *p*; *ph* и *g*; *k* и *ch*; на примере названий городов Ликтос и Тилисс мы уже убедились, что совпадали даже *r* и *l*!

Вентрис, по профессии архитектор, но отнюдь не филолог, сразу же понял, что при подобных обстоятельствах становится возможным чересчур многое, и, пожалуй, даже все, но как раз то самое «все», которое ближе всего стоит к «ничего»! Он хорошо сознавал, что ему нужно призвать на помощь настоящего специалиста-филолога, досконально изучившего свое ремесло.

Пришлось идти за советом к сэру Джону Майрсу. Последний помог ему свести знакомство с неким молодым человеком, окончившим в свое время Кембридж, а затем принимавшим участие в составлении и издании латинского словаря в Оксфорде, где он познакомился с Майрсом. Вскоре, к началу 1952 года, он был приглашен в Кембриджский университет доцентом на кафедру классической филологии. Так был создан знаменитый дуэт — Майкл Вентрис и Джон Чэдвик. Имена эти и по сей день неразрывно связаны друг с другом и с дешифровкой линейного письма Б.

Родившийся в 1920 году Джон Чэдвик происходил из семьи государственного служащего. Мальчиком он посещал известный в Лондоне колледж св. Павла, а затем поступил в Кембриджский университет. Чэдвик, хотя и был старше Вентриса на два года, все же не избежал общей с ним участи — война прервала и его университетские занятия. Он был призван в британские военно-морские силы, где прослужил пять лет.

Как и Вентрис, Чэдвик питал самый живой интерес к языкам, и его превосходный учитель греческого языка в колледже, а ныне профессор в Стамбуле Д. Бин сумел развить врожденные способности одаренного мальчугана.

Но нашего ученика интересовали не только чужие языки, с неизъяснимой силой его влекли к себе непонятные или малоизвестные письмена. И если восемнадцатилетний Вентрис в 1940 году испытывал критские таблички на их, так ска-

зять, этрусское содержание, то за два года до этого восемнадцатилетний Чэдвик взялся за изучение тибетского. «Во время войны я использовал каждую свободную минуту, чтобы заниматься новогреческим и санскритом. Война предоставила мне также возможность изучать японский язык, а знание этой письменности (она, как мы уже говорили в I главе, является образцом слогового письма. — Э. Д.) и языка заставило меня во многом пересмотреть мои предвзятые взгляды и очень помогло мне при столкновении с языком, записанным идеографической и слоговой письменностью»¹.

В 1945 году, расставшись с оружием, двадцатилетний Чэдвик вернулся в Кембридж, а уже в следующем году с отличием сдал выпускные экзамены по специальности — классическая филология.

В том же году он вместе с двумя университетскими приятелями «частным порядком» занялся исследованием критских текстов. Вначале дело не клеилось, и два других adeпта вскоре же отошли от изучения проблемы. Их уход не обескуражил Джона Чэдви́ка, и он продолжал исследования, правда, не всегда планомерно и методически. Он подбирал различного рода выписки и заметки, отваживался иногда на довольно осторожные выводы, а в основном ожидал появления нового материала; и хотя уже к началу своей работы в 1946 году он считал вполне возможным, что в критских табличках скрывается греческий язык, это не привело его к каким-либо значительным результатам.

Сообщение о дешифровке, разосланное Вентрисом в 1952 году, застало Чэдви́ка, целиком ушедшего в свои новые обязанности на кафедре, врасплох, несмотря на то что в течение прошедших шести лет он усиленно занимался критомикенской письменностью.

Сэр Джон Майрс показал Чэдви́ку последние «Рабочие заметки» Вентриса. На самого Майрса они сильного впечатления не произвели, да и Чэдвик поначалу отнесся к ним довольно скептически, хотя и принадлежал к числу сторонников греческого толкования минойских текстов и, стало быть, был уже подготовлен к тому, чтобы принять выводы Вентриса. Тот же Майрс дал своему молодому коллеге скопировать и сетку Вентриса в ее первоначальном виде.

¹ Письмо Джона Чэдви́ка автору от 22 февраля 1957 года.

«Посл
моей жи
что, как
годовщи
Чэдви
ложенны
изумлен
фографи
кой слу
сколько
собствен
твержде
Чэдви́ка
тех, кот
вого же
знаток
ду двум
ная пер
дешифр
рвавши
сторон
сколько
дополн
рию не
одной
один и
вольно
«Я
гой од
ной др
обходи
ковый
было
перев
язык
стоян
незав
ли...
Бо
если

«Последующие четыре дня были самыми волнующими в моей жизни. Я настолько основательно погрузился в дело, что, как с упреком заметила моя жена, совершенно забыл о годовщине нашей свадьбы»¹.

Чэдвик прежде всего подставил в тексты значения, предложенные Вентрисом, и тут же, к величайшему своему изумлению, обнаружил такую массу греческих слов (в «орфографии» Вентриса), что не приходилось думать ни о какой случайности! Одновременно он натолкнулся и на несколько значений, мысль о которых мелькала у него в ходе собственных исследований. Однако самым блестящим подтверждением выводов молодого архитектора была встреча Чэдвики с целым рядом «неклассических» форм, именно тех, которые вызывали у Вентриса сомнения, но были с первого же взгляда ясны и хорошо знакомы Чэдвику, большому знатоку греческих диалектов. Стоит ли удивляться, что между двумя исследователями немедленно завязалась оживленная переписка (позднее они иногда писали друг другу даже дешифрованной ими самими письменностью!), переписка, прервавшаяся только с трагическим концом Вентриса. Со своей стороны Чэдвик предложил звуковые значения для нескольких еще недешифрованных знаков; одно наблюдение дополняло другие или вызывало в свою очередь целую серию новых. Впрочем, Чэдвику первому удалось прочесть на одной из кноских табличек имена богов. Это был, кстати, один из тех немногих случаев, когда Вентрис поначалу довольно скептически отнесся к познаниям своего друга.

«Я всегда старался пояснить, что прорыв являлся заслугой одного Вентриса; моя роль, подобно роли первой пехотной дивизии, сводилась к расширению бреши или к той необходимой поддержке атаки, какую обычно оказывает танковый авангард. Простое определение звуковых значений было только началом, а над чрезвычайно трудной задачей — переводить дешифрованные слова на понятный греческий язык — мы уже работали как равноправные партнеры: постоянно посылая друг другу наши предложения, мы часто независимо друг от друга приходили к одной и той же мысли...

Большой радостью было работать с Вентрисом, и даже если мы в чем-либо не соглашались друг с другом, нам всег-

¹ Там же.

a	Т	a ₂	Т	e	А	i	Ψ	o	Ω	u	Ф
ai	⌘			je	⌘			jo	⌘		
ja	⌘			we	⌘	wi	⌘	wo	⌘		
wa	⌘										
da	⌘			de	⌘	di	⌘	do	⌘	da ₂	⌘
ka	⊕			ke	⌘	ki	⌘	ko	⌘	ku	⌘
ma	⌘			me	⌘	mi	⌘	mo	⌘		
na	⌘			ne	⌘	ni	⌘	no	⌘	nu	⌘
pa	⌘	pa ₂ ?	⌘	pe	⌘	pi	⌘	po	⌘	pu	⌘
				ge	⊙	gi	⌘	go	⌘		
ra	⌘	ra ₂ ?	⌘	re	⌘	ri	⌘	ro	⌘	ru	⌘
sa	⌘			se	⌘	si	⌘	so	⌘		
ta	⌘	ta ₂ ?	⌘	te	⌘	ti	⌘	to	⌘	tu	⌘
				z?e	⌘			z?o	⌘		

Рис. 79. Основная таблица слоговых знаков (взято из «Evidence»)

да без труда удавалось понять точку зрения другого и предложить компромиссное решение или изложить наши противоположные взгляды»¹.

Еще до конца 1952 года Вентрис и Чэдвик закончили свою первую крупную публикацию, статью «Свидетельства с греческом диалекте в микенских архивах» («Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives»), которая появилась в следующем году в «The Journal of Hellenic Studies» (vol. LXXIII, 1953, pp. 84—103). Это была «выдающаяся публикация, столь же доброкачественная по содержанию, сколь и строгая по форме. Она блистательно выстояла под огнем критики и в первые же два года вызвала появление около 100 других научных работ относительно языка микенских греков, что также и с внешней стороны подтверждает значение открытия»².

Статья содержала ключ к письменности, но представляла собой уже не бесцветные таблицы с гласными и согласными, обозначенными цифрами, а обзор конкретных звуковых зна-

¹ Там же.

² H[ugo] M[ühlestein], — «Basler Nachrichten», 20 Sept. 1956, Beilage № 400.

чений 65 слоговых знаков (из 88 установленных к тому времени). Эта «экспериментальная сетка» приведена на рисунке 79 в ее первоначальном, еще неполном виде.

Вентрис и Чэдвик еще до появления своей статьи оповестили в ряде докладов о своей дешифровке, а разослав краткое резюме своего труда, они приобрели сторонников среди именитых ученых Англии и Швеции. Одними из первых их теорию поддержали Р. Д. Барнетт и И. Д. Гельб, уже известные нам из предыдущих глав.

Однако в целом под знаменами «Evidence» выступила довольно немногочисленная дружина. Большая часть ученого мира временно оставалась в роли холодных и сдержанных наблюдателей, и критика открывала огонь. К тем археологам, которые, в принципе соглашаясь с теорией Вентриса — Чэдвики, весьма осторожно и недоверчиво относились к предложенному ими конкретному решению, принадлежал и американец Карл У. Блеген. Последний, летом 1952 года вновь приступив к раскопкам в Пилосе, обнаружил здесь свыше 330 новых табличек. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы тут же, на месте, определить значение находки, и Блеген весной 1953 года появился в Афинах, где занялся тщательным изучением табличек и подготовкой их издания.

Здесь следует вспомнить, с каким триумфом Лепсиус поверг завистников и скептиков, сомневавшихся в правильности дешифровки Шампольона, представив им декрет из Канопы, и как блестяще подтвердились исследования в области хеттской иероглифики после открытий Х. Т. Боссерта в Каратеппе.

Таким Канопским декретом, такой билингвой из Каратеппе стала для крито-микенского письма Б одна невзрачная табличка из Пилоса. В мае 1953 года перед ней сидел исполненный недоверчивого удивления Карл У. Блеген и глядел на нее с возрастающим волнением.

Выглядела она так:

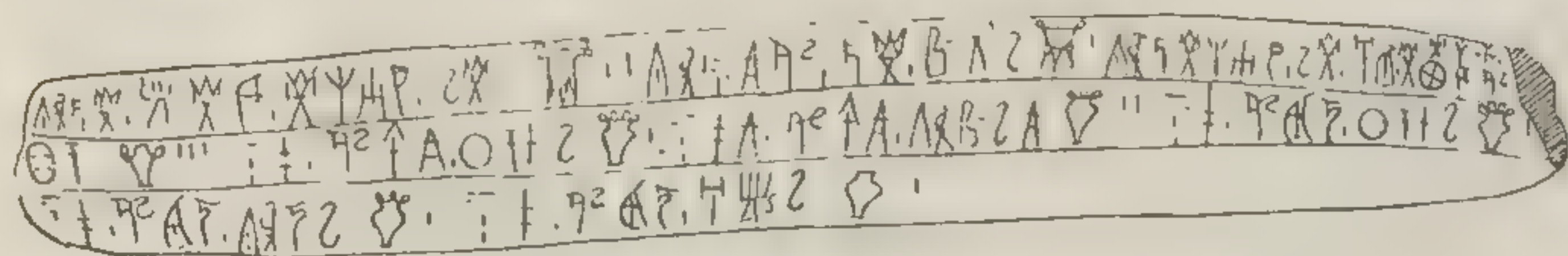

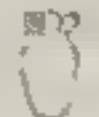

Рис. 80. Инвентарная табличка из Пилоса

16 мая 1953 года Блеген сел за письмо к обоим дешифровщикам. Он сообщал им, что нашел одну табличку, и в ней «речь идет, очевидно, о сосудах, из которых одни имеют три ножки, другие четыре ушка, третьи три ушка, а четвертые вообще их не имеют. Первое слово (Блеген имел в виду идеограмму. — Э. Д.) , согласно вашей системе, очевидно, значит *ti-ri-po-de*, и дважды оно повторяется как *ti-ri-po* (ед. число?). Сосуду с четырьмя ушками предшествует *qe-to-ro-we*, с тремя ушками — *ti-ri-o-we-e* или *ti-ri-jo-we*, сосуду без ушек — *a-po-we*. Все это кажется слишком прекрасным, чтобы быть правдой. Может быть, не исключена случайность?»¹.

Нет, случайности не было! И в этом можно убедиться, последовав за венским исследователем В. Мерлингеном, который разложил надпись таблички по системе Вентриса и дал ее в звуковой транскрипции, классической греческой версии и в немецком переводе (стр. 321)². Пусть читатель попытается восстановить эту надпись и выполнить, советуясь в сомнительных случаях с таблицей слоговых знаков (рис. 79), свое первое упражнение в чтении линейного письма Б.

Это было прекрасное подтверждение и одновременно неопровержимое, решающее доказательство. Победа, одержанная под знаменами «Evidence», вывела наконец ученый мир из состояния скепсиса и сдержанного недоверия. Почтенные ученые всего мира не замедлили признать победителей и встретили их громом рукоплесканий; даже самые заядлые скептики скрепя сердце высказали свое, конечно, лишь «принципиальное», согласие. Среди тех, кто или в принципе, или безоговорочно присоединился к новой дешифровке, были Иоганнес Фридрих, Пьеро Мериджи и выдающийся представитель финской науки Иоганнес Сундвалль. Профессор из Тюбингена Эрист Зиттиг, без особого успеха пытавшийся расшифровать таблички при помощи созданного еще в период первой мировой войны криптографическо-статистического метода, отказался от своей теории и дал в свою очередь новое подтверждение теории Вентриса, устано-

¹ M. Ventris, J. Chadwick, *Documents in Mycenaean Greek*, p. 25.

² W. Merlingen, *Die kretische Schrift entziffert*, — «Der Mittelschullehrer und die Mittelschule», № 9, Wien, 1954, S. 12.

М. С. Р.	
Т. 1	
М. 1	
1	
2	
2	
2	
3	
3	
21 э.	

Масштаб ам. т. л. и	Тренировка и т. п.	Иллюстрация
1	<i>ti-ri-po-de ai-ke-u ke-re-si-jo we-ke</i> <i>tripode Aigeus krēsios (w)érge</i> Треножник, Айгеус-критянин сделал (?) [его?].	 Треножки: 2
1	<i>ti-ri-po e-me po-de o-wo-we</i> <i>tripous hení podí oi(w)ōwēs</i> Треножки, на одной ножке с одной ручкой	 Треножки: 1
2	<i>di-pa me-zo-e ge-to-ro-we</i> <i>dēpas me(l)zon tetřōwes</i> Кувшин: большой с четырьмя ушками	 Сосуды с четырьмя ушками: 1
2	<i>di-pa-e me-zo-e ti-ri-o-we-e</i> <i>dēpae neizoe tr.ōwe</i> (Два) кувшина: большие с тремя ушками	 Сосуды с тремя ушками: 2
2	<i>di-pa me-wi-jo ge-to-ro-we</i> <i>dēpas meion totřōwes</i> Кувшин: маленький с четырьмя ушками	 Сосуды с четырьмя ушками: 1
3	<i>di-pa me-wi-jo ti-ri-jo-we</i> <i>dēpas meion triōwes</i> Кувшин: маленький с тремя ушками	 Сосуды с тремя ушками: 1
3	<i>di-pa me-wi-jo a-ro-we</i> <i>dēpas meion ānōwes</i> Кувшин: маленький без ушек	 Сосуды без ушек: 1

внв в одной из табличек, где рядом с идеограммой стояло *di-ra a-no-wo-to*, чтение *dīras anōkatōn* «кувшин без ручек», то есть то же самое, что на других табличках означало «без ушек» или «безухий».

В 1954 году Вентрис и Чэдвик сообща составили план большого труда, который распадался на три части. В первой из них должны были рассматриваться вопросы, связанные с микенской письменностью, языком и культурой; основной главой — так сказать, ядром всей книги — была глава вторая, в ней предполагалось опубликовать 300 специально подобранных табличек из Кносса, Пилоса и Микен вместе с транскрипцией и комментариями; что касается третьей главы, то она должна была содержать микенский словарь и раз-

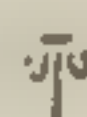

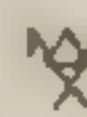
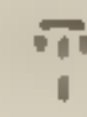
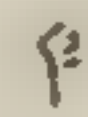

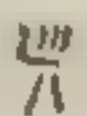

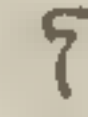

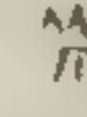
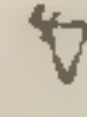

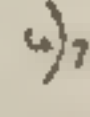

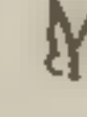
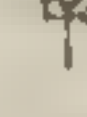
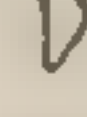
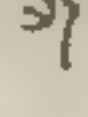

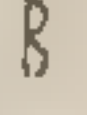
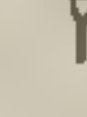
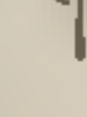
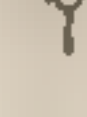
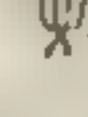

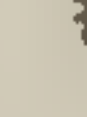
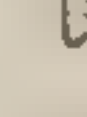
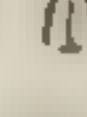
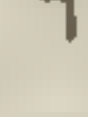

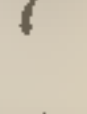
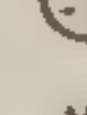
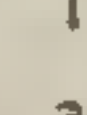
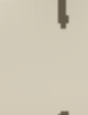
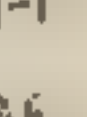
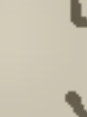
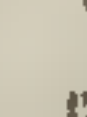
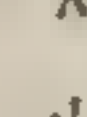
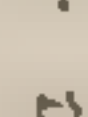
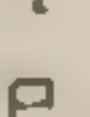

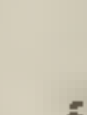
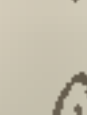

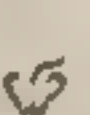

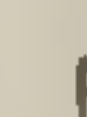
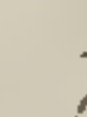
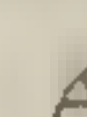

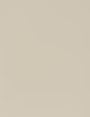

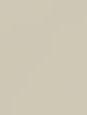
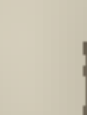
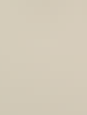

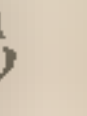
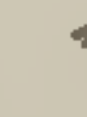
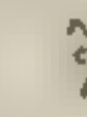
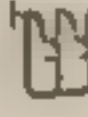
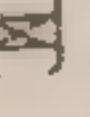
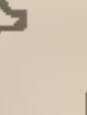
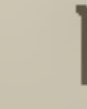
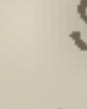
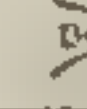
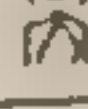
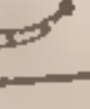
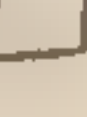
Основные значения										Омофоны	
a		e		i		o		u		a ₁ (ha)	
da		ae		di		do		du		ai	
ja		je		—	—	jo		ju	—	ai ₂ ?	
ka		ke		ki		ko		ku		ai ₃ ?	
ma		me		mi		mo		mu		*87 (kwe?)	
na		ne		ni		no		nu		nwa	
pa		pe		pi		po		pu		pa ₂	
—	—	qe		qi		qo		—	—	pu ₁ ?	
ra		re		ri		ro		ru		re	
sa		se		si		so		su		su ₂ ?	
ta		te		ti		to		tu		ra ₂ (ri-ja)	
wa		we		wi		wo		—	—	ra ₃ (rai)	
za		ze		zi	—	zo		zu		ro ₂ (ri-jo)	
*22		*47		*49		*63		*64		*85 (si-ia?)	
*65		*71		*82		*83		*86		ia ₂ (ti-ja)	

Рис. 81. Микенский силлабар по книге Вентриса и Чэдвика «Documents in Mycenaean Greek»

личные указатели. Книга включала введение профессора Алана Вейса. К концу 1955 года весь труд был уже подготовлен в рукописи и содержал наряду с упомянутым дополненный и усовершенствованный ключ к чтению письменности; необъясненным оставалось лишь очень небольшое количество знаков ввиду их крайне редкого употребления в имевшихся табличках.

1956 год Вентрис-архитектор встретил, с головой уйдя в изучение вопросов архитектуры. Но уже на пасху он получил подарок, пожалуй, самый ценный для Вентриса-дешифровщика, — приглашение принять участие в «микенском» коллоквиуме, организованном в Жиф-сюр-Иветт под Парижем французским Национальным центром научных изысканий. Здесь Вентрису и Чэдвику впервые удалось вступить в личный контакт с самыми знаменитыми учеными, работающими в данной области. Встреча эта навеки запечатлела в памяти ученых славный образ Вентриса — неутомимого труженика науки.

6 сентября 1956 года в Гэтфилде, недалеко от Лондона, Вентрис погиб при автомобильной катастрофе в возрасте 34 лет.

«Отличительной чертой его была скромность. Он никогда не искал славы и неохотно говорил о тех почестях, что выпали на его долю (а их было немало). Он был всегда строг к себе и невзыскателен, а его покладистый характер, его остроумие и юмор делали его чрезвычайно приятным собеседником и товарищем. Не жалея сил, не считаясь со временем, он всегда был готов прийти на помощь другим. Вероятно, лишь те, кто его знал, могут понять всю трагедию его смерти» (Джон Чэдвик в «Таймсе» от 17 сентября 1956 года).

«Особенно привлекателен светлый образ Вентриса-человека. Пишущему эти строки посчастливилось... встретить его века. Пишущему эти строки посчастливилось... встретить его в апреле этого года... в Жиф-сюр-Иветт под Парижем. Вентрис, покрытый загаром, прибыл прямо из Церматта — вос-торженный поклонник лыжного спорта, он был большим другом нашей страны, с которой был связан с детства. Простой и непринужденный в обращении, он всегда ясно и определенно излагал свое мнение и никогда не отмахивался от противоположных взглядов. Он всегда обстоятельно рассказывал о своих последних исследованиях и с готовностью давал справки по самым различным вопросам, и все это он делал как само собой разумеющееся, без малейшего следа

занесены в кисти. Особенно поражали глубокие и основательные познания его, архитектора, в области греческой филологии и то, с какой удивительной быстротой и меткостью он схватывал суть новых, возникающих перед ним проблем. Искусный собеседник, он со свойственным лишь ему одному обаянием увлекательно беседовал с греком на новогреческом, а с лами на швейцарско-немецком. Яркое сочетание юношеского задора и зрелого ума — такое впечатление выносил каждый от встречи с этим человеком. Он оставался до конца дней образцом величайшего благородства, несмотря на то что уже довольно рано достиг своими гениальными делами высшей славы» (Эрнст Риш в «Нейе цюрхер цайтунг» от 26 сентября 1956 года).

Наставник и покровитель Вентриса профессор Алау Вейс писал в афинской газете «Катемерини»: «За свою короткую жизнь, оборвавшуюся столь внезапно и трагически, Майкл Вентрис добился бессмертия, дешифровав микенское линейное письмо Б и открыв древнейшую известную форму греческого языка, на которой говорили за 700 лет до Гомера».

Сегодня еще совершенно невозможно оценить все значение дешифровки.

Правда, к великому сожалению ученых — любителей классической древности, среди найденного материала нет больших литературных памятников. Мы сами были вынуждены отказаться от мысли предложить читателю более крупные образцы уже дешифрованных списков и инвентарных описей, этих остатков грандиозной бухгалтерии. Но даже и тем, что имеется, мы обязаны обстоятельствам, которые и поныне воспринимаются нами как трагические. Дело в том, что таблички в своей массе — это временные, подсобные, картотеки; очевидно, содержание их через определенные промежутки времени (возможно, к концу каждого отчетного года) переносилось в списки и описи, а сами таблички уничтожались. Дошли же они до нас только вследствие внезапного разрушения дворца, что, по всей вероятности, сделали враги; в Пилосе даже сохранились последние приказы о всеобщей мобилизации жителей города для отпора вражескому нашествию! Но главным и бесспорным выводом является то, что «мы стоим перед новыми непредвиденными свидетелями раннего периода европейской истории, показания которых ближе, чем свидетельства всех знаменитых па-

Мягкий
заны с
А
о кото
менное
Есл
письму
ния. Э
ных и
нейное
Пер
другие
тим ку
лами
Письм
шире,

мятников Вавилонии и Египта, и более непосредственно связаны с происхождением того, что мы называем Западом»¹.

А теперь перейдем к остальным «минойским» письмам, о которых мы уже говорили в начале главы. Обе эти письменности еще не дешифрованы.

Если исследователи обратились сначала к линейному письму Б, то для этого у них были вполне законные основания. Это письмо засвидетельствовано в более многочисленных и гораздо лучше сохранившихся документах, чем линейное письмо А и крито-микенские иероглифы.

Первые памятники линейного письма А — таблички и другие покрытые надписями предметы (среди них отметим кубки, на внутренней стороне которых нанесены чернилами письменные знаки) — найдены еще Эвансом в Кноссе. Письменность эта была, очевидно, распространена намного шире, чем линейное письмо Б. Правда, в Кноссе находки

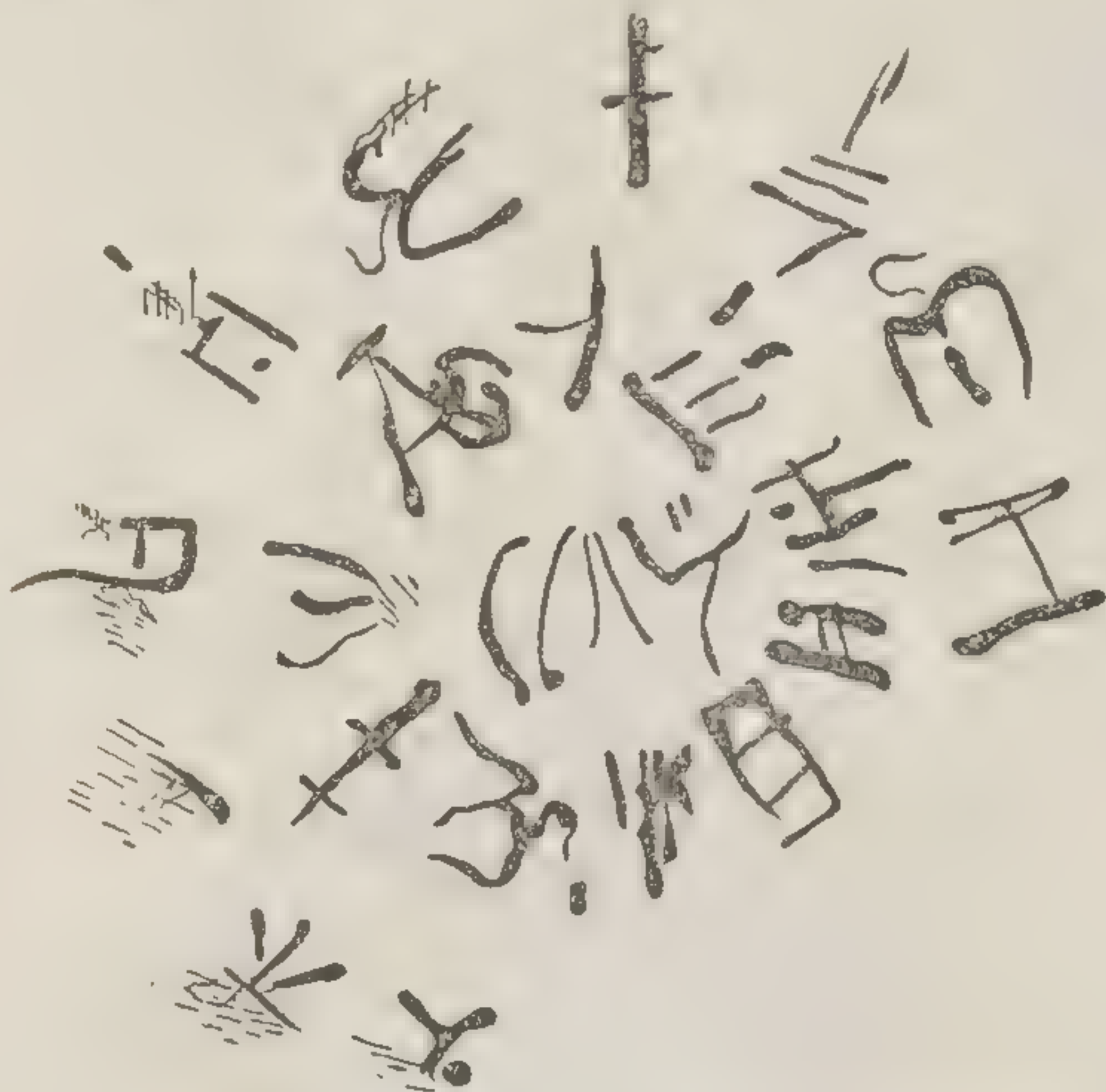

Рис. 82. Знаки, написанные чернилами на внутренней стороне кубка из Кносса

¹ W. Merlingen, *Die kretische Schrift entziffert*, S. 12.

надписей линейного письма А составляли лишь незначительную часть, а основная масса находок относилась к линейному письму Б. Но зато в маленьком дворце города Агия-Триада, расположенного неподалеку от Феста в южной части Крита (где и поныне обнаруживают богатейший археологический материал), итальянцы нашли памятники линейного письма А на табличках и глиняных дисках. В 1923 году французы открыли у Малли целый архив глиняных табличек, где наряду с поздними «иероглифами» встречаются и начальные формы линейного письма А. Многие места на острове дали в руки ученых еще целый ряд отдельных находок. Письменность эта представляет особый интерес хотя бы уже потому, что, с одной стороны, она, несомненно, родственна еще более древним критским иероглифам, с другой — должна рассматриваться как предшественница или сестра линейного письма Б. В самом деле, эти письменности имеют 48 общих знаков и из них 20 происходят из древнего рисуночного письма. Обычно находки линейного письма А датируются временем начиная с 1650 года до нашей эры; расцвет этого

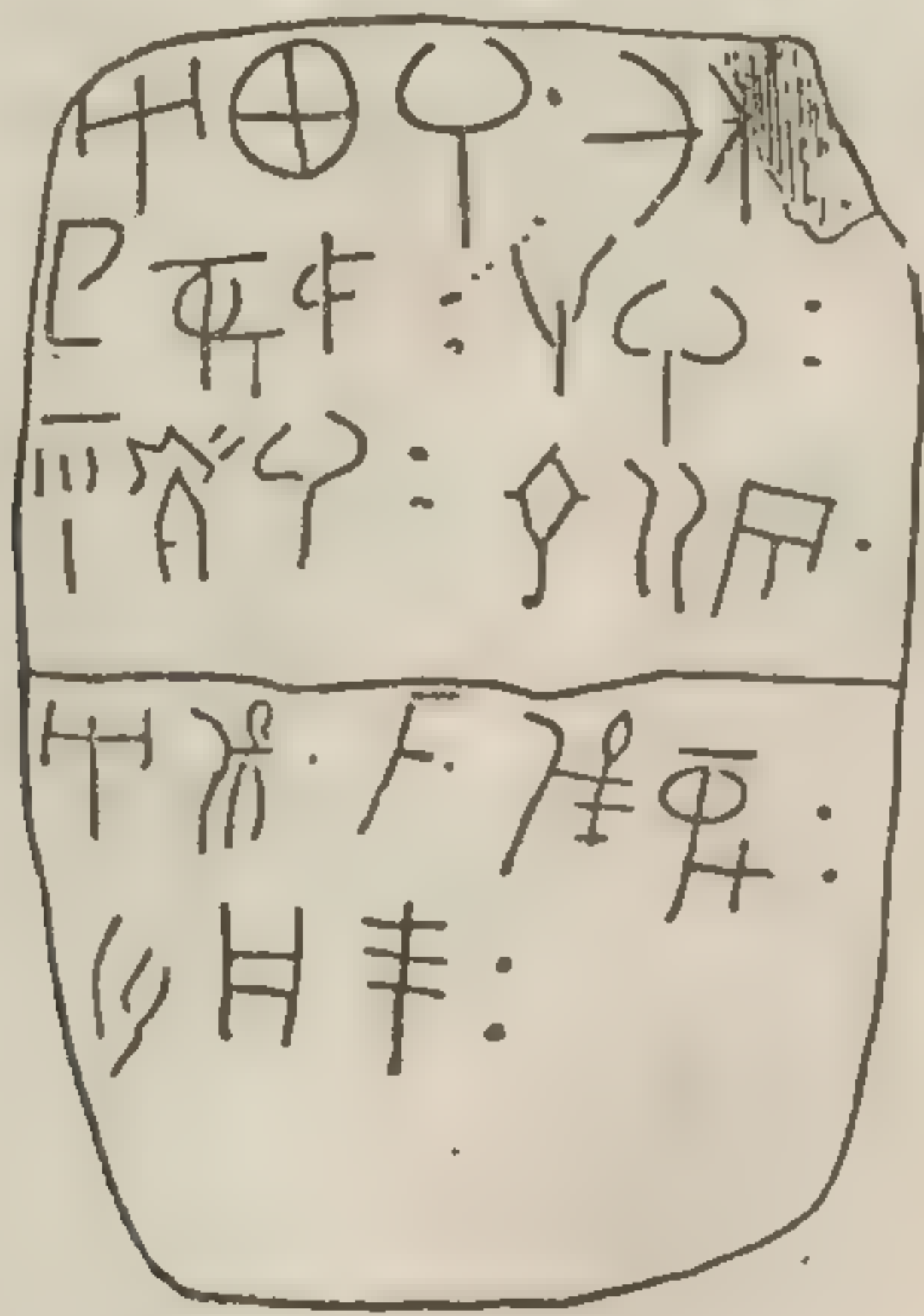

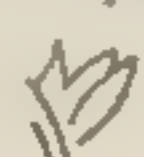

Рис. 83. Маленькая глиняная табличка с надписью линейным письмом А, найденная в Агия-Триаде

письма падает предположительно на 1550 год, а пользоваться им могли приблизительно до 1350 года до нашей эры. Как ныне принято считать, основой линейного письма А являлся язык догреческого, древнейшего населения Крита. Данное мнение связано с предположением, что линейное письмо Б возникло, по крайней мере частично, из линейного письма А, причем оно «сидит» на древнемикенском греческом столь же плохо, как костюм с чужого плеча.

Теперь обратимся к критским «иероглифам», о которых уже шла речь в начале этой главы, они же стоят и в начале всего развития критского письма. Рисунки 72 и 73 предлагают вниманию читателя образцы этой письменности. На рисунке 84 изображена «иероглифическая» инвентарная табличка. Можно предположить, что в нижней строке приведены двадцать с половиной «единиц» каждого из четырех видов товаров, показанных, как считают, идеограммами , , и , то есть, вероятно, пшеницы, масла, олив и плодов фиговых деревьев.

Если бы удалось дешифровать критские иероглифы и линейное письмо А, то тем самым был бы разрешен вопрос о языке таинственного, окутанного легендами древнейшего исконного населения Крита, того культурного народа, который жил здесь до вторжения на остров микенских греков.

Необъясненной доныне остается еще одна находка; вот уже 50 лет она неизменно приковывает к себе внимание, но и сегодня она столь же загадочна, как и в первый день.

Извлечь этот уникум посчастливилось итальянской археологической экспедиции 1908 года, руководимой профессором Ф. Хальбгерром, которая, как мы уже упоминали, работала близ Агня-Триады. Дело обстояло так. Летом 1908 го-

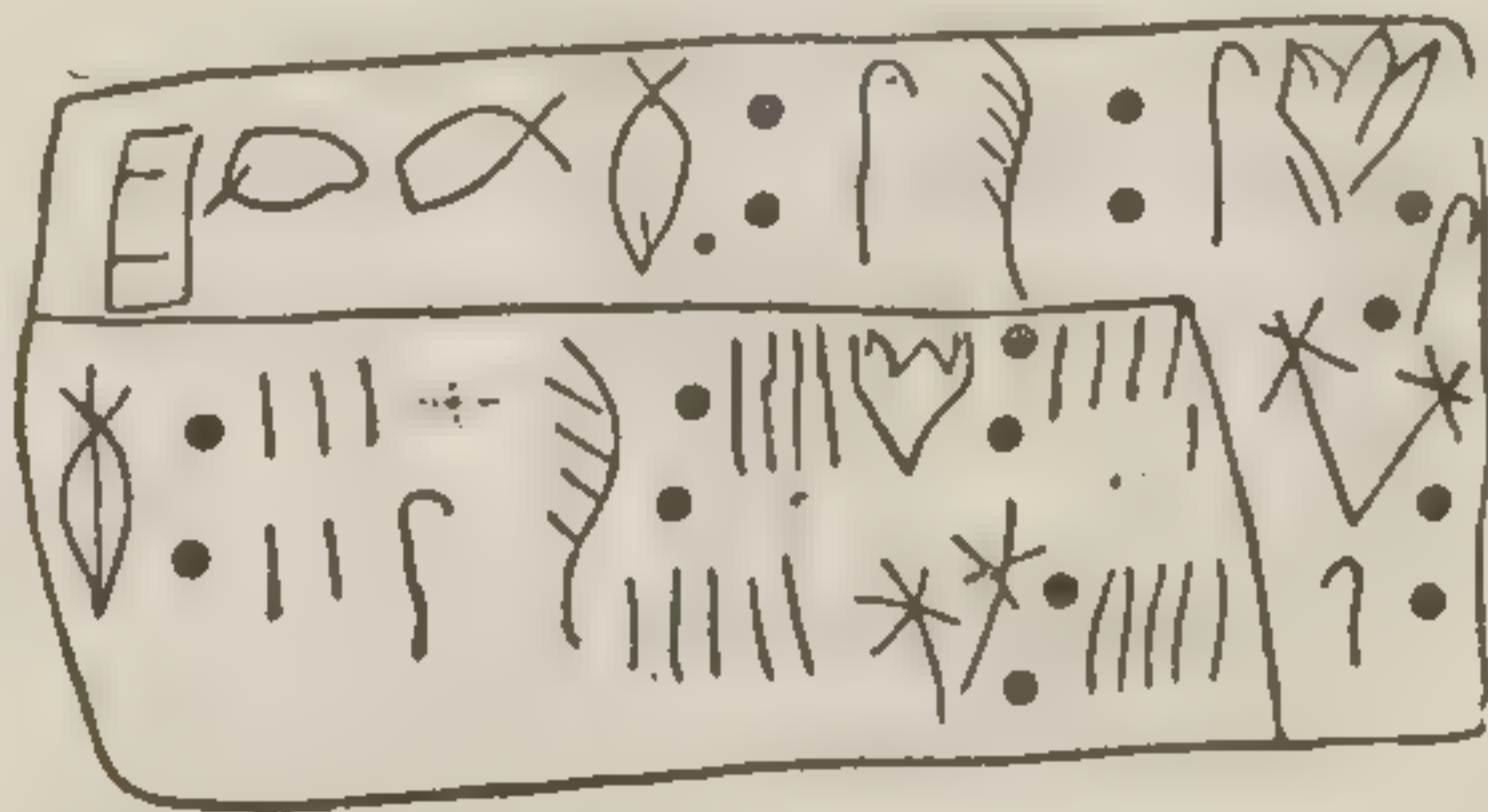

Рис. 84. Иероглифический инвентарный список из Феста

да М. Пернье, участник экспедиции, открыл под слоем земли в одной из пристроек дворца четырехугольное помещение для хранения припасов; здесь вечером 3 июля рядом с разломанной табличкой, исписанной линейным письмом А, Пернье и подобрал этот таинственный предмет — единственный в своем роде диск из Феста

Он был сделан из прекрасной глины — как объясняют знатоки, некритского происхождения. Диск не имеет круглой формы, его очертания скорее неправильны. Знаки, по всей вероятности, были оттиснуты особыми штемпелями-печатками; очевидно, для каждого знака изготовлялся отдельный штемпель. Всего 45 знаков, они показаны на рисунке 85.

Если заглянуть в специальную литературу, то из нее, как из рога изобилия, посыплется предположения и попытки толкования почти каждого из 45 знаков. При этом весьма важная роль отводится своеобразному мужскому головному убору (№ 2 на рисунке 85). Сэр Артур Эванс, учитывая эле-

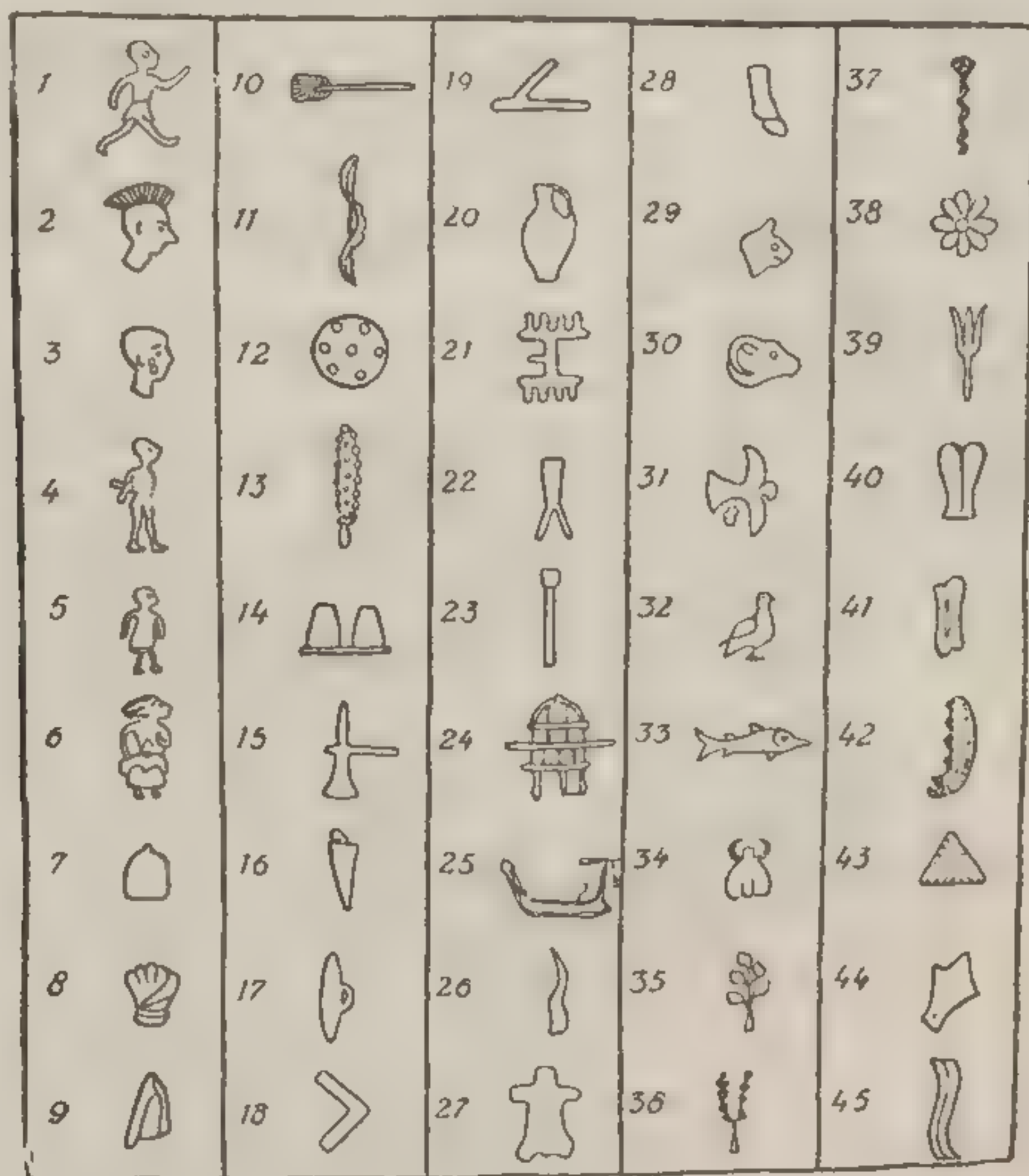

Рис. 85. Знаки, изображенные на фестском диске

менты боевого шлема, которые он обнаружил в этом уборе (впрочем, их можно заметить и не обладая особой фантазией), и по некоторым другим признакам описания военных действий, отмечаемых в различных рисуночных знаках, пришел к выводу, что текст представляет собой победный гимн, и предположил, что этот гимн носит культовый характер.

Со времени Эванса не было сделано ни одного шага вперед в разрешении этой древнейшей критской загадки (если она вообще-то критская; даже и это оспаривается). Здесь усматривают филистимское, ликийское, карийское, кипрское, ливийское, анатолийское, а то и семитское происхождение

Рис. 86а. Фестский диск. Лицевая сторона

или влияние. А диск все ждет. Обе его стороны невольно приковывают взгляд, они благосклонно приглашают специалистов принять участие в новых попытках толкования и призывают непосвященных, мозг которых не отягощен разнообразными исходными гипотезами и соображениями, изведать высокое наслаждение, погрузившись в пучину размышлений и догадок. Посмотрите, каким красноречивым и словоохотливым кажется этот диск! Но он был нем и остается таким поныне!

Мы приводим здесь обе стороны диска для всех тех, кто

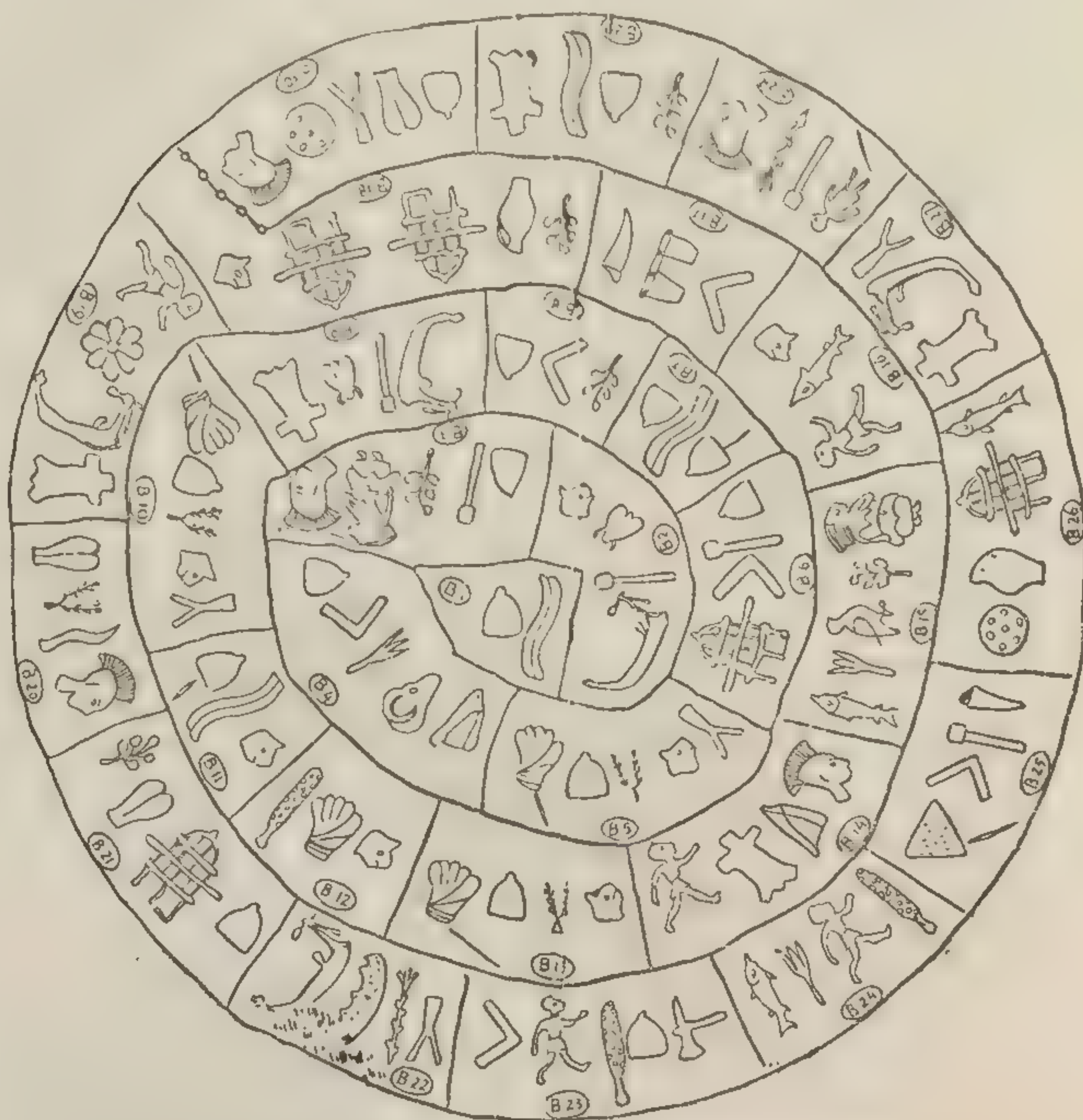

Рис. 866. Фестский диск. Обратная сторона

хочет испытать в этом деле свои способности комбинировать, свое остроумие и удачу.

Возможно, рано или поздно лавровый венец, который обещал своему дешифровщику этот загадочный круглый кусок глины, хранящийся ныне в музее города Ираклейона, возложит на себя один из «мастеровых» славного «цеха» исследователей. Возможно, в тайну этих покрытых рисунками спиралей, в этот новый лабиринт острова Миноса проникнет и, как новый Тезей, найдет из него выход какой-нибудь гениальный любитель.

Но может быть, ему предначертано судьбой остаться в веках немым и таинственным памятником того мира, которому все труднее и труднее скрывать свои тайны?

IX

ПРИНЦ КЮЛЬ-ТЕГИН, БИЛЬГЕ-КАГАН И МУДРЫЙ ТОНЬЮКУК

Дешифровка древнетюркской рунической
письменности

Небоподобный, неборожденный тюрк-
ский каган, я нынче сел [на царство]. Речь
мою полностью выслушайте [вы]...

Орхонская надпись

Название «тюрк», или «тюрюк», первоначально озна-
чало «сила», «крепость»¹.

Появление на исторической арене народа, взявше-
го себе — и не без оснований, как показывает его ранняя
история, — это имя, впервые отражено в исторической тра-
диции лишь приблизительно в середине VI века нашей эры.
Его письменные памятники по своему возрасту, конечно, не
могут идти в сравнение с теми свидетелями тысячелетней
истории Древнего Востока, о которых мы говорили до сих
пор. Но зато они происходят из области, являвшейся для
всех западных культур «потусторонним миром», из самого
сердца Азии, и принадлежат народу, о котором мы долгое
время совершенно ничего не знали, да и теперь еще знаем
чрезвычайно мало, — вот поэтому-то они и представляют ог-
ромный интерес.

¹ Это лишь одно из толкований этнического термина «тюрк» (см. *Все-
мирная история*, т. III, М., 1957, стр. 36). (Прим. ред.)

И если происхождение, судьба и характер этого народа столь долго были для нас, европейцев, книгой за семью печатями, то это следует прежде всего объяснить тем, что сами источники, весьма удаленные географически, находились, а впрочем, вероятно, и сейчас в значительной степени находятся вне поля нашего зрения.

Время, когда древние тюрки пробудились к исторической жизни, и первая блистательная доисламская эпоха сложения их государства нашли свое отражение в богатой древне-китайской литературе, имеющей исключительное значение вообще для всей древнейшей истории Центральной Азии, но у нас почти совершенно неизвестной. Сведения об этом периоде можно почерпнуть и в не менее богатых, разнообразных и чрезвычайно поучительных византийских исторических источниках, которые, между прочим, также переживают «второе открытие» и входят в научный обиход лишь в самое последнее время¹.

Народ, объединяемый нами под собирательным названием «тюрки», с древнейших времен обитал в отдаленных местностях Центральной Азии. Это были отдельные и слабо связанные между собой кочевые племена, кругозор которых ограничивался шатрами и пастбищами. Вероятно, сначала лишь одно из этих племен и, может быть, один из их вождей называли себя «сила», «крепость». Трудно сказать, имелись ли для этого достаточные основания. Во всяком случае о тюрках впервые заговорили, когда они были всего-навсего лишь подданными могучего в то время народа, названного китайскими историографами жужанами, а позднее жуань-жуанями.

Наступил 546 год — Китайская империя расколота на Север и Юг; на Севере при династии Вэй переживает свой первый расцвет буддийская скульптура в пещерных храмах, на Юге при императоре Лянской династии У-ди начинается небывалый взлет буддийской литературы и философии: император Юстиниан и его царственная супруга Феодора железной рукой управляют Византийским государством и перковью; и в том же году тюрки впервые смелись посягнуть на власть своих тиранов, жуань-жуаней. Сильные тюркские племена, жившие на Севере и названные китайцами ти-ле,

¹ См. E. von Ivánka, *Byzantinische Geschichtsschreiber*, Wien, 1954; G. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd I—II, Berlin, 1958. (Прим. ред.)

атаковали южные области. Но тюрками были и те, кто, находясь на службе у чужих правителей, выступил против своих братьев и под руководством Тумыня отбросил их обратно. Между тем победа пробудила в них сознание собственной мощи; несколькими годами позже они восстали и предводительствуемые тем же Тумынем (как его называли китайцы, в тюркских же надписях он зовется Бумын) сбросили господство некогда покоривших их жуань-жуаней. Так Тумынь — Бумын стал основателем древнетюркского царства. Под его верховной властью вместе с ним правил и его младший брат, вождь западных тюрков и родоначальник их династии. Китайцы называли его Ши-дэ-ми, тюркские надписи — Истеми.

В 552 году после смерти Бумына власть наследовали один за другим три его сына. Среди них выделяется Мо-хан, самый знаменитый из всех тюркских каганов, военачальник и завоеватель, умноживший свои владения и создавший царство, которое он привел к дотоле никогда не виданному расцвету. Осилев эфталитов, или «белых гуннов», он раздвинул границы своей могучей империи: на западе его царство, выйдя за пределы древней Согдианы, доходило до реки Яксарта (Сыр-Дарья), которую тюрки называли Енчю-огоз, или «Жемчужной рекой», и до «Железных ворот» — известного с глубокой древности прохода между Самаркандом и Балхом; на востоке он простер свою власть до территории, занимаемой ныне Маньчжурией.

Выросший в постоянном общении с древними культурными народами этот народ в VI веке стоит уже на поразительно высокой ступени развития. Он более не проводит прежнюю недаленовидную захватническую политику; на смену ей приходит политика завязывания добрых отношений с соседями — торговая политика. Так, Истеми, формально вассал своего брата, а в действительности неограниченный владыка западных тюркских областей, завязывает как суверенный правитель отношения с Византийской империей, имея при этом намерение взять в свои руки торговлю шелком, которой ранее занимались «белые гунны».

Перед византийским посольством, посланным с дипломатической и торговой целью в августе 568 года восточноримским императором Юстином II, открылась чрезвычайно живая, пестрая и надолго запоминающаяся картина ослепительной мешанины из варварской дикости, суеверий и ша-

манизма
ной раск
ве к тюр
тиский
ния визан
тектора:
«Путе
тельно. К
с лошаде
ставленн
думаю, о
стране их
что у них
что они э
земля пр
племени,
отгонять
римляне
огонь суч
какие-то
кол и уд
благовон
приходя
изгоняли
и освобод
все несча
этим, ка
сих обря
тюрками
«Золотая
«Золо
даг) след
Послу
ни Сизаб
зван Ист
го истори
нем «Сто
«По
пребыва
Ср.
Петр Пат
денные с

манизма и по-восточному изысканной пышности и чрезмерной роскоши. Следующий стрывок, сообщающий о посольстве к тюркам (во главе его стоял высокопоставленный византийский сановник Зимарх), взят из ценнейшего произведения византийской литературы — «Истории» Менандра-протектора:

«Путешествие Зимарха и его спутников было продолжительно. Как скоро они прибыли в страну Согдаитов и сошли с лошадей, то некоторые тюрки, видно, нарочно на то поставленные, предлагали Зимарху купить у них железа; я думаю, они делали это, чтобы показать римлянам, что в стране их есть железные рудники; ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо. Можно бы догадаться, что они этим хвастовством давали знать римлянам, что их земля производит этот металл. Некоторые из людей этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, придя к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг благовонную ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали. По совершении сих обрядов Зимарх шел вместе с приставленными к нему тюрками к горе, называемой Эктаг, что по-эллински значит „Золотая гора“, где находился сам каган»¹.

«Золотую гору», а в действительности «Белую гору» (Актаг) следует искать в районе Алтая.

Послушаем теперь, как принял послов этот каган по имени Сизабулос, или Сильзибулос, — этим именем здесь назван Истеми, о чем нам известно из сообщения византийского историка Феофилакта, знавшего этого правителя под именем «Стембиз-хаган».

«По прибытии в одну долину Золотой горы, где было пребывание Сизабулоса, Зимарх и его спутники были не-

¹ Ср. Византийские историки Дексипп. Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций Менандр, Кандид. Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом, СПб., 1860, стр. 375—376.

медленно призваны к нему. Каган находился внутри шатра и сидел на золотом седалище о двух колесах, которое, когда нужно было, тащила одна лошадь. Приветствовав варвара, по обычаю, Зимарх принес дары, которые и были приняты теми, кому это было поручено. Тогда Зимарх сказал: „Наш великий царь, сделав меня своим вестником, желает тебе, государь стольких народов, чтобы счастье было всегда к тебе благоприятно и благосклонно и чтобы ты любил римлян и был к ним благорасположен. Одерживай постоянно верх над своими врагами и собирай добычу со своих противников! Да удалится от нас всякая зависть, могущая расторгнуть узы дружбы! Приязненны мне племена тюрков и все, подвластные тюркам! Так же и наше расположение к вам будет всегда неизменно“. Такие слова говорил Зимарх; Сизабулос отвечал подобными приветствиями. Потом они обедали и весь тот день провели в пировании в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский. Земля тюрков не производит виноградных лоз; у них вовсе нет этого растения. Римляне потом удалились туда, где было их пребывание. На другой день они были приведены в другой шатер, обитый и испещренный также шелковыми покровами. Здесь стояли и идо-лы, различные по виду. Сизабулос сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды, и кропильницы, и бочки, также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой о чем было нужно и разошлись. На следующий день они пришли в другой шатер, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед шатром на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркского кагана»¹.

Семь лет спустя дело приняло уже совсем другой оборот. Заключение Восточноримской империей мира с аварами. бывшими еще недавно под властью тюрков, вызвало у по-

¹ Там же, стр. 376—379.

следним злобление против Византии, и когда в 575 году к ним прибыло новое византийское посольство во главе с Валентином, оно было принято довольно скверно. «Римляне проехали многими трудными дорогами... и наконец достигли того края, где поставил свои боевые значки Турксанф, один из князей тюркских. Те, которым досталось в удел управлять племенем тюркским, разделили владения его на восемь частей. Старейший единоподержец тюрков называется Арсила. По прибытии к Турксанфу, который приезжающим в ту страну попадает навстречу прежде других князей, Валентин был ему представлен. Он сказал тюркскому князю, чтобы тот поздравил нового римского цезаря... Вдруг Турксанф сказал: „Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?.. И вы, посланники, приезжаете ко мне, облеченные ложью, да и сам пославший вас — обманщик. Я убью вас без малейшего отлагательства, сейчас же. Чужда и несвойственна тюрку ложь. Ваш же царь в надлежащее время понесет наказание... Мне же преклоняется вся земля, начинаясь от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами запада. Посмотрите, несчастные, на народ Алан, да еще на племена утигуров, которые, воодушевившись безрассудной смелостью, полагались на свои силы и осмелились восстать против непобедимого народа тюрков; но они обманулись в своих надеждах. И ныне они рабы наши”»¹.

Глава византийской делегации, испытанный дипломат, уже наученный опытом обращению с тюрками, прилагает силы к тому, чтобы утихомирить разбушевавшегося князя. Турксанф (его имя дошло так же и как «Турксаф», слово это является ошибочно принятым за собственное имя титулом *тюрк-шад*, то есть «глава тюрков») меняет тон и направляет восточноримским послам приглашение принять участие в интересном (с точки зрения этнографии) ритуале, точные параллели которому позднее были обнаружены в древних тюркских письменных памятниках. Он заявляет им:

«„Так как вы, приехав сюда, нашли меня в глубокой скорби, ибо недавно умер отец мой, Сильзибулос, то должно вам, римляне, царапать себе лицо ножом, следуя существующему у нас обычаю проводов усопших”. Валентин и его спутники тотчас же стали царапать себе щеки своими кинжалами. В один из дней траура Турксанфа к нему было при-

¹ Там же, стр. 418—420.

ведено четверо скованных пленных гуннов для принесения их в жертву, вместе с конями их, умершему отцу его. Обряды над мертвыми называют тюрки на своем языке *дохиа*. Турксанф велел несчастным гуннам на варварском языке, перейдя в другой мир, сказать Сильзибулосу, отцу его, какую ему... (*пропуск в тексте*).

Турксанф, совершив установленные обряды погребения отца, говорил еще много с Валентином, потом отпустил его внутрь страны, к своему родному брату по имени Тарду, живущему на горе Эктель; а Эктель значит „золотой“...»¹.

При наследнике Сильзибулоса-Истеми Тарду (Та-тау у китайцев) великая держава тюрок распалась на две части — восточную и западную. Китайцы, которым пришлось немало выдержать из-за постоянных грабительских вторжений тюрок, всячески разжигали раздоры между обеими половинами царства. Благодаря этой хитроумной политике силы тюрок были столь основательно подточены, что уже в середине VII века их земли стали провинциями китайской империи. Однако через 20 лет один отпрыск старой династии вновь возвысился до положения независимого кагана восточных тюрок — его звали Кутлуг, «счастливый», а еще Эльтериш-каган, «каган собирания» (или «основания царства»), и ему удалось после многих победоносных сражений и решительных мероприятий «собрать» и укрепить государство.

Элтериш-каган умер в разгар этой созидательной работы, оставив двух несовершеннолетних сыновей, едва достигших восьми и шести лет. Теперь наконец его брат Капаган-каган почувствовал, что у него развязаны руки. Последний был явно недоволен достигнутым. Он лелеял великую мечту о могучей и прекрасной тюркской державе, подобной той, что некогда уже существовала; как и его предки, он желал распространить свое господство до самого Ирана и подчинить своей власти строптивых западных тюрок, отпавших от своих восточных сородичей, а затем оторванных от них Китаем. Однако для выполнения этих далеко идущих планов Капаган-каган не обладал хотя бы приблизительно качествами, присущими государственному мужу такого масштаба. Каким был его покойный брат. Поступки Капаган-кагана отличались такой беззастенчивостью и жестокостью, что оттолкнули даже его собственных подданных, которые толпами

¹ Там же, стр. 421—422.

перебегали на сторону китайцев. Когда же в 716 году он погиб от рук восставших, пробил наконец великий час для двух его юных племянников, сыновей и законных наследников Эльтериш-кагана. Старший сын Кутлуга вступил на трон под именем Бильге-кагана¹, «мудрого кагана», «кагана-мудреца». Его поддерживал целеустремленный и полный сил младший брат Кюль-тегин («принц Кюль»), первым делом, разумеется, приказавший уничтожить всю огромную семью ненавистного дяди, и в том числе особенно опасных претендентов на трон — двоюродных братьев. Из старой гвардии был пощажен лишь один — Тоньюкук, отличившийся еще во времена Эльтериш-кагана. Он был тестем Бильге-кагана, а в последние годы жизни стал, вероятно, и его советником. Бильге-каган, «небоподобный, неборожденный тюркский каган-мудрец», сделал честь своему имени. Он показал себя мягким, осторожным и мудрым правителем. Большая часть бежавших тюрок вернулась на родину. Он был в дружбе с китайским императором, а его брат Кюль-тегин, вероятно, обладавший более сильным характером, чем сам правитель, и в войне, и в мире был прочной опорой трона; когда юный принц скончался в 731 году, эта утрата тяжелым ударом поразила старшего брата.

Бильге-каган ненадолго пережил принца; в 734 году он умер, отравленный своим собственным сановником как раз в тот самый момент, когда китайский император обещал ему руку одной из своих дочерей. А спустя еще 11 лет обратилось в прах и все прежнее тюркское величие, причем на этот раз смертельный удар был нанесен не китайцами — Бильге-кагану с большим искусством удалось в свое время заручиться их дружбой, — а другим тюркским народом, уйгурами, намеревавшимися взять на себя ведущую роль в Центральной Азии. Умеренное, осмотрительное и мудрое правление Бильге-кагана вызвало последний расцвет первого тюркского государства. Но, помимо его подданных, дальновидной политике Бильге благодарна и наша наука за особенно ценное для нее наследие.

Когда умер Кюль-тегин, его память почтил не только брат. Китайский император, основываясь на отношениях дружбы, господствовавших между тюркской державой и Ки-

¹ С. Е. Малов в своем труде «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951, стр. 12) называет его Могиляном. (Прим. ред.).

в эпоху Танской династии, повелел соорудить на могиле великого внушительный памятник; когда же сам Бильге последовал за своим братом, его сын и наследник вместе с китанским императором поставили и ему большой роскошный надгробный монумент.

Оба памятника имеют надписи. Они и явились теми самыми текстами, которые в 1896 году сделали возможной дешифровку древнетюркской письменности.

Памятники простояли почти тысячу лет, забытые, подобно другим таким же памятникам в других районах Российской империи, распространившей со временем свой суверенитет и на области, заселенные некогда древними тюрками. Они не привлекали к себе внимания до тех пор, пока Петр Великий не двинул Россию по пути прогресса. Постепенно пробуждалась жизнь и вокруг этих немых свидетелей далекого прошлого. С 1719 по 1727 год некий Даниэль Готлиб Мессершмидт, естествоиспытатель из Данцига, объездил Сибирь по поручению Петра. Ему удалось добраться от Нерчинска до пограничной с Маньчжурией реки Аргунь-Керулен. При этом уже в долине Верхнего Енисея, недалеко от древних гробниц, он увидел на берегу реки два причудливых камня, покрытых изображениями и надписями; рельефы представляли сцены охоты и жертвоприношений, животных, лица людей и орнаменты. Что касается надписей, то последние состояли из знаков, напоминающих северные руны. В дальнейшем копии, снятые с этих и других надписей, которые в то время считались, скифскими, с помощью одного из послов Екатерины II попали в Европу и были здесь изданы.

К началу XIX века подобные находки становятся все более частыми, и в стольном граде востоковедов Париже постепенно начинают понимать их значение для истории всей Средней Азии. Приходит время первых отважных попыток дешифровки; среди пионеров мы встречаем А. Ремюза и современника и противника Шампольона, известного нам уже Ю. Клапрота. Труды их и старания пока еще тщетны, и вокруг новой письменности уже начинают громоздиться всяческие гипотезы: она превращается то в скифскую, то в письмо народа чудь, оказывается родственной северным рунам и даже уводит некоторых к кельтам и готам. Однако в конце концов, поскольку все попытки объяснения остались безрезультатными, интерес к памятникам мало-помалу утих, и они вновь погрузились в дрему.

К ученым, в первой половине XIX века исследовавшим памятники, издавшим надписи и делавшим первые попытки объяснить их происхождение и язык, принадлежал и финский ученый М. А. Кастрен; его усилия были продолжены финским Археологическим обществом, которое к 1875 году дважды посылало в Минусинск экспедиции с целью нахождения и исследования надписей. Результатом обоих предприятий была вышедшая в 1889 году в Гельсингфорсе роскошная публикация «Inscriptions de l'Énisséi» («Енисейские надписи») с 14 иллюстрациями в тексте, 32 таблицами надписей и 8 фотографиями. Спустя три года публикация была дополнена и снабжена списком встречающихся слов и терминов, теперь она содержала уже все, чего только могла желать душа археолога. Все, за исключением лишь одной «мелочи» — дешифровки письменности.

Тем не менее этот труд, предлагавший читателю захватывающее описание открытия памятников, выполнил, помимо публикации прекрасных иллюстраций, и вторую главную задачу, лежащую в основе всякого подобного издания: он вновь пробудил живой интерес к этим памятникам.

Вскоре на VIII Российском конгрессе археологов Н. Я. Ринцев обратил внимание участников на то, что пограничная область Маньчжурии, которую он посетил, весьма богата всякого рода древностями, в особенности же надписями. Найденными им в этом районе и прежде всего в долине реки Орхон. Вслед за тем весной 1890 года путешествие на Орхон предпринял финский исследователь А. Гейкель. Вместе с женой и братом он добрался до древнего русла Орхона, где недалеко от озера Кошо-Цайдам (южнее Байкала) обнаружил два выветрившихся памятника, являвших собой величественное зрелище. Частично разрушенные и забытые течение тысячелетия, они были совершенно не известны европейской науке.

Здесь находилась мощная каменная плита — явно сброшенный с постамента мемориальный камень, который представлял собой тщательно отесанный с четырех сторон монолит, очевидно, из какого-то сорта известняка или плохого нечистого мрамора. Высота его достигала 3,5 м при ширине внизу 1,32 м, вверх — 1,22 м; узкие стороны имели в ширину от 44 до 46 см. Две стороны подверглись сильному выветриванию. Суживающийся кверху камень увенчивался орнаментом — вероятно, это было довольно неуклюжее изобра-

жение двух драконов. На обеих широких сторонах были помещены небольшие пятиугольные таблички с надписью. Сам камень оканчивался внизу длинной и крепкой втулкой, которая точь-в-точь подходила к отверстию, сделанному в еще сохранившемся постаменте; последнему создатели придали форму черепахи. Общий вид и выполнение отличались чертами, характерными для современных монументу китайских памятников, работа была несомненно китайская.

Все четыре стороны памятника были целиком покрыты надписями. Сторона, обращенная к западу, имела большую китайскую надпись. На остальных трех сторонах были начертаны надписи, составленные руническим алфавитом, уже известным по енисейским и другим находкам.

Приблизительно в 40 м от камня возвышался большой четырехугольный алтарь, или жертвенник; между ним и памятником находился низкий земляной вал длиной 25 м, который выдавал скрытые под ним развалины какого-то строения.

При более детальном рассмотрении вал оказался остатком стены, сложенной из китайских кирпичей. Рядом с этой земляной насыпью исследователь обнаружил семь мраморных статуй, безусловно, китайской работы, которые, как это можно было заключить по одеянию и атрибутам, изображали тюрков; головы у статуй были отбиты. По другую сторону памятника две сильно разрушенные фигуры животных, повернутых головами друг к другу, вероятно, обозначали вход в сооружение. От входа начинался и тянулся на 4,5 км (!) внушительный ряд камней в виде человеческих фигур, установленных на расстоянии 10—12 м друг от друга; лица фигур были повернуты на восток. Наблюдения позволили сделать вывод о том, что само сооружение служило местом захоронения, а фигуры должны были изображать врагов, уничтоженных покойными при жизни.

В одном километре от этого места Гейкель и его спутники нашли такой же, но еще более крупный памятник, которому, очевидно, пришлось в свое время еще хуже, чем первому, — он был не только сброшен с постамента, но и, к сожалению, разбит на несколько кусков. Текст его надписей во многих местах полностью выветрился и стерся, а то, что сохранилось, было и здесь составлено китайскими иероглифами и известными уже «неизвестными» письменными знаками. В окрестностях памятника были найдены сооружения,

А. Г.
в 18
вертута
лов предст
исследован
ны находки
дующая ту
упомянутый
Д. Клемен
с целью ис
притоках
енисейским
гасуна, на
монгольски
ный грани
на китайск
бирскими»
В 1892
форму сол
кабря 189
скому кор
доклад» (I
главие «L
l'énisséi»
фавит но
При п
ей Г. Га
была св
надгробия
те-гиня, с
«ныне пр
именах м
вителей:
Имес
ским тюрк
ского Архе
331). (При

подобные тем, что мы уже видели при «осмотре» первого монумента.

А. Гейкель и его товарищи, даже не подозревая об этом, стояли перед надгробиями принца Кюль-тегина и его брата Бильге-кагана. Найденные надписи они издали в Гельсингфорсе в 1892 году. Но еще за два года до того, как Гейкель вернулся из Сибири, знаменитый русский языковед В. Радлов представил Российской Академии наук детальный план исследования районов, где к тому времени уже были сделаны находки; в следующем году он сам возглавил направлявшуюся туда экспедицию, среди членов которой находились упомянутый нами Н. Ядринцев и исследователь Сибири Д. Клеменц. Экспедиция отправилась из Кяхты в Монголию с целью исследовать древние развалины на Орхоне и его притоках и установить, какие связи существовали между енисейскими и этими монгольскими надписями. У Карабагасуна, на месте некогда цветущей и мощной резиденции монгольских ханов Каракорума, они наткнулись на огромный гранитный памятник, имевший три надписи; одна была на китайском, другая на уйгурском, а третья начертана «сибирскими» руническими знаками.

В 1892 году результаты и этой экспедиции облеклись в форму солидной и доброкачественной публикации, а 15 декабря 1893 года датский ученый В. Томсен представил Датскому королевскому научному обществу «предварительный доклад» (всего лишь на 15 страничках), который носил заглавие «Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Énisséi»¹ и в основном содержал полную дешифровку и алфавит новой письменности!

При переводе и толковании китайских орхонских надписей Г. Габелентцем всплыли и те обстоятельства, с которыми была связана закладка упомянутых памятников. Это надгробия: первое и лучше сохранившееся — некоего Кюэ-те-гина, сына Гу-ду-лу Кэ-ханя и младшего брата какого-то «ныне правящего» Би-кя Кэ-ханя. В приведенных китайских именах можно без труда узнать уже упомянутых нами правителей: Кутлуга — «счастливого», Бильге — «мудрого» и

¹ Имеется русский перевод этой работы, выполненный известным русским тюркологом В. Радловым (см. «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», т. VIII, вып. III—IV, 1894, стр. 327—331). (Прим. ред.)

Калд-тегина. О сооружении этих надгробий сообщает, между прочим, и китайская литература. В некотором удалении от памятников позднее была найдена надгробная надпись, посвященная памяти крупного сановника, военачальника тюрок Тоньюкука, начертанная на двух каменных столбах, еще не обрушившихся ко времени находки.

Но откуда, собственно, могли знать археологи еще до того, как были прочитаны китайские надписи, о погребальном характере открытых ими сооружений? В связи с этим вопросом нам придется заглянуть в глубочайшую древность, лишь она одна сможет показать в правильном свете, какие жестокие и варварские обычаи составляли историческую почву, на которой возникли могильные сооружения, найденные в Монголии. То, что здесь, на Орхоне, пережило столетия, воплотившись в твердый, бесчувственный камень, — это лишь отзвук того далекого времени, когда памятники мертвым делали не из каменных блоков, а из человеческого мяса.

Как это происходило, мы знаем из Геродота. В IV книге (главы 71—72) он описывает обряд царских похорон у скифов (такое название охватывает у него самые различные народы). Сравним это описание Геродота с сообщением уже известного нам Менандра о том, какие похороны готовил отцу Турксанф — сын Сильзибула-Истеми; вспомним при этом еще об орхонских погребениях, немые камни которых столь красноречиво говорят о том же самом обычае. И все сразу же станет понятным, несмотря на тысячу лет, пролежавших между временем Геродота и эпохой создания орхонских памятников и лишивших варварские обычаи предков той примитивной первобытной жестокости, которой еще платил дань Турксанф.

Итак, Геродот рассказывает о скифах следующее:

«Гробницы царей находятся в Геррах, до которых Борисфенес судоходен. После смерти царя там тотчас выкапывается большая четырехугольная яма; по изготовлении ее принимаются за покойника и воском покрывают его тело, но предварительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым купером, ладаном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивают и везут в повозке к другому народу. Тот народ, к которому привозят покойника, делает то же самое, что и царственные скифы, именно: и там люди отрезают себе часть уха, стригут кругом волосы, делают себе

на руках порезы, расцарапывают лоб и нос, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда перевозят труп царя к другому подвластному им народу, между тем как тот народ, к которому они приходили раньше, следует за покойником. Объехавши таким образом все народы, царские скифы являются в землю отдаленнейшего подчиненного им народа — герров, где находится и кладбище. Здесь труп хоронят в могиле на соломенной подстилке, по обеим сторонам трупа вбивают копья, на них кладут бруссы и все покрывают рогожей. В остальной обширной части могилы хоронят одну из его наложниц, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцев всякого другого скота и золотые чаши — серебра и меди цари скифов совсем не употребляют; после этого все вместе устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

По прошествии года скифы опять совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят человек, угодных царю; это — природные скифы, так как царю, по его приказанию, служат только такие люди; купленных за деньги слуг у него не бывает; выбирают также пятьдесят наилучших лошадей; тех и других удавливают, вынимают из них внутренности, очищают живот и, наполнив его отрубями, зашивают, потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод его был обращен вниз, другую половину устанавливают на двух других столбах... после этого вбивают в лошадей, в длину их, толстые копья, проходящие до самой шеи, и в таком виде поднимают лошадей на колесные ободья, причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец, накидывают на лошадей уздечки и удила... Пятьдесят юношей... по одному сажают на лошадей следующим образом: в труп каждого юноши загоняется вдоль спинного хребта прямой кол, доходящий до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуравленную дыру другого кола, того, что проходит через лошадь; поставивши таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся...»¹.

¹ Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 334—336.

Они, эти всадники, и являются предками каменной стражи у орхонских гробниц.

Ни одному из ученых, столь усердно трудившихся над открытием и собиранием памятников рунического письма, так и не удалось дешифровать эту письменность; лишь отдельные общие наблюдения, сделанные Радловым, действительно били по цели. Сама же дешифровка, вошедшая в историю науки как наиболее типичная дешифровка «в один присест» (разумеется, за письменный стол) и доныне служащая образцом блестящего научного подвига, совершенного одним-единственным ученым, была начата и в общем завершена крупнейшим из скандинавских исследователей.

Вильгельм Людвиг Петер Томсен (1842—1927), сын почтмейстера из Рандерса, где он провел детство и раннюю юность и где посещал известную городскую латинскую школу, начал свою университетскую карьеру, как и многие из ученых его поколения, с занятий теологией. Однако вскоре он отходит от нее. Вначале Томсен еще колеблется между филологией и естествознанием; в течение довольно продолжительного времени его сильно влекут ботаника и физика, но в конце концов победа остается за любимой наукой о словах, и он целиком отдает себя языкознанию. Студент встретился с выдающимися преподавателями, сумевшими не только окончательно привлечь его к изучению этой области знаний, но и передать ему те основы образцовой методики и многосторонней науки, которые в свою очередь выделили и его самого на фоне многочисленных товарищей по работе и которые он позднее, уже путешествуя как исследователь и ученый, постоянно стремился расширить и углубить. Мадвиг, еще и поныне являющийся крупной величиной среди представителей классической филологии, затем Н. М. Петерсен, а после его смерти К. Лингби вдохновили Томсена на изучение скандинавской филологии; Вестергард, участник дешифровки эламской клинописи, и славяновед Смит также принадлежали к числу его учителей на родине. Молодой скандинав довольно рано проявляет интерес к народу-соседу — финнам — и его языку. Одна из работ Вильгельма Томсена на эту тему, вышедшая в 1869 году, сразу же делает известным его имя. Заграничные путешествия вели Томсена в Берлин, Лейпциг и Прагу (в Праге он изучал чешский язык). Свои исследования в области славянских языков он продолжал под руководством Миклошича в Вене, где прожил довольно долго. Одновре-

менно он умудрялся брать частные уроки сербского, польского и венгерского. Затем Томсен переезжает в Будапешт, где совершенствуется в этих языках; круг его интересов простирался и на арабский, персидский и цыганский языки, а также и на японский, китайский и тамильский, которые он изучал под руководством Бреаля в Париже. Не остались в стороне и тюркские языки — более того, они начинали привлекать его со все возрастающей силой.

Несмотря на то что Томсен сделал себе имя уже в юные годы, он работал, начиная с 1870 года, когда вернулся на родину, и вплоть до 1878 года учителем латыни и греческого, а затем — до 1887 года занимал, правда, высокий пост, но в школьной же администрации. В 1887 году он стал профессором на кафедре сравнительного языкознания в Копенгагенском университете и не снимал профессорской мантии до 1913 года.

Томсена, в 1877 году издавшего свой исторический труд о связях Древней Руси со Скандинавией и о происхождении Русского государства, особенно привлекали проблемы, связанные с открытием письменных памятников в Южной Сибири — енисейских и тех, которые были найдены в Монголии, на Орхоне. Дело в том, что они как нельзя лучше отвечали его склонностям и интересам в области истории языка и культуры.

Поскольку неизвестные знаки с Енисея и Орхона довольно быстро были опознаны как варианты одной и той же «сибирской» (как тогда говорили, да и сейчас говорят иной раз) письменности, Томсен сконцентрировал свое внимание на самых больших и полных надписях, более всего обещающих скорый успех в работе. Такими надписями были орхонские эпитафии Кюль-тегина и Бильге. Соображения, которые Томсен выдвигал при рассмотрении этих сибирских рун, во многих пунктах напоминают нам начальные стадии других удачных дешифровок.

Первым делом он установил направление письма (с этого начинал и Гротефенд) и тем самым выяснил вопрос о том, как нужно читать надписи. Сам издатель надписей В. Радлов впал в данном случае в ошибку. Путем весьма убедительного сравнения как целых кусков текста, так и отдельных строк Томсен смог доказать, что письмо должно читаться не слева направо, подобно, например, монгольскому (так

полагал Радлов), а справа налево, как читаются вертикальные строки китайской письменности.

Следующий шаг состоял в подсчете «букв»; в итоге получилось интересное число — 38 знаков. Это со всей очевидностью определяло место данной системы письменности — где-то посередине между чистым алфавитным и слоговым письмом. Вспомним, что слоговые письменности, о которых была речь до сих пор, содержали, как правило, по меньшей мере 50 знаков, тогда как алфавиты — никак не более 30. Из этого обстоятельства Томсен сделал весьма важный вывод: мы, вероятно, имеем дело с алфавитным письмом, но таким, где отдельные знаки для одного и того же звука чередуются в зависимости от определенных предпосылок — то есть от того, какой звук предшествует данному звуку или за ним следует. Затем Томсен, изучая уже внешний вид письма, проводит исследование, которое как раз и должно было показать, что те или иные согласные чередуются под влиянием предшествующих или последующих.

В основе этого исследования лежало очень простое соображение. Томсен сказал себе: из одного ряда знаков ХУХ, иначе — из группы знаков, в которой два одинаковых знака разделены еще одним, отличным знаком, или Х должен передавать согласный звук и тогда У — гласный, или, наоборот, У — согласный и тогда Х — гласный. Он провел тщательное сравнение подобных рядов знаков и достиг на этом пути первой цели — нашел гласные в знаках >.[†] и M. Правда, не все было определено правильно; так, вначале он принимал >~ o/ū за ö/ü, а настоящее ö/ü, то есть M — за ä. Сразу верно он определил † i, однако потребовалось преодолеть целую цепь заблуждений, прежде чем был найден четвертый гласный в знаке † — a/ä.

Но пока не было еще железных доказательств верности выводов, и сомнения относительно безупречности установленных равенств — безусловно, основательные сомнения — не покидали ученого.

Чтобы добыть эти доказательства, Томсен прибег к одному из самых излюбленных и испытанных приемов, которым пользовались при всех дешифровках. Он приступил к поискам собственных имен, причем тех из них, которые были за-

свидетельствованы, хотя и в китайской передаче, китайскими надписями памятников.

Следовало ожидать, что собственные имена как замкнутые группы знаков (на словоразделитель в виде двоеточия обратили внимание еще открыватели надписей) или будут встречаться в тексте особенно часто, или смогут быть выделены каким-либо другим способом, например по их месту в тексте — в начале нового отрывка.

Датскому исследователю не пришлось долго заниматься поисками. Прежде всего в глаза ему бросилась группа 𐰚 𐰚 𐰚 , довольно часто встречающаяся в обеих орхонских надписях. Отправным пунктом исследования являлся здесь последний, четвертый, знак группы (как раз крайний слева, поскольку направление письма — справа налево), 𐰚 . Томсен был убежден в том, что его фонетическое значение *i*. Частота, с которой встречалась эта группа знаков, и ее место, а также наличие конечного звука *i* толкнули Томсена на довольно смелый шаг. Он заключил, что перед ним эпитет, служащий для украшения княжеского титула, то есть слово, известное монгольскому языку и всем тюркским диалектам и означающее «небо» или «бог». При этом на основе всех ранее проведенных рассуждений и выводов, сделанных в связи с исследованием числа знаков алфавита, он допускал, что гласный мог быть подавлен и заглушен. Он идентифицировал, таким образом, группу 𐰚 𐰚 𐰚 с *i-r-nġ-āt*, то есть со словом *tāngri* (как его следует читать) «небо», «бог».

Для начала это равенство могло быть принято лишь как гипотеза, не больше; и поиски собственных имен продолжались. Особое внимание Томсена привлекла другая группа знаков 𐰚 𐰚 𐰚 𐰚 𐰚 — она несколько раз повторялась на камне I, но совершенно отсутствовала на камне II. В чем же тут дело? Решение было только одно: по-видимому, группа скрывала имя того князя, которому и был посвящен этот памятник. В китайском тексте, как уже упомянуто, этот князь зовется Кюэ-те-гинь; во второй части имени еще ранее опознали тюркское «тегин», «принц», первую же часть довольно безосновательно и самым различным образом пытались объяснить голландский китаист Шлегель и после него целый ряд других исследователей. Томсен подошел к во-

просу иначе. Он имел в виду, что китайский язык не знает среди конечных слоговых звуков звука *l* и просто опускает его при передаче чужеземных слов. Он сопоставил всю группу 𐰽𐰺𐰍𐰆𐰏 со словом *Kül-tegin* «принц Кюль»; это чтение подтверждалось не только китайской традицией, но и обоими знаками — 𐰽 (*t* перед или после *e, i, ä, ö, ü*) и 𐰺 (*i, j*), которые Томсен открыл еще в слове *tängri*. То же самое следствие, вытекающее из факта отсутствия конечного слогового *l* в китайском, привело и к определению наиболее часто встречающейся группы знаков на камне II — китайское Би-кя совпало с 𐰽𐰺𐰍𐰆𐰏, «Бильге», «мудрый».

Выводы Томсена приобрели уже довольно высокую степень доказательности, однако оставались и уязвимые места; *tängri* было построено комбинаторным методом, оба же имени покоились на сопоставлении с китайскими формами. Но вот четвертая группа знаков сразу поставила ученого выше всяких сомнений; это было слово 𐰽𐰺𐰍𐰆𐰏, чрезвычайно часто встречавшееся на обоих орхонских памятниках. Три знака из четырех, составлявших это слово, Томсен уже знал — да и мы теперь знаем. Это знаки (мы читаем справа налево) 𐰽 = *t* (из *tängri* и *Kül-tegin*), 𐰺 = *ü* (из *Kül-tegin*) и 𐰾 = *r* (из *tängri*). Но, стало быть, слово читается *t-ü-r*? А ведь это не могло значить ничего иного, кроме «тюрк»! Тем самым был получен второй знак для *k* 𐰽, но это даже не главное. Главное заключалось в том, что был опознан язык надписей, причем опознан в полном соответствии с требованиями исторических предпосылок, подтверждаемых и собственными именами китайского текста: это был язык народа, который китайцы называли ту-кюэ, чистый тюркский диалект, намного более древний, чем все известные до того тюркские языки!

Теперь уже было открыто и установлено значение не менее девяти знаков. И Вильгельм Томсен, выдающийся знаток тюркских диалектов, был вполне готов к тому, чтобы, на ходу устраняя многочисленные мелкие недочеты, без особых усилий вставить полученные значения в другие слова и шаг за шагом воссоздать весь алфавит, вырвав его из цепких

сибирские письменности			аршакидская пехлеви		сибирские письменности			аршакидская пехлеви	
енисей- ская	орхон- ская	фонет. значение	знаки	фонет. значек.	енисей- ская	орхон- ская	фонет. значение	знаки	фонет. значек.
25X	5	а, г	25Y	а	УУ	У	(до или после е, и, а, о, и)		
УУ9У	У	б (до или после а, о, и, у)	У	б	УУУ	У	и	УУУУ	и
УУУУ	У	г	УУ	г	У	У	(до или после а, о, и, у)	УУУУ	и
УУУУ	У	д (до или после а, о, и, у)	УУ	д	УУУУ	У	(до или после а, о, и, у)		
УУУУ	У	е (до или после а, о, и, у)	У	е	УУУУ	У	з	УУУУ	з
УУУУ	У	(до или после а, о, и, у)	УУУ	и	УУУУ	У	з		
УУУ	У	о, и	УУ	и	УУУ	У	р	УУ	р, ф
У	У	с (до или после а, о, и, у)	У	с	УУУ	У	б (до или после а, о, и, у)		
УУУ	У	к (до или после а)	УУУ	к	УУУ	У	с (до или после а, о, и, у)	У	с, г
УУУ	У	(до или после а, о, и, у)	УУУ	л	УУУ	У	к (до или после а, и)	У	л
УУУ	У	nd, nt			УУ	У	к (до или после у)		
УУУ	У	и, у	УУУ	и	УУУ	У	(до или после а, о, и, у)	УУУ	и
УУУ	У	(до или после а, о, и, у)			УУУ	У	(до или после а, о, и, у)		
УУУ	У	(до или после а, о, и, у)			УУУ	У	с	У	с
У	У	носовой			УУ	У	с		
УУУ	У	о, и			УУУ	У	и		
УУУ	У	к (до или после а, о, и, у)	УУУ	к	УУУ	У	(до или после а, о, и, у)	УУУ	и
УУ	У	к (до или после а, о, и)			УУ	У	(до или после а, о, и, у)		
УУ	У	(до или после а, о, и, у)	УУ	л, р	У		ld, li		

Рис. 87. Рунический алфавит древних тюрков

лап забвения. Свои труды он увенчал три года спустя сочинением «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées» («Дешифрованные орхонские надписи», Гельсингфорс, 1896), где дал в руки ученых не только алфавит, но и полный комментированный перевод надписей.

Это открытие, выдающееся с точки зрения истории письменности, было оценено как чрезвычайно важный ключ к пониманию всей истории Средней Азии. Такая оценка, между прочим, основывалась на том обстоятельстве, что новое письмо по происхождению было признано родственным ар-накидской (среднеперсидской) письменности пехлеви, которая в свою очередь восходит к арамейской письменности. Подобное развитие весьма поучительно для понимания истории культуры, поскольку ранее было принято считать, что истоки этого письма восходят к периоду миссионерской деятельности манихеев. Что касается науки о языках, то она благодарна Томсену прежде всего за неожиданное расширение ее знаний, ибо вновь открытая письменность с богатой дифференциацией знаков (38!) намного лучше приспособлена для того, чтобы надежно передавать фонетические звуки древнетюркского языка, чем уйгурское письмо с его 20 буквами, которое к 800 году полностью вытеснило письменность древних тюрков.

Мы и сейчас не можем равнодушно относиться к языку древнетюркских памятников. Обращается ли надменно к своему народу или горько скорбит о смерти брата правитель Бильге-каган, упивается ли своим величием старый вельможа Тоньюкук, не преминувший указать на своем надгробии, какие несчастья обрушились бы на народ тюрков, если бы не было на свете его, именно его, мудрого Тоньюкука, — все эти высказывания близки нам, хотя и восходят еще к тому времени, когда тюркский народ не знал ни Аллаха, ни «пророка его» Мухаммеда.

«Мне преклоняется вся земля», — бросил некогда Турк-санф византийским послам. Этим же языком, спустя 160 лет, разговаривал и Бильге-каган:

«Небоподобный, неборожденный... тюркский каган, я нынче сел [на царство]. Речь мою полностью выслушайте [вы], идущие за мной, мои младшие родичи и молодежь [вы], союзные мои племена и народы...

Когда было сотворено вверху голубое небо [и] внизу темная земля, между [ними] обоими были сотворены сыны чело-

Табл. X. Хеттская иероглифическая надпись —
из Хаматы

...ия ист
...таты, ...
...ской де
...то не
...расши
...богат
...способ
...не звуки
...его
...письмен-

к языку
...чно
...равител
...ельможа
...бни, ка-
...бы не
...— все
...к тому
...ни «про

а Турк
...стя 160

аган, я
...ушайте
...жь [вы].

зу тем-
...ы чело-

мась —>

Табл. XI. Финикийская надпись

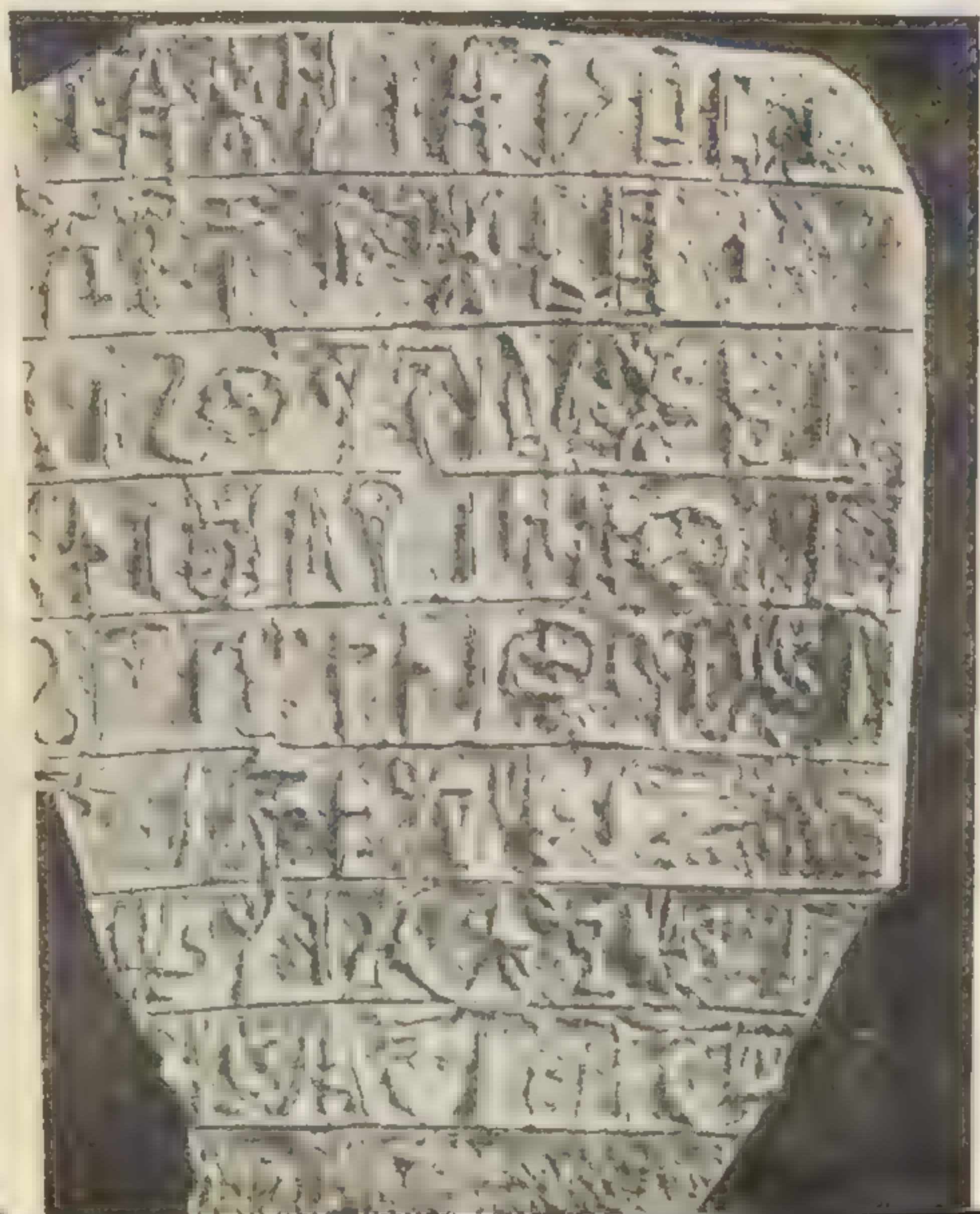

Табл. XII. Табличка
с острова Крита

веческие. И
Бумын-ка
живали и
ского наро
выступая
четырем у
ловы они
они застав

...Мой
скорбел;
словно оту
бо, но так
чтобы умер

«Я сам
нием куль
род был в
милостиво
лял [хоро
ную конни
ретать и,
приобрета
вующими.
какой-либ
[какой-либ
Я, мудрый
тюркского

Истори
и не под
продолже
гочисленн

Более
лена отк
востокове
с некоей
тивном а
рукопись
1553—155

¹ С. Е.
исследован

² Там
23 а Добль

веческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев [на царство], они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа. Четыре угла [света] все были [им] врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить [головы], имеющих колени, они заставили преклонить колени...

...Мой младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, [а] сам я заскорбел. Время распределяет небо, [но так или иначе] сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть»¹.

«Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа Табгач. [Так как и весь] тюркский народ был в подчинении у государства Табгач... Пусть будет милостиво небо: на этот [свой] тюркский народ я не направлял [хорошо] вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать и, следуя [за ним], я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими... Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы [какой-либо] бездельник, то что за горе имел бы [этот народ]! Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [это] для народа тюркского Бильгя-кагана...»².

История древнетюркских рун имела весьма неожиданное и не поддающееся пока удовлетворительному объяснению продолжение, вокруг которого до сих пор еще ведутся многочисленные научные споры.

Более 50 лет тому назад общественность была ошеломлена открытием вюрцбургского (позднее — мюнхенского) востоковеда Франца Бабингера. Это открытие было связано с некоей рукописью, найденной в семейном и административном архиве князей и графов Фуггеров в Аугсбурге; сама рукопись представляла собой описание путешествия 1553—1555 годов, совершенного торговым агентом Фуггеров

¹ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951, стр. 33, 36, 43.

² Там же, стр. 64, 69—70.

Гансом Дерншвамом из Градичина. Как было установлено, автор рукописи, богемец, происходил из города Моста, обучался в Вене и Лейпциге, а позднее в течение 35 лет был управляющим фуггеровских рудников в Банска Быстрице. Дерншвам входил в состав известного посольства Фердинанда I ко двору султана Сулеймана I, возглавленного затем Ожье Жисленом де Бусбеком, тем самым Бусбеком, который открыл для Европы знаменитый литературный памятник «Monumentum Ancyranum», содержащий сообщение о делах императора Августа. Студент Венского и бакалавр Лейпцигского университета, Дерншвам ревностно следовал примеру своего начальства, а потому сумел собрать и скопировать значительное число весьма ценных греческих и латинских надписей, которые, вероятно, если бы не он, были бы утеряны. В конце упомянутой выше рукописи Дерншвам добросовестно приводит несколько римских и греческих надписей, скопированных им в Стамбуле. Однако особое внимание Бабингера, вторично открывшего эти памятники для науки, приковала одна копия совершенно необычного вида, затерянная среди римских надписей. Ее, как уверял Дерншвам, ему удалось скопировать со стены конюшни, принадлежавшей дому послов в Стамбуле, так называемому «ханэ послов», получившему впоследствии новое название — «ханэ татар». Вначале это был просто караван-сарай, где в старые времена всевластный правитель турок помещал послов всех европейских держав, приказывая охранять их как пленных. В этом сооружении жил и Бусбек; в XIX веке оно было снесено после пожара. Закончив описание этого «постоялого двора», Дерншвам продолжает: «а следующие после сего письма срисованы были мной с мраморного камня, а камень тот вделан был в стену конюшни и очень хорошо прочитан быть может»¹.

Франц Бабингер никак не мог взять в толк, каким образом эти — рунические — письма попали в Стамбул, и отослал фотокопию прославленному дешифровщику древнетюркских рун Вильгельму Томсену в Копенгаген. Томсен в свою очередь опознал в копии так называемую гуно-скифскую надпись на венгерском языке. Ему удалось отгадать несколько слов и приблизительный смысл надписи, а уж сам

¹ F. Babinger, *Eine neuentdeckte ungarische Kerbschrift aus Konstantinopel vom Jahre 1515*, — «Ungarische Rundschau für historische und soziale Wissenschaften», III Jg., 1914, S. 44.

Бабинг
И. Ш
Текст
тие, хо
занное
дислав
послал
во это.
Бела. В
бере. у
неверны
стену о
иным, к
послов»

Этот
веденны
сунок 8
в глаза
также п

Стам
впрочем
венгерск
знаков
ных пам
древней
ше. Пр
ся от в
направо
в 1598

о языке
он счел
обиняко
сем не
взгляд.
ности пр
градье,
тают) п

Когд
смотря
мал уж

1
23*

Бабингер в содружестве с венгерским исследователем И. Шебестиеном завершил дешифровку и прочел надпись. Текст ее проливает яркий свет на одно историческое событие, хорошо известное из древних венгерских хроник и связанное с судьбой посольства, которое богемский король Ладислав II, правивший с 1490 по 1516 год также и Венгрией, послал ко двору султана Селима I (1512—1520). Посольство это, состоявшее из пяти человек во главе с Барнабой из Бела, в течение двух лет вынуждено было заниматься на берегу Золотого Рога пустыми словопрениями; а «письмена неверных», *гяур языджи*, списанные с камня, вделанного в стену одной из конюшен султанской столицы, были не чем иным, как воплем о помощи фактически плененных в «ханэ послов» посланцев короля Богемии и Венгрии!

Этот текст, исправленный, транскрибированный и переведенный Ф. Бабингером¹, нашел место и в нашей книге (рис. 88). Наблюдательному читателю непременно бросится в глаза, что здесь, по аналогии с древнетюркским письмом, также подавлен и заглушен гласный *e*.

Стамбульская надпись, срисованная Дерншвамом, была, впрочем, не единственным известным памятником древне-венгерского рунического письма, где в основе начертания знаков лежат зарубки, или насечки. Небольшое число подобных памятников письма известно уже в течение столетий; древнейший из них был найден в 1501 году в Чиксентмиклоше. Правда, сообщение послов короля Ладислава отличается от всех других документов тем, что оно написано слева направо, тогда как прочие надписи — справа налево. Когда в 1598 году венгерский историк Телегди писал свой труд о языке гуннов («*Rudimenta priscae Hunnorum linguae...*»), он счел нужным сказать и об этих знаках, объявив их безобиняков письменностью древних гуннов. И это мнение совсем не так ошибочно, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что все известные остатки этой письменности происходят из одного района — страны секелей в Семиградье, а сами секели издавна считали себя (да и ныне считают) подлинными потомками гуннов.

Когда же выяснилось, что секельские руны (которые, несмотря на пятидесятилетнее пребывание в стране, не понимал уже и Дерншвам, называя их совершенно незнакомыми)

¹ Ibid., S. 51.

·НН·ХТРН·ТНСХУ·УЄХХС·НУ·У·АРИАС·ОТНРО·ХУ·ОМУУ·МНУ·У·
 [e]z[e]·ō u á y·ti z[e]nō t·[e]z[e]ndō b[e]n·int uk[e]z[e]·Pa z[e]o·n·a·y·ō t·k[e]v[e]t[e]t·uá mpak·[e]t·
 3. 4. 5. 2. 1.
 тысяча. пятьсот. пятьдесят. году в. было написано это. Ладислава. короля. послов. заставили ждать. здесь.

·ХТАРІТ·ХНАХРА·ΟΥХ·УЄГТ·О·Т·МАУ·СВ·УХС·НРИ·Н·
 ·e·i·l·a·z·ā·b[e]t·t·av·ā·n·k[e]t·ō·[e]z[e]nd[e]j·k·z·u·ak·t·n[e]m·t·ō·n·u·ā·z·āi

3. 2. 1.
 Бела+из Барнабас. два. гола. здесь. находились. Ничего. [не] делал. император

·ΟΥΓΓ·ΙΟΑ·ΥΒΡΛ·ΤΝΡ·СУ·ΙΑΟΧΟ·ΝΡΙΡΝ·ΤΥ·ХХ·ΙΡΝ·ΑΣΜΑ·
 κ[e]t[e]j·ā·sz[e]k[e]l·t[e]m·a·n·ā·n·a·[e]n[e]t·sz[e]l·(ma·lōv)ō·k·u·ā·z·ā·v·ā·t·[e]t·b·e·z·ā·z·t·ō·u·m·e·

4. 3. 2. 1.
 Кетей+из. Секель. Томас. отписал. отскда. Сель [по-турецки]. Император. пал. одна. сотня. лошадей+с.

Рис. 88. Руническая надпись на древневенгерском языке из Стамбула

восходят, вне всякого сомнения, к рунам древнетюркским, это было, естественно, тяжелым ударом по слишком обостренному гунно-венгерскому национальному чувству славных жителей Трансильвании!

Сходство между двумя письменностями было установлено в 1890 году при помощи более древних памятников и оказалось настолько разительным, что не оставляло места для споров.

По меньшей мере четыре буквы (как показывает сравнительная таблица) произошли из греческой письменности, две — из древнеславянского алфавита, глаголицы.

Однако эта столь ясная на первый взгляд ситуация в действительности оставалась довольно загадочной. Правда, наличие древнеславянских букв можно объяснить влиянием соседей-славян, использование греческих знаков лишь доказывает, что первоначальный состав букв дополнялся в Восточной Европе за счет греческой культуры, и все это не вызывает особых затруднений. Но вот те знаки, всякий образец для которых отсутствует, заставляют серьезно задуматься. Основную проблему, и по сей день не решенную удовлетворительно, образует провал в хронологическом монолите, зияющий между восходящими к VIII веку древнетюркскими надписями и секельскими рунами, впервые появляющимися лишь к началу XVI века. Были попытки толковать древневенгерское письмо зарубками как тайнопись секелей, которая ревниво охранялась и поэтому не стала достоянием широких слоев населения. Но едва ли возможно предположить, что в течение целых столетий секелям удавалось столь блестяще сохранять свою письменность в тайне.

Достоверно лишь одно: здесь не может быть и речи о письменности царя Атиллы и его полчищ, чего, впрочем, ныне никто серьезно и не утверждает. Две более поздние гипотезы, однако, также нельзя назвать неуязвимыми. Согласно одной из них, секели являются потомками тюркских хазар, покоренных мадьярами в IX веке, то есть в тот, правда, критический, период, когда еще было возможно воспринять письменность, восходившую к орхонским памятникам (VIII век!). Другая гипотеза представлена направлением, во главе которого стоит венгерский ученый Б. Мункачи; сторонники ее полагают, что посредниками между древними тюрками и древними венграми были команы, ближайшие соседи секелей в XII—XIII веках. Народ этот происходил от

фонет. значение	древне- венгер- ские руны	письмен- ность Сибири	греческие буквы или глаголица	фонет. значение	древневенгер- ские руны	письмен- ность Сибири	греческие буквы или глаголица
a, á	ᚦ ᚧ		Δ ip	m	ᚷ		
b	ᚨ	ᚨ ᚩ ᚪ		n	ᚵ	ᚵ ᚶ	
cz = ts	ᚢ			ny = n	ᚩ		
cs = č	ᚫ			o, ó	ᚷ		Ϟ глаг
d	ᚪ	ᚨ ᚩ		ó, ô	ᚩ _{позднее} ᚫ ᚭ ᚮ ᚯ		
e, é	ᚤ		Ϟ глаг	p	ᚷ ᚸ	1	
f	ᚫ ᚬ		ᚫ = p ip	r	ᚨ /	ᚫ ᚬ	
g	ᚭ	ᚭ ᚮ		s = ś	ᚭ	ᚭ ᚮ	
gy = d'	ᚮ ᚯ			s2 = s	1	1	
h	ᚨ ᚩ		ᚨ = x ip	t	ᚵ		
i, í	ᚢ ᚣ ᚤ	ᚢ ᚣ		ty = t'	ᚨ ᚩ		
j	ᚢ 1	9		u, ú	ᚫ		
k	ᚫ	ᚩ ᚪ ᚫ		ü, û	ᚫ _{позднее} ᚬ ᚭ ᚮ		
k(a-), (f-a)k	ᚩ ᚪ 1	ᚮ ᚯ ᚰ		v	ᚭ		
l	ᚭ			z	ᚷ		
ty = l'	ᚷ			zs = ž	ᚵ ᚶ (ć)		

Рис. 89. Рунические знаки древневенгерского языка в сравнении с древнетюркскими рунами, греческими буквами и глаголицей

огузов, которые в свою очередь часто упоминаются в древнетюркских надписях то как подданные, то как враги кагана; согласно тем же надписям, огузы были разделены на племена «Девять огузов», «Шесть огузов» и «Три огуза».

Во всяком случае открытия в области истории письма, сделанные в результате научных подвигов дешифровщиков,

подобных подвигу гениального Вильгельма Томсена, показывают нам, европейцам, исторические связи и отношения, как правило, совершенно дотоле неизвестные. Эти открытия пока еще только натягивают таинственные нити, связывающие Восток с Западом, исследуют те глубокие подводные течения в совместной жизни народов, которые и здесь, и там играют незаметную, но важную роль — играют ее сейчас и играли тогда, когда Бумын-каган и Истеми-каган «народы четырех углов завоевали, что между голубым небом вверху и темной землей внизу...».

Х

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ ДЕШИФРОВКИ

Письменность этрусков, долины Инда
и острова Пасхи

Да людям редко что и нужно,
кроме слов.

Что в них есть мысли, верят
без разбора!

Гете, Фауст, I

Проблема, всплывшая со дна Инда,
почти совершенно безнадежна, по край-
ней мере в том, что касается прочтения
текстов.

Пьеро Мериджи¹

И вознесли они молитвы к богу Ран-
гитеа.

*Надпись на табличке с острова
Пасхи. Перевод по Томасу Бартелю*

Завершая наш довольно сжатый очерк наиболее ярких
событий в истории царства «знаков и чудес», мы хоте-
ли бы познакомить читателя с тремя важнейшими про-
блемами, которые и по сей день еще более или менее стойко
сопротивляются исследователям. Две из них — этрусская, а
также проблема письменности острова Пасхи — мощные ук-
репления, и хотя в стенах их уже пробито несколько бре-

¹ P. Meriggi, *Zur Indusschrift*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenlän-
dischen Gesellschaft», Bd 87 (N. F. Bd 12), 1934, S. 198.

шей, их передовые позиции сданы и внешние бастионы пали, они не соглашались капитулировать. Третья проблема — проблема письменности долины Инда — пока еще неприступная крепость, успешно отбившая как отдельные атаки, так и общий штурм всех осаждавших. Эти проблемы — сегодня еще загадки и, казалось бы, безнадежно запутанные лабиринты, но завтра они будут разгаданы, и знания людей о людях обогатятся и углубятся.

Из этих загадок одна отличается от других тем, что смогла упорно сопротивляться всем попыткам разгадать ее и сохранила свою тайну, несмотря на то что уже более двух с половиной тысячелетий покоится в самом сердце античной цивилизации. Это «загадка всех италийских загадок», язык этрусков. Именно язык, а не письменность; как раз письменность мы знаем, и даже давным-давно. Правда, знаки письма этого древнего культурного народа, у которого бесконечно много восприняли его ближайшие соседи римляне (причем, наверно, еще больше, чем нам известно), впервые были вырваны из цепких лап забвения в эпоху Возрождения. Начиная с этого времени, постепенно, шаг за шагом, наука отвоевывала все новые и новые знаки, пока наконец Рихард Лепсиус не добавил ко вновь полученному алфавиту одну из важнейших и последних букв. Таким образом, процесс дешифровки растянулся на целые столетия!

Первым толчком к научной постановке вопроса о древне-италийской письменности послужило одно открытие, сделанное в 1444 году. В этом году в Губбио, древнем Игувие, некогда расположенном в столь же древней Умбрии, совершенно случайно были обнаружены в подземном склепе семь бронзовых табличек, частично исписанных с обеих сторон; позднее таблички были доставлены на хранение в городскую ратушу. Пять из них содержали надписи на умбрийском языке, выполненные умбрийским же письмом. Знаки этого письма, общие и для всех прочих древнеиталийских алфавитов, обязанных своим существованием письменности греков и культурному посредничеству этрусков, с головой выдавали свое происхождение. Язык надписей был родствен латинскому. И все же, несмотря на эти отправные пункты исследования и вспомогательные средства, дешифровка умбрийского письма, а тем более объяснение языка, доставившие в свое время двадцатидвухлетнему Лепсиусу не только докторскую шапочку, но и заслуженную славу дешифровщика,

продолжают оставаться еще не решенной задачей первостепенной важности.

В XV столетии, да и гораздо позднее, при изучении игувийских таблиц ученые исходили из предположения, что перед ними не умбрийский алфавит, а письменность древних этрусков, и это, разумеется, сильно мешало дешифровке. Только в 1539 году Тезео Амброджо из Павии, ученый-востоковед и знаменитый писатель (*famoso autore*), сделал значительный вклад в изучение этрусского языка. В его внушительном, написанном по-латыни труде «Введение в халдейский, сирийский, армянский и десять других языков», вышедшем за год до смерти автора, среди прочего была сокрыта ценная мысль, могущая послужить прогрессу в деле решения проблемы этрусского письма и языка: идентификация знака 8 с буквой *f*. В дальнейшем это предположение было отвергнуто и предано забвению, а затем пережило второе открытие. Приблизительно через 200 лет во Флоренции вышла работа «Museum Etruscum» некоего Антона Франческо Гори; она содержала этрусский алфавит, в котором были верно опознаны и обозначены уже 15 букв. В 1789 году аббат Лунджи Ланци в своем трехтомном труде правильно идентифицировал знак M с *s*, а через 50 лишним лет Рихард Лепсиус сумел показать, что буква I, известная из дошедшей до нас итальянской формы имени Одиссея, означала не *x*, а *z*. Ранее это имя ошибочно читали, руководствуясь его латинской формой, *Ulixes*. Лепсиус же доказал, что в этой письменности, к которой греческий оригинал стоит значительно ближе, имя звучало *Utize*. В последующем, когда, опираясь на вновь полученные знания о более древних формах различных греческих алфавитов, удалось идентифицировать ↓ с греческим χ (*ch*) и наконец обнаружить в надписях столь долго искомый знак для *q* (1880), дешифровка этрусской письменности, по крайней мере в собственном смысле этого слова, была закончена. И отныне XIX, а тем более XX столетие осталась в наследство только задача объяснения языка. Но на этом фронте науки можно пока отметить лишь многочисленные отдельные атаки и разведки боем; главные же позиции противника все еще хорошо замаскированы и неуязвимы.

обычная форма буквы
A
B
7
D
≡
7
I
≡
⊗
-
Ж
7
≡
7

обычная форма букв	древнейшие изображения VII-V вв до н.э.	поздние формы IV-I вв до н.э.	фонетич. значение	обычная форма букв	древнейшие изображения VII-V вв до н.э.	поздние формы IV-I вв до н.э.	фонетич. значение
A	A	A	a	⊞			(s)'
B			(b)	O			(o)
Г	)	⌋	c(k)	┐	┐	┐	p
Д			(d)	M	M	M	ś
Е	Э	Э	e	Q	Q		q
З	З	З	v	D	D	D	r
И	I	†	z	3	3	3	s
Θ	Θ	Θ	h	┐	┐	┐	t
⊗	⊗	⊙	θ(th)	Υ	Υ	✓	u
Ι	Ι	Ι	i	Χ	Χ, †		ś
Κ	Κ		k	Φ		Φ	φ(ph)
┐	┐	┐	l	↓		↓	χ(ch)
μ	μ	μ	m		g	g	f
ν	ν	η	n				

Рис. 90. Этрусский алфавит

Этрусский алфавит проявляет целый ряд характерных особенностей. Наиболее яркая из них, вероятно, знак $\text{⋈} = f$, который известен в том же значении и из малоазиатского лидийского алфавита; это один из многих аргументов в пользу старой, восходящей к Геродоту традиции, повествующей о том, что этруски переселились из Малой Азии и не являлись исконным населением Италии. В своей письменности этруски отказались от использования древних знаков O , X и A (o , ks и v), но h всегда писали в его древней форме ⊖ . Отсутствуют знаки для звонких взрывных звуков b , d и g . Письменность употребляет буквы ⊗ , ⊕ и ⬇

(th , ph и kh) также и для изображения звуков t , p и k . И, наконец, направление письма (обычно справа налево) указывает на то, что этрусский алфавит отклонился от греческой прарасовы уже довольно рано, вероятно в VIII веке до нашей эры, то есть тогда, когда направление письма у греков было еще преимущественно справа налево. В чем же причина того, что исследователи, научившись читать каждое слово, написанное по-этрусски, по-прежнему едва понимают, вернее — почти совершенно не понимают этот язык?

Широко распространено мнение, согласно которому повинно в этом незначительное количество доступных изучению памятников языка. Мы обладаем 9000 этрусских надписей; правда, четыре пятых из них представляют собой совсем короткие надгробные тексты, дающие нам лишь собственные имена и кое-какие термины родства. В числе крупных памятников следует упомянуть глиняную табличку из Санта Мария ди Капуа от V века до нашей эры, включающую около 300 слов; затем (более позднюю) надпись на камне (Cippius Perusinus), хранящуюся в музее города Перуджия и состоящую приблизительно из 120 слов; две таблички, содержащие проклятия, две игральные кости с числительными от «одного» до «шести», одну весьма интересную свинцовую табличку из Мальяно (VI век до нашей эры), текст которой состоит по меньшей мере из 70 слов, расположенных в форме спирали; и, наконец, известную бронзовую печенку, служившую, очевидно, «учебным пособием» для начинающих предсказателей; ее часто сравнивают с подобными предметами у

вавилонян и хеттов. Все эти надписи начертаны на камне, глине и металле.

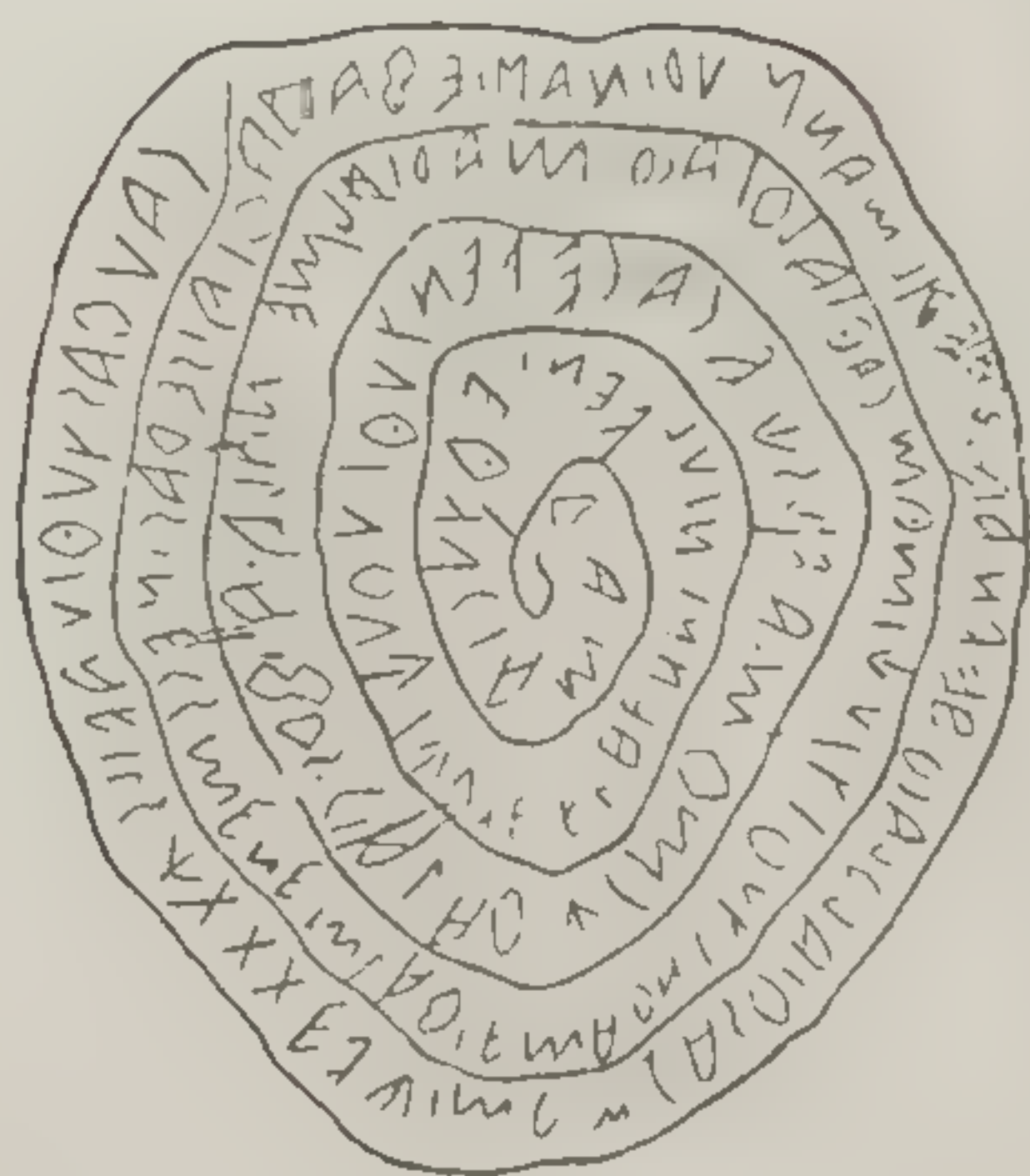
Имеются и рукописи — правда, один-единственный экземпляр, но зато такой, подобного какому не сыщешь! Это знаменитая «загребская пелена», которая представляет огромный интерес не только для этрускологии, но и для всеобщей истории письма, так как она является единственным сохранившимся образцом *liber linteus*, то есть книги, написанной от руки на холсте. Рукопись, первоначально имевшую форму свитка, позднее разрезали на полосы и использовали для пеленания мумии одной египтянки, умершей предположительно в I веке до нашей эры; мумия эта, происходящая из Среднего Египта, была преподнесена в дар Загребскому музею одним хорватским путешественником. Там в 1872 году и «открыл» И. Кралль письменность на пелене. Этрусский текст рукописи, содержащий более 1500 слов, — самый длинный из тех, что мы имеем.

Можно сказать, мы обладаем целым состоянием, и среди него самым «дохолным» является текст из 1500 с лишним слов, а ведь дешифрованы письмена, «имущество» которых было куда скромнее, — вспомните хотя бы гуолской письменности! Кроме того, в 1932 году «загребская пелена» была сфотографирована в инфракрасных лучах, и ныне чтению поддаются даже самые блеклые места этой ценнейшей рукописи!

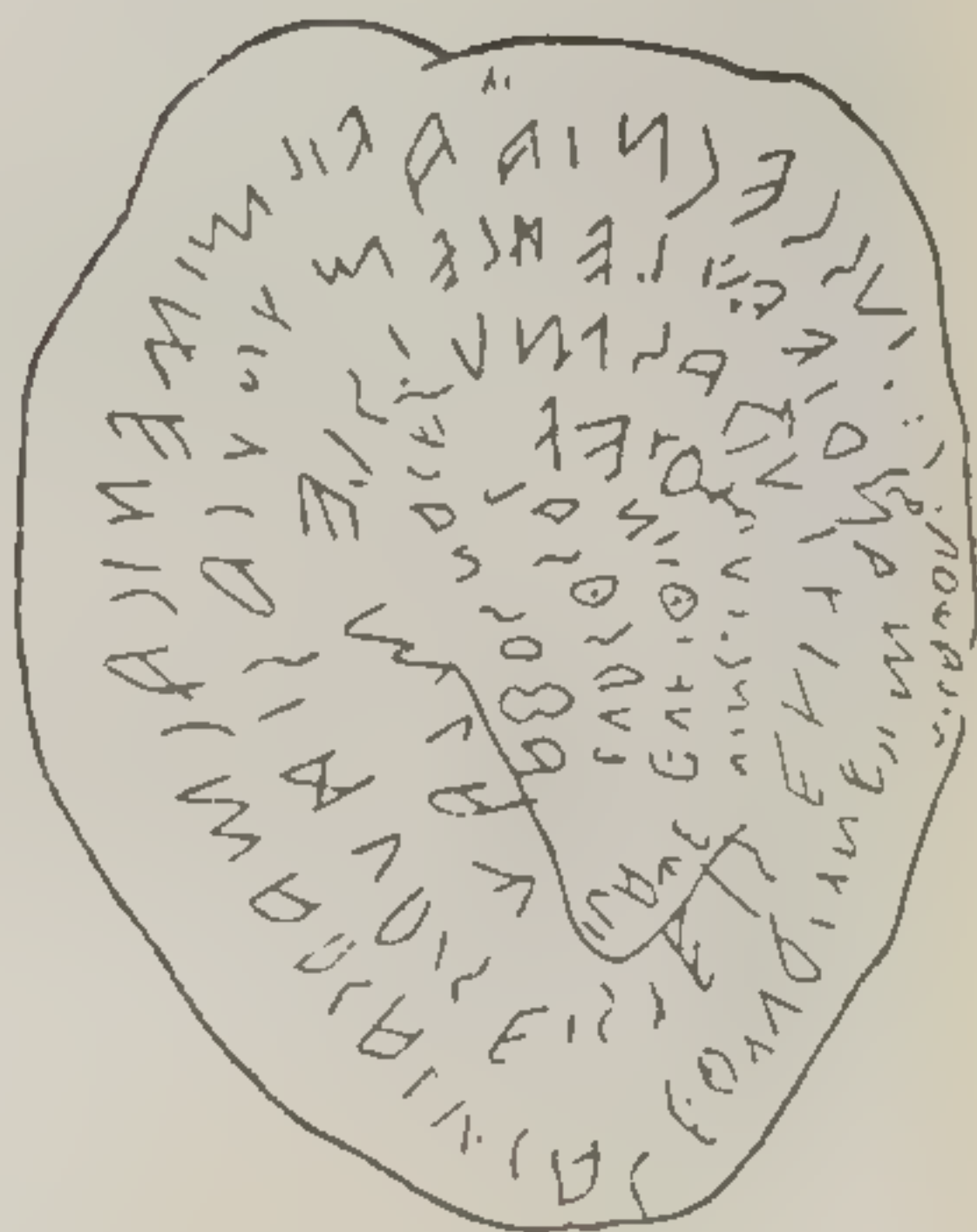
Итак, в распоряжении этрускологов находится значительное количество письменных памятников. Но тогда, стало быть, все-таки есть какое-то препятствие, о котором разбиваются попытки объяснить язык этрусков? Да, есть такое препятствие, и не одно.

Во-первых, все большие тексты одноязычны. Обычно столь «урожайные» в истории дешифровок билингвы в данном случае представлены пока лишь краткими и наикратчайшими латино-этрусскими надгробными надписями, и с их чахлых ветвей едва ли соберешь что-либо, кроме собственных имен, терминов родства, должностных титулов, датировок и постоянных «умер» или «умирая». Отсутствие «усыпанного плодами» достаточно длинного латино-этрусского текста и есть одна из главных причин того, почему доныне, несмотря на все попытки исследователей во всеоружии науки подступить к текстам и в первую очередь к «загребской пелене», этрускологии не удастся продвинуться вперед.

а

б

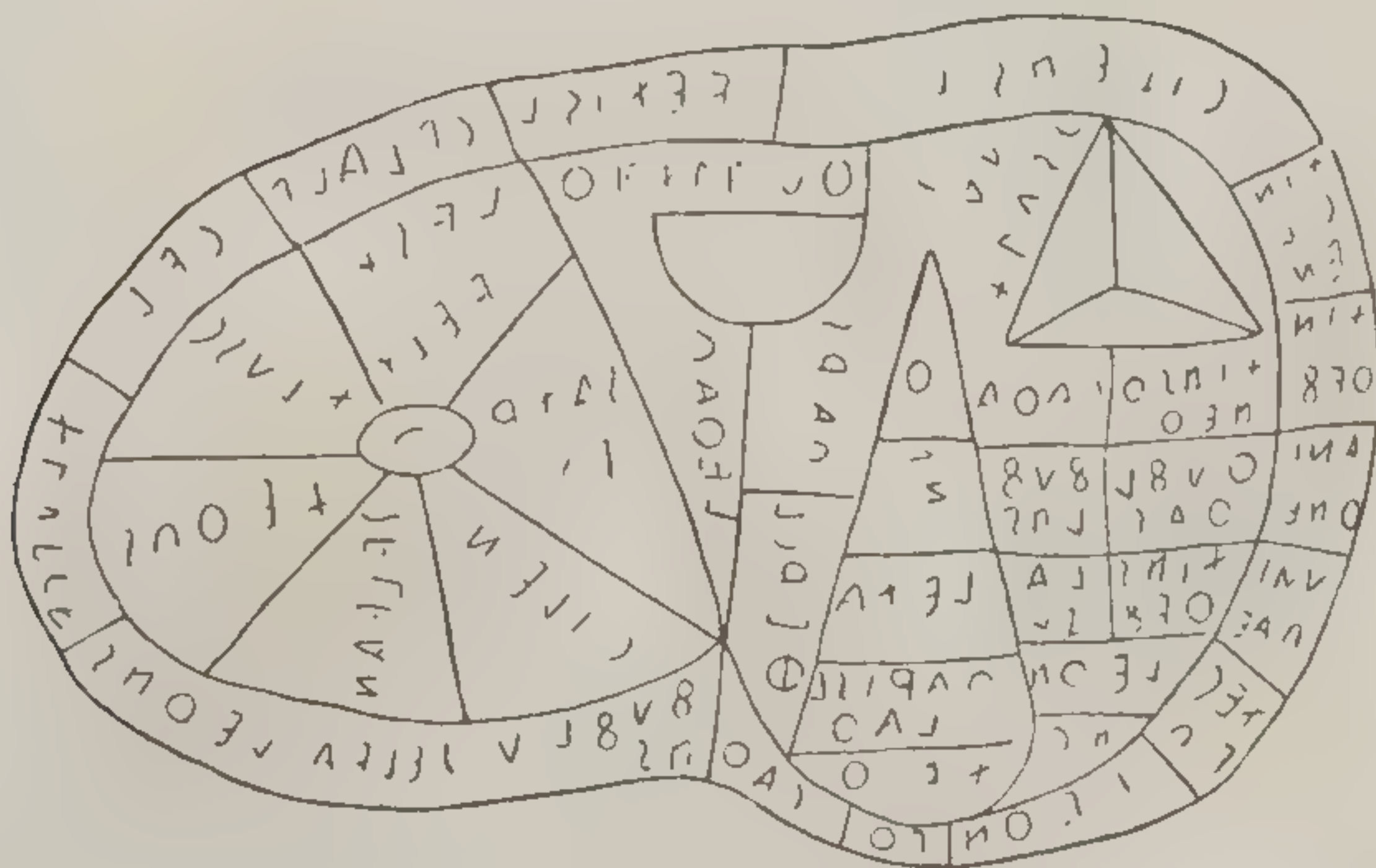

Рис. 91. Вверху — свинцовая табличка из Мальяно. Текст расположен по спирали: а — лицевая сторона; б — оборотная; внизу — бронзовая печень из Пьяченцы

Во-вторых, до сих пор при исследовании применялись, да и сейчас применяются, два главных метода дешифровки. С одной стороны, это вполне оправдавший себя на начальной стадии, целого ряда удачных дешифровок комбинаторный метод, то есть метод объяснения и толкования надписей на основе определенных закономерностей, полученных из самого

текста
сравнен
Здесь-г
Прий
ке эгру
вершен
Италии
да, пог
этот по
как-то
быть, у
или на
нейших
в письм
именно
му объ
тельно
язык, в
ард До
сти обл
языка
молние
клиноп
ских н
у Вент
ки иссл
и завер
Вот
прегра
довате
и терм
риал
«били
ния эт
ми по
ям. З
На
мы у
языка
ного
судар
ухаж

текста этих надписей; с другой — этимологический метод сравнения с предположительно родственными языками. Здесь-то и лежит основное препятствие.

Принимая во внимание то немногое, что известно о языке этрусков, мы вынуждены рассматривать его как язык, совершенно изолированный, не находящий себе подобных ни в Италии, ни в других местах (некоторые исследователи, правда, поговаривают о его родстве с лидийским языком, но и этот последний слишком мало нам знаком для того, чтобы как-то помочь делу). В руках ученых не оказалось, стало быть, универсального инструмента — ключа, который так или иначе, но всегда с неизменным успехом, при всех важнейших дешифровках открывал доступ к тайнам, сокрытым в письменах. Таким ключом является знание того, какой именно язык был или мог быть родствен языку, подлежащему объяснению, или хотя бы простое предположение относительно этого языка. В руках Шампольона это был коптский язык, в руках Гротефенда — авестийский; Ганс Бауэр и Эдуард Дорм вооружились исходными предположениями из области общесемитского языкознания. Но даже и там, где тайна языка открывалась дешифровщикам внезапно, озаренная молнией догадки, как это было с индоевропейским языком клинописного хеттского у Грозного, с греческим языком кипрских надписей у Смита или крито-микенской письменностью у Вентриса, — даже и там этот ключ, раз уже попавший в руки исследователя, оказывал решающую помощь в продолжении и завершении работы.

Вот обо что до сих пор разбивались все старания, вот преграда, пробиться через которую не могут помочь исследователю ни имена богов и людей, ни должностные титулы и термины родства. Весь этот скудный лексический материал добыт главным образом комбинаторным и тем же «билингвовым» способом, то есть путем тщательного сравнения этрусских надписей с латинскими и греческими, сходными по содержанию, цели и прочим археологическим условиям. Здесь замыкается круг, из которого пока нет выхода.

Наиболее удивительным в нашей загадке является, как мы уже говорили, полное забвение в течение тысячелетий языка этрусков, населявших область в самом центре античного мира, а затем окончательно поглощенных народом и государством римлян. Сами римляне, столь любовно и бережно ухаживавшие за памятниками старины и с такой гордостью

хранившие свидетельства своего прошлого, оберегали и высокопочитаемые ими духовные ценности своих учителей — этрусков. По достоверным данным, этрусская культура в Риме не угасала вплоть до падения западноримской империи в V веке; еще после 400 года в лагерях римских легионеров читали по-этрусски. И если этрусский язык потерян для нас, то вина за это лежит прежде всего на средневековых переписчиках, которые «принципиально» переписывали и оставляли потомкам в первую очередь латинские тексты, редко греческие, на все же прочие вообще не обращали внимания! Правда, если бы, к примеру, Меценат, влиятельный друг императора Августа и вошедший в поговорку покровитель великих поэтов Рима, сам происходивший из рода этруских царей, уделял бы наследию своих отцов — языку предков — хотя бы половину от тех щедрот и внимания, какие доставались на долю римской поэзии и искусства, то, кто знает, может быть, для будущих поколений удалось бы спасти кое-что большее, чем самое поверхностное представление об этом языке. Во всяком случае положение дел на сегодняшний день таково, что этрускология все еще томится страстным ожиданием момента, когда наконец ей удастся заполучить в свои руки именно ту самую желанную билингву — большую, двуязычную, латино-этрусскую надпись. Ведущий эксперт Римского университета по этрускологии Массимо Паллоттино говорил по этому поводу еще в 1956 году: «Открытие хотя бы одной-единственной подобной надписи оказало бы революционизирующее воздействие на исследования, проводимые во всех областях этрускологии; полученные в результате этого открытия столь важные для толкования текстов внешние данные, по всей вероятности, позволили бы раз и навсегда разрешить большую часть всего комплекса вопросов, накопившихся в течение столетий»¹.

Стоит ли поэтому удивляться упорству, с каким итальянские ученые все вновь и вновь предпринимают поиски таких надписей. В феврале 1957 года на страницах печати мелькнуло сообщение о том, что, по мнению итальянских археологов, искомый ключ к решению загадки, возможно,

¹ M. Pallottino, *The Etruscans*, Pelican Book A 310², London, 1956. p. 241.

[illegible]

ва Пасхи →

хранится в стенах древнего этрусского города Вульчи, расположенного на огромном потухшем вулкана Монте-Амиаго, на юге Тосканы. Насколько нам известно, раскопки здесь еще продолжаются; причем все надежды, которыми, по словам Паллоттино, «еще живут» специалисты, связываются с тем, что на этот раз лопата археолога обнажит наконец не захоронения, до сих пор ничего значительного не давшие для решения загадки, а форум — центр политической, хозяйственной и культурной жизни древнего города.

Тот, кто хочет уже сейчас поближе познакомиться с таинственным народом этрусков, побольше узнать о нем и его характере, должен пока довольствоваться своеобразным искусством, сохранным могильными склепами и только сейчас оцененным по достоинству. И прежде всего несравненной стенной живописью, которая раскрыла перед нами «видения безоблачного веселья, уже слегка подернутого дымкой скорби» и донесла до нас «прощальное послание» некогда могучих владык Центральной Италии¹.

Но нам пора к другой загадке письма! Она возбуждает интерес, между прочим, тем, что все сохранившиеся памятники этой письменности представлены печатями и амулетами из стеатита; во многих случаях это настоящие маленькие шедевры. И здесь нам предстоит совершить огромный скачок: в пространстве — от Центральной Италии до северо-западной Индии — и во времени — от середины I тысячелетия до нашей эры назад, к середине III тысячелетия. «Двадцать лет раскопок, исследований и изучения сделали историю Индии богаче на две тысячи лет — достижение, которое может рассматриваться как самое выдающееся в археологии»². Решающими двадцатью пятью годами, о которых здесь идет речь, были два с половиной десятилетия, с 1922 по 1947 год. За этот поразительно короткий промежуток времени была открыта совершенно новая культура, так называемая культура Хараппы и Мохенджо-Даро, некогда распространенная в долине Инда.

Расположенный в Пенджабе огромный холм с небольшим городком Хараппа на вершине, скрывавший развалины

¹ Tarquinia. Wandmalereien aus etruskischen Gräbern. Aufnahmen von W. Dräyer, Einführung von M. Pallottino. München, 1955, С. 48.
² D. Diringer, *The Alphabet*, London, 1949, p. 81.

древнейшего поселения, обратил на себя внимание уже в 1820 году, а в 1853 году стал наконец объектом изучения. Отдельные найденные здесь на протяжении десятилетий печати (обычно с изображением животного и знаками рисуночного письма над ним) были изданы уже в 1875 году, и первое же знакомство с ними вызвало настоящую сенсацию и, разумеется, тут же дало повод к самым смелым гипотезам относительно происхождения находок. Одна из таких гипотез — о том, что во вновь обнаруженной письменности следует видеть прародительницу индийской письменности брахми, — до самого последнего времени отстаивалась (правда, без особой надежды на успех) некоторыми специалистами.

К сожалению, вначале дары Хараппы не показались археологам столь богатыми, как это можно было бы предполагать, и ей пришлось разделить судьбу почти всех классических мест раскопок: в течение длительного времени она служила каменоломней для соседних городов и деревень, а в 1856 году, когда англичане приступили к строительству железной дороги Карачи—Лахор и развалины древнего поселения пошли на щебень, уничтожение ценнейших памятников было поставлено «на широкую ногу». Лишь в январе 1921 года под руководством Рай Бахадур Дайа Рам Сахни начались плановые, основанные на научных достижениях в области археологии и потому весьма успешные раскопки, затем, в 1926—1934 годах, еще более успешно продолженные Мадху Саруп Ватсом.

Открытием второго места находок, которое затем дало название этой исчезнувшей культуре, мы обязаны случаю. Раскапывая в 1922 году буддийскую ступу (святилище в форме башни) вместе с прилегающим к ней монастырем, датированные первыми веками до нашей эры, индийский археолог Р. Д. Банерджи обнаружил, что эти древние сооружения сами в свою очередь были возведены на холме строительного мусора, состоявшего из более древних, «доисторических» обломков. Сэр Джон Маршалл, руководитель археологических работ в Индии, мгновенно понял значение нового места находок, названного Мохенджо-Даро, то есть «селением мертвых» (в Центральном Синде, примерно в 600 км к юго-западу от Хараппы и в 40 км от Ларканы). А поняв, сэр Джон не преминул самолично возглавить раскопки, которые он и вел с 1922 по 1927 год; затем они были продолжены Э. Маккеем, работавшим здесь с 1927 по 1931 год. Из менее

значительн
Чанху-Дар
обоих исс
дов. J. Ma
I—III. Lon
London, 1
Further E
сем недав
Хантера (1
and its Co

Эти ра
пожелает
крышающ
Мы же п
письменно

Как м
ставлены
основани
также и
какой це
возможно
предмета
ми надпи
жения ж

Сказа
безуспеш
весьма с
надписей
знаки ве
до сих п
сительно
знаков, г
тами ос
Я, вслед
посередн

Знак
ними, и
характер
рое сли

Эта
культура
24*

значительных мест самым примечательным оказался район Чанху-Даро (южнее Мохенджо-Даро). Итогом деятельности обоих исследователей явилось несколько выдающихся трудов: J. Marshall, *Mohenjo-Daro and the Indus Civilization*, vol. I—III, London, 1931; E. J. H. Mackay, *The Indus Civilization*, London, 1935¹; перу последнего принадлежит также работа, сем недавно к этим работам добавилась важная монография Хантера (G. R. Hunter, *The Script of Harappa and Mohenjodaro and its Connection with other Scripts*, London, 1951).

Эти работы, бесспорно, дадут очень много всякому, кто пожелает вдумчиво изучить всю совокупность явлений, раскрывающих перед нами величие протондийской культуры. Мы же подвергнем здесь краткому рассмотрению только письменность. Она доныне не расшифрована.

Как мы уже говорили, образцы этой письменности представлены исключительно печатями. Как полагает Маккей на основании того, что печати просверлены, они могли служить также и «амулетами», правда, при этом не установлено, с какой целью делались сверления; то ли для ношения, то ли, возможно, для прикрепления к товарам, мешкам или другим предметам. Вместе с тем эти образцы являются или простыми надписями или приписками, сопровождающими изображения животных.

Сказанное выше позволяет понять, почему до сих пор безуспешна дешифровка этого загадочного письма. Первое весьма серьезное препятствие — краткость всех доступных надписей. Нужно также отметить, что встречающиеся нам знаки весьма многочисленны и разнообразны и что ученые до сих пор никак не могут прийти к единому мнению относительно их количества. Одни исследователи различают 400 знаков, вышеупомянутый Хантер считает многие из них вариантами основных знаков, которых он насчитывает всего 150. Я, вслед за Пьеро Мериджи, предполагаю, что истина лежит посередине и число знаков, таким образом, около 250.

Знаки эти, как показывает уже беглое ознакомление с ними, имеют или стилизованный рисуночный, или линейный характер. Если же при этом мы учтем число знаков, которое слишком велико для того, чтобы говорить о слоговом

¹ Эта работа Э. Маккея была переведена на русский язык: *Древнейшая культура долины Инда*, М., 1951.

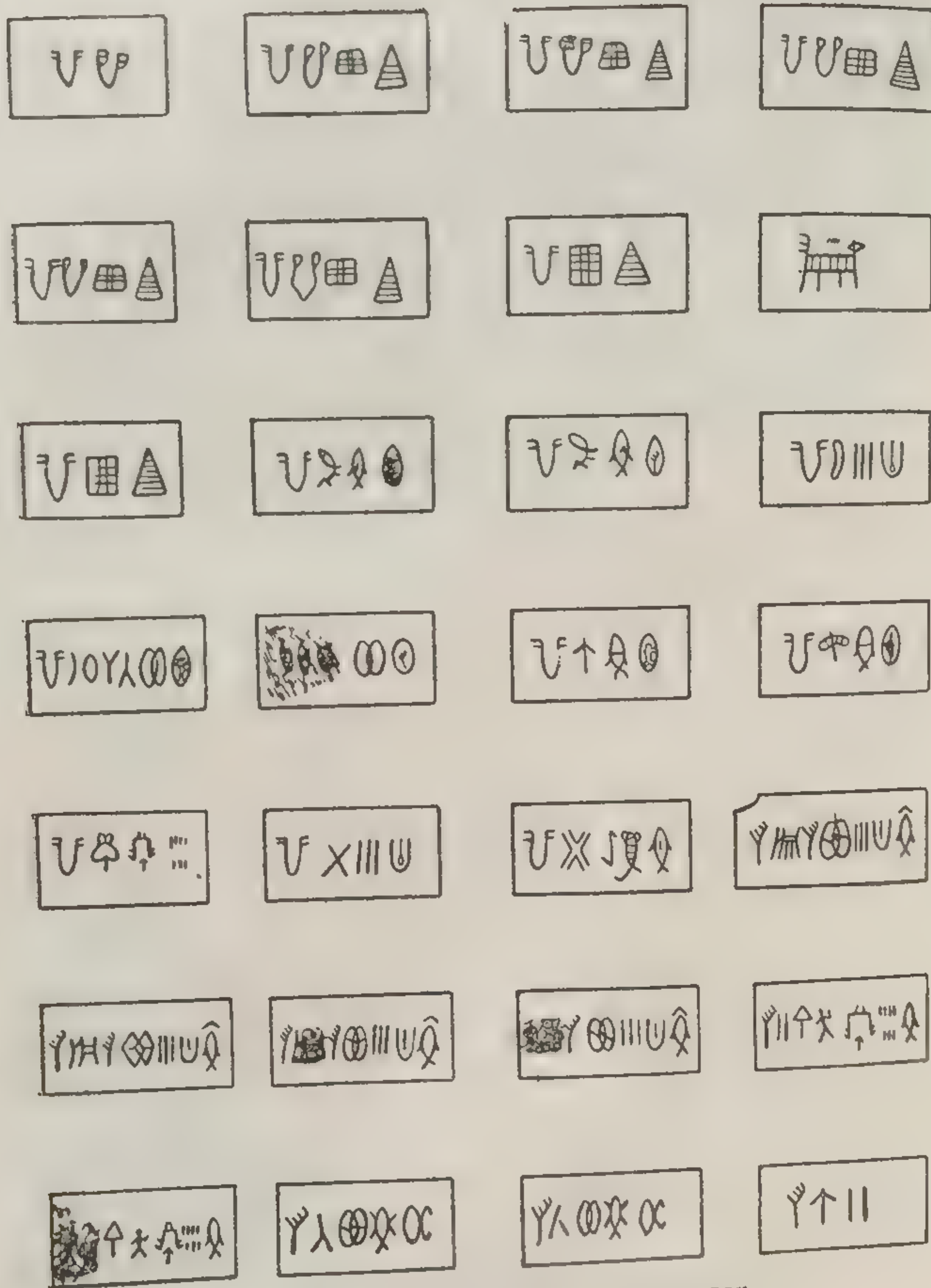

Рис. 92. Протоиндийские надписи на печатях

письме,
ма, то
жна и
II в
дительно
ся отню
мятников
знание
серьезно
Чем

для сам
что от
мена, п
фантаст
стоятел
сходств
письма.
еще нед
без вни
женная
го пере
менност
сходств
фами и
ветствии
письма.
письмен
Из в
серьезно
ным ос
стоятел
Меридж
Нам
ния П.
нии, от
зультат
исследо

1. J. F.
руск. по
стр. 163.
Indussl. g.

письме, и слишком незначительно для чисто «словного» письма, то сам собой напрашивается вывод о том, что речь должна идти о смеси идеограмм и фонетических знаков.

И все же самой серьезной помехой к приемлемой и убедительной дешифровке письма и прочтению текстов является отнюдь не малочисленность найденных письменных памятников и даже не краткость их текстов. Наше полное незнание языка этой письменности — вот, пожалуй, наиболее серьезное препятствие.

Чем меньше положительных знаний, тем больше пищи для самых невероятных предположений. Например, тот факт, что отдельные предметы, очевидно в результате торгового обмена, попали в Месопотамию, вызвал к жизни совершенно фантастические теории. Другим отправным пунктом несостоятельных гипотез стало простое внешнее графическое сходство определенных знаков со знаками других систем письма. Бедржих Грозный, атакам которого подверглись все еще недешифрованные письменности, не оставил, разумеется, без внимания и проблему протоиндийского письма. Предложенная им попытка дешифровки («Относительно древнейшего переселения народов и к проблеме протоиндийской письменности», Прага, 1939) также основывалась на чисто внешнем сходстве знаков протоиндийских печатей с хеттскими иероглифами и состояла в том, что Грозный «прочел» эти знаки в соответствии со звуковым значением подобных же знаков хеттского письма. Но... «поразительная дешифровка протоиндийской письменности», увы, дешифровкой не оказалась.

Из всех попыток, сделанных до сих пор, единственной серьезной подготовительной работой, как, вероятно, с полным основанием считает Иоганнес Фридрих, является обстоятельное изучение памятников, предпринятое Пьеро Мериджи¹.

Нам предстоит коротко ознакомиться с ходом исследования П. Мериджи, поскольку в чисто методическом отношении, отвлекаясь совершенно от полученных конкретных результатов, оспаривать которые по меньшей мере трудно, это исследование следует, по-видимому, считать образцовым. Де-

¹ J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, S. 137; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 166; P. Meriggi, *Zur Indusschrift*, S. 198; P. Meriggi, *Über wichtige Indussiegel aus Vorderasien*, — «Orientalistische Literaturzeitung», 1937.

ло в том, что автор с самого начала ограничил себя комбинаторным методом, то есть методом объяснения надписей на основе их внутренних закономерностей, и вооружился в качестве исходной рабочей гипотезы предположением о «полной безнадежности» попытки звукового прочтения текстов. Но так как эта попытка и до сих пор не увенчалась успехом, приходится признать «безнадежной» и самое письменность. И все же работа Мериджи является, очевидно, примером пути, могущим привести к дешифровке. Правда, этот путь не единственный, но пока не будем говорить о другом пути — поразительно интересном и новом, который кажется пока едва проходимым и еще только вырисовывается в тумане догадок.

В своем исследовании Мериджи исходит из приведенных выше наблюдений относительно природы и числа знаков и делает отсюда вывод о смешанной, идео-фонографической системе. Он признает вместе с другими исследователями наличие числовых знаков, при известных условиях, очевидно, выступающих и как звуковые. И в заключение он суммирует те результаты, которые считает достоверными: первый — знание различных вспомогательных знаков (словоразделители и детерминативы идеограмм), второй — обнаружение знаков для трех наиболее частых окончаний грамматических имен, третий — объяснение (но отнюдь не чтение) целого ряда отдельных знаков.

Из этой «суммы» следует выделить как поучительные с методической точки зрения пункты второй и третий.

Мериджи, подобно тому, как это делала Алиса Кобер, составляя свою первую сетку крито-микенского линейного письма Б, сравнивает группы знаков, отличающиеся друг от друга только конечными знаками, и при этом устанавливает три наиболее часто встречающихся окончания грамматических имен, знаки Λ , Υ и V , которые по чисто техническим соображениям он транскрибирует через A, U и Y(T) (сразу же отметим, что из этого вовсе не следует, будто он придавал вышеприведенным знакам звуковые значения a, u и i, или ps). Теперь, основываясь на своей интерпретации данных археологии (печати — это документы административного учета, своего рода «приходные накладные» без упоминания собственных имен), Мериджи прежде всего переходит к поискам в надписях трех падежей. Один из них — именительный — должен указывать предмет, о регистрации

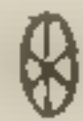
которого идет речь, другой -- родительный -- должен указывать владение, собственность (или в форме родительного разделительного -- количество) и, наконец, третий -- дательный -- должен был бы служить для указания цели или назначения названного предмета. Окончания именно этих трех падежей и выражены, по его мнению, в трех упомянутых знаках (А = именительный, U = родительный, Ψ = дательный).

Таков обрисованный в принципе ход общих, основанных на объективных данных, рассуждений Мериджи. Эти рассуждения привели его к предположению о наличии в надписях как раз тех связей, которые в грамматике выражаются именительным, родительным и дательным падежами. Оставалось только подкрепить и проиллюстрировать основные положения другим компонентом, а именно -- объяснением отдельных знаков. Здесь профессор Мериджи, придерживаясь наиболее близкого и доступного толкования значений некоторых рисуночных знаков, попытался на базе этих значений логически и грамматически связать уже целые группы знаков.

Приведенные ниже примеры сопоставления письменных знаков с их толкованием должны пояснить, как Мериджи интерпретировал значения рисуночных знаков.

Важнейшие равенства выглядят следующим образом:

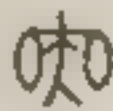
клеймо

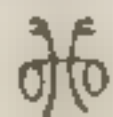
ступка (с пестиком), зерно

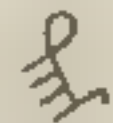
груз, ноша

четыреждыкратная лошадь

лошадь

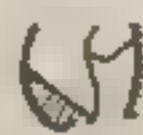
мотыга

коса (косить), урожай

косарь, жнец

человек, толкущий в ступке; мельник

окончание родительного падежа!

зерновые, злаки	⊙
семя, посев	✕
бобовые (плод)	⊖
лагерь, стан	▢ ▢ ▢
дом	┌
храм	⚡ ⚡
стол	✕
мужчина	人
лучник, воин	⚡
надсмотрщик	人
офицер, военачальник, чиновник	⚡

При помощи этих равенств можно добиться вполне убедительного чтения. Так, например, засвидетельствованный в двух случаях ряд знаков ⊙ ✕ ⊖ ✕ означает, согласно равенствам Мериджи, ЗЕРНО — ОФИЦЕР — РОМБ — СТОЛ, то есть, по его объяснению, «зерно [для] столовой офицерского состава (?)».

Разумеется, эти значения, производные от рисуночного характера знаков, оправданы лишь в известной мере. Однако есть одно обстоятельство, которое, по-видимому, еще более подтверждает правильность такого понимания текстов. Куда бы мы ни подставили предложенные Мериджи значения, они везде оказываются к месту хотя бы уже потому, что в своих сочетаниях не противоречат здравому смыслу. Более того, содержание всех надписей, которое получено в итоге реализации принципов Мериджи, относится к одной и той же области понятий, а именно — области четко выраженной сельскохозяйственной терминологии; от зерна, семян и бобовых до косы и мотыги, мельницы и ступки.

Наиболее же серьезным возражением против такого понимания нужно признать следующее: коль скоро рисунки стилизованы, они, разумеется, допускают известное многообразие толкований. Для того чтобы привести хотя бы один пример, сошлемся на Грозного, для которого «бобовые» Мериджи были лишь изображением печати вместе со шнуром!

Как мы уже говорили выше, одна из главных трудностей дешифровки состоит в том, что никто не знает, с каким, соб-

ственно, языком здесь приходится иметь дело. Древнейшие из известных донныне арийских языков Индии — ведический и санскрит — отпадают с самого начала, поскольку остатки письменности долины Инда относятся ко времени задолго до арийского переселения. Ничего не дает нам и ссылка, сделанная еще сэром Джоном Маршаллом, на соседний дравидийский (доарийский) языковой остров брагуи. Между современным языком брагуи и языком текстов из Хараппы и Мохенджо-Даро пролегли пять тысячелетий — непреодолимая пропасть, края которой не сможет соединить даже и когда-то в действительности существовавшая связь, тем более что язык брагуи насквозь пронизан чуждыми элементами.

1934 год принес востоковедению, история которого и без того поистине достаточно богата рискованными предположениями и теориями, одну из самых смелых, можно даже сказать, самых авантюристических гипотез. Сразу же предупредим читателя, что большинство исследователей и до сего дня отвергают ее как чистый продукт фантазии, что, впрочем, ровно никакого значения не имеет для дилетантов. Эта упомянутая авантюристическая гипотеза, эта насквозь фантастическая теория состоит всего лишь в скромном утверждении — тут мы предъявляем ошеломленной публике неопровержимую на первый взгляд «улику», — что обе сравниваемые на рисунке 93 системы письма должны быть родственными. И кто смог бы отрицать это, взглянув на рисунок?!

Сходство между собранными здесь знаками индийской письменности и сопоставляемыми с ними знаками письма острова Пасхи вначале столь очевидно и неоспоримо, что всякие сомнения будто бы исключены. Но почему же тогда исследователи «не верят глазам своим», почему они, по крайней мере пока, отрицательно относятся к этому, казалось бы, неопровержимому доказательству?

Чтобы понять это, нужно несколько подробнее остановиться на проблеме письменности острова Пасхи.

Как часто происходило в истории дешифровок, случай свел ученых со своеобразными документами этого особого письма. Большая часть надписей «говорящего дерева» — *кохау ронго ронго* — была уничтожена в последние десятилетия прошлого века под руководством усердствовавших в истинной вере французских и бельгийских миссионеров, которые приступили здесь к своей благотворной

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII

деятельности после того, как в результате массового избиения от населения этого небольшого острова осталось менее чем 200 человек. Однако немногие покрытые письменными знаками деревянные доски все же пробили себе дорогу к епископу острова Таити Жоссену, оценившему их историческое значение и приложившему немало усилий к тому, чтобы расшифровать и сохранить для будущих поколений остатки смененной с лица земли культуры. Это, разумеется, доставило немало хлопот и трудностей, особенно если учесть, что местные жители, знавшие письменность, почти полностью вымерли. Но тут до ушей нашего епископа дошло, что на самом Таити проживает один перемещенный сюда житель острова Пасхи, да еще знатного происхождения; князь церкви повелел ему явиться и потребовал прочитать тексты. Усмешка превосходства скользнула по лицу юного Меторо, когда он увидел знакомые надписи. Он взял предложенную ему доску и с подъемом начал читать. Правда, «чтение» скорее напоминало монотонный напев. Меторо водил по строке пальцем, который, достигнув ее конца, отправлялся в противоположном направлении. Епископ Жоссен в свою очередь записывал пропетое. Все, казалось, шло хорошо. Однако... попытка понять и перевести услышанное на французский язык, увы, потерпела полную неудачу: из этой полинезийской версии невозможно было извлечь хоть какой-нибудь смысл. Епископу оставалось только записать слова, насколько он их разбирал, и затем при помощи различных домыслов и других средств изложить их в форме осмысленного стихотворного перевода на французский язык. Гордясь когда-то приобретенными, но основательно забытыми знаниями, славный Меторо, без сомнения, выполнил как только мог возложенную на него почетную задачу, но при этом дело, видно, не обошлось без плутовства, и он сам едва ли понимал все то, что исполнял.

Разумеется, основанный на подобном источнике и с таким старанием составленный епископом Жоссеном словарь мог повести исследователей только по ложному пути. А вскоре бесследно исчез и оригинал пропетого Меторо текста.

В 1954 году в Рим для работы над архивом монашеского ордена, к которому принадлежал епископ Жоссен, приехал молодой гамбургский этнограф Томас Бартель. Сюда его привела мысль отыскать следы текста и проверить, не сохранился ли он все-таки чего-либо стоящего. И вот в старой, по-

крытой пылью невзрачной книге он обнаружил наконец «биллингву» Жоссена — записанную усердным епископом на полинезийском и французском языках песню Меторо.

Обнаружив ее, Бартель понял то, что доставило столько трудностей его предшественникам: «биллингва» оказалась вовсе и не биллингвой. Вместе с тем она давала некоторые оправданные пункты исследования, и мы хотели бы вкратце показать читателю, как молодой немецкий ученый пришел к первым осязаемым результатам.

Письмо острова Пасхи — оно имеет до 500 знаков, которые Бартель собирал, сравнивал и изучал годами, — покоится, очевидно, в значительной своей части на довольно хорошо известном принципе звукового ребуса. Так, например, в одном из текстов, причем религиозного содержания (что подтверждается его французским переводом и полинезийским прообразом этого перевода), имеется сильно стилизованное и упрощенное изображение раковины с раскрытыми створками. Слово «раковина» звучит в полинезийском *pige*; а *pige* означает также и «молитва»!

В итоге труднейшей, можно сказать ювелирной работы, путем терпеливого и тщательного сравнения обеих языковых версий с рисуночным текстом «говорящего дерева» Томас Бартель уже к началу 1955 года смог получить, по его мнению, вполне достоверный, хотя и немногочисленный, основной состав знаков.

На рисунке 94 изображено первое переведенное им предложение.

Но, пожалуй, самым сенсационным результатом дешифровки Бартеля является прочтение часто повторяющегося рефрена: «И они вознесли молитвы к богу Рангитеа». Но именно так, «Рангитеа», или «Белое поле», называется один из островов Товарищества, удаленный от острова Пасхи на 3000 км! Если бы эта дешифровка подтвердилась, то впервые была бы конкретно разрешена проблема происхождения населения острова Пасхи, вопрос, по которому столь много дискутируют и горячо спорят в течение десятилетий археологи, историки и географы! Уж мы не говорим здесь о связанных с этой проблемой вопросах заселения Полинезии вообще, о вопросах древних связей между островом Пасхи и той страной на востоке — Перу инков, — откуда, согласно другой традиции, пришли предки современных жителей острова. Да, именно, «была бы разрешена», ибо мир специали-

стов далеко еще не един в своем приговоре дешифровке Бартеля.

К сожалению, все эти вопросы мы можем осветить только в самой сжатой форме. Остается лишь объяснить с точки зрения истории письма действительно ошеломляющее сходство определенных знаков письма долины Инда с некоторыми знаками письма острова Пасхи.

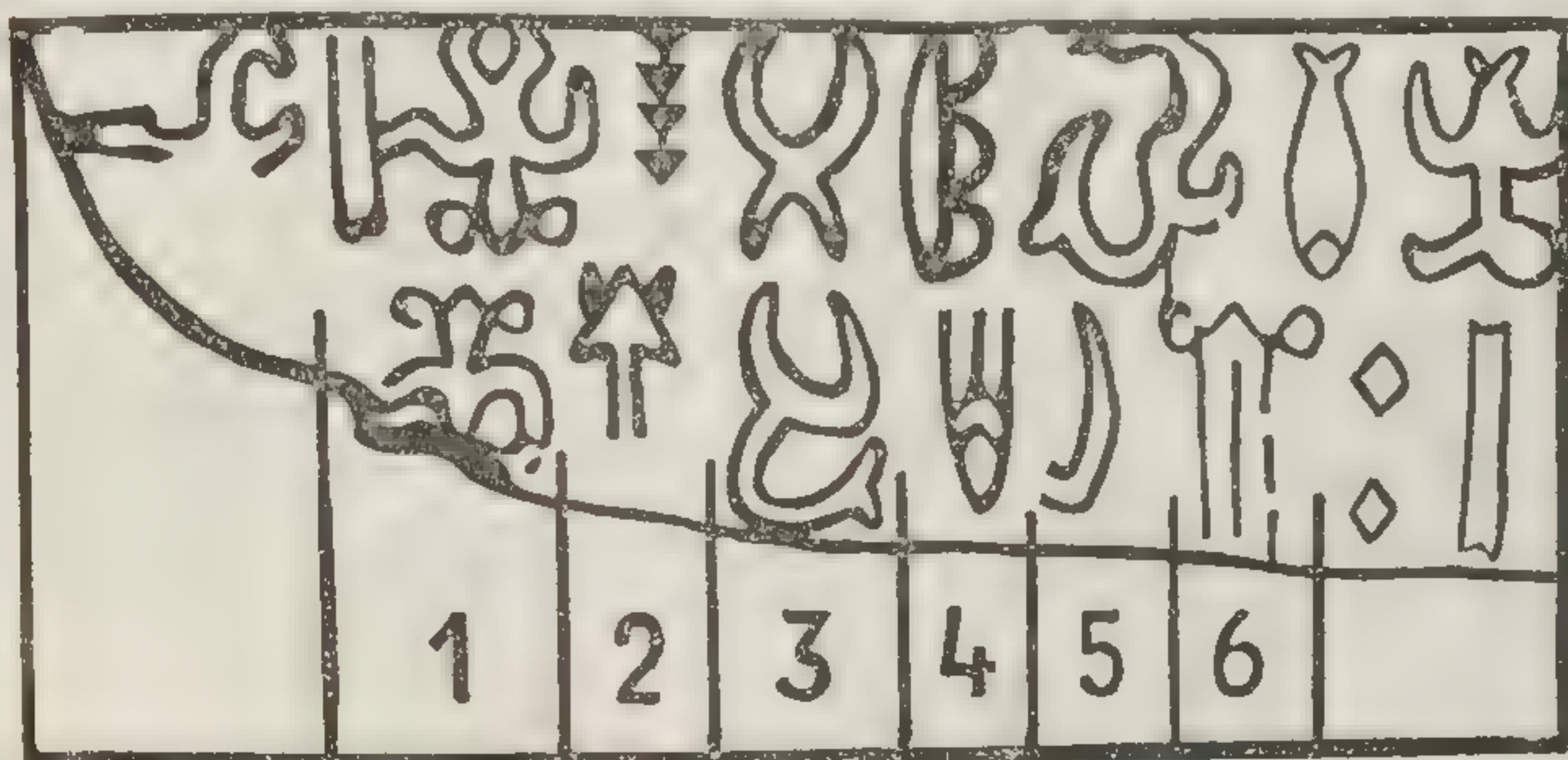

Рис. 94. «Ронго, господин неба и земли, который создал свет» — начало надписи на табличке с острова Пасхи. Перевод по Томасу Бартелю: 1 — господин; 2 — неба; 3 — Ронго (имя бога); 4 — земли; 5 — сделал; 6 — свет

Предположение о прямой или даже косвенной связи обеих письменностей наталкивается на почти непреодолимые препятствия, и «лучше делает тот, кто, не помышляя о разных сверхъестественных связях, принимает к сведению внешнее сходство обеих письменностей как простую игру случая»¹.

Начнем, так сказать, с «демаскирования» самого на первый взгляд убийственного аргумента. На рисунке 93 сопоставлены и сравнены всего 48 знаков обеих письменностей, но даже и сотня знаков, набранных для этой цели творцом теории родства В. фон Хевеси², представляет довольно неболь-

¹ J. Friedrich, *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*. S. 140; русск. пер.: И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков*, стр. 167.

² W. von Hevesy, *Osterinselschrift und Indusschrift*, — «Orientalistische Literaturzeitung», 1934.

шую часть общего числа письменных знаков острова Пасхи, а именно — одну пятую. Кроме того, для сопоставления привлекаются все знаки, которые хоть как-нибудь подходят для сравнений. Это иногда бывает довольно рискованно с научной точки зрения, так как в результате получается искусственный подбор знаков без учета частоты их употребления и типических форм отдельных знаков; а там, где в целях доказательства приходится обращаться к вариантам, встречающимся редко или совсем в единичных случаях, подобное сравнение теряет свою убедительность.

Но даже если безоговорочно согласиться с наличием внешнего сходства, то и этим еще совершенно не решается вопрос о значении и звучании знаков. Особенно плохо поддается аргументации такой получивший широкое распространение, такой доступный и столь понятный рисуночный знак, как знак для обозначения мужчины, человека. Ведь чем более он стилизован, тем меньше он допускает различных возможных толкований: «две ноги, две руки, вверху голова!» — ведь это в конце концов так же относится к Северным областям, как и к экватору; и знак выглядит всегда или наподобие этого!

И уж совсем невероятной становится любая связь перед лицом колоссального расстояния во времени и пространстве, отделяющего обе письменности. В середине XIX века нашей эры угасло употребление и знание письменности острова Пасхи, а за 2500 лет до нашей эры процветала письменность долины Инда! Здесь огромная пропасть в 4500 лет! Если даже отнестись благосклонно к самым последним, не подтвержденным еще сообщениям, согласно которым древность письма острова Пасхи следовало бы исчислять в 1000 лет, то и тогда остается промежуток в три с половиной тысячелетия. Ученые ищут пути и для преодоления другой главной трудности, с которой пришлось столкнуться теории родства, — географической удаленности. Однако различного рода предположения, призванные помочь делу, не могут пока еще привлечь на свою сторону непредубежденных наблюдателей.

Если и не письменность долины Инда, то во всяком случае знаки письмен «говорящего дерева», вероятно, уже в недалеком времени созреют для окончательного и вполне убедительного прочтения. Вот уже многие месяцы Томас Бар-

тель находится на острове Пасхи, и он выведает у всех, кто загадал нам эти загадки — у «говорящего дерева», у пещер и наскальных рисунков и, наконец, у известных ныне всему миру каменных идолов Арики и Мохай, — тайны маленького тихоокеанского острова.

*   *

Немалое путешествие проделали мы от берегов Нила до берегов затерянного в океане островка. Немало стран и народов пронеслось перед нашим взором: Шумер и остров Миноса, Вавилон и гробницы этрусков, Египет и долина Инда, Ассирия и древние тюрки — таковы основные этапы этого необозримого пути сквозь время и пространство. А сколько еще осталось в стороне! Здесь и восточная часть Средней Азии с ее захватывающими находками, и Дальний Восток, родина и колыбель ни с чем не сравнимой культуры письменности и особой манеры письма. Здесь и угрюмые физиономии древнеамериканских иероглифов, остатков доколумбовой культуры, и Северная и Внутренняя Африка, и, наконец, Южная Аравия, жаркие пески которой напоены кровью отважных исследователей, искавших здесь надписи или просто следы письменности — «матери говорящих и отца мудрых», по выражению одной шумерской пословицы.

Но пока довольно: *non multa, sed multum*, — говорили римляне.

Следуя этому славному изречению, и мы отнюдь не стремились забивать читателю голову мешаниной из систем и знаков. Мы хотели, чтобы отобранные нами немногие, но наиболее яркие для нас, европейцев, примеры из истории культуры осветили путь к познанию того чуда, которое воплотилось в этих знаках, чтобы они позволили заглянуть в тот неисчерпаемый источник доходов, куда человеческий дух вложил самые ценные свои сбережения. Дар речи, язык, отличает людей от животных и высоко возносит их над прочими созданиями земли. Но сам язык — это еще только дух, порожденный человеческим духом, его голос. Неуловимый, не хранимый никем, разносился он и гас, и так продолжалось до тех пор, пока изящный сосуд — письменность — не обеспечил его сохранность и существование в течение поколений.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1.	Инка Тупак Юпанги слушает донесение одного из своих наместников (который читает его по кипу).	25
Рис. 2.	Вампум Пенна племени лени-ленапе.	27
Рис. 3.	«Ароко» небу (севернее Лагоса, Нигерия).	28
Рис. 4.	Наскальный рисунок из пещеры Пасьега.	30
Рис. 5.	Отдельные изображения из «счета зим» племени «Одинокая собака».	32
Рис. 6.	Прошение семи племен североамериканских индейцев, направленное конгрессу США.	33
Рис. 7.	Юскагирское любовное «послание».	34
Рис. 8.	Развитие шумерской письменности от древнейших пиктографических знаков к клинописи.	38
Рис. 9.	Иератическое письмо папируса Эберса и его иероглифическая транскрипция.	40
Рис. 10.	Слоговая японская письменность катакана в ее развитии от обычного китайского письма.	43
Рис. 11.	Древнесемитский алфавит.	45
Рис. 12.	Греческие алфавиты и их эволюция после заимствования знаков финикийского письма.	47
Рис. 13.	Эволюция алфавитов от египетских иероглифов до римских букв.	49
Рис. 14.	Афанасий Кирхер.	55
Рис. 15.	dd-jn Wšjr «Осирис говорит».	56
Рис. 16.	Императорский титул «автократор», записанный иероглифами.	57
Рис. 17.	Готтфрид Вильгельм Лейбниц.	62
Рис. 18.	Картуш с именем Птолемея.	70
Рис. 19.	Картуш с именем Береники.	71
Табл. I.	Скарабей с египетской иероглифической надписью, упоминающей о вступлении в брак фараона Аменхотепа III.	80
Табл. II.	Карнак. Обелиск Тутмоса I.	81
Рис. 20.	Эволюция египетского письма.	85
Рис. 21.	Разбор имени Птолемея по Шампольону.	86
Рис. 22.	Картуш Клеопатры и разбор содержащихся в нем иероглифов.	88
Рис. 23.	Имя «Александр» (а), титул «автократор» (б), имена «Тиберий» (в), «Домициан» (г), «Германик» (д) и «Траян» (е), записанные иероглифами.	88
Рис. 24.	Египетские детерминативы.	89
Рис. 25.	Иероглифически написанное имя Рамсеса.	90
Рис. 26.	Иероглифически написанное имя Тутмоса.	91
Табл. III.	Карнак. Обелиск царицы Хатшепсут.	96

Табл. IV. Эхнатон и Нефертити	97
Рис. 27. Египетские иероглифы, обозначающие конкретные предметы.	98
Рис. 28. Египетские идеограммы, изображающие зрительно воспринимаемые действия.	99
Рис. 29. Египетские иероглифы, выражающие абстрактные понятия.	99
Рис. 30. Египетское иероглифическое письмо.	100
Рис. 31. Двусогласные фонетические знаки.	101
Рис. 32. Египетский «алфавит».	102
Рис. 33. Мероптские алфавиты (иероглифический и демотический) и мероптская надпись.	104
Рис. 34. Наиболее употребительные детерминативы.	105
Рис. 35. Египетский иероглифический текст: бог Амон Ра обращается к фараону Тутмосу III (1504—1450 гг. до н. э.).	106
Табл. V. Клинопись.	112
Табл. VI. Зиккурат из Чонга-замбиль. Клинописная надпись.	113
Табл. VII. Гандж-наме.	113
Рис. 36. Клинописные знаки, опубликованные Пьетро делла Валле.	113
Рис. 37. Слово «царь» в древнеиранской клинописи.	125
Рис. 38. Надписи на древнеперсидском языке Дария I и Ксеркса.	127
Табл. VIII. Бехистун. Высеченный в скалах рельеф Дария I.	128
Табл. IX. Дарий I.	129
Рис. 39. Надписи Дария I и Ксеркса, как их читают и переводят в настоящее время.	130
Рис. 40. Древнеперсидский клинописный алфавит.	144
Рис. 41. Новозамский клинописный текст из Бехистунской надписи с транскрипцией и переводом.	150
Рис. 42. Надпись Ксеркса на древнеперсидском и вавилонском языке с транскрипцией и переводом.	153
Рис. 43. Чередование слоговых знаков в комплексном и «томаном» написании.	156
Рис. 44. Два знака, которые можно было использовать как идеограммы, детерминативы и слоговые знаки.	157
Рис. 45. Полифонические слоговые знаки.	158
Рис. 46. Оттиск печати царя Нарам-Сина на кирпиче, найденном в Ниппуре (2270—2233 гг. до н. э.).	169
Рис. 47. Древнешумерские идеографические формы клинописных знаков.	171
Рис. 48. Комбинированные рисуночные знаки.	171
Рис. 49. Монументальная надпись на древнеаккадском языке.	172
Рис. 50. Шумерские знаки, являющиеся одновременно идеограммами и слоговыми знаками.	173
Рис. 51. Шумерские идеограммы «отец» и «земля», «гора».	173
Рис. 52. «Страна» в смешанном написании.	176
Рис. 53. Слова, определенные детерминативами.	190
Рис. 54. Оттиск печати Таркумувы.	193
Рис. 55. Фонетическое чтение печати Таркумувы.	193
Рис. 56. Иероглифический знак «я» в египетской и хеттской иероглифической письменности.	196
Рис. 57. Название города Каркемыш, написанное хеттскими иероглифами.	198
Рис. 58. Начало текстов двух каркемышских надписей.	208
Рис. 59. Имя «Варпалавас», написанное хеттскими иероглифами.	235
Рис. 60. Хеттские иероглифические и клинописные печати.	238
Рис. 61. Часть билингвы из Каратепа.	238

Рис. 62.	Пиктографическая надпись из Каркемышя.	243
Рис. 63	Хеттские иероглифические знаки, обозначающие слова «солнце» и «бог».	244
Рис. 64.	Топоры с выгравированной угаритской надписью.	261
Рис. 65.	Алфавит Рас-Шамры.	264
Рис. 66.	а — Стела с гублской надписью, б — Бронзовая табличка, покрытая гублскими письменами.	271
Рис. 67	Список графических гублских знаков.	273
Рис. 68.	Оборотная сторона бронзовой таблички из Библа.	275
Рис. 69.	Финикийско-кипрская билингва. Документ из Идалейона.	282
Рис. 70	Знаки кипрского слогового письма.	290
Рис. 71.	Кипро-минойские графические знаки.	291
Рис. 72.	Четырехсторонняя сердоликовая печать с острова Крит («из Спарты»).	294
Рис. 73	Некоторые из опознанных Эвансом критских иероглифов.	296
Рис. 74.	Критские таблички из Кносса: а — линейное письмо А; б — линейное письмо Б.	299
Рис. 75.	1 — Табличка «боевой колесницы» из Кносса. 2 — Некоторые идеограммы крито-микенского письма.	300
Рис. 76.	Тройные группы Алисы Кобер.	304
Рис. 77.	Экспериментальное уравнение.	306
Рис. 78.	«Сетка», Вентриса, заполненная к февралю 1952 г.	312
Рис. 79.	Основная таблица слоговых знаков (взято из «Evidence»)	318
Рис. 80	Инвентарная табличка из Пилоса.	319
Рис. 81.	Микенский силлабар по книге Вентриса и Чэдвика «Documents in Mycenaean Greek».	322
Рис. 82.	Знаки, написанные чернилами на внутренней стороне кубка из Кносса	325
Рис. 83.	Маленькая глиняная табличка с надписью линейным письмом А, найденная в Агна-Триаде.	326
Рис. 84	Иероглифический инвентарный список из Феста.	327
Рис. 85	Знаки, изображенные на фестском диске.	328
Рис. 86а.	Фестский диск. Лицевая сторона.	329
Рис. 86б.	Фестский диск. Оборотная сторона.	330
Рис. 87.	Рунический алфавит древних тюрков.	351
Табл. X	Хеттская иероглифическая надпись из Хаматы.	352
Табл. XI	Финикийская надпись.	353
Табл. XII	Табличка с острова Крит.	353
Рис. 88.	Руническая надпись на древненевенгерском языке из Стамбула.	356
Рис. 89.	Рунические знаки древненевенгерского языка в сравнении с древнетюркскими рунами, греческими буквами и глаголицей.	358
Рис. 90.	Этрусский алфавит.	363
Рис. 91	Свинцовая табличка из Мальяно (вверху); бронзовая печенка из Пьяченцы (внизу).	366
Табл. XIII	Скульптура с острова Пасхи.	368
Табл. XIV	Надпись майя.	369
Рис. 92	Протоиндийские надписи на печатях.	372
Рис. 93.	Сравнительная таблица графических знаков из долины Инда и с острова Пасхи.	378
Рис. 94.	«Ронго, господин неба и земли, который создал свет», — начало надписи на табличке с острова Пасхи.	381

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
I. Кое-что о письменности. Вместо введения	20
II. Загадка Сфинкса. Дешифровка египетской письменности	51
III. Ахурамазда помог мне. Дешифровка древнеперсидской клинописи	103
IV. Куда ни кинь, всюду клин! Дешифровка месопотамских клинописей	146
V. Клин и рисунок в стране Хатти. Объяснение языка хеттских клинописных табличек и дешифровка хеттских иероглифических надписей	180
VI. «Укропный мыс» в «Белой гавани» и Губла, город бумаги. Дешифровка угаритского и гублского языков	248
VII. О богах и торговцах. Дешифровка кипрского слогового письма	279
VIII. Боевая колесница и кубок. Дешифровка крито-микенского линейного письма Б	293
IX. Принц Кюль-тегин, Бильге-каган и мудрый Тоньокук. Дешифровка древнетюркской рунической письменности	332
X. Завтрашний день дешифровки. Письменность этрусков, долины Инда и острова Пасхи	361
Список иллюстраций	384

Эрнст Добльхофер

ЗНАКИ И ЧУДЕСА

Рассказы о том, как были дешифрованы
забытые письмена и языки

*Утверждено к печати
редакционным советом востоковедной
литературы при Отделении
исторических наук АН СССР*

Редактор издательства Н. Н. Михина
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Е. А. Мамиконян и И. Г. Морская

Сдано в набор 4/XI 1962 г.
Подписано к печати 24/VI 1963 г.
Формат 60 × 84 1/2. Печ. л. 24,25 + 3 нак. 0,75 п. л.
Усл. п. л. 22,82 Уч.-изд. л. 23,88
Тираж 30 000 экз. Зак. 1543
Цена 1 руб.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Отпечатано в тип. Связьиздата. Зак. 429

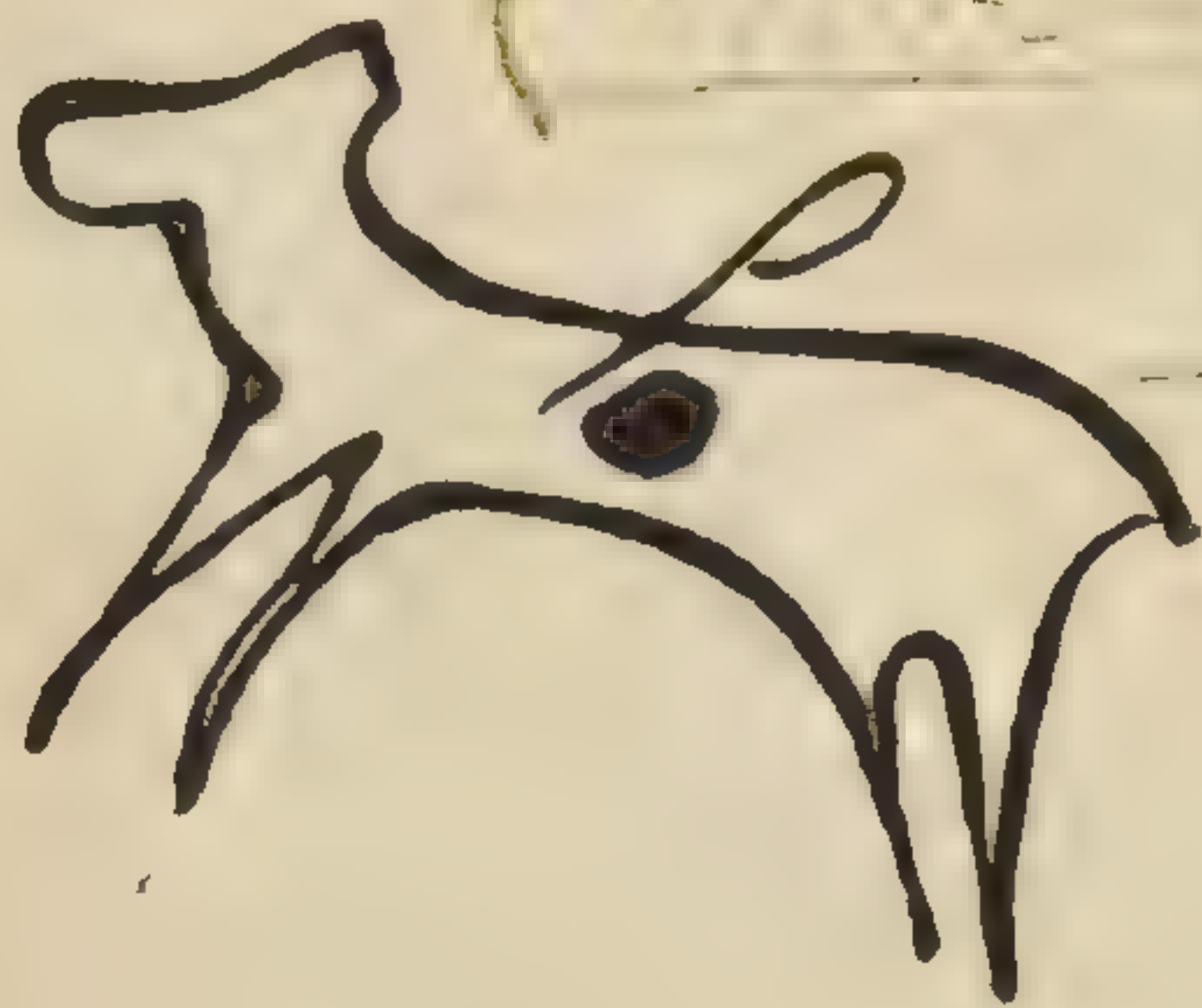

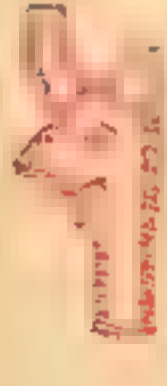

ЦЕНА 1 руб.

Handwritten text in Cyrillic script, arranged in several lines, possibly a list or a record. The text is faint and difficult to read.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

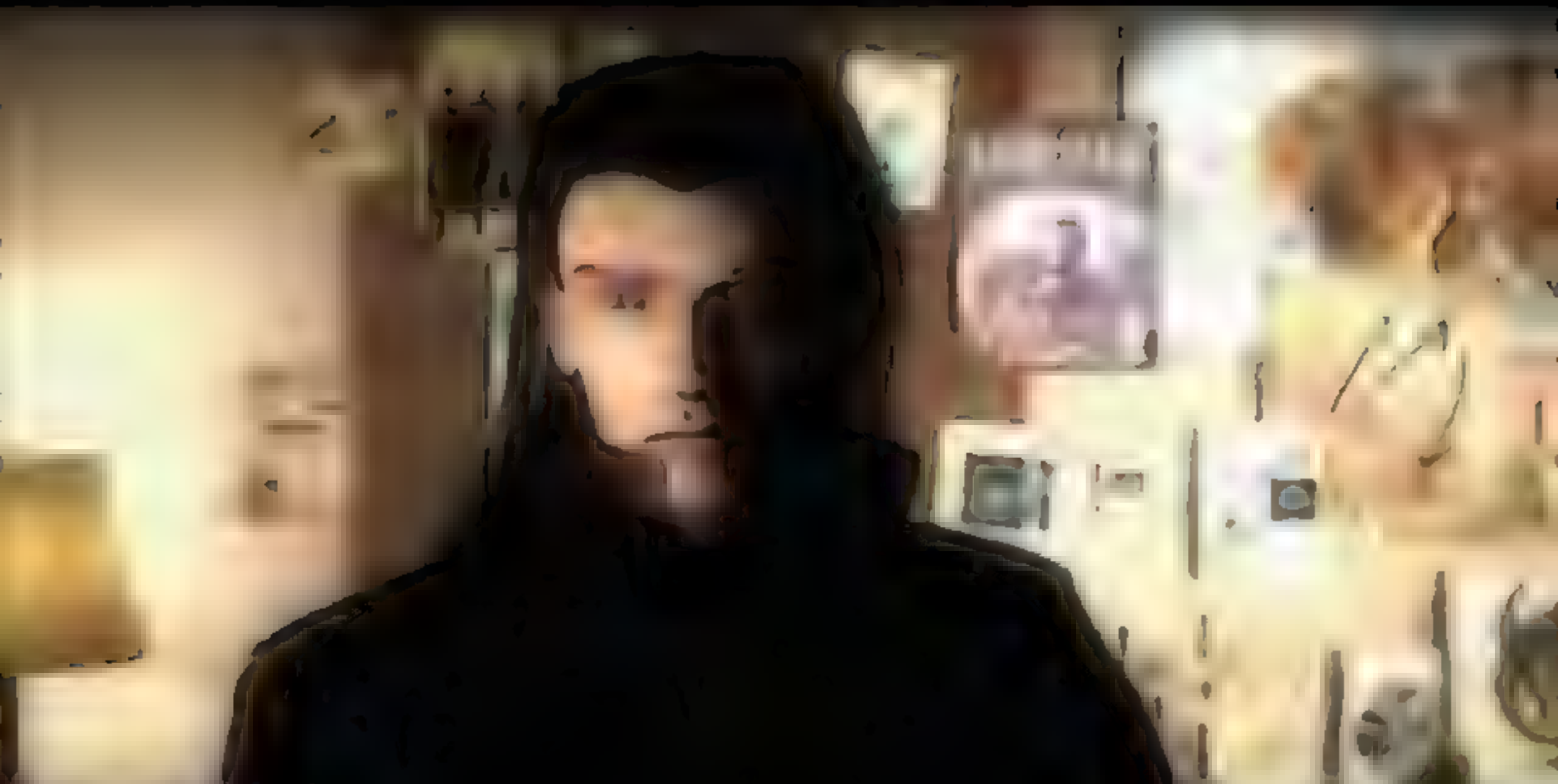
13

14

Dfactor

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в
раздел "Параметры".

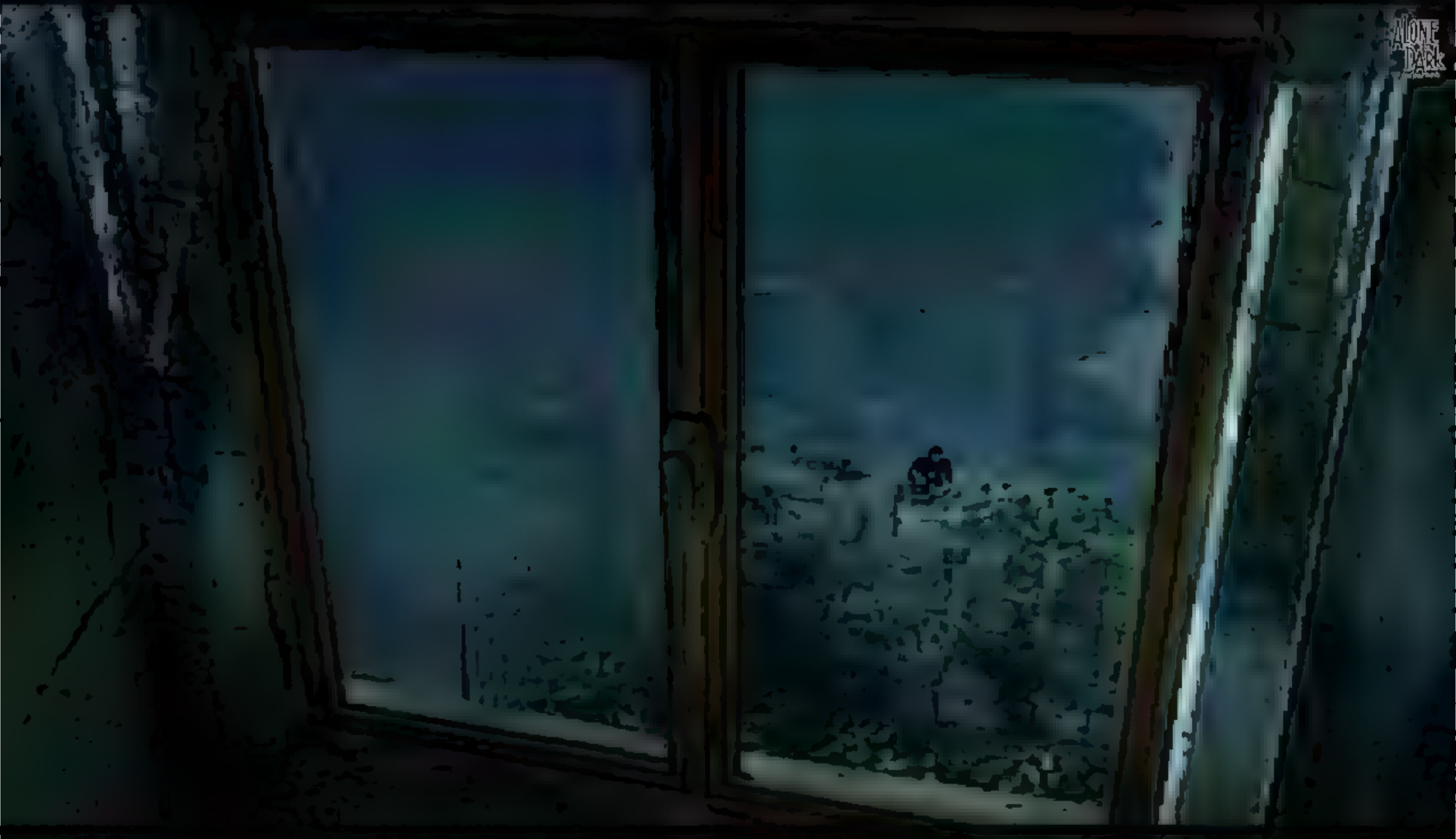

ALONE
DARK
THE FIRST SEASON

ALONE
IN THE
DARK

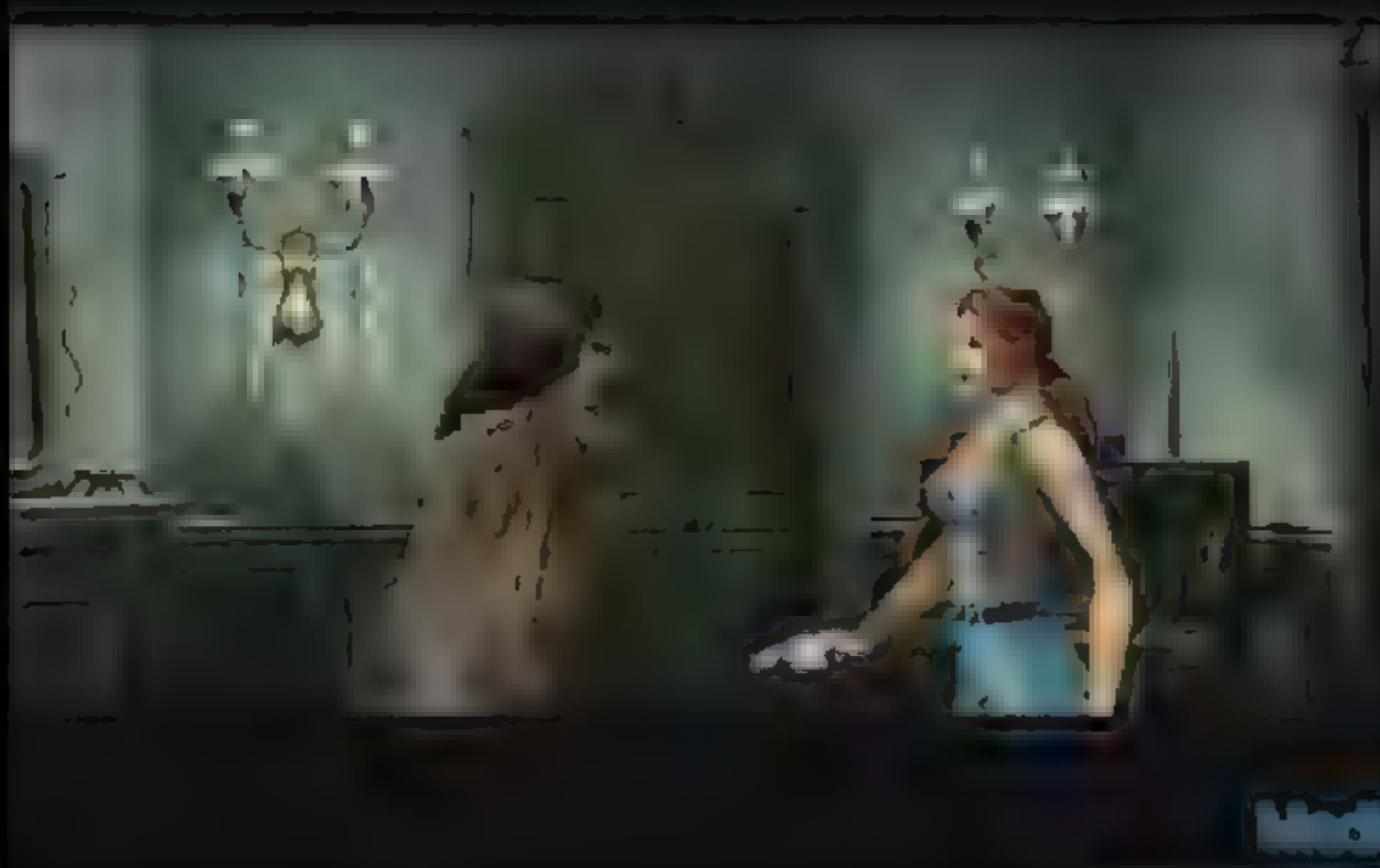
ALONE
LIFE

Media Pool

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в
раздел "Параметры".

Активация Windows

Чтобы активировать Windows, перейдите в раздел "Параметры".

2:21:46 / 2:43:09 • The Abkanis fortress >

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.